

САХАРА
И СУДАН

Т. Максимов

Т. Максимов

САХАРА И СУДАН

Г. Нахтигаль
**САХАРА
И СУДАН**

*Результаты
шестилетнего
путешествия
в Африке*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

ББКл 8
Н34

G. Nachtigal
SAHARA UND SUDAN
Ergebnisse sechsjähriger Reise in Afrika.
Theil 1—3. Berlin, 1879—1889.

Перевод с немецкого
Г. А. МАТВЕЕВОЙ

Ответственный редактор
Л. Е. КУББЕЛЬ

Г. Нахтигаль

Н34 Сахара и Судан: Результаты шестилетнего путешествия по Африке: Пер. с нем. — М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

306 с. с карт

Сокращенный перевод путевых заметок немецкого путешественника Густава Нахтигаль, совершившего в 1869—1879 гг. несколько экспедиций по странам Центрального Судана (бассейн оз. Чад). Нахтигаль побывал в Борну и Канеме (странах, расположенных к юго-западу и северо-востоку от озера), а в 1872 г. первым из европейцев посетил Багирми в низовьях р. Шари. В записках Нахтигаль содержатся интересные наблюдения политической, хозяйственной и культурной обстановки в этой слабо изученной части Африки в канун колониального раздела континента.

Н 1905020000-012 150-87
013(02)-87

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История складывания в европейских странах наших нынешних представлений о географии Африканского континента, о населяющих его народах не может считаться «обделенной» вниманием отечественной литературы. Советскому читателю хорошо известны имена М. Парка, Д. Ливингстона, Г. Стенли: их книги о проделанных путешествиях не раз выходили на русском языке. Писали у нас и о таких исследователях, как Х. Клаппертон, Д. Денэм или братья Р. и Дж. Лэндеры, А. Лэнг или В. Камерон. И все же далеко не все из тех, кто на протяжении XVIII—XIX вв. составлял и уточнял географическую карту Африки, представлены в наших публикациях. А ведь многие из них заслуживали бы большего внимания — кто просто результатами своих работ, а кто еще и своими личными чертами.

Конечно, такие предприятия, как обнаружение истоков Нила, Нигера и Конго или пересечение Африканского континента на разных широтах от одного океана до другого, более выигрышны с точки зрения привлечения читательского интереса. Не приходится и отрицать, что географические исследования не раз оказывались прелюдией колониальных захватов. Но тем не менее и не столь «броские» экспедиции требовали от их участников незаурядного мужества, выносливости и целеустремленности, а среди европейских путешественников не так уж мало было людей, искренне убежденных в чисто научном и даже «цивилизаторском» характере своих экспедиций. К тому же надо иметь в виду и то, что время менялось очень быстро: обстановка 50-х годов прошлого века была совсем не похожа на обстановку 70-х, когда европейский капитализм уже вступил в империалистическую стадию своего развития и подготавливал колониальный раздел Африки. А вместе со временем менялись и люди, причем нередко изменялось отношение к своей деятельности одного и того же человека: начав как объективный исследователь, он завершал карьеру активным колониальным администратором. Так было, например, с британским путешественником Камероном, так произошло и с автором того труда, выдержки из которого предлагаются вниманию читателей, — немцем Густавом Нахтигалем.

Шестилетнее путешествие Нахтигала по Центральному и Восточному Судану в определенном смысле завершало изучение обширного района, прилегающего к оз. Чад. Эта часть Африки привлекала внимание европейцев еще на рубеже XVIII и XIX вв., и ко времени появления Нахтигала здесь успели уже побывать такие крупные экспедиции, как британская экспедиция У. Аудли, Х. Клаппертон и Д. Денэма, а за полтора десятилетия до начала путешествия немецкого исследователя в бассейне Чада несколько лет работал его соотечественник, один из крупнейших исследователей истории, культуры и языков Африки, Г. Барт. Но и после них оставались необследованными обширные области к северо-востоку от озера и к востоку от него. Это-то «белое пятно» на карте Африки и ликвидировал Нахтигаль, который первым из европейцев сумел, начав свой маршрут в Триполи (обычном в тот период исходном пункте экспедиций в Судан), завершить его в Эль-Обейде на берегу Нила.

Густав Нахтигаль родился в 1834 г., и до начала 60-х годов его карьера военного врача в прусской армии протекала так же, как и у многих его сверстников, не давая оснований пророчить ему будущее крупного путешественника и незаурядного исследователя — географа, этнографа, языковеда. Но в 1861 г. болезнь легких заставила его сменить климат Кёльна, где протекала его служба, на более здоровый климат Средиземноморья. Выйдя в отставку, Нахтигаль отправился в Алжир, но после недолгого пребывания там перебрался в Тунис и здесь поступил на службу к местному бею — сначала как военный, а затем и как придворный врач. На этой службе Нахтигалю пришлось приобрести некоторый опыт путешествий по глубинным областям Африки, участвуя в карательных походах армии бея против мятежных арабских племен.

Но в 1868 г. произошла встреча, которая круто изменила судьбу придворного медика. В Тунис прибыл по пути в Александрию уже известный к тому времени немецкий путешественник Г. Рольфс, который в 1865—1867 гг. пересек Северную Африку и Западный Судан от Триполи до Лагоса, а в 1867—1868 гг. побывал в Эфиопии. К этому времени прусское правительство начало, довольно, впрочем, робко, проявлять интерес к торговле с Африкой и, значит, к ее изучению (двумя десятилетиями раньше оно не оказало ни малейшей помощи Барту, обосновывая это полной нецелесообразностью для Пруссии заниматься африканскими делами). Рольфс вез с собой дары прусского короля правителю центральносуданского государства Борну. Эти-то дары он и предложил доставить по назначению своему соотечественнику Нахтигалю; тот охотно принял предложение.

В январе 1869 г. Нахтигаль выступил из Триполи, направляясь на юг, в Феццан. Эта часть путешествия прошла без всяких происшествий, и скоро путешественник оказался в Мурзуке, столице этой области. Здесь ему пришлось задержаться: двигаться через Сахару можно было только в составе крупного каравана, а его формирования надо было ожидать не раньше, как через полгода.

Нахтигаль решил использовать время ожидания в Мурзуке для начала серьезных исследований. В качестве их объекта он избрал нагорье Тибести, лежащее к юго-западу от Феццана. Дело в том, что хотя Мурзук к этому времени и стал достаточно обычным пунктом остановки европейских экспедиций, направлявшихся в Судан, однако дальнейший маршрут всех этих экспедиций шел от Мурзука прямо на юг, и Тибести оставалось восточнее его. Именно так двигались Барт за два десятилетия до путешествия Нахтигала и Рольфс — за два года до него. Таким образом, Нахтигаль стал первым европейцем, достигшим Тибести. И уже во время этой экспедиции он обнаружил те качества внимательного и даже педантичного наблюдателя, которые в дальнейшем отличали все его отчеты о пройденных маршрутах. Путешественник достиг высоты 3000 м и подготовил самую первую, еще схематичную, карту нагорья. Пожалуй, особенный интерес, с научной точки зрения, представляли наблюдения Нахтигала за огромными температурными перепадами в исключительно суровых природных условиях Тибести. Здесь же Нахтигаль впервые во время экспедиции познакомился с теда — частью сахарского народа тубу, населяющей нагорье.

Впрочем, это знакомство не оставило у него приятных воспоминаний, и впоследствии, во время путешествия в Канем, он напишет об ужасах «рокового путешествия» в Тибести. Уже на обратном пути в Мурзук его небольшой отряд подвергся нападению, и Нахтигаль был ограблен. В довершение несчастья как раз в этот момент он перенес тяжелейшую лихорадку. И все же первый научный маршрут можно было считать несомненной удачей, что подтвердила высокая оценка его результатов, которые были опубликованы в Париже в 1870 г.

В этом же году Нахтигаль беспрепятственно достиг столицы Борну — города Кукава (Кука), вручил королевские подарки правителю страны — шейху Омару, и на том его официальная миссия завершилась. Однако он решил задержаться здесь на какое-то время, дабы обследовать главным образом районы к востоку и северо-востоку от оз. Чад, в которые еще не проникали европейцы. Более всего интересовало его государство Вадаи, лежавшее между этими районами и Дарфуром. Эти планы вылились в несколько отдельных экспедиций, базой которых служила Кукава. В 1871 г. состоялась экспедиция в Канем — провинцию Борну к северо-востоку от озера; во время этой экспедиции Нахтигаль, двигаясь с арабскими караванами, достиг впадины Боделе к югу от Тибести. На следующий год он побывал в областях к югу и юго-востоку от Чада, в нижнем течении р. Шарн, т. е. в государстве Багирми. Наконец, в 1873 г. он получил возможность двинуться к столице государства Вадаи—Абеше. В Вадаи он провел целый год и только в августе следующего года достиг города Эль-Обейд на территории Восточного Судана, откуда спустился по Нилу до Средиземного моря.

Время, в которое Нахтигаль оказался в Центральном Судане, меньше всего можно было назвать спокойным. Непрерывные военные столкновения между Борну и Вадаи, Вадаи и Багирми, напряженные отношения между Борну и фульбским султанатом Сокото на западной границе — все это создавало обстановку неуверенности и разрухи. К 70-м годам XIX в. и Борну, и Вадаи, и Багирми уже прошли высшую точку своего развития, вступив в полосу упадка. Ослабление центральной власти сопровождалось постоянными династическими усобицами, в которые охотно вмешивались соседи, поддерживая тех или иных претендентов на верховную власть. К этому добавлялось резко усилившееся давление со стороны арабских племен, численность которых в регионе заметно возросла: шейх Мухаммед ал-Канеми, основатель новой династии в Борну, в 20-х годах XIX столетия пригласил сюда из Феццана довольно многочисленные арабские племена, на которые в значительной мере опирался в своей политике. От пришельцев плохо приходилось и оседлому населению, и кочевникам-неарабам. Помимо обычных форм эксплуатации кочевниками земледельцев оазисов широчайшее распространение получили и набеги, которые часто (но совсем не обязательно) рассматривались в качестве войны с неверующими или «плохими» мусульманами. Взаимное ослабление центральносуданских государств косвенно подготавливало успехи французских военных колонн впоследствии, когда начался колониальный раздел континента.

Нахтигаль в своих записках весьма полно и достаточно объективно засвидетельствовал такое положение дел. Больше того, он, так же как и его предшественники Барт и Рольфс, проявил живой интерес к истории тех стран, в которых ему удалось побывать. Он подробно излагает историю прихода к фактической власти в Борну шейха ал-Канеми, пытается разыскать борнуанские хроники, слухи о которых до него доходят, изучает знаменитый «Диван» (царский список) государей Борну, который и по сие время служит одним из главных источников для историков, занимающихся прошлым народов Центрального Судана. Крупную научную и практическую ценность имели географические и метеорологические результаты исследований путешественника. Здесь следует подчеркнуть особую заслугу Нахтигалья: он не имел специальной естественнонаучной подготовки, за исключением медицинской. Однако целеустремленность, наблюдательность и упорство сделали из него первоклассного натуралиста, и собранные им материалы этого рода не уступали по качеству тем, которые собирали до и после него ученые-естественники, побывавшие в тех же краях.

Существенный интерес представляет то, как Нахтигаль оценивал культуру и поли-

тический строй тех народов, с которыми ему пришлось иметь дело. Как уже сказано, он был достаточно объективен. Конечно, как и практически все европейские путешественники, он испытывал раздражение, сталкиваясь с такими особенностями местной жизни, как весьма отличное от европейского представление африканцев о времени или негостеприимное отношение, с каким ему иной раз приходилось встречаться. Впрочем, в последнем случае он склонен был проявлять понимание того, что такое отношение в конечном счете определяется горьким историческим опытом людей, живших в обстановке почти непрерывной войны. А в целом его отношение, скажем, к тем же борнуанцам отличали и уважение, и умение видеть трудолюбие и предприимчивость этих людей, и умение высоко ценить дружественные отношения с ними. Больше того, Нахтигаль мог подняться до того, чтобы резко разграничить развращенную и алчную борнуанскую военную и придворную знать и простых крестьян и ремесленников. В его записках очень редко можно встретить с тем высокомерно снисходительным взглядом на африканцев, который в то время был характерен для британских современников Нахтигалья (за исключением Ливингстона). И примечательно, что такие редкие примеры почти все относятся к сахарским кочевникам.

Но одновременно с этим путешественник не переставал быть сыном своего времени и своего класса. Он, например, не считал зазорным обратиться к шейху Омару с просьбой подарить ему невольников, которые были ему нужны для путешествия в Багири. И вообще Нахтигаль старался как бы держаться нейтралитета в суждениях о работорговле — и это тоже отличало его от британцев. Правда, можно, конечно, задаться вопросом, не симпатичнее ли чисто прагматический подход Нахтигалья к этому больному для стран Центрального Судана вопросу, чем зачастую лицемерное возмущение британских путешественников ужасами работорговли, за которым неизменно следовал вывод о необходимости «цивилизации» Африки путем установления британского влияния. Нахтигаль же, хотя и говорил о приобщении к цивилизации, но склонялся скорее к мысли о том, что такое приобщение не должно нарушать, как он выражался, естественный ход вещей (во всяком случае, такое мнение зафиксировано в записках об экспедиции 1869—1875 гг.).

Не чурался Нахтигаль и участия в военных набегах, прекрасно зная при этом, что одним из главных результатов их всегда бывает захват невольников. Впрочем, здесь он тоже не был первым: еще в 1823 г. Денэм по собственной инициативе принимал участие в экспедиции за рабами в страну народа мандара на территории современной Нигерии. Правда, Нахтигаль повезло куда больше, чем предшественнику — тому после неудачи набега пришлось испытать ощутимые неудобства пребывания в плену.

Если попробовать дать общую оценку результатам путешествий немецкого исследователя, то такая оценка может быть только высокой. Нахтигаль впервые познакомил Европу с громадным районом Африканского континента, в котором сосредоточивались важнейшие торговые пути, ведущие на север — к Средиземному морю, и на юг — к дельте Нигера. Его наблюдения отличала большая точность и тщательность фиксации. Наконец, он нарисовал яркую и правдивую картину состояния обществ Центрального Судана в период, непосредственно предшествовавший началу колониального раздела Африки. Это и позволяет предложить отрывки из его записок вниманию нашего читателя. Эти записки были изданы в трех томах в 1879—1887 гг., т. е. публикация их завершилась уже после смерти путешественника в 1885 г.

Как уже говорилось, Нахтигаль сделал успешную карьеру в качестве колониального администратора. По возвращении из африканской экспедиции он был избран председателем Берлинского африканского общества, главной задачей которого была,

если так можно выразиться, научная подготовка будущей германской колониальной экспансии. В 1882 г. возвратившийся на государственную службу путешественник получил назначение на пост германского консула в Тунисе. А в 1884 г. Нахтигаль стал «имперским комиссаром в Верхней Гвинее». В этом качестве он и провозгласил протекторат Германской империи над Того и Камеруном, став, таким образом, первым губернатором этих новых колониальных владений.

Предлагаемый читателю перевод выполнен по упомянутому выше изданию 1879—1887 гг. Для публикации были отобраны разделы, относящиеся к тем областям Центрального Судана и Сахары, которые в наименьшей степени освещены в отечественной литературе. Ввиду насыщенности текста этнонимами и разнообразными титулами и званиями было признано целесообразным вынести такие титулы и звания, а также важнейшие этнонимы из общего корпуса примечаний и объяснить их в самостоятельных перечнях.

Л. Е. Куббель

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАНЕМ И БОРКУ

План нового путешествия и арабы улед-солиман

Известие о военных приготовлениях Вадаи — Таинственные сборы короля Али. — Слухи о его намерениях. — Напряженные отношения между Борну и Вадаи. — Тревога в Куке в ожидании нападения короля Али. — Его война с Багирми. — Прибытие арабов из Канема. — План поездки в Канем и Борку. — Нехватка денежных средств. — Заем у Мухаммеда ат-Титиви. — Поддержка шейха Омара. — Праздник большой байрам, или ид ал-кебир. — Улед-солиман. — Их первоначальное местожительство и подразделения — Военные вылазки Абд ал-Джлиля в Сахару и Судан — Переселение улед-солиман в Борку. — Их закрепление в Канеме — Магарба. — Рекомендательное письмо г-на Гальюффи старейшинам улед-солиман — Приготовления к отъезду.

В начале 1871 г., когда я начал усердно хлопотать об осуществлении своего плана посетить острова озера Чад, в Куку пришло известие, разрушившее этот план и сильно взволновавшее все Борну.

6 января в городе появились двое арабов шоа из племени саламат, жившего оседло в области Котоко. Они принесли тревожные вести из Вадаи, куда ездили продавать верблюдов. Во время их долгого пребывания в Абеше, столице Вадаи, они обратили внимание на необычное оживление в среде тамошней знати, что, без сомнения, свидетельствовало о каких-то военных приготовлениях. Ежедневно в столицу стягивались воины, конные и пешие, вскоре вновь покидавшие ее отдельными небольшими подразделениями. Эти приготовления проходили с той таинственной предосторожностью, которой они обычно там сопровождаются, так что нашим вестникам удалось лишь узнать от своего хозяина и других знакомых, что речь будто бы идет об одной из частых военных экспедиций, направленных против даза Бахр-эль-Газалья. Однако численность выступавшего в поход войска со временем так увеличилась, что оба шоа уже не верили даваемым им объяснениям. Они встревожились и решили как можно скорее вернуться домой. Их тревога возросла еще больше, когда им не разрешили уехать и дали понять через хозяина, что, раз уж они стали свидетелями военных приготовлений, им придется дожидаться их завершения, дабы предотвратить распространение преждевременных слухов по поводу намерений короля. Лишь некоторое время спустя, когда столицу покинул сам король Али со своими сановниками и телохранителями, они получили разрешение на отъезд. Несколько дней они шли за войском, пока оно не свернуло на дорогу,

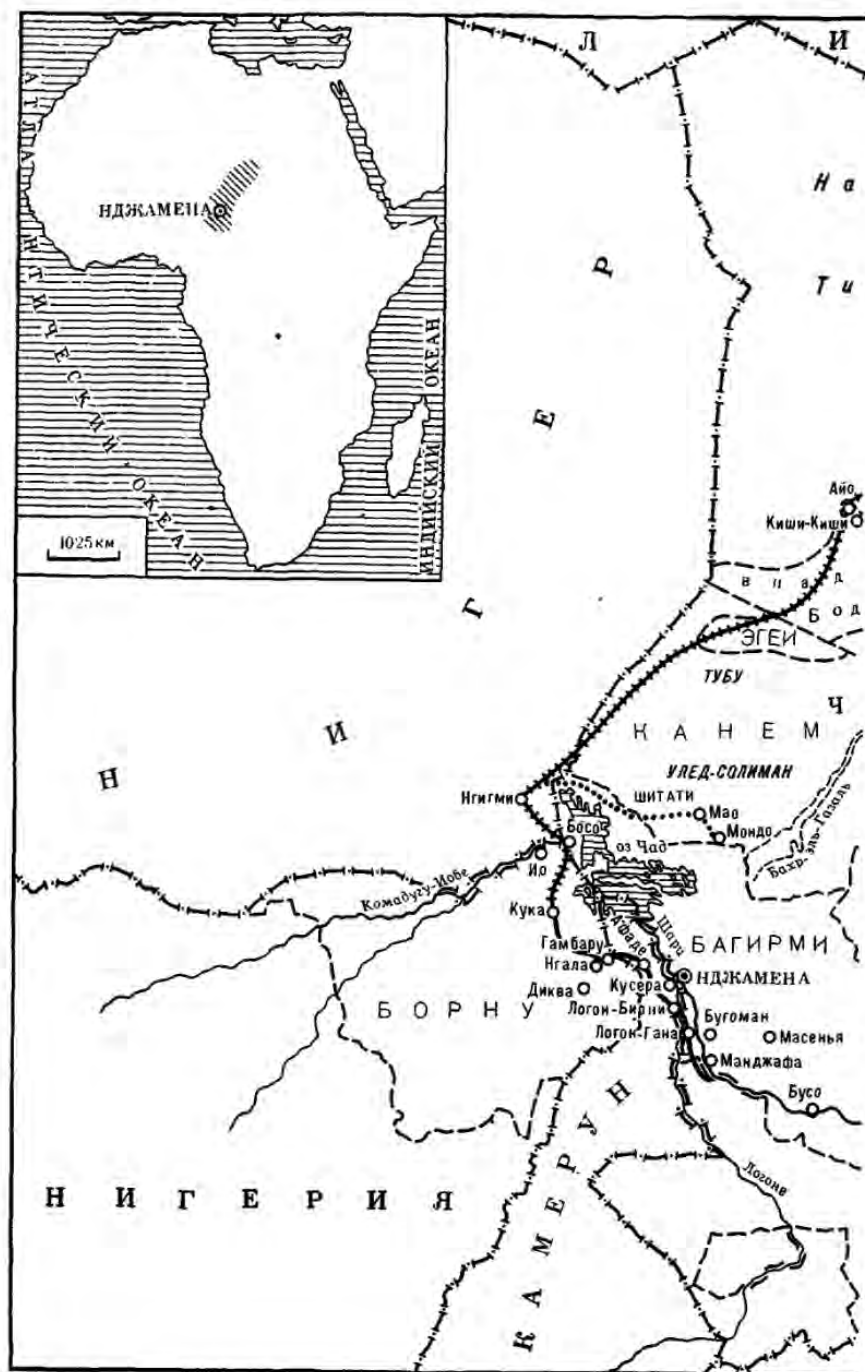
ведущую вдоль реки Бата на запад. После этого по более северной дороге они поспешили к себе на родину.

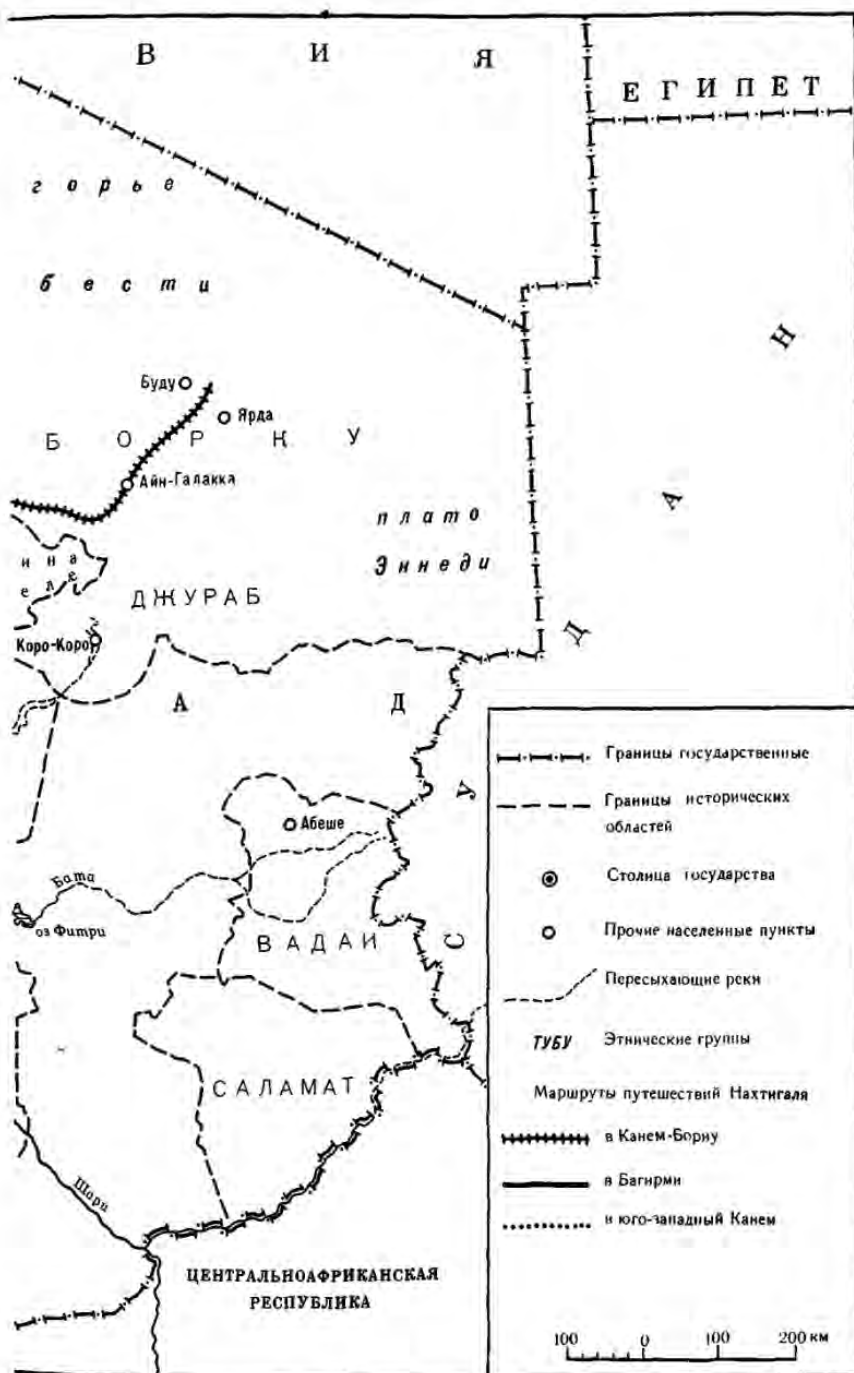
Чтобы доставить столь важные вести в Борну как можно скорее, эти люди проделали путь от Абеше до дома за девятнадцать дневных переходов, тогда как обычному каравану на это требуется целый месяц. Они были убеждены, что слух, распространяемый о походе против даза Бахр-эль-Газала, был выдуман лишь для того, чтобы скрыть более важные планы, и полагали, что военный поход правителя Вадаи был направлен против Багирми. Дело в том, что королю Багирми Мохаммеду была очень не по душе зависимость своей страны от Вадаи, и он давно уже пользовался любой возможностью подразнить и обидеть своего сюзерена. И хотя король Али был человеком весьма рассудительным и думал прежде всего об увеличении богатства своей страны, он в то же время был и очень воинственно настроенным властелином, которому в конце концов надоели строптивые и заносчивые выходки его вассала и соседа, которого он вознамерился наказать.

Эти вести с быстротой молнии распространились по городу, и теперь все только и говорили о военных планах короля Али. Правда, более рассудительные не верили, что он питал враждебные намерения по отношению к Борну, ибо считали его слишком умным, чтобы без настоятельной необходимости прервать проводимые им внутри страны преобразования и начать вне ее борьбу, исход которой все же оставался сомнительным. Однако никто не мог отделаться от некоторого чувства тревоги. С тех пор как отец и предшественник короля Али, Мухаммед Шериф, не имея другого повода, кроме происков одной придворной группы в Куке, надеявшейся с помощью внешних сил вернуть к власти свергнутую династию, 22 года назад напал на Борну и в общем одержал победу¹, отношения между этими соседними странами — и без того прохладные и натянутые после столкновений за Канем (колыбель державы Борну) — приняли почти враждебный характер. Жители Борну, принявшие благодать ислама чуть ли не на пятьсот лет раньше своих соседей, были преисполнены высокомерия культурного народа по отношению к варварам. Последние же, осознав при сильном правлении свою юную мощь и исполненные воинственного духа, презирали затхлую атмосферу и малодушное придворное окружение соседней державы.

Заносчивые и неуживчивые вассалы шейха Омара старались расширить трещину между Борну и Вадаи. Недовольные там и здесь искали повода к интригам и выдумывали или распространяли неприязненные высказывания правителей и сановников. Вот почему, несмотря на противоположное мнение спокойных и рассудительных людей, двор и народная масса были охвачены страхом, как бы тщеславие и воинственное настроение не привели короля Али к открытым враждебным действиям против Борну. Чем более расплывчатыми были возникавшие слухи и сообщения, тем шире распространялось чувство неуверенности и тревоги, особенно в высших кругах.

Известия сначала поступали так редко, что через две недели после прибытия саламат мы все еще не знали, пойдет ли речь о Багирми

Район описываемых в настоящем издании путешествий Нахтигала

или о Борну, присутствует ли лично король Али в своих войсках, дошло ли уже дело до сражений и тому подобное. А ведь расстояние до Масеньи, царской резиденции Багирми, равнялось всего десяти дням пути, который проходил по довольно густо заселенной местности. Достоверным казалось лишь то, что король Багирми Мохаммеду укрылся со своим войском и значительными припасами за стенами столицы в ожидании осады, тогда как верховный военачальник Вадаи, *джерма* Абу Джебрин, дядя короля со стороны матери, занял северную часть страны. Тем, кто считал, что местом предстоящих военных действий будут Бахр-эль-Газаль или Канем, больше уже никто не верил.

Потом известий стало больше, но они были весьма противоречивы. Достоверные сведения поступили лишь в середине февраля от лазутчика, которого шейх Омар после первых же слухов немедленно отправил к королю булала Джурабу, правившему в области Фитри. По сообщению этого гонца, король Али, получив сообщение от высланного вперед своего дяди, Абу Джебрин, о том, что король Багирми не стал искать спасения в бегстве, а вознамерился защищать свою столицу, поспешно выступил туда же. До его прибытия осажденные предприняли две вылазки, причем оба раза пользовались, по-видимому, преимуществом.

Вскоре после появления короля Али на месте военных действий к нему прибыла депутация от города Масенья, которая от имени жителей и короля просила об их прекращении и выразила готовность заплатить большой выкуп. Но тот им ответил, что пришел не для того, чтобы воевать с ними, а хочет лишь наказать их короля, своего вассала, за его заносчивость. Денег и добра ему достаточно оставил его отец, Мухаммед Шериф, поэтому он не нуждается в их сокровищах и покончит это дело миром лишь в том случае, если они выдадут короля Мохаммеду вместе с его главной женой и матерью.

Эти события встревожили все Борну, и в особенности Куку, и вскоре поставили под вопрос мою поездку к кури и будума. Шейх Омар заявил, что не может дать на нее согласия раньше, чем будет восстановлен мир, так как округа Деггена и Азала, откуда должно было начаться мое путешествие по Чаду, недостаточно безопасны. Поскольку о Вадаи также не могло пока что быть речи, я уже стал подумывать о том, чтобы направиться на юго-запад и добраться до западного побережья где-нибудь через область Адамауа, когда передо мной открылась другая возможность.

В конце января в Куку прибыл караван беспокойных арабов Канема, доставивший на местный рынок около сотни верблюдов, добытых в последних набегах на тубу, бидейт и арабов махамид в Вадаи, а также множество фиников из Борку и масла, которое они выменяли у скотоводческих племен Канема². Караван был невелик, потому что месяц назад в Бахр-эль-Газале появились необычайно многочисленные отряды из Вадаи и, хотя они вскоре после того внезапно исчезли, арабы, не имея никаких известий о событиях в Багирми, опасались их возвращения и не решались покидать

свою область в большем числе. Почти все прибывшие с караваном были магарба, тогда как племя улед-солиман было представлено лишь Хазазом — сыном Бу Алака и племянником чиновника из Куки, носящего то же имя.

Когда я посетил их вместе с Бу Аншей³, их соплеменником, эти люди, несмотря на свою дурную славу, мне очень понравились. Особенно долго я беседовал с Хазазом о Канеме, Бахр-эль-Газале и Борку, возбуждавших у меня живейший интерес. Поскольку через несколько месяцев они намеревались отправиться в Борку (область пустыни, которую они считали своей собственностью), чтобы завладеть там урожаем фиников, я тотчас же решил присоединиться к ним. Такое путешествие открывало передо мной возможность посетить совершенно неизвестные края, не считая той части Канема, где побывали Барт и Овервег. Я мог надеяться выяснить наконец-то соотношение Бахр-эль-Газала и озера Чад, добраться, может быть, до крайней южной точки моего предыдущего путешествия по Тибести и тем самым составить более точную карту этой местности Восточной Сахары.

Кроме того, мне очень хотелось уехать из Куки. Мое пребывание в этом городе растянулось уже на семь месяцев, и, хотя оно и не было для меня бесплодным, все же путешественник должен всегда стремиться вперед и не забывать о главной цели — составить собственное представление о чужих странах. К тому же почти еженедельные посещения шейха мало-помалу начинали доставлять мне неудобства, поскольку я не представлял, чем еще я могу удивить его. Считалось, что каждый раз при посещении правителя чужестранец должен придумать какой-то маленький сюрприз, поднести какой-либо незначительный подарок. До сих пор я приносил к нему на аудиенции четки из других стран, однажды подарил складной столовый прибор, включавший ложку, нож и вилку, в другой раз составил небольшую аптечку. Я уже лишил себя маленького зоологического атласа в картинках и наконец прибег к некоторым вышедшим из строя метеорологическим инструментам, увеличивая его значительное собрание этих и подобных им предметов, по большей части перешедших к нему от Эдуарда Фогеля. Однако моим сокровищам пришел конец, и мне представлялось желательным уехать на какое-то продолжительное время, пока из Европы не придут подходящие для этой цели вещи, которые я ожидал.

Тщательное обсуждение моего плана с Бу Аншей, Хазазом и одноглазым арабом улед-солиман по имени Абу Теир, который уже несколько лет назад променял беспокойное существование кочевника на жизнь купца в Куке, укрепило меня в моих намерениях. Хазаз обещал сопровождать меня в юго-восточную часть Канема, в низовье Бахр-эль-Газала и в Борку и не позже чем через четыре месяца доставить обратно в Борну.

В тот же день я отправился для дальнейшего обсуждения к шейху, который принял меня со своей обычной приветливостью и располагающей любезностью в мирном уединении в одном из стоящих в садах домов. Из двух царских садов этот находился неподалеку от дворца

в восточной части города и содержался гораздо лучше, чем я того ожидал. Главный садовник, араб из Сивы, и мой бывший и весьма ловкий слуга Джузеппе без устали ухаживали за ним. Там были прекрасные экзотические лимонных и фиговых деревьев, плоды с которых садовник уже не раз приносил мне отведать; на гранатовых деревьях тоже висели изрядные плоды, да и оливковому дереву, видимо, здесь нравилось, хотя оно и было еще слишком молодо, чтобы плодоносить.

Сад был небольшим и поливался каждый день. Эту работу, как и в Феццане, выполняли ослы, которые по длинной пологой дорожке проходили расстояние, равное глубине колодца. Сам колодец был выложен обожженным кирпичом — редкое явление в тех местах. Небольшой дом в саду появился благодаря строительному искусству Джузеппе, который проделал даже несколько оконных проемов, хотя и не мог вставить в них стекла, и фантастически, но не без привлекательности раскрасил его снаружи пестрыми красками. Он завел и диваны с подушками и занавеси из белого муслина, и все это содержалось с той аккуратностью, какую любил видеть вокруг себя шейх.

Шейху нечего было возразить против моего плана путешествия с улед-солиман, хотя у него самого с этими ненадежными и необузданными людьми были связаны самые печальные переживания. Он пообещал, что позовет Хазаза — его он считал вполне надежным человеком — и договорится с ним обо всех дальнейших подробностях. Отъезд должен быть состояться сразу после большого *байрами*, или *ид ал-кебира*, — пасхального праздника, к которому арабы надеялись закончить свои торговые дела⁴.

К сожалению, для выполнения этого плана у меня пока что отсутствовало первое и самое главное условие — деньги. Несколько сот талеров, которыми я располагал по приезде в Куку, истощились, а прибегать к щедрости шейха, как это нередко делали мои предшественники, я хотел сколь возможно меньше. Вероятно, мне было бы не трудно занять на выгодных условиях некоторую сумму, если бы я мог обещать вернуть ее на месте через определенный срок. Однако если пересылка денег через великую пустыню вообще является ненадежной, то редкость караванов по пути из Триполи или Мурзук в Борну срывала все расчеты. К тому же от отдельных путешественников, прибывших из Кавара или Катруна, мы слышали рассказы о колоссальной войне, разгоревшейся между христианскими странами. Хотя в этих слухах воюющие стороны определенно не назывались, тем не менее представлялось несомненным, что одной из них была Франция, тогда как в другой стороне рассказчики склонны были видеть Nimse, под которой обычно понимают Австрию. Как бы то ни было (а то, что это моя родина вела одну из самых славных войн всех времен⁵, я тогда и не подозревал), большая европейская война ни в коем случае не могла благоприятствовать удовлетворению моих денежных нужд.

Когда-то Бу Анша пообещал в случае нужды оказать мне помощь, и поскольку он неустанно использовал свое пребывание в Куке и

благосклонность шейха для извлечения материальной выгоды, а в Триполи мне нетрудно было бы вернуть ему заем, то я и обратился к нему. Помимо рабов, коих он постепенно собрал для себя и для правителя Триполи, диких животных, предназначавшихся в подарок великому султану, сотен прекрасных горбоносых овец канембу, которыми он был обязан доброте шейха и которых он уже отослал в Феццан через Кавар, а также стад крупного рогатого скота — их он хотел перегнать через пустыню — он уже превратил в страусовые перья и слоновую кость множество полученных в подарок рабов и лошадей и недавно сумел взыскать с правителей Зиндера⁶ денежный долг шейху в сумме около 600 талеров Марии-Терезии⁷. Когда я попросил его ссудить мне несколько сот талеров, ему показалось неловко потребовать с меня соответствующие проценты; поэтому он отговорился отсутствием наличных денег и пообещал достать их через посредство *титиви*.

Как мы видели, на побережье Средиземного моря торговцы стремятся получить за свои суданские товары около 200 % прибыли, хотя довольно часто им приходится довольствоваться более умеренным доходом. Поэтому меня в общем-то не могло удивить то, что *титиви* потребовал за ссуду 150 %. Мои попытки свести процентную ставку к 100 % (при этом я ссылался на то, что Генрих Барт на этих условиях в свое время занял деньги у арабского купца Мухаммеда ас-Сфакеси, известного компаньона г-на Гальюффи из Триполи) натолкнулись на утверждения моих друзей, что им самим приходится брать эту сумму у других. Вступить в переговоры с Мухаммедом ас-Сфакеси, который лежал больным в Гуммеле (где он вскоре и умер), я не мог. Купцы из Триполи или Феццана, которые в общем не имеют ничего против того, чтобы ссужать деньгами путешественного исследователя, ибо долговое обязательство не требует никаких затрат на перевозку и может быть похищено у предусмотрительного владельца лишь вместе с его жизнью, в настоящий момент еще не собирались возвращаться на Север. Поэтому мне пришлось с благодарностью схватиться за протянутую мне руку и выдать расписку на 500 талеров Марии-Терезии, тогда как мне самому досталось из них всего 200. Поскольку по закону ислама формально запрещено ссужать деньги под проценты, мои друзья воспользовались обычным ухищрением, продав мне в кредит за соответствующую высокую цену раковины каури, а затем обменяли их на талеры по тогдашнему курсу.

800 марок составляли, правда, весьма скромную сумму для подготовки и проведения длительного путешествия, из которой еще нужно было отложить деньги на жизнь после возвращения в Куку. Однако помощь вскоре пришла. Шейх Омар, которого оповестили о «ростовщической сделке» *титивы*, великодушно прислал мне 100 австрийских талеров и велел сказать, что он же позаботится о верблюдах для путешествия.

Так прошел февраль, и 2 марта наступил страстно ожидавшийся «Большой праздник» — *ид ал-кебир*, который соответствует нашей пасхе и на который каждый взрослый мусульманин забивает барана.

В этот праздник великолепно проявляется щедрость правителя Борну. Сотни баранов заранее взыскиваются через дигму с несущих эту обязанность племен и распределяются согласно составленному списку. Каждый сановник и каждый чужеземец, кто это знали при дворе, в соответствии с размерами своего хозяйства и с занимаемым положением получает большую или меньшую долю этого безусловно необходимого праздничного пособия.

Как и в день *ид ал-фитра*, шейх совершал праздничную молитву вне города. Как и тогда, вассалы сановников собрались вокруг их флажков; однако на этот раз они были многочисленнее. Правитель вновь появился в белом бурнусе, но был в красной чалме и такого же цвета лисаме. На седле перед ним лежало изящное двустольное ружье, стремяна были позолочены, а вслед за ним вели десять парадных коней. На второй день праздника все посещали с поздравлениями своих знакомых и принимали их у себя. Утром третьего дня состоялся официальный прием у шейха, а к вечеру праздник завершился торжественным парадом конницы, находившейся в городе и прибывшей в него. Процессия началась на северной стороне восточного города и медленно двигалась под воинственные крики с конными играми и с обычной стрельбой из ружей и карабинов на запад вплоть до рыночных ворот Билла футебе, а затем пересекла весь город до дворца в Билла гедибе. Всего в ней приняли участие 35 подразделений, и каждое насчитывало по меньшей мере 50 всадников, так что общее число достигало примерно 2 тыс. человек.

По завершении праздника я усердно занялся своей поездкой в юго-восточную часть пустыни.

Улед-солиман, чью беспокойную жизнь я собирался разделить в ближайшее время, будут неоднократно упоминаться в рассказе о моем путешествии. Меня очень интересовала и вызывала мое восхищенное удивление судьба этого крохотного арабского племени, та роль, которую оно некогда было способно играть у себя на родине, и превратности, которые оно перенесло на чужой земле, среди других враждебных племен, на обширной территории Южной Сахары и даже в относительно густо населенных суданских странах. Уже рассказы Барта, относящиеся к началу 50-х годов, давали любопытное представление о жизни и быте улед-солиман, и если, с одной стороны, грубость и беззастенчивость разбойников пустыни должны нас отталкивать и вызывать отвращение, то, с другой стороны, их неисчерпаемая жизненная сила и энергия вынуждает нас к их безоговорочному признанию. Хотя двадцать с лишним лет назад Генрих Барт считал, что вскоре они растворятся среди окружающего населения, они, несмотря на свою малочисленность, и поныне господствуют над огромной территорией.

Первоначальное местопребывание улед-солиман следует искать в Фецкане и в окрестностях Большого Сирта. Зимой и весной они пасли стада своих верблюдов в степях неподалеку от морского побережья и располагались кое-где в речных долинах, которые подходят к этому большому заливу с запада.

Летом они отходили в оазисы Феццана, где у них были пальмовые плантации, чтобы собрать там урожай фиников.

Племя состояло из подразделений джебанр, миаисса, шередат и хеват. Из них первое и последнее оседло жили в Семну и Теменхинте, тогда как два остальных колена делили между собой пальмовые рощи оазиса Себха. Общая их численность, по-видимому, никогда не была очень большой, а войско едва ли когда-нибудь достигало 1 тыс. всадников. Властью и авторитетом они были обязаны своей энергии и стойкости, превосходству своих вождей и рыцарской верности, с какой они всегда относились к многочисленным, более слабым соседям, которые присоединялись к ним или им подчинялись.

В военных набегах, которые улед-солиман предпринимали на дальние расстояния к югу от Феццана, отличался молодой Абд ал-Джлиль, будущий вождь. Они дошли до областей, населенных тубу, до Канема и даже до Багирми. Именно тогда улед-солиман познакомился с природным богатством той области, которую они избрали второй родиной, когда изменчивая судьба вынудила их расстаться с отечеством. Я еще застал среди них стариков, принимавших участие в этих набегах. Их глаза начинали сверкать, когда они рассказывали о временах, в которые они играли на своей родине блестящую, хотя и злополучную роль. На пороге могилы они лелеяли лишь одно желание — еще раз увидеть родину и успокоиться в отеческой земле.

Перед смертью Абд ал-Джлиль собрал старейшин своего племени. Он напомнил им общие походы на юг и дал совет поискать новую родину в богатой финиками области Борку, населенной тубу, поблизости от сочных пастбищ для верблюдов в Боделе и Бахр-эль-Газале.

Сначала этому совету последовала лишь часть племени, но через несколько лет и все, оставшиеся на родине, покинули ее, так что теперь на протяжении жизни примерно одного поколения почти все племя обитает к северу от Чада. Первоначально они завладели областью Борку. Однако она находилась чересчур далеко и от Феццана и от Борну. Улед-солиман, не занимаясь производством, зависели от рынков Борну, где приобретали одежду и зерно, поэтому вскоре они оставили Борку и закрепились в Канеме. В его южной части процветали земледелие и разведение крупного рогатого скота, а поросшие густым лесом долины и похожие на степь равнины в остальных частях давали им превосходные пастбища для верблюдоводства, да и рынки Борну находились достаточно близко для приобретения необходимых принадлежностей, одежды и товаров для обмена. Тогда их вождем был Мухаммед, сын Абд ал-Джлиля.

Из старых героев в мое время в живых оставались лишь немногие, большинство уже сошло в могилу. Младшее поколение при своем молодом вожде, также носящем имя Абд ал-Джлиль, сыне шейха Мухаммеда, еще придерживалось прежних традиций, хотя старикам было стыдно, что у их детей и внуков мелочное корыстолюбие возобладало над рыцарской доблестью.

И все же улед-солиман переселились со всеми своими семьями, что должно было облегчить передачу подрастающему поколению

свойственных их предкам качеств. В менее благоприятных обстоятельствах оказались в этом отношении связанные с ними магарба, которые перекочевали из северо-восточной части Триполитании лет двенадцать тому назад. Они выступили без жен и детей, намереваясь вернуться через несколько лет, потом отодвинули срок возвращения на родину, затем завязали новые брачные узы с женщинами даза и бидейят и наконец окруженные чужеродным потомством, по-видимому, совершенно позабыли о своем намерении.

Таковы были люди, к которым я намеревался примкнуть на довольно продолжительное время. Г-н Гальюффи из Триполи, который был другом старого вождя Абд ал-Джлиля и сохранил высокое мнение о гостеприимстве и благодарности улед-солиман, снабдил меня рекомендательным письмом, где напоминал старейшинам племени об услугах, которые им неоднократно оказывали европейские консулы.

Я быстро закончил все приготовления, так как нехватка средств принуждала меня к самым скромным сборам. Что касается официальных подарков, то я ограничился тем почетным плащом, который получил по приезду от короля Борну, а теперь предназначал главе улед-солиман, шейху Абд ал-Джлилю, а также тонкими шерстяными платками с широкими шелковыми полосами — *джериди* для шейха Мухаммеда, сына мурабида Омера, т. е. двоюродного брата вождя, и для моего провожатого Хазаза. Затем я заказал 50 килограммов пороха одному сметливому человеку, который обучился его изготовлению в Египте; купил полдюжины хам, столько же тоб⁸ из Кано, окрашенных краской индиго, и двадцать с чем-то обычных борнуанских тоб, заменявших на всей территории улед-солиман талеры Марин-Терезии, ходившие на борнуанских рынках.

Благодаря великодушию шейха Омара, оделившего меня щедрой в моем положении денежной помощью и добавившего по своей доброте еще трех верблюдов и палатку, я смог захватить на непредвиденные случаи, помимо снаряжения, еще около 20 талеров и оставить раза в три большую сумму у своего друга и представителя в Куке — шерифа Ахмеда из Медины. Хотя внешний вид выючных животных и не вызвал у меня особого доверия, однако опытный Хазаз выразил надежду, что на обильных пастбищах Канема они еще смогут поправиться настолько, чтобы выдержать и путешествие в Борку. Мой старый слуга Катрунер питал особое доверие к пегому туарегскому верблюду, который хотя и был самым тощим из всех, но принадлежал к альбинносам, так называемым *милахи* (т. е., собственно говоря, «соленый»), пользующимся репутацией очень энергичных и выносливых.

Поездка в Канем

Прощание с домом и городом — Переход до деревни Дамгерим. — Болезненное состояние Хамму. — Моя договоренность со слугами. — Безалаберный Солиман. — Деревня Мара. — Ружейный порох, изготовленный в Европе и в Борну. —

Селение Ареге. — Деревня Бери. — Река Йоо близ Йоа Курры и Гангарамы. — Перемежающаяся лихорадка и отсутствие хинина. — Потеря одного тюка груза — Разновидности антилоп этой местности — Город Баруа. — Переход через Нгигми. — Изменение в его местоположении. — Посещение местного начальника. — Меняющиеся очертания Чада. — Образование новых бухт и заводей. — Встреча со знатым вандала по имени Султан. — Изменение характера местности. — Частые приступы лихорадки — Пустынная степная местность. — Соленые колодцы. — Долина Диди — Племя ворда. — Наглость гиены. — Долины Адулия и Одеро. — Внешний вид вандала. — Долина Согор с дуаром султана. — Характер долин. — Долина Вагим с лагерьм кадава. — Долина Бельджиджи и расставание с магарба. — Прибытие в лагерь одного из подразделений миаисса. — Гостеприимный прием. — Поездка в Бир-ал-Барку. — Группы улед-солиман. — Дуар Абд ал-Джлиля. — Прием у вождя и его шурина. — Посещение шейха Мухаммеда, сына Омара. — Бу Алак, отец Хазаза. — Группа Бу Алака. — Прибытие посланца из Вадаи. — Политика короля Али по отношению к улед-солиман — Приглашение старейшинам племени посетить его на озере Фитри — Сопровождения и переговоры по поводу этого приглашения. — Поручение Шерфеддина к туарегам кель-ови — Протест двух миссионеров-сенуситов против моей поездки в Борку. — Смушение арабов. — Мое объяснение на высказанное ими пожелание моего отъезда. — Перенесение лагеря в Бир-Делеи. — Прощальный визит Халуфа. — Кадава и их вождь. — Предотъездные заботы

На торжественной аудиенции шейх Омар поручил меня попечению Хазаза. Отъезд был назначен на 20 марта. Дома я оставил слуг: старого Катрунера, собиравшегося с ближайшим караваном вернуться в Феццан, и Хадж Брека, который должен был его сопровождать. Я поручил им уход за великолепным гнедым жеребцом, полученным мною от шейха Омара в обмен на хотя и очень красивую, но со слабыми легкими пегую лошадь, которая была мне подарена вскоре после приезда. Слугам было велено, когда им представится возможность уехать, предоставить дом и лошадь заботам шерифа Ахмеда.

Утром назначенного дня, попрощавшись с хозяином Ахмедом бен Брахимом, я направился к северным воротам в западном городе в сопровождении Бу Аиши, который надеялся уехать этим летом и обещал взять по дороге под свою защиту обоих слуг; шерифа Ахмеда, в избытке наставлявшего меня добрыми советами, и, наконец, моих слуг.

Неподалеку от ворот меня ожидал Хазаз с одним из своих товарищей, тогда как остальные его спутники отправились вперед. Здесь я не без искреннего волнения, понятного, когда уезжаешь так далеко, доверяясь превратностям судьбы, попрощался со своими друзьями.

Мы двигались по однообразной, поросшей ошаром, равнине в сторону Дауерго, где, несмотря на поздний сезон, застали пруд, наполненный дождевой водой. Мы миновали несколько деревушек и поселений, которые выделялись на фоне мрачной, пустынной местности благодаря красивым деревьям курна; затем проследовали мимо нескольких пересохших мелких озер, засеянных хлопчатником, и после хорошего пятичасового перехода добрались до лагеря ушед-

ших вперед арабов в непосредственной близости от деревни Дамгерим. Местность стала холмистой, а невысокие кусты *Calotropis* ргосега с блеклой листвой уступили место уродливым на вид акациями и отдельным деревьям хеджлидж с негустой кроной.

Первый день путешествия показался мне не слишком многообещающим. Я прибыл в лагерь с одним лишь *канемма* Солиманом, а Хадж Хусейн и Хамму⁹ появились через несколько часов. Первый из них мучился каким-то временным недомоганием, а у второго вновь случился приступ хронической малярии. Бедный Хамму после нашего приезда в Куку беспрерывно страдал от этой болезни, приобретая постепенно, под влиянием патологического изменения состава крови, водянку, и так ослаб, что в данный момент я не мог рассчитывать на его услуги. Я взял его в поездку только потому, что видел, как в Куке он погибает на глазах, и надеялся, что он поправится в здоровом климате пустыни. Его верность равнялась его легкомыслию, глупости и упрямству. Его товарищ Хадж Хусейн, не менее упрямый, был гораздо умнее и энергичнее, хотя и не столь предан и привязан, как тот. Заметив, что состояние Хамму ухудшилось, я предложил обоим, а также Хадж Бреку (ибо сначала они выразили желание оставаться вместе) до моего возвращения совместно прожить на обусловленную сумму, которая будет им выплачена по завершении моего путешествия. Но их в остальном товарищеские отношения не зашли так далеко, и каждый в отдельности потребовал выплаты ему месячного содержания, которое мы установили в четыре талера. При отсутствии денег мне не только пришлось настаивать на том, чтобы сделать это лишь после завершения путешествия, но и отпустить Хадж Брека вместе со старым Катрунером. Мне нелегко было решиться взять с собой Солимана, ибо, хотя он и был умен, физически вынослив и в общем добродушен, его безграничное пристрастие к женскому полу внушало мне серьезные опасения. Однако, не говоря о том, что среди свободных местных жителей нелегко найти верных и дельных слуг, у меня оставалась надежда, что в пустыне, среди арабов, у которых рабынь немного, Солиману редко выпадет возможность для проявления легкомыслия.

На следующий день, 21 марта, мы следовали в том же северо-северо-западном направлении всего три часа, причем местность становилась все более лесистой, и разбили лагерь у колодца глубиной в 16,5 м близ деревни Мара. Мы собирались подождать там некоторых попутчиков, которые на день задержались в столице, чтобы посетить еженедельный рынок. Стараясь установить с арабами как можно более дружеские отношения, я решил раздать им несколько фунтов пороха. Однако, поскольку он был изготовлен в Борну, я натолкнулся на такое пренебрежение, что стал опасаться, уж не напрасно ли захватил весь свой запас. Тогда как порох английского производства продается на рынке в Куке всегда в ограниченном количестве и стоит по меньшей мере 1 талер за фунт, мой обошелся мне всего лишь в четвертую часть этой суммы. Впрочем, не следовало удивляться тому, что арабы Канема, как бы далеко они

ни жили, с одной стороны, от Феццана, а с другой — от крупных рынков Судана, пользуются исключительно европейским порохом, ибо их существование целиком зависит от состояния их огнестрельного оружия, а борнуанский порох обычно бывает очень плохим. Но поскольку в тамошних условиях мой порох бесспорно пришелся как нельзя более кстати, то в конце концов мои новые друзья приняли его с благодарностью, предварительно испробовав его по моему настоянию.

В том же направлении мы двигались через все более густой лес и недалеко от Ареге 22 марта разбили лагерь у колодца, близ которого облюбовали себе место отдыха дикие свиньи и гиены. Первые наносили нам визиты днем, а вторые — ночью. Селение Ареге, куда мы попали на следующее утро, 23 марта, после двухчасового перехода в северо-северо-западном направлении, прежде, как кажется, было городом, занимавшим большую территорию, но теперь оно свелось к десятку бедных деревушек. Его населяли канембу из группы сугурти, которые не поддерживали, по примеру большинства своих соплеменников, мирных отношений с будума и сильно страдали от их нападений с островов Чада, вследствие чего их численность и владения значительно сократились. Мы переждали дневной зной в садах города, где преобладали деревья курна, и в тот же день после шестичасового перехода добрались до Комадугу-Йобе и разбили лагерь в ее наполовину высохшем песчаном русле.

Хамму снова не оказалось на месте, хотя, учитывая его слабость, я отдал ему свою лошадь, а сам пошел пешком, и уже вечером Хазаз и одноглазый Бу Теир отправились верхом на его поиски. Они нашли его поздно ночью неподалеку, в деревне Бери, которую мы миновали за час до стоянки, и там же переночевали сами. Деревня Бери возникла недавно, ее населяли сугурти, которые бежали туда из селения с тем же названием на северном берегу Чада из-за разбоев улед-солиман.

В реке Йоо, несмотря на позднее время года, зеркало водной поверхности все еще достигало в ширину шагов сорока, а ее берега благодаря разнообразной растительности садов и полей, плотно окружавших деревни, являли собой очаровательную картину. В четверти часа ходьбы к западу от нашего лагеря лежала Йоа Курра, местопребывание одного шитима, а к северо-западу, на другом берегу, — деревня Гангарам. В селениях было не более 150 хижин, но во всех, за исключением Бери, были заметны остатки окружавших их некогда стен. На полях преобладал хлопчатник, а среди деревьев курна, густо обвитых лианами, тут и там виднелись отдельные стройные финиковые пальмы и живописные пальмы дум. Река здесь поворачивает и течет на северо-северо-восток до деревни Билла Ганна, лежащей на ее левом берегу. Дальше на том же берегу, вблизи ее устья, лежит город Боссо.

Ночь была холодной и с такой обильной росой, что палатка (я разбил ее впервые после отъезда) стала заметно тяжелее, тогда как я сам на следующий день, проведенный на том же месте, испытал

сильный приступ лихорадки. К сожалению, я не мог воспользоваться хинином, ибо несколько унций этого дорогого лекарства, которые у меня еще были, я оставил в Куке. Мне показалось разумнее сохранить это незаменимое сокровище для будущих случаев, нежели рисковать им в превратностях жизни в пустыне, отличающейся к тому же здоровым климатом.

25 марта мы переправились через Комадугу, вода в которой доходила до колена, прошли через пышное поле хлопчатника Гангарамы и, двигаясь в северо-северо-восточном направлении, через два часа достигли уже упоминавшейся деревни Билла Ганна. Там я в обморочном состоянии до вечера отдыхал в густой тени дерева курна, так как приступ лихорадки длился всю прошедшую ночь. Но и после этого я был еще так слаб, что караван, принимая во внимание мое состояние, когда я, качаясь взад и вперед, скорее висел, чем сидел на лошади, после четырехчасового перехода в северном направлении остановился в дикой местности.

Здесь бесчисленные гиены были столь наглыми, что подходили ночью совсем близко. Этим обстоятельством воспользовался один из моих новых товарищей, чтобы похитить у меня феццанский мешок из верблюжьей шерсти: они редки в Борну и очень ценятся арабами. Как и двадцать лет назад, когда в той же самой местности и теми же самыми арабами у Генриха Барта был украден резиновый шланг, так и на этот раз вину свалили на гиен, и мне пришлось довольствоваться этим объяснением, хотя я спал в двух шагах отсюда, под открытым небом и с борзой Сандой у ног.

Чем лесистее становилась местность, тем чаще встречались там антилопы. Нам попадались на глаза бубалы (*A. Bubalis*), антилопы мохор (*A. Mohor*), один водяной козел (*Kobus*), обычные газели (*A. Dorcas*), а также один вид, превосходящий предыдущие ростом, который арабы из Борну называют *хамерайя*, а канури — *комосено*. Бубалов, сбивающихся там в многочисленные стада, арабы называют *тетель*, а канури — *каргум*; они светло-бурого цвета с более темной окраской на лопатках, бедрах и коленных суставах, довольно грубого сложения, величиной примерно с оленя, с высокой холкой. У них загнутые назад и расходящиеся в стороны довольно длинные рога и короткий темный хвост. Роскошная антилопа мохор, которую арабы называют еще и *ариель*, а жители Борну — *кирджиге*, меньше и стройнее предыдущей. Отличаясь необыкновенно изящными и красивыми формами, она, как блестящей накидкой, отмечена роскошной темно-рыжей шкурой шеи и спины на белом фоне остального туловища. У нее короткий хвост и грациозно загнутые рога в форме вопросительного знака. Упомянутая антилопа *хамерайя* несколько меньше, чем мохор, но она более коренаста, имеет короткие рога, украшающие лишь самцов, светло-коричневую шкуру, беловатую на брюхе. Ее шерсть, как и у более крупного, серой окраски водяного козла, менее гладкая, чем у остальных.

По сравнению с нашим первым путешествием по этой же местности удивляло несомненно уменьшившееся количество цапель, гусей, пеликанов и уток, хотя воды в Чаде сейчас было больше. Чаше

встречалась только какая-то крупная водоплавающая птица с черными перьями, белым брюшком, большим ярко-красным клювом и такими же красными ногами.

26 марта мы несколько отклонились от северного направления к западу, чтобы по дороге купить в Баруа еще несколько обычных борнуанских тоб, и после примерно десятичасового перехода в северо-западном направлении остановились в этот день на отдых в ограде из терновника — *зерибе*, которую устроили мои попутчики еще по дороге в Куку. Округ Казель, расположенный к западу от дороги, между Баруа и Нгигми, населен в основном тубу из Канема, которые нашли там прибежище от преследований улед-солиман, и понятно, что этот переход потребовал от арабов определенной осторожности. Впрочем, наш путь пролегал в непосредственной близости от Чада, и мы всю ночь слышали, как вокруг нашей *зерибы* хрюкали гиппопотамы, добывающие себе пищу.

Ближе к вечеру мы миновали Кинджигалид, на следующее утро прошли мимо остальных деревушек, где заготавливается соль и где теперь было больше жителей, нежели при нашем приезде в Борну, и к вечеру добрались до Нгигми. Эту деревню и ее ближайшие окрестности почти невозможно было узнать. Заросли тростника, которые прежде начинались у берега озера, теперь стояли довольно далеко от него, посреди воды, оттеснившей селение к гряде дюн. Мучимый жаждой — во время полуденного привала у меня возобновился приступ — я завернул к своему старому другу, одному из местных начальников, чтобы выпить свежего молока. Пообещав ему возместить расходы на кормежку и сделать подарок, я доверил его заботе борзую Саиду, так как из-за стертых в кровь лап было бы неразумно вести ее дальше. Собрав все силы, я дотащился до лагеря, который лежал на расстоянии одного часа ходьбы к северо-востоку от города в том месте, где гряда дюн, повторяя очертания Чада, поворачивает на северо-восток.

На рассвете, еще весь в поту после мучительной ночи, я снова сел на лошадь. Но в этот день (28 марта) мне по крайней мере не пришлось испытать большого напряжения. Утром после двухчасового перехода, не зная достаточно хорошо дорогу, мы были вынуждены остановиться, а после полудня, через три часа пути, встретили двух даза, друзей арабов, которые, так как местность была небезопасна, решили их подождать. Не следует удивляться тому, что арабы Канема, хотя они и являются превосходными знатоками местности и ездили в Куку бесчисленное количество раз, все же колебались в выборе дороги. Не говоря о том, что озеро меняет свои границы в течение всего года, очертания его берегов тоже постоянно меняются, особенно с северной стороны. Образуются бухты (по-арабски *риджел*, мн. ч. *риджуль*, т. е. буквально «нога») и заводи (на канури *нгальджам*), так что дорога, по которой путешественники огибают северную оконечность озера, ежегодно удлиняется еще на один поворот. Позже я вернусь к изменениям в очертаниях Чада.

Оба даза принадлежали к племени вандала, а один из них, по имени Султан, пользовался личной дружбой Хазаза и большим

уважением среди своих. Вскоре нам попались колючие растения для устройства *зеробы*, и мы разбили лагерь для обстоятельных приветствий и взаимного обмена новостями. В течение дня мы придерживались северо-восточного направления и сначала прошли у северо-западного подножия гряды дюн, окружающих Чад, а затем по их верху. Двигаясь на восток-северо-восток, утром 29 марта мы вышли к обширным, изогнутым, но протянувшимся в общем направлении с запада-юго-запада на восток-северо-восток бухтам Чада. Они назывались Багалайя, Кинджанн и Кедела Мурра, из них Кинджанн не примыкала непосредственно к дороге. О двух других мне сказали, что они образовались в недавнее время. Во второй половине дня мы начали постепенно удаляться от берега лагуны, двигаясь точно в восточном направлении, однако шли все же достаточно близко от озера и вечером смогли напоить лошадей в одном из *риджелей*, образовавшемся так недавно, что ни у арабов, ни у вандала пока не было для него названия.

По мере того как мы удалялись от озера, менялся и характер местности. Складки почвы становились крупнее, а между ними встречались вытянутые в длину с северо-востока на юго-запад долины, иногда такие глубокие, что высота их склонов превосходила 60 метров. К сожалению, я не мог уделять должное внимание всему, что меня окружало, ибо приступы лихорадки, повторявшиеся раз в три дня, были столь сильны, что порою мutilи мой рассудок. Ко всему прочему именно на этот день был намечен ночной переход, приводивший меня в отчаяние. Арабы решились на него, опасаясь местных жителей, еще остававшихся в Бери, которое находилось южнее. Когда поздно вечером я без чувств свалился с лошади, меня положили поперек на два ящика, составивших груз одного верблюда, и кое-как на них закрепили. Однако увидев, что я, несмотря на это, падал на землю и несколько раз тащил за собой всю поклажу, они из сострадания остановились наконец после семичасовой пытки на ночной отдых.

На северной стороне Чад населен, собственно, лишь по краю. Похожую на степь местность, простирающуюся дальше, первоначально заселяли лумма, которые, из-за грозившей им там опасности со стороны как туарегов, так и северных арабов васели из Канема, отходили все дальше к югу в собственно Борну. Лумма идентичны атерета, выводящим свое происхождение из Борку.

30 марта мы продолжали двигаться по этой небезопасной и почти ненаселенной местности. Утром мы несколько отклонились от восточного направления к югу и еще раз подошли к Чаду, чтобы напоить лошадей в *ридзеле* Дабуа. Во второй половине дня мы держались юго-восточного направления и через одиннадцать часов добрались наконец до соленого колодца Матен ал-Милах. Так эту стоянку называли арабы — частично потому, что расщелины в колодце содержали соленоватую воду, частично из-за того, что здесь же бойко занимались изготовлением соли. Однако от даза я слышал название Эннеди-Тефе, или же Лагари.

31 марта заболел один верблюд, принадлежавший магарба, —

случай, менее желательный для его хозяина, чем для всех остальных, и задержавший нас с утра на месте. Поскольку ждать дальше было невозможно, а болезнь животного оказалась серьезной, его тут же забили, и мясо, согласно обычаю, разделили между всеми поровну. Тамошние кочевники лишь время от времени едят мясо благодаря таким вот случайностям, так что несчастье одного становится праздником для остальных. Вот почему после четырехчасового перехода во второй половине дня в восточном-юго-восточном направлении мы добрались всего лишь до лесистой долины Диди, где и разбили лагерь. Здешние долины все больше и больше вытягиваются по продольной оси с севера на юг; это относится и к Диди, на восточном склоне которой был разбит дуар¹⁰ ворда. Он состоял из тех низких, кубической формы или продолговатых прямоугольных хижин из циновки, которые мы видели у кочевников Тибести и которые переняли и арабы Канема.

Маленькое племя ворда некогда было лишь ответвлением догорда. Оно кочует между тремя пунктами: северной оконечностью Чада, колодцем Бельдашифари и областью Манга на севере Шитати. Оно поддерживает добрые отношения с арабами и поэтому владеет относительно крупными стадами, состоящими в основном из коров и овец, причем первые принадлежат не только к породе кури, характерной для Борну, но скорее похожи на коров арабов; верблюдов же у них мало. Султан из благородных вандала, благосклонности которого я добился, подарив ему борнуанскую тобу, раздобыл для меня как гостя подарок в виде овцы и небольшого количества молока, чем я, к сожалению, не мог воспользоваться, так как у меня в этот день был приступ лихорадки. Я впал в такое состояние беспамятства, что не смог поднять тревогу, когда ночью одна из бесчисленных в этой местности гиен прямо у меня на глазах утащила из-под бока овцу.

Теперь долины встречались чаще; как правило, они были продолговатыми, но иногда и в форме котловины, людей в них также прибавилось. Мы достигли границ владений большого племени вандала. В их первом дуаре, в красивой долине Адуглия мы укрывались от дневного зноя 1 апреля, после четырехчасового перехода в восточном-юго-восточном направлении. Во второй половине дня через несколько часов мы добрались до долины Одеро и большого дуара *кеделы* Токой, который возглавлял одно из трех племенных подразделений вандала. Здесь царил оживление: больше жителей, многочисленнее стада, люди были зажиточнее и держались увереннее, а крупный рогатый скот, составлявший их главное имущество, выглядел превосходно. Я подарил *кеделе* (это титул, который носят вожди большинства племен даза) египетский платок для чалмы — *субетта* по-арабски — и предался полному душевному и телесному покою, уверенный, что, добравшись до дружественного племени, мы отныне будем путешествовать спокойно.

Здесь впервые я увидел много чистокровных даза и обнаружил, что они в общем более чернокожи, чем теда в Тибести, но имеют столь же правильные черты лица и изящное телосложение, как и эти

последние. Хотя в качестве гостя их друзей, которые были почти что их господами, я находился совсем в ином положении, нежели по отношению к их северным братьям, мне все же не удалось полностью отделаться от чувства недоверия, ибо у негров и арабов они пользуются репутацией людей весьма ненадежных и вероломных. Мне, правда, было интересно познакомиться с сыном Халуфа, того вождя даза, о котором много рассказывает Барт и который до сего времени играл не последнюю роль в неслыханных неурядицах в Канеме. Однако этот болтливый молодой человек вскоре наскучил мне настойчивыми предложениями своих услуг и тщеславной похвальбой по поводу важности и власти своей семьи.

Путешествие стало теперь беспешным: там, где при полной безопасности у арабов еще и вдоволь корма для верблюдов, они не переутомляли себя на переходах. Хотя песчаная местность, за исключением долин, изобилующих водой и глиной и поросших густым лесом, не отличалась разнообразием древесной растительности, погонщики верблюдов ценили листву преобладавшей там акации сайяль в качестве корма для своих животных не меньше, чем кочевники на севере ценят хад. Кроме того, почву густо покрывают такие растения, как нисси (*Aristida plumosa*), бу рукба (*Panicum turgidum*), асканит (*Cenchrus*, на канури *нгибби*) и абу сабе, или акреш (*Vilfa spicata?*).

2 апреля мы прошли всего четыре часа, придерживаясь избранного направления на восток-юго-восток, и остановились в очаровательной котловине Согор, над которой с северной стороны расположился небольшой дуар Султана. На краю густой рощи на дне долины находились колодцы. Они содержали вкусную, но мутную воду и подобно колодцам в уже пройденных нами долинах имели в глубину четыре метра — глубокие колодцы Борну в характерных для Канема долинах остались позади. Рядом с ними в глине были устроены мелкие углубления для водопоя животных. Поскольку близкие отношения некоторых арабов с Султаном позволяли надеяться на обильное угощение для гостей, то после полудня мы остались на месте и я отметил столь необходимый мне для отдыха день покупкой жирной коровы моим спутникам, что потребовало от меня жертвы в три талера. Только во второй половине следующего дня мы продолжили путь в том же направлении и спустя шесть часов заночевали в пустынной местности. 4 апреля мы повернули прямо на восток и после еще одного шестичасового перехода переждали дневной зной у колодца в обширной, неглубокой впадине Вагим. Но прежде нам пришлось перевалить через песчаный, тянувшийся с северо-востока на юго-запад холмистый гребень, который мы заметили уже несколько часов назад. Вагим был первой стоянкой в округе Шитати, где пастбища делили между собой улед-солиман и племя кавива, или кавава, которых Барт, по примеру арабов, искажавших названия всех племен и местностей, ошибочно называет фугабу. Небольшая группа из этого племени располагалась лагерем у колодца и тотчас же начала строить против меня весьма недружелюбные планы, о чем я узнал только позднее от одного верного магарби, торговца из Куки, который оказался нечаянным

свидетелем их сговора. Чтобы отвести разбойников от нашего лагеря и тем самым сорвать их воровские покушения на мое имущество и еще более бесцеремонные намерения относительно меня самого, мы заночевали в стороне от дороги, пройдя несколько часов в восточном-северо-восточном направлении.

5 апреля нам предстояло добраться до места стоянки улед-солиман у колодца Барка. Мы выступили в путь задолго до рассвета и шли, как и в предыдущий день, в восточном-северо-восточном направлении по похожей на степь, почти безлесной равнине, а затем по слегка холмистой местности Клитен, долины и стоянки с водой которой почти все остались восточнее нашего маршрута. После почти четырехчасового перехода мы перевалили через довольно высокий холмистый гребень в глубокую долину Бельджиджи, колодцы которой столь неглубоки, что воду из них можно зачерпывать руками. На высоком северном склоне располагалась небольшая деревня, которую арабы называли Белед ал-Муаллим. Она состояла из борнуанский манер из соломенных хижин, а населяли ее оседлые канембу, находившиеся в зависимости от кочевников Шитати. Здесь нас покинули магарба. Главное местопребывание их соплеменников находилось в Лиллоа, к востоку от Шитати. Мы же выслали гонца, чтобы получить точные сведения о местоположении отдельных подразделений улед-солиман.

Я сердечно попрощался с магарба, которые, насколько я мог судить о них, пребывая в болезненном состоянии, были людьми грубыми, но хорошо относившимися ко мне, и вскоре после полудня мы тронулись в путь. Почти сразу же мы наткнулись на нескольких всадников миансса, которые разбили свой лагерь неподалеку от нашего, а на закате, следуя в северо-восточном направлении, мы добрались до места их расположения, где стояло несколько уже описанных хижин кочевников. Там нам был оказан прием, сердечность которого подействовала на меня очень благотворно. Поданная сразу же после нашего прибытия обычная жидкая каша из проса *духи* была приготовлена из муки более тонкого помола, нежели это принято в Борну, где невозможно достать жерновов, а полагавшийся к ней соус из смеси верблюжьего молока и масла превратил ее в необычайно роскошное и вкусное угощение. Оно намного превзошло не слишком большие ожидания, вызванные видом жалких лошадей и почти рваной одежды самих всадников, пригласивших нас в гости. Для моего больного организма оно оказалось даже слишком обильным, но зато приучило меня к регулярному употреблению верблюжьего молока, о благотворном влиянии которого на людей, страдающих от лихорадки или ее последствий, мне часто приходилось слышать.

На следующий день лихорадка снова приковала меня к постели, но 7 апреля рано утром я верхом отправился с Хазазом к людям джебаир, чтобы засвидетельствовать свое почтение шейху Абд ал-Джлилю и его двоюродному брату Мухаммеду, сыну мурабида Омара. Подразделение джебаир распадается на группы — *фарики* (т. е., буквально, «толпа», «множество людей») самого шейха,

Бу Алака и Шерфеддина, а отдельные семьи в этих группах связаны кровным родством, свойством или другими долголетними отношениями. Если какая-то местность небезопасна и бедна колодцами, эти группы разбивают лагерь в одном дуаре. В других случаях они держатся обособленно — как на переходе, так и на стоянке, так что все племя нередко занимает со своими отдельными *фариками* большую площадь. На постоянной стоянке улед-солиман в местности Бир-ал-Барка, с ее многочисленными и богатыми водой колодцами и обильным кормом для верблюдов, при полной безопасности было удобнее жить порознь, и отдельные группы объединяли лишь ограниченное число тесно связанных хозяйств.

Среди упомянутых подразделений племени улед-солиман миаисса, чьим выдающимся мужем был Бен Джувейли, были связаны многолетней дружбой с джебаир и имели обыкновение вместе с ними если не пасти скот, то передвигаться и совершать набеги. Третье и гораздо более многочисленное подразделение, шередат, законный вождь которых Ахмед ал-Джезия на деле передал свои права сыну, широко известному ал-Асваду (т. е. «Черному»), держалось по привычке особняком от двух остальных и часто действовало на свой страх и риск, а нередко даже в какой-то мере вопреки остальным. Подразделение хеват со временем рассеялось и перестало существовать. Некоторые его члены не покидали Триполитанию, другие вернулись туда, третьи растворились среди людей шередат. Помимо этих целостных составных частей среди различных групп были беспорядочно рассеяны отдельные лица из всех возможных племен Триполитании (урфилла, кедадифа, риах и т. д.). Даже несколько мекариха жили здесь в теснейшем сообществе с теми, кто на земле Феццана были их кровными врагами.

Абд ал-Джлиль со всеми ближайшими родственниками и клиентами находился километрах в двух от нас, у центрального колодца Барки. Там было несколько оживленнее, нежели среди немногочисленных хижин нашей стоянки. Стада верблюдов гнали на пастбище, другие возвращались оттуда на водопой; верблюдицы с новорожденными сосунками находились в загоне в самом лагере, тогда как другие, более взрослые жеребята, которых держали в лагере отдельно от пасущихся на пастбище матерей, мычали, томясь без привычной молочной пищи. Рядом с хижинами тубу, сложенными из циновки, виднелись белые, сотканые из хлопка палатки, которыми пользуются во время путешествий торговцы с севера и знатные жители Борну. Еще не совсем исчезли из употребления и палатки триполитанских кочевников из верблюжьей шерсти. Все это создавало красивую, хотя и из-за малых размеров хижин отнюдь не внушительную картину.

Извещенный о моем приезде вождь пришел из своей палатки в сопровождении шурина Брахима Бу Ханджара к дереву хеджлидж, в жидкой тени которого мы расположились. Я приветствовал его, передал ему свой скромный подарок, к которому я добавил тунисский тарбуш и сплетенный из шелковых и золотых нитей шнур, каким знатные арабы Туниса укрепляют на голове платок или капюшон

бурнуса, и вручил ему рекомендательное письмо г-на Гальюффи. Пока он расшифровывал его с помощью шурина, служившего, по-видимому, ему секретарем, я на досуге рассматривал его самого и вынужден был признать, что его внешний вид никак не соответствовал той картине, которую создала моя фантазия. Это был сильный молодой мужчина лет 20 с небольшим, хорошего среднего роста, с кожей коричневого цвета. У него было очень мало арабских черт, а выражение лица не выдавало ни особой душевной доброты, ни ума. В нем слишком сильно чувствовалась кровь его матери, родившейся от смешанного брака улед-хамед (местное арабское племя из Вадаи) и креда (племя даза из Бахр-эль-Газалья). Он был так скуп на слова, что поставил меня в неловкое положение. Он довольствовался тем, что пробормотал несколько слов приветствия, и заверил, что на территории, подвластной улед-солиман, со мной не случится никакой беды.

Его шурин Брахим Бу Ханджар оказался более ловким; он перевел разговор на Абд ал-Керима (Барта) и на Табиба (т. е. врача, под этим именем был известен путешественник Оверверг); многие в их племени сохранили о них дружественные воспоминания. Оба выразили сожаление, что мой соотечественник Ибрахим Бей (Мориц Бойрман¹¹) был сам в какой-то степени виновен в своей трагической гибели из-за того упрямства, с каким он отклонял гостеприимство улед-солиман. Со своей стороны, добавили они, они придерживаются того мнения, что, даже будучи отделены от нас религией, они все же имеют с нами больше общего — об этом свидетельствует цвет нашей кожи — нежели с «проклятыми керада»*. В их племени навсегда сохранится предание о той дружбе, которую некогда доказал христианский консул в Триполи султану Абд ал-Джлилю. Брахим Бу Ханджар, хотя и попал в эти места в раннем возрасте, сохранил живое воспоминание о своей родине, знал Триполи и много слышал о Египте и Тунисе, так что наш разговор не зашел в тупик. Наконец закусив простым *ашшем*¹² с подливкой из разбавленного водой молока, в чем шейх Абд ал-Джлиль участия не принимал, я отправился назад, не слишком удовлетворенный личностью вождя арабов, от которого во многом зависел успех моего путешествия. По дороге я намеревался посетить его двоюродного брата Мухаммеда, занимавшего второе место в племени и также носившего титул шейха. Он, чистокровный араб с отцовской и материнской стороны, годами несколько моложе Абд ал-Джлиля, со своими веселыми, живыми глазами и розовыми щеками оказался несравненно более приятным человеком, который, казалось, был не слишком пригоден к беспокойной и трудной жизни в прокаленной солнцем пустыне. И тем не менее

* Название *керда* (как форму единственного числа у арабов Канема я постоянно слышал слово *кердави*) распространяется ими на все темнокожие племена, с которыми они имеют дело, будь то тубу, бидеят, канури или другие, безразлично, мусульмане они или язычники. Без сомнения, возникает мысль, не является ли это слово арабизированным множественным числом слова *керди* (т. е. «враг», «язычник»), или же не представляет ли оно еще одну форму для названия племени креда в Бахр-эль-Газале, которое постоянно враждовало с улед-солиман (*примеч. авт.*).

этот нежный юноша, когда его старый отец выразил желание вернуться на родину, чтобы быть погребенным в земле своих предков, отказался последовать за ним — так сильно манит кочевников жизнь, не связанная пространством, временем или законом, и так велика сила привычки и обычая.

На обратном пути мы повстречали отца Хазаза, Бу Алака, личность которого очень укрепила мою уверенность в ближайшем будущем. Это был великолепный старый араб, простой, уверенный в себе, полный достоинства и в то же время сердечный и вызывающий доверие, а когда я увидел доброе согласие между отцом и сыном, то решил не расставаться с ним на все время моего пребывания и тут же отказался от мысли держаться постоянно вблизи Абд ал-Джилья. Казалось, все подтверждало достоверность того, о чем мне так часто говорили в Куке, а именно, что он был лучшим и степеннейшим человеком среди улед-солиман. В тот же вечер я перенес свою палатку поближе к нему.

Вскоре под влиянием покоя, воздуха пустыни и свежего верблюжьего* молока мое здоровье улучшилось, приступы лихорадки сделались короче и слабее и постепенно вовсе прошли. Я вновь обрел бодрость и надежду, снова принялся строить планы путешествия и стал принимать более деятельное участие в жизни того окружения, с которым был связан на месяцы. Общество нашего *фарики* было очень небольшим. Наряду с вождем всем заправляла его супруга Швеха, смышленная, толстая, добродушная арабка, возраст которой позволял мне поддерживать с ней безобидные отношения и которая помогала мне словом и делом. Кроме Хазаза там был еще младший сын, восемнадцатилетний молодой человек Ниджем (т. е. «звезда»), который, не будучи ни очень умным, ни очень добрым, все же при своей наивности и незнании мира иногда забавлял меня своим разговором. Жена Хазаза, Ниджема, сестра шейха Мухаммеда, молодость которой требовала от меня, естественно, большей сдержанности, была некрасива, холодна, черства, чванлива своим знатным происхождением и властолюбива. У нее полностью отсутствовала такая основная черта арабского характера, как определенное благородство духа. У Швехи был высокоодаренный брат по имени Амм Салих (т. е. дядя Салих), давно вдовствующий и находящийся целиком под каблуком молодой рабыни, которая ведет его небольшое хозяйство; его природное добродушие постоянно приходило в невероятно забавное противоречие с его скупостью. Наконец был еще Хусейн, по прозвищу Нгомати, небольшой спокойный человек в расцвете лет, низкого происхождения, оборотистый, необычайно деятельный хитрец, который умел изготавливать крепчайшие веревки из пальмового лыка — *лифа* и прочнейшие верблюжьи седла и превосходил всех соплеменников в умении покупать и продавать верблюдов. Кроме того, он был широко известен как превосходный знаток местности, умевший отыскать любое место, любой колодец, которые он видел однажды в своей жизни, а также отличавшийся непревзойденной способностью читать следы людей и животных. Хусейн также находился под каблуком своей жены Халлабы, которая вела себя

по-мужски, выходя за рамки того узкого круга, в который обычай заключает арабских женщин. При ней находилась замужняя дочь от первого брака, самая хорошенькая женщина в нашем окружении, муж которой был в отъезде.

Едва я в какой-то степени познакомился со своими соседями и товарищами по *фарику*, как все они пришли в великое волнение, вызванное приездом посла от Али, правителя Вадаи. Он передал приглашение самым уважаемым людям племени, в частности Бу Алаку, Бен Джувейли и ал-Асваду, посетить его на озере Фитри, куда он в скором времени намеревался прибыть с театра военных действий. Посланец по имени ал-Хеймер сам был родом из этого племени; он был схвачен во время грабительского набега арабов на северное Вадаи и оставлен в плену Мухаммедом Шерифом, тогдашним королем. Когда к власти пришел его сын, Мухаммед Али, то, намереваясь подружиться с этими беспокойными арабами, он освободил пленника и взял его для пробы в свой первый военный поход. В этом случае, как во всех следующих, Хеймер проявил себя столь смышленным, благонравным и храбрым, что постепенно стал пользоваться при дворе в Абеше большим уважением и сделался любимым собеседником и советником короля. С самого начала своего правления Мухаммед Али стремился обеспечить своим подданным на западе, северо-западе и севере страны безопасность от нескончаемых нападений беспокойных соседей из Канема, т. е. вынудить тех к двухсторонним договорам о дружбе.

Кроме того, он заметил, что в Канеме, где он хотел превратить свою номинальную власть в действительную, эти арабы заняли такое господствующее положение, что с ними не так легко было справиться и уже нельзя было не принимать их во внимание. Они держали в страхе не только туземцев даза и канембу, но и были значительно сильнее, чем наместник Вадаи, имевший свою резиденцию в Мао. Королю Али вскоре даже пришлось вернуть этому последнему (его звали Мохаммеду, он смертельно оскорбил короля и за это был смещен) его прежний пост, ибо улед-солиман не захотели терпеть его преемника Мусу в качестве своего соседа в Мао. Возможно, что честолюбивый государь вынашивал враждебные планы и против Борну, при осуществлении которых воинственные арабы, разумеется, приобрели бы большое значение. Правда, он вряд ли мог склонить их к активному выступлению против их благодетеля, старого шейха Омара, но во всяком случае должен был попытаться обеспечить себе их нейтралитет.

Какими бы мотивами ни руководствовался умный король, он уже несколько лет на деле стремился установить с опасными разбойниками добрососедские отношения, хотя у него было достаточно оснований их ненавидеть и где только можно истреблять. Едва началось его правление, они вторглись в страну с севера, чтобы силой оружия поставить у власти одного из его сводных братьев, претендовавшего на престол. Правда, тогда они были отбиты, но тем не менее оставались опасными врагами страны, непрерывно уничтожая скот и людей в племенах махамид, мисирийе и улед-хамед, корди (даза) и бидейят.

Несмотря на это, он неоднократно отправлял к ним дружественные посольства и подарки в виде платья, лошадей и рабов, а однажды, когда человек двадцать арабов (улед-солиман и магарба) были взяты в плен во время их набега против бидейят, которые подчинялись правителям Вадаи, он великодушно отправил их домой, тогда как захваченных вместе с ними даза он приказал всех без исключения немедленно казнить.

За приглашением на озеро Фитри последовали бесконечные совещания, которые мне, еще не посвященному в тайны общественной жизни моих новых друзей, казались лишенными всякого шанса на какой-либо исход, поскольку ни разу мужчинам не удавалось разрешить того несогласия, с каким они являлись на встречу. Каждый говорил, осуждал, бранил, хвалил с похвальной искренностью; самый скромный член племени без утайки выкладывал свое мнение, а те, от кого в итоге зависело решение — вожди групп или знатных семей, носители исторических имен и представители имущественной власти, с бесконечным терпением обсуждали все возражения против собственного мнения. Правда, это демократическое устройство было лишь кажущимся; в результате названные аристократические элементы всегда делали то, что хотели, а толпа следовала за ними, несмотря на высказанное несогласие.

В данном случае в ходе переговоров давало о себе знать то чувство преданности, которое все присутствовавшие, несмотря на бесчисленные доказательства их неблагодарности, выражали шейху Омару. Подавляющее большинство подозревало, что за доказательствами дружбы короля скрывались его враждебные планы против Борну. Перечислялись благодеяния правителей Борну по отношению к улед-солиман с момента их появления в этих местах; описывались гостеприимство, которым племя пользовалось с тех пор в Куке, выгода, извлекаемая ими на больших борнуанских рынках, а также та снисходительность, с какой при дворе в Куке переносили бесчисленные и непрекращающиеся убытки, наносимые улед-солиман жителям страны. Заявляли, что будет большой бестактностью, если Бу Алак, чей брат занимал почетное положение среди чиновников короля Борну, своим визитом даст публичное доказательство дружбы заклятому врагу этого короля.

Но в конце концов, после многодневного обсуждения, надежда получить богатые подарки от короля Али, который, должно быть, захватил неслыханную военную добычу, одержала верх над всеми соображениями приличия и политической приверженности, а когда получившие личное приглашение в один прекрасный день заявили, что они намерены поехать и тем самым решили дело, к каждому из них присоединилось по дюжине рассчитывающих на наживу клиентов. Я снабдил своего почтенного хозяина собственным, хотя и несколько побитым молю платком — *джериди*, подарил ему половину мокты хама для нижнего платья и тем самым довершил его костюм, поскольку сразу по прибытии я уже дал ему тарбуш с чалмой.

Во время поездки этой депутации на озеро Фитри Шерфеддин,

уже упоминавшийся вождь одной из групп джебаир и один из почтеннейших людей племени, должен был, согласно желанию короля Али, отправиться к юго-восточным туарегам кель-ови, чтобы договориться с ними о ненападении на жителей северного Вадаи. Именно кель-ови предпринимали ежегодные набеги далеко на восток, а с тех пор как они стали жить в мире с улед-солиман и союзными им даза, их излюбленной целью сделались богатые пастбища верблюдов, принадлежащие арабам махамид в самой северной части Вадаи. Эти набеги совершались обычно в период летних дождей, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия на обратном пути длиной более 1 тыс. км. Когда кель-ови проходили через знаменитую котловину Эген, к ним, как правило, примыкали арабы и даза, пасшие здесь свои стада, которые редко могли устоять перед такой возможностью. Благополучие махамид, известных верблюдоводов, очень заботило короля Вадаи. Поскольку приближалось лето, он старался до его наступления предпринять нужные действия, в чем ему готов был помочь Шерфеддин, человек очень разумный, спокойный и прекрасный знаток туарегов.

В это время я тоже чуть было не отправился в другую сторону. За несколько дней до своего отъезда пришел Бу Алак, выполнявший поручение Абд ал-Джлиля и соплеменников, чтобы склонить меня к добровольному возвращению в Борну. Старый господит откровенно объяснил причину перемены общественного мнения в отношении меня и моих планов. Незадолго до моего приезда из лагеря уехали два эмиссара фанатического религиозного братства сенуситов¹³, которые появились в Канеме, чтобы усюветить безбожных арабов, притеснявших теда, даза и бидейят. У меня уже был случай рассказать, какое широкое распространение получила эта секта в Северо-Восточной Африке за какие-то полвека. Теперь миссионеры намеревались основать религиозные центры — завии — в Борку и Эннеди. Для этого им требовались некоторые гарантии безопасности их подопечных со стороны улед-солиман. Они взывали к их совести, грозили им бесконечными муками ада в наказание за их постыдные действия против правоверных и оставили их повергнутыми в глубокое раскаяние. Сами же они намеревались посетить юго-восточный Канем и затем вернуться в Борку через Шитати. Слух о моем приезде дошел теперь до Мао, следствием чего явилось резкое письмо этих фанатиков к Абд ал-Джлилю. В нем они требовали переслать им оставленные у арабов кое-какие вещи и рабов, поскольку они пришли к решению ехать в Борку через Вадаи, чтобы больше не встречаться с теми позабывшими бога людьми, которые к своим прежним бесчисленным грехам добавили еще и тот, что сопровождают христианина в ту часть страны, куда еще не ступала нога неверного европейца.

После публичного прочтения письма арабы, озабоченные тем, чтобы хоть немного облегчить бремя своих грехов, решили просить меня добровольно отказаться от поездки в Борку. Бу Алак с достоинством и твердо заявил им, что он, конечно, известит меня об этом решении, но в случае, если я соглашусь с его соплеменниками и

откажусь от поездки в Борку, он сам покажет мне Канем во всех направлениях и лично препроводит меня в Куку. К сожалению, на этом собрании не мог присутствовать Хазаз, пользовавшийся значительным влиянием; он лежал в лихорадке, так что мне повезло, что его отец еще не уехал. Я поручил ему сделать от моего имени заявление на общем собрании совета о том, что я пришел не для того, чтобы навлечь позор на улед-солиман, а с верой, что дружба, некогда связывавшая их предков с христианами в Триполи, продолжает жить среди них и что она обеспечит мне добрый прием. Если я ошибся в этом и они сами открыто хотят объявить позором то, что среди них находится христианин, тогда я вернусь в Борну. Если они все же этого не сделают, а *аилет* (родовая группа. — Пер.) Бу Алак, мои хозяева, захотят оставить меня у себя, тогда мне совершенно безразлично, что обо мне будут думать и говорить сенуситы, ибо их мнение касается не моей персоны, которая им совершенно незнакома, а лишь моей религии; она же является наследием моих отцов, и бог один ведает, правильна ли она.

После того как Бу Алак сделал это заявление, подтвердил свое высказанное вначале решение и прочел младшему поколению наставление о долге гостеприимства, он уехал, пристыдив своих соплеменников. Правда, Абд ал-Джлиль в тот же день через больного Хазаза сделал еще одну попытку по-дружески отделаться от меня, но последний остался тверд и заверил, что, как он и обещал шейху Омару, он приведет меня в Борку или, если это окажется невозможно, сам вместе со своими близкими и со мной останется в Канеме.

Пока это важное дело не раз обсуждалось и так и не было окончательно решено, племя перенесло стоянку дальше на северо-запад, готовясь к отъезду в Борку. Поскольку за время недельного отдыха мои верблюды совсем не окрепли, а мы с каждым шагом удалялись от источников зерна и должны были везти с собой в Борку продовольствие для людей и корм для лошадей в расчете на целые месяцы, я был вынужден пожертвовать семью тобами, чтобы купить четвертую «спину» — *дахар* (что значит «верблюд»), и двумя другими в обмен на груз проса *духн*. После этого 16 апреля мы шли в течение трех часов в северо-западном направлении через Бир-аш-Шербейта вплоть до северной границы Шитати и разбили лагерь неподалеку от Бир-Делеи.

Так как вскоре предстоял отход всего племени, вопрос о моем пребывании в нем нельзя было дальше откладывать. Когда последняя попытка со стороны окружения шейха отослать меня назад натолкнулась на непоколебимость Хазаза, дело было решено в мою пользу. Однажды Абд ал-Джлиль лично посетил меня и с некоторым смущением высказался в том смысле, что он, собственно говоря, всегда считал мое участие в путешествии само собой разумеющимся, а все, что говорилось о протесте миссионеров сенуситов на собрании совета, дошло до моих ушей в весьма преувеличенном виде.

За несколько дней до нашего отъезда у меня появилась возможность завязать интересное знакомство с широко известным и устрашающим вождем Халуфом — старейшим союзником улед-солиман

на их новой родине. Он приехал из долины Баркадруссо, лежащей неподалеку на юго-западе, где находилась его главная стоянка в Шитати, чтобы попрощаться на все лето со своими друзьями. Однако в его действительные намерения входила скорее попытка удержать их в Канеме, ибо, окруженный врагами и ненавидимый всеми остальными племенами даза, коим он при каждом случае давал почувствовать свое превосходство, Халуф нуждался в соседстве арабов, союзничеству с которыми он был обязан своей властью и без чьей поддержки он не мог обойтись в возможных военных предприятиях. Судя по всему, что я о нем слышал, он был среди своих земляков явлением необычным, человеком, отмеченным как политической мудростью, силой воли и ратным мужеством, так и вероломством, мстительностью и жестокостью. Хотя прошло уже 20 лет с тех пор, как с ним познакомился Барт, я застал его все еще в полной силе. Своим мощным телосложением он напоминал одного из высших борнуанских чиновников, о котором говорили, что за один дневной переход он заезжал двух сильных лошадей. Его кожа была серовато-черной, он выделялся настоящей бычьей шеей и широким, грубым бульдожьим лицом; в нем не было ничего от характерных черт и телосложения тубу, хотя вообще племя кадива, или кадава, фактически, если не номинальным, вождем которого был Халуф, произошло путем смешения канембу и даза. Поскольку почти все подразделения канембу за то время, пока в стране не было порядка, отошли на берега Чада или на его острова, это племя почти полностью утратило черты канембу, первоначально преобладавшие в его обычаях и образе жизни, и восприняло привычки кочевников даза, своего второго элемента. В облике сопровождавших Халуфа людей, по преимуществу темнокожих, также лишь у немногих проявлялось сходство с тубу.

При малом числе и ненадежности моих людей, слабых верблюдах и ограниченных средствах я пустился в путь не без опасений. Правда, сам я мог надеяться, что вскоре совершенно поправлюсь в здоровом климате пустыни, однако состояние Хамму все еще внушало тревогу. У Солимана во время отдыха в Канеме вновь появилась возможность завязывать бесчисленные любовные связи с рабынями арабов, из-за чего он пренебрегал своей работой. И только Хадж Хусейн проявил себя деятельным и смелым слугой, которого очень уважали арабы. Однако, хотя он усиленно ухаживал и за лошадью и за верблюдами и заставлял работать легкомысленного Солимана, я тем не менее не мог доверить этому последнему самостоятельную работу, а сил Хамму едва хватало на то, чтобы приготовить нам еду. Помимо этого нужно было выполнять множество утомительных и трудоемких дел: принести воду, нарезать корм для лошади, выпастить и напоить верблюдов и намолоть зерно. Находясь в племени, считавшем труд постыдным делом, я не мог требовать от своих светлокожих слуг, один из которых был даже шерифом, выполнения работ, обычно возлагаемых на женщин и даже рабынь. Дункас, раб из Багирми, еще в Куке гордо отказывался хоть как-то участвовать в приготовлении пищи, хотя потом Хамму, когда было нужно, довольно часто

сам молот зерно. Теперь же у него не хватало для этого сил, да и я не мог заставлять его выполнять подобную работу на глазах всего дуара. Правда, пока что в этом отношении была очень услужлива Швеха, она даже приготовила нам в дорогу много своей родной *зомейта*¹⁴, но я предвидел, что при общей нехватке рабынь она недолго будет приносить себя в жертву.

Однако самые большие опасения внушали мне выючные животные, состояние которых я озабоченно, если не сказать безнадежно, соотносил с запасами зерна, предназначенного для того, чтобы прокормить нас в пути в Борку. Пегий *милахи* был сплошная кожа да кости; второе животное, белый канемский верблюд, с самого начала не отличалось большой силой; в третьего огромного коямского верблюда никто не верил, а купленный в Канеме *хикк* (трехлетний верблюд-самец), хотя и был выращен знающими в этом толк бидейят, был еще слишком молод для переноски тяжелых грузов. К сожалению, ограниченность в денежных средствах не позволила мне ни нанять больше людей, которых нужно было бы кормить, ни купить побольше верблюдов. Приходилось ждать будущих набегов (которыми все бредили), надеясь, что у арабов увеличится количество верблюдов и, следовательно, упадет цена на этих животных.

Поездка в Борку

Передвижение кочевников. — Перевозка знатных женщин. — Мой товарищ по палатке Хадж Абд ал-Ати. — Местность Манга. — Долина и колодец Фидфидди. — Низкая утренняя температура. — Колодец Кедела-Воати. — Новая вспышка фанатизма. — Уменьшение растительности и строение долин. — Бирфо, пограничная стоянка Канема. — Ложная тревога. — Спуск в котловину Эгеи. — Потеря верблюда. — Колодец Саладо. — Солоноватая вода в колодцах Эгеи. — Племена, пасущие скот в Эгеи. — Положение пленных и рабов у улед-солиман. — Ограбленные кедида. — Бир-Шкаб. — Остатки скелетов рыб. — Подвижные дюны. — Скорость их передвижения. — Неглубокое залегание подпочвенной воды. — Поголовье верблюдов у улед-солиман. — Их знания и наблюдения за этими животными. — Прочее их имущество. — Отрезок пути между Эгеи и Боделе. — Стоянка Удунга в Торо. — Наличие дичи. — Использование шкуры с затылка сабельной антилопы. — Потеря второго верблюда. — Другие стоянки в Торо. — Стоянка Каро, самое низменное место на нашем пути. — Ежедневная песчаная буря. — Сандалии для верблюдов. — Высота Боделе и Эгеи в соотношении с Чадом. — Существование прежде лагуны между Канемом и Борку. — Предполагаемое время ее высыхания. — Следующие стоянки Боделе. — Яйо ас-Срир, или Киши-Киши. — Первые жители Борку. — Сопровождения арабов. — Потеря третьего верблюда. — Соотношение температуры и ветра. — Безводный отрезок пути между Яйо и Айн-Галаккой. — Изматывающий переход. — Опасность заблудиться. — Айн-Галакка. — Обилие воды в источнике. — Остатки построек в его окрестностях. — Их толкование. — Племенные верблюды бидейят. — Раздел долин с финиковыми рощами на период сбора урожая. — Джин, или Белед-ал-Амйян. — Уменьшение населения в этом оазисе. — Борку после переселения улед-солиман. — Обитатели Джина. — Поездка в Нгурр. — Прибытие в Нгурр-Дигре.

Магарба уже покинули свои постоянные стоянки в округе Лиллоа и отправились восточной дорогой, которая несколько короче и проходит ближе к Бахр-эль-Газалю. Но вот 24 апреля и мы снялись с места. Первое после длительного отдыха выступление кочевого племени из лагеря с женщинами, детьми и всем имуществом — не совсем простое дело, несмотря на весь жизненный опыт и нехитрый скарб. Даже самое скромное хозяйство включает множество предметов, и невозможно раз и навсегда выбрать для них наиболее целесообразное размещение на вьючных животных, так что всякий раз его приходится искать заново. Здесь циновки и палки для хижины; палатка со всеми принадлежностями; кружки, тарелки, кувшины, горшки и кастрюли из кухонной утвари; большие камни для размалывания зерна; платья и украшения; иногда немалый запас пороха, свинца и кремней; многочисленные и столь важные бурдюки для воды; запас веревок, металлических инструментов и седельной сбруи; наконец, бесчисленные мелочи, думать о которых приучает опыт и образ жизни кочевников, рассчитывающих только на себя. К этому добавляются запасы зерна, фиников, соли и масла, а в этих удаленных от морского побережья местах — и борнуанские тобы, туркеди¹⁵, крашеная козлиная кожа и другие товары, заменяющие деньги и служащие для обмена. При длительном пребывании в одной и той же местности все эти предметы упаковываются, естественно, не так плотно, как в пути, где они только постепенно находят самое удобное место. Верблюд предпочитает в общем несколько крепко связанных багажных тюков и не терпит многочисленных пустых подвесок, которые легко сдвигаются с места и нарушают равновесие; однако кочевникам труднее обойтись без них, нежели странствующим торговцам с их скромной домашней утварью и компактными тюками товаров.

Уже около полуночи лагерь оживился: каждый раскладывал, упаковывал и перевязывал свое имущество, готовясь к первому переходу. И тем не менее мы смогли выступить лишь на закате. В более зажиточных семьях женщин с маленькими детьми перевозили на верблюдах; мужчины путешествовали на конях, если они у них были, на верблюдах, если речь шла о стариках, или шли пешком, подобно подросткам, большинству малоимущих людей и рабам обоего пола. Женщины сидели или лежали в деревянных, похожих на корзины сооружениях, которые были укреплены поперек специально для этой цели уложенной кладью; они достаточно высокие, чтобы сидеть в них с подогнутыми под себя ногами, и достаточно длинные или, скорее, широкие, чтобы лежать подтянув колени. Улед-солиман называет их словом *кармут** (оставшимся мне неясным); они состоят из скамейки без ножек примерно двухметровой длины и в половину менее широкой, которая покрыта сводом из согну-

* В других местах устройства, похожие на эти и покоящиеся поперек верблюжьей кладью, называют обычно *катаб*. Во многих местностях женщин и детей перевозят в похожих на корзины деревянных дорожных креслах, которые прилаживают по обеим сторонам верблюда и называют *хашаб* (т. е. деревянная подставка, или *махара*) (примеч. авт.).

тых веток, укрепленных на близком друг от друга расстоянии по длинным сторонам. Торцовые стороны этого короба закрывают вертикальные деревянные палки, оставлено входное отверстие, достаточно большое, чтобы влезать туда. В знатных семьях изготовлению этого устройства уделяется большое внимание; его окрашивают в черный цвет и увешивают шерстяными одеялами и шелковыми платками, разнообразие которых составляет предмет гордости женщин. Принцессы, т. е. женщины родом из семьи вождей, имеют право укреплять на боковых стенках *кармута* гибкие насадки из деревянных палок примерно метровой высоты и украшать их разноцветными шелковыми платками, чем вызывают зависть остальных женщин. Мужчина же старается обзавестись для перевозки этого сооружения отличающимся силой и красотой верблюдом, достойным нести хозяйку его дома. Во всяком случае, это животное должно быть сильным, поскольку для придания устойчивости *кармуту* груз под ним располагают в виде широкой, крепкой и надежной основы.

Направление нашего пути в первый день лишь незначительно отклонялось с севера на восток. Мы шли шесть часов, но нас неоднократно задерживали повороты дороги и необходимость перегружать животных, так что мы не достигали скорости в четыре километра в час, как это было в прежних путешествиях. Семьи отдельных *фариков*, которые держались вместе и в пути, часто оказывались на большом расстоянии друг от друга. Проводником — *хабиром аилет* Бу алак был Хусейн, супруг Халлабы. С этого времени моим спутником на некоторое время стал странствующий ученый, из тех, что нередко путешествуют в мусульманских странах Черной Африки на свой страх и риск. Этого звали Абд ал-Ати, он был родом из Мисураты в Триполитании, получил имя Муаллим ал-Хадж и присвоил себе благородный титул шерифа; большинство, однако, сомневалось и в этом его титуле, и в том, что он паломник. Уже много лет каждую весну этот человек являлся в Канем к улед-солиман, писал для них талисманы и целительные изречения, обучал их детей, занимался их немногочисленной корреспонденцией, сопровождал их в Борку на сбор фиников, а осенью возвращался в Куку с несколькими центнерами фиников и одним или двумя верблюдами. Там он скромно жил с одной рабыней на то, что принесла ему его поездка, пока снова не приходила весна. Поскольку у него не было ни слуги, ни продовольствия, по пути он приставал то к одному, то к другому и вскоре выбрал меня, так как не всем женам арабов нравилось подолгу кормить гостей, а я испытывал сострадательную симпатию к этому добродушному человеку, который помимо своей нищеты был еще и туг на ухо. Каждый вечер, покончив с ужином, когда все устраивались ко сну и ничто не нарушало спокойствия пустыни, он исполнял свой долг ученого и удовлетворял религиозную потребность, импровизируя далеко разносящимся голосом бесконечные молитвы в излюбленном напевном стиле восточных школьных учителей.

На следующий день (25 апреля) мы снова ушли недалеко. Верблюжата, которые на свежем утреннем воздухе всегда особенно

весело играют вокруг караванов, были в этот день необычайно шаловливы и соблазняли даже наиболее серьезных представителей своего рода к самым необыкновенным прыжкам, которые, правда, вызывали у нас смех своей причудливой неуклюжестью, но не шли на пользу поклаже. Местность, как и прежде, представляла собой твердую, но не каменистую почву с тонким слоем песка и слегка поросшую акацией сайяль, харазой (*Acacia albida*), серрахом (*Maegua*), хеджлиджем и мархом (*Leptadenia pyrotechnica*) и травами асканит, нисси, акреш, бу рукба и креб (*Eragrostis*). Теперь мы оставили позади округ Шатати и несколько поднялись к области Манга. Продолговатые холмы или возвышения часто достигали здесь высоты примерно 60 метров и образовывали в соответствии со своим расположением долины вытянутой или округлой формы. Прodelав с многочисленными, хотя и незначительными, отклонениями семичасовой переход в том же направлении, что и в предыдущий день, и не добравшись до желанных колодцев, мы по распоряжению Хусейна разбили лагерь, ибо он, сбитый с толку вопросами и советами своего окружения, потерял уверенность в правильности выбранной дороги и собирался сам ее разведать. В этом отношении особенно докучал ему Амм Салих, который, подобно многим людям своего возраста, был склонен постоянно предсказывать беду и предвидеть потерю дороги, нехватку воды или другие сходные несчастья. Первоначально намеченная дорога оказалась гораздо восточнее, однако, как мы позднее узнали, колодец Аскенна, у которого предусматривалась остановка, был полностью засыпан песком, так что нам не пришлось сожалеть о своей ошибке.

Чем выше поднималась местность, тем глубже становились долины и тем пышнее казалась растительность на их дне по сравнению с гольми возвышенностями. 26 апреля мы увидели в одной глубокой, похожей на русло реки долине мыльные деревья, покрытые почти яркой зеленью, и безлиственный, как в пустыне, тундуб (*Sarcoparis sadada*), усыпанный изысканными алыми цветами и зелеными, тут и там краснеющими ягодами, тогда как почва, напоминавшая пашню, густо поросла кребом. Мы двигались по-прежнему в северо-северо-восточном направлении и уже через четыре часа остановились в этот день на восточном склоне глубокой долины Фидфидди, чтобы дожидаться здесь сбора всех подразделений улед-солиман, вышедших в разное время из различных пунктов Шитати.

У колодца глубиной 8 метров, вырытого на дне долины, жили кадава со своими коровами и овцами, которые, хотя и уступали по своим свойствам борнуанским, находились тем не менее в превосходном состоянии. Кадава посещают колодцы округа Манга лишь временно и в отдельных случаях, и в восточной части этой местности те скорее находятся во владении юроа, орабба и йоримме, тогда как в западной части, вплоть до дороги в Борну, пасут озимма, ворда и гунда. Один вольноотпущенный раб Халуфа, феллата по происхождению, продал мне жирную овцу за половину борнуанской тобы, отказавшись принять уплату наличными деньгами или хамом. Подобно тому как в Тибести путем механического деления талера полу-

чают более мелкую монету, так и в Канеме делят пополам тобу. Причина этого в основном та, что улед-солиман, сохраняющие принесенный ими с родины обычай покрывать голову и плечи, шивают две соответственно скроенные половины тобы в платок по форме триполитанского баракана, не умея, однако, передать в тяжелой грубой хлопчатобумажной ткани живописной драпировки своего прежнего покрывала.

Шейх Абд ал-Джлиль во время нашего пребывания в долине Фидфидди сделал привал на расстоянии полдня пути от нее у колодца Кедела-Акид, тогда как местом встречи джебаир был выбран колодец Кедела-Воати, лежащий примерно в 50 километрах дальше к северо-северо-востоку. Наш путь до него растянулся до 30 апреля. 27-го мы проделали всего 14 километров и остановились не у воды. 28-го добрались через семь часов до колодца племени орабба. 29-го вскоре после выступления наткнулись на *фарик* вождя и отдыхали с ним у Бир-Ингиззегги, расположенного всего в двух километрах дальше в этой же долине, хотя он и отстоял в каких-то шести километрах от колодца Кедела-Воати. Постепенно люди на переходе подтягивались ближе друг к другу и соблюдали больше порядка, избегая промедлений, вызванных необходимостью перегружать небрежно навьюченных животных. Ранние утренние часы были неприятны из-за низкой температуры, которая, например, 28-го, незадолго до восхода солнца опустилась до 13 °С, что я очень почувствовал в своей простой рубашке и в таких же брюках, которые составляли всю мою одежду.

Когда 30 апреля мы добрались до колодца Кедела-Воати, меня поразило то, что Бу алак разбили свой лагерь далеко от людей Абд ал-Джлиля, а вскоре я узнал, что моя безобидная персона стала поводом для новой перебранки. Один торговец меджебри (житель оазиса Джало) по имени Муса сопровождал миссионеров сенуситов и, позарившись на дешевые и отличные (вследствие чистых песчаных почв) перья страусов, которых в большом количестве убивали в Эген, отправился с улед-солиман в надежде встретиться со своими набожными спутниками в Борну. Будучи меджебри (все его соплеменники — несносные попутчики и пользуются даже у остальных арабов репутацией людей недружелюбных и грубых) и приверженцем сенуситов, он снова возмутил совесть ближайших сподвижников Абд ал-Джлиля и отказался двигаться или останавливаться рядом со мной. Муаллим ал-Хадж, который воспринял выходку необразованного меджебри как личное оскорбление — поскольку он делил со мной одну палатку, — отправился по моему наущению как бы ненароком к шейху, чтобы побороть это новое проявление фанатизма с помощью соответствующих мест из Корана. Ему удалось также успокоить не чересчур чуткую совесть наших введенных в заблуждение арабов и в какой-то мере вновь обезопасить мое положение; правда, Муса остался моим заядлым врагом.

Бир-Кедела-Воати образует естественную северную границу области Манга, хотя расположенная примерно в 50 километрах дальше на северо-восток стоянка Бирфо еще относится к Канему.

Деревья здесь более редки, так что песчаную почву покрывали только травы, среди которых вновь впервые появилось пустынное растение ал-хад (*Cornulaca monacantha*). Характерные до сих пор долины кончились, и местность оказалась попросту волнистой, примерно как степь Тинтумма по дороге на Борну. Ветер, который в Шитати и Манге все еще дул с разных сторон, теперь становился все больше и больше постоянным северо-восточным пассатом пустыни, поднимаясь и заканчиваясь вместе с солнцем. Мы расстались с зоной летних дождей, вступили в пустыню и после двенадцати часов перехода в течение 1 и 2 мая, следуя примерно в том же направлении, добрались до колодцев в Бирфо глубиной в 10 метров с их солоноватой водой, лишь отчасти утоляющей жажду и раздражающей кишечник.

Здесь во второй половине дня 2 мая наш мирный лагерь был внезапно взбудоражен громким воинственным кличем и барабанным боем из палатки шейха. Это смятение вызвали подозрительные всадники с чужими верблюдами, показавшиеся на горизонте с запада, ибо в этой небезопасной местности безобидные путники встречаются редко. Улед-солиман уже испытывали беспокойство, так как получили известие о том, что урфилла, их союзники на родине, покинули свои стоянки в Триполитании и предприняли грандиозный военный поход против туарегов кель-ови. Они не без оснований опасались, как бы эти, их самые опасные, самые многочисленные и самые воинственные, противники не порвали по этой причине мирный договор и не напали на них в пути.

В данном случае опасение вскоре рассеялось: спокойная размеренность, с какой далекий отряд двигался в сторону нашего лагеря, исключала враждебные намерения с его стороны. Действительно, это оказались наши собственные люди, некоторое число шередат и миаисса; они воспользовались тем обстоятельством, что прибыли на место раньше нас, для того чтобы самостоятельно выступить против даза — так называемых кедида, которые были заняты в степи своим основным делом, охотой с собаками на антилоп. Грабители напали на них у колодца Дира, в одном дне пути к западу или к западу-юго-западу от Бирфо, и каждый возвращался теперь с добытой им верблюдицей, хотя ограбленные и находились с арабами в совершенно мирных и дружественных отношениях.

От Бирфо за два дня пути можно добраться в восточном-северо-восточном направлении до обширной котловины Эгеи, которая понижается с северо-запада на юго-восток, но все-таки не доходит до Бахр-эль-Газала. Я столько слышал об обилии в ней кормовых трав, колодцев и превосходной воды для водопоя верблюдов, а также о легендарных рыбьих костях¹⁶, которые лежат там якобы на поверхности земли, что страстно жаждал увидеть собственными глазами эту удивительную местность, уже давно вызывавшую интерес европейских географов. Уже 3 мая, когда мы находились в пути шесть часов, местность не только выровнялась, но и, наоборот, начала понижаться, а песок стал таким глубоким, что в нем не держался *датерам* (втыкаемый в землю кол, к которому привязывают путы

лошадей). Мы дошли в этот день до границы между Канемом и Эген, которая здесь обозначена одинокой, издали заметной акацией сайяль. Начиная отсюда уклон почвы сделался еще заметнее, и на следующий день (4 мая) в течение двенадцатичасового перехода мы время от времени спускались по террасоподобным ступеням местности в обширную низину. Глубокий верхний песчаный слой нередко отсутствовал, так что вся местность оказалась расчлененной впадинами, напоминавшими желоба, в которых обнажалась лежащая под песком глиняная почва, усеянная рыбьими позвонками, позднее встречавшимися в еще больших количествах.

Когда нас отделяло от цели еще четыре часа пути, я с огорчением заметил, что мой туарежский верблюд теряет силы. С поразительной энергией, присущей этой благородной породе, бедное создание еще несколько часов боролось с усталостью; однако его шаги становились все короче и короче, расстояние между ним и его собратьями все увеличивалось, и наконец он улегся на землю со свойственной этим животным решимостью, чтобы больше уже не встать. Хазаз переложил на одного из своих верблюдов его поклажу, а с ним остался один из его рабов, чтобы, дав ему отдохнуть, попытаться налегке привести бедное животное. В это время с высоты одного холма мы увидели в восточной стороне темную полосу растительности, которая резко выделялась на светлом фоне обширной равнины. Она простиралась с северо-запада на юго-восток вплоть до стоянки Саладо (название даза), или Солаль (арабское наименование).

К западу от нашего лагеря находились четыре колодца. Все они оказались засыпанными до краев. Несмотря на усталость, вызванную длительным переходом, их тотчас же принялись раскапывать. Вскоре почва стала влажной, и на глубине трех метров с северо-западной стороны в колодец хлынула вода, которая через мгновение дошла землекопу до груди, так что его пришлось поспешно поднять наверх. Тем самым, по-видимому, подтверждалось предположение арабов о подземной реке, протекающей от Эген. Вода, как и в большинстве колодцев этой местности, богата слабительными солями и именно поэтому высоко ценится кочевниками. Ее употребление расценивается как целительное, очищающее кровь лечение и вызывает у верблюдов превосходный аппетит, вследствие чего они приобретают на прекрасных пастбищах Эген большую физическую силу и здоровье. Увиденная нами издали полоска растительности состояла преимущественно из кустарника суэда, тогда как сивак, который, должно быть, преобладал в других местах долины, был представлен лишь отдельными кустами. Песок здесь тонкий, зыбучий и высоко ценится теми, кто периодически посещает Эген. Останавливающиеся там даза тотчас же снимают штаны, так как убеждены, что благодаря непосредственному соприкосновению с песком станут нечувствительны к голоду и жажде; арабы, подобно даза, превозносят очищающее свойство песка и утверждают, что ни у кого в Эген вообще нет нужды стирать свою одежду.

Пастбища в этой обширной долине принадлежали сначала племени джагада, или мусу, из Борку, которых также называют насада,

т. е. люди Оды — по имени их прославленного вождя. Однако их историческое право не запрещает арабам и их союзникам-даза из Канема ежегодно, хотя и на короткое время, пригонять туда своих верблюдов, в какой-то степени ради лечения водой из колодцев. Другие племена, находящиеся в хороших отношениях с джагада, порой тоже появляются здесь, так что уже в древности эти пастбища нередко становились целью грабительских набегов. Здесь в начале своего перемещения на юг улед-солиман захватили у даза большинство их верблюдов; здесь же, в свою очередь, они чаще всего подвергались нападению туарегов и жителей Вадаи.

К вечеру все еще не вернулся Барка, тот раб-бидейят, который отстал из-за моего верблюда. На его поиски был отправлен на верблюде Хамис, молодой араб-махамид, с запасом воды на длительное время, так как на здешнем тонком песке легко стираются следы прошедшего каравана. Хамис также принадлежал моему хозяину Хазазу, который привез его в качестве пленника из похода против махамидов. Военнопленный у улед-солиман отличается от раба разве что тем, что его едва ли когда-нибудь продадут, подобно захваченному в качестве добычи негру или жителю Эннеди. При этом больше принимаются в расчет цвет кожи и арабское происхождение, нежели служащие собственно мерилom вопросы религии. Так, если мои хозяева и утверждали, что бидейят язычники (*коффар*) и поэтому подлежат продаже, то при случае они не боялись поступать так же и с пленниками даза или канембу, хотя те и были столь же хорошими или плохими мусульманами, как и они сами. Когда такие военнопленные арабы попадают в руки врагов в ранней молодости и их не выменивают или не выкупают за соответствующую сумму родственники, они ассимилируются со своим новым окружением, становятся вольноотпущенниками, сохраняя определенную зависимость, потом женятся на девушке того же сословия. Они стоят выше презренного положения настоящего раба, не становясь, правда, полноправными членами, и вряд ли когда-нибудь возвращаются в свое племя. Хамис, превосходно знавший местность, нашел бы бесчисленные возможности бежать на родину. Он совершал по поручению хозяина дальние поездки, участвовал в каждом набеге улед-солиман, его никогда не стерегли. И все же его новые товарищи сделались ему милее, нежели соплеменники, с которыми он расстался, будучи ребенком.

Этой преданности в значительной степени способствует та доброжелательность, с какою улед-солиман вообще обращаются со своими рабами, даже с теми, у кого нет никакого права — из-за исповедания мусульманской религии или арабского происхождения — на особое внимание. Насколько жестоко и грубо они поступают во время своих набегов, настолько в общем гуманно принимают они в свой семейный круг тех, кого захватили в качестве добычи. У Хазаза был еще один мальчик-бидейят из Гуро по имени Коре, т. е. Коротыш, или Малыш, которого он любил, пожалуй, не меньше своих детей и не продал бы ни за какую цену. Впрочем, Коре — он с полным правом носил это имя, ибо в свои 13 лет едва достигал роста восьмилетнего мальчика,

хотя и был плотного и сильного сложения, — щедро оплачивал за любовь своего хозяина. Он целиком вошел в новую семью, так что его отцу, зажиточному человеку, который время от времени появлялся с богатым выкупом, никак не удавалось склонить сына вернуться на родину.

Барка добрался до лагеря ночью, как и ожидалось, без измотанного до смерти верблюда, но на следующее утро не хватало Хамиса, так что мой Солиман отправился вместе с одним из людей шередат, которому также пришлось оставить на дороге верблюда, чтобы помочь ему и одновременно поискать с его помощью Хамиса. В конце концов вечером отсутствовали все трое, что заставило Хазаза вместе со знающим эти места Хусейном выйти на верблюдах, прихватив бурдюки с водой. Но и они никого не нашли, однако на следующую ночь все заблудившиеся постепенно собрались, причем все пришли с разных сторон. Я больше всего беспокоился за Солимана, который при своем полном незнакомстве с пустыней был несправимо легкомыслен и самоуверен.

5 мая мы оставались у колодца Саладо, отчасти для отдыха, отчасти для поисков заблудившихся. Тут появились кедида, пострадавшие от нападения наших людей у колодца Дира, и потребовали вернуть им похищенных верблюдов. Абд ал-Джлиль и вместе с ним более честные арабы сочли их требование совершенно справедливым, но были вынуждены признать, что не в их власти заставить грабителей вернуть добычу. Правда, издавна существовало нечто вроде совета, решению которого должны были подчиняться отдельные члены племени; но с тех пор как поколение, пришедшее из Феццана, почти вымерло или по крайней мере верх одержала молодая необузданная смена, этот институт потерял свое значение. После бесконечных пререканий удалось хотя бы частично возратить пострадавшим их собственность. Так обстоит дело со всеми, кому приходится иметь дело с *миннеминне*, т. е. с пожирателями, как называют улед-солиман в Судане и среди даза; враги теряют все, а друзья, во всяком случае, большую часть своего имущества.

Абд ал-Джлиль с большой готовностью брался довести до Борку один мой груз зерна, намереваясь, после того как они там захватят добычу, подарить мне верблюдов, так что 6 мая я мог с более легкой душой пуститься в дальнейший путь. В этот день мы повернули к востоку-юго-востоку и прошли так всего 14 километров, а за следующие шесть часов, двигаясь в юго-восточном направлении, добрались до Бир-Шкаб, где нашли всех остановившихся на отдых шередат и миаисса. Мы следовали вдоль долины Эген и обнаружили вышеописанные впадины с отсутствовавшим верхним песчаным слоем, усеянные рыбьими позвонками, которые иногда еще были соединены друг с другом и свидетельствовали о солидных размерах экземпляров. Таким образом, не оставалось сомнений в том, что долина когда-то была покрыта водой, а именно, если верить преданиям окрестных жителей, еще в сравнительно недавнее время. Если к этому добавить, что, согласно данным анеронда и термометра, Эген лежит уже ниже уровня Чада и понижается к Бахр-эль-Газалю с северо-запада на

юго-восток, то нельзя не признать правоту жителей островов Чада и Канема, выводящих Бахр-эль-Газаль из озера Борну и считающих, что он понижается к северо-востоку. В другом месте я еще вернусь к этому интересному вопросу.

Уже в самой долине мы впервые увидели отдельные песчаные дюны своеобразной формы. Они имели одну и ту же конфигурацию, одно и то же направление и примерно одну и ту же высоту, лишь изредка превышавшую 15 метров. Их выпуклая, как по горизонтали, так и по вертикали, и обращенная на северо-восток спина заканчивалась наверху острым краем отвесно падающей, вогнутой в плане и обращенной на юго-запад стороны. На обширной равнине виднелись эти многочисленные образования, отделенные друг от друга различным расстоянием. Представляется несомненным, что они возникают под влиянием дующего с большим постоянством северо-восточного пассата и перемещаются. Впоследствии мои спутники — дети пустыни, имеющие острый глаз и примечающие все изменения на местности, ориентируясь порою на какие-то колодцы, на отдельно стоящее дерево или на другие неподвижные предметы поблизости от дюн, смогли доказать, что их перемещение происходит сравнительно быстро. Эта скорость, по-видимому, не одинакова и возникает от того, продвигаются ли они по совершенно ровному *серу*¹⁷ или задерживаются неровностями местности, а также от того, является ли их отправным пунктом или причиной возникновения дерево, куст или менее значительный предмет. Один старый смысленый даза из Борку утверждал, что ребенком запомнил одну из таких дюн вблизи оазиса Джин, тогда как теперь она удалена от него километров на 16, а мои спутники-арабы показывали мне потом, на обратном пути из Борку, у колодцев малой *хатийи*¹⁸ Тунгур дюну, которая поглотила дерево, лет семь назад еще отстоявшее от нее шагов на двадцать. Тамашние арабы называют эти подвижные дюны *гард* (мн. ч. *гуруд*) — в отличие от неподвижных, образующих цепи и группы дюн, которые называются *эрг* (мн. ч. *орук*) и которые под влиянием ветра самое большое меняют свои очертания.

Там, где не накапливается зыбучий песок и где нет дюнных образований, Эген богата кормовыми травами и грунтовой водой. Ее находят очень близко от поверхности. Например, на стоянке Шкаб все колодцы не глубже одного метра. В долине находится множество таких колодцев. Тот, что расположен на крайнем юго-востоке, еще отделен двумя с половиной днями пути от ближайшей стоянки в Бахр-эль-Газале. Между ними, как говорят мои информаторы арабы и даза, тянется равнина, расположенная выше, но не целиком пустынная.

Все подразделения улед-солиман должны были собраться у Бир-Шкаб, чтобы затем сообща проследовать в Борку через следующую низину Боделе. Поверхностное залегание и изобилие грунтовой воды в Эген и Боделе позволяют содержать большие стада верблюдов в одном месте, тогда как при большей глубине колодцев, даже при достаточных запасах воды, водопой животных занимал бы так много времени, что их пришлось бы держать отдельно на разных стоянках.

Впрочем, племя, как это упоминалось, владело далеко не столь богатым поголовьем верблюдов, какого можно было бы ожидать у людей, все имущество которых заключается в этих животных. Даже такие видные люди, как Хазаз, редко имеют более 30 верблюдов. У Абд ал-Джлиля, вождя, их было от 50 до 60, а самый богатый из всех, ал-Хиши, брат Асвада, якобы располагал ими в пределах сотни. Если вспомнить, что средняя цена хорошего верблюда на доступных этим людям рынках колебалась от 20 до 30 талеров, то сто верблюдов представляют собой весьма скромный капитал; однако там, где улед-солиман живут или пасут верблюдов, цены на них не превышают даже третьей части этой суммы. Правда, сами животные незаменимы для существования кочевников. Хотя при своей гладкой и короткой шерсти они не могут, подобно североафриканской породе, снабжать владельцев шерстью для изготовления одежды и палаток, их молоко часто заменяет любую другую пищу, а почти единственную возможность попробовать мясо мои друзья получали, только забив безнадежно больного верблюда.

С тех пор как племя стало жить в мире с туарегами, их высокоценные верблюды стали редкостью в Канеме, а знаменитые верховые животные — *мехари*, выращенные туарегами, почти никогда уже не попадали в собственность улед-солиман. Своих самых откормленных и сильных верблюдов они получали в мое время от махамид, а самых быстроногих и выносливых — из Эннеди. Понятно, что вся жизнь арабов сводится к этим животным, весь интерес концентрируется на них. Чем ограниченнее круг идей и чем однообразнее окружение кочевников (несмотря на громадные пространства, на которые распространяются их передвижения и военные предприятия), тем больше развивается и знание физических и психических свойств верблюдов и тем проникательнее они их наблюдают. Правда, и в этом отношении врожденные способности тоже не одинаковы, и многие взрослые арабы не могли тягаться в знании своих животных и в уходе за ними с маленьким рабом Коре. Он обладал также удивительным умением ориентироваться в незнакомом месте, обещая впоследствии превзойти в искусстве следопыта даже нашего Хусейна Нромати, и, несмотря на свою молодость, был надежным пастухом больших верблюжьих стад. Он знал не только всех животных нашего фарики, но и верблюдов наших соседей. Я не мог без удивления наблюдать за обращением этого мальчика карликового роста с упрямыми созданиями. Когда мужчины тщетно старались заставить опуститься на колени особенно строптивое животное, Коре очень быстро вынуждал его к повиновению. Правда, он не мог дотянуться до шеи верблюда, не говоря уж о том, чтобы нагнуть его голову, однако в конце концов добивался своего, повиснув у него на хвосте и затем быстро крутя его и нанося постоянные легкие удары по голени, так что тот вскоре покорно ложился.

Большинство хозяев знают всех верблюдов в своем стаде, нередко различают их следы и умеют найти заблудившееся животное среди чужого стада. Они узнают по следу, шел ли верблюд порожним или был нагружен, был ли груз легким или тяжелым, и делают весьма

проницательные выводы о его физических недостатках или особенностях. Удивительно, что верблюд, у которого органы чувств кажутся недостаточно острыми, чтобы отличать вредные травы, должно быть, чувствует на расстоянии в несколько миль как на границе пустыни выпадает дождь. Если ему вздумается уйти ночью с пастбища навстречу этим дождям, тогда поиски заблудившегося животного нередко превращаются в трудную задачу. Люди по нескольку дней идут по иногда очень нечетким следам, но почти всегда их труды увенчиваются успехом. И только убежавшие верблюдицы так неутомимо устремляются вперед и проделывают такие большие расстояния, что часто их уже не удается поймать.

Разговоры моих спутников о своих верблюдах длились бесконечно: то о какой-то верблюдице, которая дала потомство, сколько она молока дала и так далее и тому подобное, то о многообещающем верблюжонке, о быстроногом верблюде или о сильном мерине. Животное получает ежегодно (вплоть до того времени, когда оно становится взрослым) особое название, к тому же различные оттенки масти порождают бесчисленные прозвища. Если кому-то посчастливилось купить или похитить верхового верблюда, то он рассказывает истории о его резвости, породе или смысленности не менее поэтично и с меньшей выдумкой, чем арабы Аравии, ведущие речь о своих благородных лошадях. Забавных, родившихся в пути верблюжат либо помещают на несколько переходов в кармут женщин, либо дают в руки молодым рабам, которых сажают верхом на верблюдов.

Остальное имущество улед-солимана не идет ни в какое сравнение с верблюдами. Кроме дюжины палок в рост человека из дерева акации и такого же количества циновок из волокон пальмы для установки хижин, кроме палатки — редко, впрочем, имеющейся — и крупных домашних вещей — все везут в мешках из сыромятной верблюжьей кожи. Лишь пожилые женщины сохраняли еще вывезенное с родины умение ткать из верблюжьей пряжи превосходные мешки, для чего, правда, короткошерстный местный верблюд не дает материала.

Кроме простого одеяния из хама или борнуанской ткани с хлопчатобумажной шапочкой — *такийя* — и изготовленного из разрезанной тобы платка — *мелефа* — у более зажиточных людей есть арабский костюм из сукна по триполитанскому обычаю — *баракан*, или *хаик*, и красный тарбуш, чья великолепная тунисская красная краска сильно выгорает за долгие годы под солнцем и ветром пустыни. Самые знатные, возможно, еще прячут в мешках — *гарара* — бурнус и ковер. Что касается оружия, то помимо неизменного кремневого ружья они предпочитают крупнокалиберные карабины, кавалерийские пистолеты вороненой стали или выложенные серебром и сабли с рукояткой из рога или слоновой кости. Насколько в других отношениях эти люди живут сегодняшним днем, настолько же они предусмотрительны в пополнении запаса пороха и кремней. Свинец, хотя тоже желательный, можно в случае нужды заменить железными пулями и отшлифованными камнями пустыни. Еще больше внимания уделяют бурдюкам для воды. Кто не имеет их в запасе по крайней

мере целую дюжину, слывет легкомысленным человеком, и, каким бы редким и дорогим ни считалось здесь масло, с ним обходятся расточительно, когда речь идет о бурдюке, который трудно чем-либо заменить. Чтобы бурдюки, когда они пусты и сложены вместе, не становились ломкими в сухом воздухе пустыни, их щедро смазывают маслом.

Имущество женщин еще проще и скромнее. Помимо будничной одежды, которая состоит из длинной, собранной в сборку рубашки из выкрашенного в синий цвет хама, таких же штанов и большого, закрывающего голову и плечи платка из хлопка или шерсти, в дорожном мешке, возможно, лежит в качестве всего прочего гардероба еще запасная шаль из материи получше — более тонкой шерсти или шелка. В предметах украшения их шегольство не идет дальше нескольких серебряных браслетов на руках и на ногах, таких же серег, украшений на шею или на голову из серебряных монет с вделанным в них янтарем или кораллом. Удивительно, как они умеют все это упаковать! *Гарара* должна вместить в себя самые разнообразные предметы, и все же ее владелец знает место каждого из них, и под рукой у него всегда оказывается тот, который ему нужен.

Между Эгеи и Боделе простирается волнистая, почти лишенная колодцев и постепенно понижающаяся к северо-востоку равнина, отчасти пустынная и занятая подвижными дюнами, отчасти с обильным травяным покровом на песчаной почве. В Бир-Шкаб мы набрали запас воды на много дней и 9 мая направились из Эгеи в северо-восточном направлении. Арабы охотно остались бы еще на несколько дней на этих идеальных для верблюдоводов пастбищах Эгеи, если бы их не подгоняла боязнь потерять часть урожая созревающих в Борку фиников. Первый из предстоявших нам переходов мы закончили уже через четыре с половиной часа в местности с особенно обильной травой, где впервые после Феццана вновь повстречали тартут (*Syntherisma ossipeum*), мясистый корень которого мои спутники употребляли не только в качестве лекарства, но и в пищу.

10 мая наш маршрут в течение девяти часов проходил по той же однообразной местности, а на следующий день после одиннадцатичасового утомительного пути мы разбили лагерь в окруженной неподвижными дюнами хатийе Удунга, которая относится к комплексу стоянок, известных под названием Торо. Тянувшаяся от нас в восточно-северо-восточном направлении местность понижается очень постепенно, и долины Торо простираются, очевидно, вплоть до Тангура — крайнего пункта Бахр-эль-Газала. Тангур является, по-видимому, самой низкой точкой всей этой местности, в которой, должно быть, заканчиваются и остальные долины Боделе и которую, возможно, следует также считать конечным пунктом проходящей южнее от Борку плодородной и богатой водой равнины в долине Джураб.

Колодезные устья в Удунге расположены так близко к поверхности, что воду можно зачерпывать рукой. Вместе с этим обильным воды стали чаще встречаться и следы дичи, которая, с тех пор как мы покинули область Манга, почти совсем исчезла. Правда, в Эген

изредка убивали страусов, но нам на глаза не попался ни один. Наши люди убили пустынную лисицу — фенека и охотничьего леопарда, или гепарда (*Cynailurus guttatus*), — фахада. В поле нашего зрения иногда попадали саблерогие антилопы (*Oryx leucogryx*), газели и зайцы. Антилопы были хорошо упитаны и неспособны быстро бегать, особенно в самый сильный дневной зной, и нередко их удавалось настичь легким галопом. Саблерогую антилопу тамошние арабы называют либо так же, как антилопу аддакс, которую они увидели на борнуанской дороге, т. е. *бакар ал-вахши*, либо *бу ракаба*, т. е. буквально «отец шен» — как потому что напоминающая цветом ржавчину окраска шеи ярко выделяется на желто-белом туловище, так и потому, что шкура с затылка используется для разных надобностей. Эта шкура настолько толста и прочна, что изготовленным из нее сандалиям или подметкам отдают предпочтение перед всеми остальными. Ее употребляют даже вместо подков для лошадей. Отсутствие каменистой и скалистой почвы в Борну и Канеме делает подковы излишними, так что их ввозили туда из Триполи в очень небольшом количестве. Но каменистая пустыня и скалы Борку заставляют позаботиться о них, и улед-солиман, если они долго не наведываются на рынок в Куке или не могут найти там подков, прибегают к помощи шкуры с шеи сабельной антилопы, прибывая ее гвоздями на копыто лошади. Я сам пользовался этим способом для своей лошади, подковать которую я не позаботился в Куке, но считаю, что его можно применять только в тех местах, где земля остается совершенно сухой.

Я чрезвычайно обрадовался решению племени воспользоваться в течение нескольких дней водой и травой Удунги, ибо уже в день нашего прибытия мой белый верблюд обнаруживал столь опасные признаки истощения, что с него пришлось снять груз. Хазаз, правда, взял его груз к себе, но у него самого не хватало верблюдов. А это ставило меня перед неприятной перспективой (в том случае, если мой верблюд не сможет отдохнуть) отдаться в перевозке багажа на милость остальных и тем самым впадать во все большую зависимость от своих спутников. К сожалению, животное отказывалось даже пить воду — что всегда служит плохим признаком — и вообще оставляло мало надежды на благоприятный исход. Действительно, в день выхода из Удунги (14 мая), когда мы шесть часов спускались в восточном-северо-восточном направлении к стоянке Эккеде в Торо, его силы кончились, и я был вынужден обратиться к сочувствию своих товарищей по *фарику*. В качестве скромной признательности за ту дружескую готовность, с какой был воспринят этот призыв, я по крайней мере охотно забил бы увечное животное и раздал бы мясо своим спутникам, но мои слуги не могли решиться еще раз проделать значительную часть дневного перехода, взяться за трудоемкое дело по убою и разделке и наконец дотащить совсем нелегкую ношу съедобного остатка туши до нашей стоянки. Так, 15 мая, после пятичасового перехода примерно в северо-восточном направлении, миновав подвижные дюны и перевалив через цепь неподвижных дюн, мы добрались до следующей стоянки в Торо, Бир-ад-Дум

арабов, которую даза называют Бододо, Бододунга или Бодунга. Чем больше понижается местность, тем ближе подходит к поверхности грунтовая вода, так что во многих местах мы безо всякого труда могли доставать ее рукой прямо из песка. Наряду с колючей травой абу сабе, или акреш (*Vilfa spicata?*), преобладавшей в последние дни, тут и там встречались кусты сивак и отдельные пальмы дум. Понижение местности еще долго продолжалось после Торо-Бодоло, и только на следующий день (16 мая) после девятичасового перехода мы достигли самого пологого места на нашем пути через Боделе — стоянки Каро. *Серир* — слегка волнистая, покрытая галькой равнина — сначала чередовался с песком. Горизонт был ограничен подвижными дюнами, до которых мы дошли в середине дневного перехода. Миновав их, мы оказались в запутанном лабиринте цепей и групп дюн, где и разбили лагерь, предварительно свернув к западу, на широкую, богатую травой равнину.

Вода в колодце Каро находилась на глубине полутора метров и была самой соленой, какая нам попадалась до сих пор. Хазаз утверждал, что ее употребление вело к такой потере сил, что верблюд, пивший ее четыре или пять дней подряд, терял на какое-то время способность нести груз. Однако ее действие на органы пищеварения считается столь благотворным, что мы решили остаться там и 17 мая. Это намерение обратилось в неотложную необходимость из-за потери 25 верблюдов, принадлежащих миаисса и убежавших с пастбища, а на их поиски — это были по преимуществу верблюдицы — в любом случае требовалось немало времени, тем более что в этот день с необыкновенной силой дул ветер из пустыни и быстро заносил песком все следы.

Чем дальше мы продвигались, тем с большей регулярностью поднимался этот ветер. Он начинался примерно в 8 часов утра и очень скоро усиливался до огромной, порою доходившей до ураганной силы. Он хлестал по коже и глазам смесью песка с гравием, которую нес с собой, и настолько уменьшал видимость, что это грозило опасностью для путников. Чтобы ставить лагерь пораньше, в первой половине дня, мы после Эгеи выступали в путь по большей части вскоре после полуночи, так как уже после 9 или 10 часов утра продвигаться приходилось как в густом тумане. Каждый старался держать в поле зрения вперед идущего, и даже проводники, лишившись своего обычного компаса, солнца, нередко проявляли неуверенность в выборе правильного направления. Если в дни отдыха не нужно было поить верблюдов, всякая жизнь в нашем дуаре замирала уже в середине первой половины дня. Каждый безропотно заворачивался в одеяло и терпеливо позволял песку засыпать себя до тех пор, пока после полудня, часа в 3—4, по мере того как садилось солнце, сила ветра не начинала быстро убывать и все снова пробуждалось к жизни. Отряхнув песок, вынимали кухонную посуду, разжигали костры из верблюжьего помета и готовили еду. В таких местах ночь — друг человека; ночью он живет, тогда как днем лишь с трудом существует. Звезды сверкают великолепным блеском. Нескончаемое спокойствие сменяет клубящийся песком ветер. На темном фоне неба

резко выделяются светлые гребни дюн и величественная красота, таинственное очарование пустыни вновь обретает свою полную силу.

Я воспользовался пребыванием в Каро, чтобы надеть сандалии на последнего из моих пригнанных из Борну верблюдов и тем самым облегчить его судьбу. Это животное принадлежало к мало ценимой породе, которую научились разводить коям в неблагоприятных климатических условиях Борну. Не имея привычки к горячему песку и острому гравию, верблюд поранил ноги, для излечения которых мне посоветовали произвести подобную операцию. Ее выполняли Хазаз и Хусейн. Действуя шилом, они кожаными полосками пришили кусок толстой верблюжьей кожи соответствующего размера к грубой молистой подошве животного. К сожалению, не существовало столь же действенного средства против его все возрастающего истощения, и когда 18 мая мы продолжили путь, то в тот же день оказались вынуждены снять с него поклажу.

Как уже говорилось, Каро является самым низким местом в Боделе на выбранном нами маршруте и по данным барометра и термометра лежит ниже уровня Чада немногим более чем на 100 метров. К следам фауны, существовавшей здесь некогда благодаря обилию воды, добавляются многочисленные обломки домашней утвари, черепки глиняных сосудов и тому подобное, что позволяет предположить, что на островах и по берегам бывшей лагуны обитало более постоянное население, нежели те путники, что останавливаются теперь у колодцев. Это наблюдение вполне согласуется с распространенным в Канеме и Борку преданием о том, что до высыхания неглубокой котловины обе ее стороны соединялись друг с другом рядом непрерывных поселений. Даза в Борку пересказывают различные истории о том, как быстро доходили до их мест любые известия из государства Борну, а старый вождь Ирши Годда в Джине, которого нынешнее поколение, правда, уже не знает, еще рассказывал своим потомкам, как вода из Боделе и Эгеи постепенно отступала в Борну. То, что все это относится не к столь уж давнему прошлому, вытекает, по-видимому, и из утверждений еще здравствующих старых людей из причадской области Карка, согласно которым лет сто назад их предки отправлялись в набеги в северо-западную сторону по воде Бахр-аль-Газалья. Однако старики среди улед-солиман, которые пришли в эти места с газиями¹⁹ из Фециана в начале нашего века, помнят их только в том виде, в каком они предстают сейчас.

От Каро мы снова начали немного подниматься в северо-восточном направлении. Преодолев неподвижные массы дюн, окружающих углубленные места с водой, мы вступили на постепенно повышавшуюся равнину, представлявшую собой частично серир, частично настоящий песок, частично твердый глинистый грунт без песчаного покрытия. Земля здесь усыпана теми удивительными пустынными образованиями в форме тонкостенных трубок, пустотелых шаров, полушарий, цилиндров, булав, звезд, крестов, пирамид, ниток жемчуга, которые уже неоднократно занимали ученых. Затем мы попали в странную местность, подобную уже встречавшейся однажды в оазисе Агадем, по борнуанской дороге, и дважды после нашего

выступления из Канема, где превратившийся в тонкий порошок верхний слой не оказывает никакого сопротивления ноге, так что бредешь по глубокой, похожей на муку пыли, окутанный плотным облаком, которое стесняет дыхание и забивается в нос и глаза. После девятичасового перехода, испытывая огромную усталость, мы остановились в *хатийе* Ваданга. В этой неглубокой долине много колодцев с пресной водой глубиной от 2 до 2,10 метра. За верхним пластом песчаной почвы с примесью глины и извести следует слой глины толщиной метра в два, под которым находится водоносный песок.

Шейх Абд ал-Джлиль не дошел до Ваданги и остановился у оставшегося справа от дороги колодца. 19 мая он прошел мимо нас раньше намеченного нами выхода, а поскольку он намеревался дойти только до Анкарао и провести там несколько дней, то мы последовали за ним лишь назавтра и добрались до этой неглубокой долины спустя несколько часов, следуя в северо-северо-восточном направлении. Редкий и привлекательный облик придают Анкарао многочисленные пальмы дум. Сама долина протянулась сильно изогнутой линией с запада на восток и обрамлена разнообразными группами песчаных холмов. Среди многочисленных колодцев лишь один дает пресную воду, тогда как в других она имеет солоноватый привкус.

Так как 20 мая мы увидели молодую луну, а тамошние арабы неохотно отправляются в путь в первый день месяца, мы продолжали отдыхать и на следующий день. 22 мая, затратив на это всего четыре часа и двигаясь примерно в том же северо-северо-восточном направлении через цепи дюн, простиравшихся с северо-запада на юго-восток, по равнинным *серирам* и травянистым лошинам мы дошли до долины Мейбис, которая более, чем все предыдущие, походит на настоящее вادي и вытянута с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Затем последовала последняя перед Борку стоянка Яйо ас-Срир, которую даза называют Киши-Киши, Кихи-Кихи, или Кифи-Кифи, и которая лежит между расположенными на северо-востоке Яйо ал-Кебиром и Тунгуром и Эдингой на юго-востоке. Мы добрались до широкой неглубокой долины 23 мая за пять часов, идя в восточном-северо-восточном направлении, и нашли там относительно обильную растительность в виде пальм дум, акаций сайяль и тундуба. Разбив лагерь у колодца глубиной в 3,13 метра, мы намеревались провести там несколько дней, как это было принято у арабов, чтобы собраться с силами для последнего трудного отрезка пути до знаменитого источника Галакка — первой стоянки в Борку, а также чтобы предварительно обсудить дележ урожая фиников в Борку и возможные военные действия. Однако здесь дело у них не пошло. Так и не был решен вопрос, должны ли получить свою долю те знатные люди, что уехали в Вадаи. В качестве довода толпа выдвигала тот, что их не отправляли официальными делегатами и что, вернувшись, они наверняка не станут делиться с остальными подарками, полученными от короля Али. Правда, в их пользу говорило то, что они являлись самыми уважаемыми людьми племени, оставили здесь свои семьи и должны были представлять перед

правителем Вадаи общие интересы. Естественно, очень много говорилось относительно военных набегов из Борку, поскольку прошел слух, что магарба уже выступили на Гуро. На эти совещания уже приходили многие жители оазисов Борку, наверняка знавшие о том, что лишатся своего урожая фиников. Свою единственную надежду они возлагали на ту добычу, которую смогут получить в совместных набегах со своими неудобными друзьями или господами, и вынашивали враждебные планы против Эннеди, Вандиянги, махамидов и Тибести. Большинство из них принадлежали по цвету кожи к категории *ахдар*, по разработанной мною шкале, однако нередко встречались и *асмар*.

О сборе общих советов Абд ал-Джлиль оповещал звуком малого барабана следующим образом: если те касались внутренних дел и известий общего характера из внешнего мира, тогда через регулярные промежутки производились отдельные удары, в то время как три коротких, следующих друг за другом удара, сменявшиеся одной более длинной паузой, свидетельствовали о военных делах, о грозящих нападениях и тому подобном. Во всем племени было лишь два барабана: один принадлежал джебаир и находился под надзором вождя, другой — шередат, которые, по-видимому, имели на это право благодаря своей численности и самостоятельному положению.

Мы провели целую неделю в Яйо ас-Срире. Там я испытал горечь потери своего последнего борнуанского верблюда, которого мне пришлось забить, когда он дотащился туда с большим трудом и без поклажи; это был единственный из трех, чье мясо по крайней мере пошло нам на пользу. Теперь у меня оставался только один верблюд, купленный в Канеме, который, хотя и подавал большие надежды, к сожалению, был пока неспособен переносить тяжелые грузы из-за своей молодости. Редко, пожалуй, хоть какой-либо кочевник уделял своему стаду такую нежную заботу, как я этому животному — последнему, остававшемуся у меня средству передвижения. К тому же температура воздуха отнюдь не делала наш привал приятным отдыхом. Ежедневно через несколько часов после полудня ртутный столбик термометра в достаточно густой тени деревьев поднимался выше 45 °С, и эта жара становилась вдвойне невыносимой из-за высокой влажности воздуха. Вечером 25 мая с севера и северо-востока потянулись даже обильные грозовые тучи, в то время как днем преобладал западный ветер, и, хотя упало всего несколько дождевых капель, с севера над нами пронеслась ужасная буря с громом и молнией, вынудившая сложить палатку и загнавшая нас без всякого укрытия в песок. С приближающимся сезоном дождей эти внезапные песчаные бури даже без электрических явлений часто происходили на дальнем юге между Эгеи и Борку, так что мы, чтобы придать палатке достаточную прочность, закапывали ее опорные палки (*дрек*) на несколько футов в песчаную почву и насыпали песок на ее лежащие на земле боковины. Арабы приписывали тучи, почти ежедневно накапливавшиеся во второй половине дня на востоке или северо-востоке, ливням в Эннеди и в долинах, лежащих к северу от Вадаи.

Между Яйю ас-Сриром и источником Галакка расстояние измеряется тридцатью с чем-то часами напряженного перехода, который арабы обычно совершают за один день и две ночи. В этой местности нет воды, а так как для лошадей, женщин и детей при медленном переходе потребовался бы слишком большой запас воды, то они предпочитают проделать его побыстрее, тем более что после достижения цели можно и отдохнуть. Чем тяжелее становился последний отрезок пути, тем труднее было договориться о перевозке багажа, так что мне пришлось пойти на неудобства и разделить его на части, чтобы склонить своих друзей и соседей захватить его с собой.

Мы выступили из большой *хатийи* 29 мая с поднимающейся вечерней свежестью в направлении на северо-северо-восток и четыре часа спустя перевалили через невысокий хребет Аманга, покрытый песком и камнями темного цвета, откуда начинает повышаться обширная пустынная местность между Борку и Боделе. Следующие три часа мы двигались по *хамаде* (каменистой пустыне. — Пер.), а после полуночи устроили на несколько часов привал. Не разгружая верблюдов, мы довольствовались небольшой закуской и продолжили путь по повышающейся местности того же характера. Через шесть часов мы достигли южной оконечности горного хребта, похожего на Амангу, который простирался с северо-запада на юго-восток, обозначая примерную середину между Яйю и Галаккой, и назывался Эннебинга Кусонга, как и песчаные понижения почвы, в соответствии с этим названием поросшие здесь и там тундубом. В этом месте от него отходил на восток укрытый песком отрог, у подножия которого мы, спустя еще несколько часов, около полудня 30 мая остановились на шестичасовой привал на поросшей травой равнине. Из-за сильного восточного-северо-восточного ветра, который помешал нам даже сварить пищу, этот привал оказался очень неприятным, и, почти не отдохнув, мы приступили вечером ко второй, более длинной и утомительной половине последнего этапа. На закате мы наткнулись еще на одно небольшое песчаное понижение, поросшее тундубом, сиваком и кормовыми травами, но начиная отсюда всякая растительность исчезла. Не дав себе даже малейшего отдыха, мы продолжили путь через *хамadu*, после полуночи перевалили через значительную возвышенность, которая простирается с северо-запада на юго-восток и образует часть местами скалистого кольца вокруг Борку, на западе, юго-западе и юге известного под названием Тейманга. После этого мы сначала постепенно спускались по понижающейся к востоку пустынной равнине, а к восходу солнца внезапно вышли на спускающийся террасами уступ у южных оазисов Борку, который даза называют Чисонно, а арабы Сатах (т. е. буквально «крыша»), и до полудня расположились лагерем у источника Галакка.

После рокового путешествия по Тибести²⁰, ужасы которого были еще живы в моих воспоминаниях, я ни разу не участвовал в таком изнурительном походе. Последний ночной переход при большом утомлении и отсутствии каких бы то ни было дорожных примет был к тому же небезопасен и часто стоил жизни арабам, несмотря на развитое у них умение ориентироваться на местности. Я не раз

засыпал, сидя на лошади, на которую, к сожалению, нельзя было очень полагаться и которая выказывала минимальное стремление оставаться в обществе всех остальных. Как только я уснул, она замедлила шаг, а когда я после полуночи проснулся, она совсем остановилась, и я тщетно принялся искать своих спутников или хотя бы их следы. Продолжавшаяся и ночью буря быстро засыпала песком неглубокие отпечатки копыт верховых и вьючных животных. Не пускаясь на их поиски, которые могли только сбить с толку, я сошел с лошади, покорно уселся на землю, собираясь, если будет нужно, с рассветом ехать дальше в восточном-северо-восточном направлении, которого мы придерживались до сих пор, и привязал повод лошади к руке на тот случай, если меня одолеет сон. По счастью, я не смог от беспокойства заснуть; спустя некоторое время я увидел, как в ночи колышется какая-то темная тень. Довольно близкое расстояние позволило предположить, что это часть наших людей, и, примкнув к ним, я счастливо добрался до цели. Многих из наших еще не хватало, они появлялись по одиночке в течение дня, а некоторые пришли только вечером и, как обычно, заблудился мой легкомысленный Солиман.

Уже в серых утренних сумерках мы заметили дюны и песчаные горы, окружающие окрестности Джина и Айн-Галакки. Здесь кончается *хамада* и путешественник спускается на плоскую песчаную равнину, заполненную дюнами, каменистыми скоплениями темного цвета и богатую кормовой травой, а на горизонте вскоре возникают довольно высокие деревья, растущие поблизости от знаменитого источника. У него мы обнаружили лагерь нескольких магарба; разложив коровью шкуру, они пробовали недозрелые финики из близрасположенного Джина, которыми мы заглушили самые сильные приступы голода. Я не мог не подивиться выносливости своих спутников, увидев, как вскоре некоторые из них, даже не поспав после только что перенесенного напряжения, тоже поспешили в Джин, чтобы запастись финиками.

Источник Галакка необыкновенно богат пресной водой, источник бьет у подножия песчаного холма и течет по руслу в несколько футов шириной и длиною примерно в километр на восток, где постепенно иссыкает на пышных пастбищах тамошней равнины. Непосредственно у его истока образовался бассейн, который густо порос тростником и высокой травой. Как только расширяют устье источника, из него обильно начинает течь вода. И я с понятным сожалением смотрел, как это богатство захлебывается в порожденном им самим скоплении перегной, тростника и травы. Еще видны следы прежних, частично искусственных ответвлений водного потока — доказательство того, что прежние поколения умели лучше ценить этот драгоценный дар природы. В непосредственной близости от источника я обнаружил остатки старой, прочной четырехсторонней постройки из обожженного кирпича. Ее длинные стороны, ориентированные на юго-восток и северо-запад, насчитывают 235 шагов при ширине в 160 шагов, а по углам, по-видимому, когда-то высились башенки. Кирпич хорошо сформован и обожжен, раствор очень крепкий; вся постройка свиде-

тельствует об известной степени строительного искусства, которое теперь не встречается ни в тех местностях пустыни, где я побывал, ни в Борну. Поблизости от этих остатков стен кое-где имеются другие, меньшего размера и худшего качества, расположение которых я, однако, не смог с уверенностью определить.

Многие туземные жители относят возникновение этих непривычных для здешних условий построек ко времени переселения правящей группы в Борну, и в этом случае Борку можно было бы идентифицировать с местностью Бардева, или Бардента, которую обнаружили первые переселенцы на своем пути на юг из оазиса Ауджила и которая на протяжении определенного времени оставалась центром их владычества. Однако вряд ли эти развалины столь стары. Правда, другие тоже приписывают их правителям Борну, только более позднего времени, когда те распространяли свое господство на север за Феццан; они рассказывают, что тогда с ксаром была связана мечеть, а в нем самом хозяйничал в качестве наместника один муаллим (вероятно, чтобы одновременно укоренить в Борку ислам). Наконец, третьи утверждают, что эти постройки являются делом рук кочевников из Египта, которые покинули родину при Мухаммеде Али и какое-то время держались в этом укрепленном замке.

Мне кажется наиболее вероятным второе объяснение, ибо к тому же времени наивысшего расцвета и могущества Борну в самой этой стране относятся и некоторые остатки схожих построек из обожженного кирпича. Старики в Борку говорят, что уже упоминавшийся Иртши Годда рассказывал о некоем факихе Мешремми, предке канемиджинов, как о последнем повелителе в этом ксаре. Уже давно рядом с источником никто не живет постоянно, однако говорили, будто сенуситы избрали это благодатное место для возведения своего миссионерского центра.

Уже в день нашего прибытия магарба, вернувшиеся из набега на жителей оазиса Гуро, предложили мне первую добычу — большого, сильного и хорошо обученного верблюда. Он относился к числу превосходных верховых верблюдов, разводимых бидейят, верблюдов, которые хотя, возможно, и уступают в резвости *мехари* туарегов и *хеджин* бишаринов в Египте, но имеют перед ними то преимущество, что одновременно являются великолепными вьючными животными. Трудно переоценить их роль в набегах и нападениях, предпринимаемых арабами Канема, так как они не выдают своего присутствия ревом, повинуются малейшему знаку всадника и спокойно остаются одни с седлом на спине, не делая поползновений уйти прочь. Мои спутники называли эту породу верблюдов *зузаль* и, к моему удивлению, наделяли именем *мехари* местного борнуанского верблюда, который по своим свойствам являет собой полную противоположность широко известному повсюду под этим именем несравненно скаковому верблюду туарегов. Как ни был необходим мне хороший верблюд, я был вынужден отказаться от его покупки, когда была отвергнута предлагаемая мною цена: одна *тоба короробши* ²¹, четыре борнуанских платья и 5 талеров. Правда, цены здесь так изменились,

что одна *тоба короробши* из Кано стоила столько же, сколько две рубашки из Борну, а за одну из них просили 2 талера.

1 июня в Джине собрались самые знатные люди улед-солиман и магарба, чтобы поделить между собою долины с финиковыми пальмами в Борку. Джин и Кирди достались последним, Нгурр и Эллебо — первым, тогда как северные оазисы Буду, Тигги и Ярда, которые приносили более благородные, созревающие позднее сорта фиников, предназначались для совместного использования. Вун — оазис, подчинявшийся королю Вадаи и принадлежавший более или менее враждебным наказза, не упоминался вовсе.

В то время как главы семей улед-солиман проследовали в Нгурр, чтобы произвести распределение тамошних финиковых пальм среди различных подразделений и групп племени, я со своим соседом Хусейном отправился в Джин, горя любопытством познакомиться с этим так называемым Белед-ал-Амйян (т. е. дословно, «городом слепцов» — название, происхождение которого я не смог установить). Этот оазис лежит километрах в шести к северо-востоку от источника Галакка, он овальной формы, вытянут в длину с востока на запад и состоит из пальмовой рощи, перемежаемой песчаными холмами и разделенной на северную и южную половину рядом дюн. Многочисленные, по виду довольно беспорядочно размещенные сады, где выращивают пшеницу, просо, дурру и немного мелколистного табака того сорта, что разводят в Феццане, свидетельствовали об определенном трудолюбии жителей. Хижины были совершенно такие же, как у кочевников Тибести и у наших арабов, и лежали разбросанно на песчаных холмах. Их немногочисленность, что-то около пятидесяти, мало соответствовала тем ожиданиям, какие я невольно себе составил, ибо Джин очень хорошо известен, тогда как о других оазисах Борку вряд ли услышишь в Феццане и Борну. Это обстоятельство, без сомнения, указывает на его прежнее большое значение, о чем свидетельствуют и многочисленные, связанные с этим местом предания. Кроме прочного замка у источника Галакка в Джине, как говорят, существовали еще три подобные постройки, развалины которых еще можно частично увидеть, однако отыскать их мне помешали протяженные песчаные дюны разнообразной формы. Сначала Адама Тои, человек благородного происхождения из Джина, который стремился насильственным путем добиться власти вождя, якобы возвел с помощью чужаков каменный замок, после чего его противники воздвигли для отпора ему похожее сооружение. Наконец, Али Бен Сиди, вождь гунда в Тибести, будто бы построил третье каменное здание в начале этого столетия, причем его назначение осталось неизвестным. Не знаю, основываются ли эти сведения на действительных событиях или нет, но я, во всяком случае, предполагаю, что это поселение имело прежде большее значение. Правда, уменьшение населения объясняется в какой-то мере тем обстоятельством, что незадолго до нашего появления оазисы Джин, Кирди, Нгурр и Эллебо выдержали нападения махамидов. По словам туземцев, помимо стад и другого имущества они увели с собою в плен около полутора тысяч человек. Даже если эта цифра вследствие

обычной склонности к преувеличению оказалась бы сильно завышенной, все же в целом оазисе с трудом можно было отыскать хоть одного верблюда или какой-нибудь мелкий скот, а женщины и дети были редким явлением.

Борку после прихода в эти широты арабов сделалось несчастной страной. Прежде его жители порою вели со своими соседями войну, порою жили в мире, как это водится среди племен пустыни при их бедности и отсутствии представления о законности, однако у них были и союзники и уж никогда все окрестные племена не являлись одновременно их врагами. Но с тех пор как улед-солиман стали совершать оттуда, как из своей ставки, набеги во все стороны, потерпевшие урон соседи, дождавшись их возвращения в Канем, старались отомстить оставшимся на месте жителям, что для них обычно не составляло труда при их численном перевесе. Таким образом, бедные жители дошли до того, что стали радоваться приходу своих господ, появлявшихся под именем друзей, ибо это была их единственная надежда отбить потерянное имущество. Правда, полугодовой мир и скудную добычу они дорого оплачивали голодом и нуждой в присутствии бессердечных кочевников и жизнью в страхе и неуверенности после их ухода.

Родословную жителей Джина нелегко установить. Хотя их объединяют под общим названием джиноа, происхождение их отдельных подразделений весьма различно. Первоначальными хозяевами оазиса некогда были кочевники атерета, которые позднее присоединились к общему движению на юг. Денэм и Клаппертон еще застали их в качестве значительного племени в южной части борнуанской дороги, а теперь их остатки живут в округе Казель в Борну. Помимо первоначальных, проживающих на родине, остатков этого племени мы обнаруживаем среди джиноа семьи джавана, которые, как говорят, пришли из Канема; беша, которые происходят из Ури; тюрдо, которые являются людьми горан из Северного Вадаи; джаварда, которые называют себя родственниками кара, или креда, из Бахр-эль-Газала; догорда, которые явились из Канема, чьей первоначальной родиной был якобы Вун, а также мелкие осколки других племен. Столь разнообразное происхождение приводит к наличию множества вождей, среди которых, однако, во внимание уже давно принимается один лишь Мухаммед Ланга. В прежние времена упомянутый вождь племени джавана, Иртши Годда, был самым почитаемым вождем оазиса, а его свойство с семьей племени джагада привело к тому, что это племя приобрело в оазисе большое влияние. Однако оно не владеет там финиковыми пальмами, как другие племена в остальных оазисах этой местности. Собственно хозяевами являются лишь джиноа.

Оазис так богат водой, что в самых глубоких местах воду из земли можно черпать без всяких приспособлений. Даже в пустынных окрестностях по дороге мы наткнулись на какой-нибудь бугорок, покрытый растительностью, у подножия которого из расщелины бодро бил еще неизвестный источник. Местность не сплошь ровная, а обнаруживает то скальные выходы, то песчаные нагромождения,

и поверхность ее сообразно со степенью противодействия почвы эродирующим атмосферным воздействиям приобретает различный характер. Обширные пространства покрыты слоем квасцов, а там, где отсутствуют скалы, песок и квасцы, на поверхность выступает серо-голубая глина.

4 июня мы покинули источник Галакка, но не сразу попали в предназначенное для нас место, оазис Нгурр, переход до которого едва ли занял бы полдня. Нам незачем было спешить, поскольку финики там еще не созрели, так что уже через два часа, пройдя в восточном-юго-восточном направлении по району песчаных холмов, редко поросших этелем, ошаром, сиваком и акациями, мы остановились поблизости от источника Малли. Его обильная, вкусная вода — настоящий подарок природы — столь же мало использовалась, как и вода Айн-Галакки. Правда, поблизости находились какие-то неухоженные плодовые растения, следы одичавшего сада, однако большая часть воды застаивалась в заросшей тростником трясины. Ошар вырастает здесь до размера солидных деревьев, а с сивака голодные жители тщательно обобрали все плоды. *Salvadora persica* так распространена в Борку, Боделе и Эгеи, что ее ягоды приобретают определенное значение для пропитания людей. Ряд племен, такие, как джагада и далаа из Кирди, сангада и джири из Нгурра, носят общее прозвище кукурда, т. е. едоков *кукуры* — так называют сушеные ягоды сивака.

Мы и на следующий день оставались у источника Малли, отчасти потому, что его окрестности богаты кормовыми травами, отчасти из-за невыносимой жары, когда ртуть в термометре при слабом юго-западном ветре поднималась до 45 °С. Дважды на горизонте с северо-востока собирались грозы. Они проносились на запад севернее нас, и, хотя несколько охладили атмосферу резкими порывами ветра, их действие оказалось мимолетным. Только 6 июня, через два часа перехода в том же восточном-юго-восточном направлении, мы прибыли в Нгурр. Миновав район песчаных холмов, посередине которого лежит источник Малли, мы оказались на пустынной равнине, занятой тесно стоящими, плоскими скалами из горизонтально напластованной серой и иногда окрашенной в розовый цвет горной породы высотой от трех до четырех футов. Затем мы преодолели более обширную возвышенность, тянущуюся с севера на юг, покрытую черной галькой, и по ту сторону от нее вступили на равнину Нгурр, на которой за высоким и массивным валом песчаных дюн, в глубокой долине внезапно появилась пальмовая роща. Оазис Нгурр состоит из юго-западной и северо-восточной частей, которые отделены друг от друга идущей с северо-запада на юго-восток скалистой возвышенностью небольшой высоты, но довольно широкой. Юго-западный Нгурр носит название Дигре, при разделе он достался джебаир и миансса; северо-восточный называется Нгурр Ма и предназначенся на ближайшее время шередат. Наш *фарик* вскоре разбил лагерь на ровном участке из серой глины у подножия цепи дюн, которая окружает пальмовую рощу, а я в это время взобрался до середины песчаной дюны, чтобы воспользоваться тенью растущих там пальм.

Мои ближайшим соседом был один даза по имени Харан со своей семьей, хижина которого стояла на вершине эрга. Финики в нашей половине оазиса созрели, пожалуй, еще меньше, чем финики в Джине. Даже самый ранний мелкий серый сорт (туземцы называют его *кудо*, а мои спутники — *ал-бейд*), который арабы предпочитают пускать на корм лошадям, был еще очень зеленым, а у остальных сортов, употребляемых в свежем виде (*ротоб*), даже не замечалось пока никаких признаков созревания.

Пребывание в Борку

Ограждение для палатки. — Тщетные попытки раздобыть лакби. — Набег на Эннеди. — Мужчины улед-солиман под башмаком своих жен. — Известия о роковой судьбе набега. — Скорбь женщин. — Возвращение спасшихся от плена — Переговоры с бидейт о возвращении пленных. — Печальная судьба сына Адамы — Напрасные попытки побудить Хазаза к возвращению в Канем. — Разговоры с улед-солиман об их преступной и жалкой жизни. — Моя осведомительница из Эннеди и ее бегство. — Трудности с приобретением мяса и зерна. — Безрезультатные попытки забивать скот для собственного потребления. — Бесстыдное поведение арабов. — Голод и нищета среди туземцев. — Потеря последнего верблюда и малые шансы на приобретение других. — Неоправдавшаяся надежда продать палатку и лошадь. — Поездка в Эллебое для сбора фиников. — Возвращение миссионеров-сенуситов и их неизменная враждебность. — Решительное выступление Хазаза в защиту долга гостеприимства. — Вождь племени шередат ал-Асвад. — Посланец короля Вадаи и его неудачная миссия у магарба. — Возвращение к источнику Галакка и переход к финиковым рощам в северных долинах Борку. — Прибытие в Буду. — Описание оазиса. — Способ получения там соли. — Вид с горы Корока на горную цепь Ту — Деревня Тарака. — Прочие деревушки в Буду. — Возвращение к Айн-Галакке и дорогостоящая покупка верблюдов для обратного пути в Канем.

С прибытием в Нгурр наступила грустная пора бездействия, сопровождавшаяся жарой и ветром, однообразие которой действовало в высшей степени удручающе на состояние ума и духа. Наивысшая дневная температура в течение следующих недель никогда не опускалась ниже 35 °С, в большинстве же случаев она превышала 40 °. К тому же ветер, дувший по мере приближения летнего сезона чаще всего из восточной половины розы ветров, все больше перерастал в ежедневную песчаную бурю, делавшую невозможным какое бы то ни было занятие. Правда, под руководством Харана мы окружили палатку оградой из пальмовых веток, которые просто втыкали в песок и связывали друг с другом, однако после завершения работы пытка от жары только увеличилась. Весь подгоняемый ветром песок накапливался у ограды, вскоре образовав вокруг нас настоящую стену, которая хотя и защищала палатку от воздействия ветра, но превращала ее при этом в подобие раскаленной печи.

Это время показалось бы мне еще более невыносимым, если бы не мой сообразительный сосед Харан, ставший для меня щедрым источником сведений, ибо он прекрасно знал страну тубу и подразделения их племен и был достаточно умен, чтобы помочь мне в освоении

диалекта даза. Он заботился для меня и о материальных удовольствиях, стараясь удовлетворить их регулярной добычей *лакби* и используя для этой цели различные неплодоносящие деревья поблизости от нас. Однако все попытки обеспечить нас этим алкогольным напитком кончались неудачей; возможно, к моему благо, ибо я действительно побавлялся того, что, пытаясь внести хоть какое-то разнообразие в монотонное существование, привыкну к употреблению этого зелья. Моим людям всего несколько раз удалось заполучить вытекающий по ночам сок, так как едва любители выпить обнаруживали такое дерево, как исчезало и содержимое нашего сосуда, укрепленного на нем. В самые ранние часы мы не успевали опередить воров, и они всякий раз с ловкостью добивались своей цели, даже когда кто-то из моих людей спал у дерева. Наконец Хадж Хусейн как-то, еще до рассвета, спрятался поблизости от дерева и незадолго до первых утренних сумерек обнаружил злоумышленницу в лице одной знатной арабки. Тогда все согласились, что там, где даже женщине не стыдно не только пить запретный сок, но красть его, нам следует отказаться от всяких дальнейших попыток его добычи.

Чтобы воспользоваться временем, остающимся до сбора урожая, вскоре после нашего прибытия в Нгурр был задуман набег на Эннеди. Я тоже намеревался принять в нем участие, чтобы хотя бы мельком увидеть эту наименее известную часть восточной пустыни. Из-за удаленности области бидеят от Борку (расстояние между ними достигает около семи дней пути), а также чтобы набрать как можно больше участников, было решено провести эту операцию на верблюдах. Если из полутораста всадников, которых арабы могли выставить на лошадях, исключить тех, кто отправился в Вадаи, и тех, кому препятствовали возраст, болезнь и личные обстоятельства, то никак не набиралось силы, необходимой для набега против густонаселенных долин Эннеди. Однако подходящими верблюдами владела почти все, так что если из общего числа в 400—500 воинов (арабов и рабов) в набег отправятся несколько сотен, то оставшихся вполне хватит для защиты женщин, детей и верблюдов, тем более что в данный момент едва ли можно было ожидать какого-то нападения. К сожалению, я располагал только молодым верблюдом и при всеобщей нехватке этих животных не имел шансов купить другого, более пригодного для подобного предприятия. Несмотря на это, я хотел попытаться воспользоваться своим верблюдом и велел привести его с пастбища, расположенного в нескольких днях пути. Но он пришел уже с пораненной ногой, и, таким образом, попытка выступить вместе с воинами окончилась неудачей. Я был вынужден воздержаться от исполнения своего горячего желания и продолжать однообразную жизнь в лагере. В конечном счете в набеге приняли участие 100 улед-солиман и столько же жителей Борку. По дороге к ним присоединились еще сотня воинов-магарба и их знакомые даза. В первые же дни многие, особенно рабы, вернулись обратно, едва они убедились в непригодности своих верблюдов, ибо жизнь и безопасность в подобного рода операциях, естественно, зависит от надежности верховых животных.

После отбытия газиев жизнь стала еще монотонней, чем прежде, и моим единственным утешением являлся сосед Харан, который также отказался от участия в набеге из-за отсутствия подходящего верблюда. Из моих людей Солиман становился все небрежнее, Хамму, несмотря на вернувшееся к нему здоровье, все ленивее, и только Хадж Хусейн был очень занят, стараясь раздобыть как можно больше *лифа* и приготовить из него веревки для дальнейшего путешествия и на обратный путь (такие веревки не теряют своей прочности из-за жары и сухости, подобно веревкам из волокон пальмы дум).

Врачебная деятельность иногда приводила меня в Нгурр Ма к шерادات. Их фактический вождь ал-Асвад, с которым я бы охотно познакомился, ибо из всех арабов Канема он определенно был самым известным в Судане, находился еще у короля Вадаи. Однако его брат ал-Хиши, женатый на сестре Абд ал-Джлиля, оставался дома. Его жена была самой смышленной, самой приятной и самой любимой женщиной во всем племени. Она непринужденно общалась с мужчинами, ни в малейшей степени не теряя их уважения, и пользовалась неограниченной властью над своим супругом. Правда, среди улед-солиман это было, по-видимому, правилом, и было любопытно видеть, как эти грубые мужчины, все существование которых представляло собой жестокую борьбу с трудностями жизни и опасностями и которые наводили на всех страх, были бессильны в собственном доме. Хиши к тому же был еще и неженка. Я лечил его от катарального воспаления гортани и миндалин, перед которым он испытывал смертельный ужас, а к связанным с этим недомоганием умеренным болям он проявлял поистине детскую чувствительность. На примере детей жены Хиши я увидел, что арабы на своей новой родине перенимали обычай негров и метисов обрезать детям язычок с помощью ножиц, чтобы заштитить их, как они полагали, от целого ряда болезней, а также удалять в зародыше клыки, чтобы уменьшить опасности, связанные с прорезыванием зубов.

Прошли две недели с тех пор, как наши люди отправились в Эннеди, и известия от них, разумеется, не поступали. 1 июля, во время послеполуденной молитвы *аср*²², из ближайшего селения до нас донесся вопль, который наполнил всех жутким предчувствием. Вскоре оттуда показались женщины, с громким горестным воем заламывавшие себе руки, шагавшие нетвердо, пританцовывая и посыпая голову песком. Наши выбежали им навстречу, и вскоре весь лагерь наполнился причитаниями. Как видно, обычай требовал выражения горя с соблюдением определенного ритма. Женщины, спеша от одной к другой, обнимаясь с громкими жалобами, тихими стонами или речитативным пением, танцуя или отбивая такт ногами и даже дико кружась в круге и вырывая себе волосы, соблюдали определенный ритм. Это продолжалось долго, прежде чем удалось вырвать у них хоть какие-то слова, но и они мало что значили. Какой-то неопределенный слух о том, что наши воины были уничтожены в Эннеди, дошел до селения. Однако никто не знал, откуда и через кого. Мужчины вскочили на лошадей, чтобы разузнать

причины печального известия, и вскоре принесли из дуара шередат рассказ о вероятных обстоятельствах дела. Согласно этому рассказу, улед-солиман вместе с сопровождавшими их даза, общими силами в 150 или 200 человек, направились прямо на восток в близлежащую долину Эннеди, Эннери-Никауле (или Кауле), тогда как магарба со своими даза держали путь к расположенной северо-западнее долине Эннери-Мурдо. Первые вскоре завладели приличным стадом верблюдов и решили оставить его у какого-то колодца под охраной слабых, больных и с плохими верблюдами воинов, тогда как остальные отправились за дальнейшей добычей. Однако оставленные у колодца не выполнили эту договоренность, а сразу же пустились в обратный путь в Борку; у первого же колодца на них напали враги и частично перебили, частично взяли в плен, а их было 24. Остальным досталась весьма скромная добыча, и теперь они, должно быть, находились на пути домой. По слухам, и у магарба дела обстояли неважно.

Когда были получены точные сведения с перечислением имен пропавших без вести и убитых, прекратились громкие жалобы тех, чьи родственники не пострадали, но зато рядом со мной из хижин мурабида Брахима ас-Зедани, которого считали в числе павших, днем и ночью раздавалось траурное пение его жены Бу Мераджи и его дочери. Эта последняя была особенно неистощима в выражении своей скорби. Ее горестные душераздирающие вопли разносились по пустынной долине, ее голос то замирал в тихих стогах, то в тишине ночи слышались ее кроткие трогательные жалобы, пока природа не брала свое и она в изнеможении не забывалась недолгим сном.

Спустя несколько дней вернулись уцелевшие члены экспедиции и подтвердили вести о скорбном происшествии. В тот же день в Эннеди отрядили ближайшего родственника Адамы, вождя джагада, надежнейшего приверженца арабов в Борку. Он должен был навести точные справки о судьбе каждого человека в отдельности, а также повести переговоры о сумме выкупа за пленных. Я надеялся вместе с этим посредником добраться мирным путем до бидейят, но натолкнулся на решительное возражение Абд ал-Джлиля и знатных людей, хотя сам посланный не отказывался поручиться за мою безопасность.

Через две недели, в середине июля, явился посланец бидейят некий Гордон из племени аринда диркома, т. е. теда, многие из которых жили в западных долинах Эннеди. Он передал условия выдачи пленных, сказав, что наш гонец был задержан в качестве заложника. Хотя множество бидейят находилось в неволе у арабов, тем не менее те не предложили, как можно было бы ожидать, обменять их на пленных. Чувство солидарности не слишком развито у жителей Эннеди, и лишь один из них согласился обменять своего пленника-араба на члена своей семьи. Остальные потребовали выплатить за каждого человека по десять верблюдов, но довольствовались и меньшим количеством, если семья какого-то пленного была недостаточно зажиточной. Пришлось счесть эти условия умеренными и даже скромными и признать, что арабы, если бы они были хозяе-

вами положения, отнюдь не проявили бы подобной снисходительности. И вот однажды, совершенно неожиданным образом, когда еще не смолкли жалобы его жены и дочери, появился мой сосед мурабид, причем без всякого выкупа. В перестрелке у колодца он не был убит, а лишь легко ранен, а затем, принимая в расчет его религиозность и бедность, освобожден взамен на обещание, что когда-нибудь он выплатит по возможности высокую сумму за свою свободу.

К сожалению, сын Адамы, подававший большие надежды и тоже оказавшийся в числе пленников, отрезал себе дорогу к освобождению. Правда, его поступок вызвал восхищение не только соплеменников, но и арабов, но ему самому он стоил жизни. Связанного юношу отправили в сопровождении двух сторожей из долины Никауле в долину Мурдо. Ночью ему удалось освободиться от своих пут и, убив обоих стражей, бежать на их верблюде. Слух о его дерзком поступке дошел до нас через неделю, и всех обуяли страх и опасение за жизнь этого юноши, надежды племени. Хотя несколько дней спустя какой-то человек из Вуна и утверждал, что напал на его следы, вскоре мы получили достоверное известие о его смерти. Во время бегства его верблюд при переходе через скалы сломал ногу, и это обрекло его на смерть от жажды. Печальная весть пришла в дом отца, когда тот отправился на дальнее пастбище, чтобы на всякий случай привести верблюдов для выкупа сына. Можно представить себе горе вождя, у которого всего год назад судьба отняла старшего, также очень способного сына, павшего в борьбе с мисирийя из Вадаи, и у кого в качестве единственного наследника остался теперь слабоумный сын.

Это было скорбное время. Днем и ночью отовсюду доносились редкие похоронные удары барабана и причитания женщин даза. Жажду мести арабам и их союзникам пришлось сдержать по крайней мере до возвращения своих пленников. Этому способствовали разумные советы Адамы, подвергнувшегося тяжким испытаниям и производившего на меня самое благоприятное впечатление среди всех знакомых мне тубу.

У меня же пропала всякая надежда попасть в Эннеди, а перспектива оставаться вплоть до окончания сбора фиников в Борку привела в такое уныние, что я всерьез стал торопить Хазаза, который, в общем, был человеком слова, выполнить свое первоначальное обещание и доставить меня через три—четыре месяца в Борну. Сначала он уговаривал меня подождать возвращения его отца, который вместе с остальными посланными должен был приехать из столицы Вадаи через Вун. Но однажды совершенно неожиданно из Канема прибыли два спутника Бу Алака и сообщили, что тот вместе с Бен Джувейли сразу же после того, как приветствовал короля Али на озере Фитри, вернулся к себе на родину в Шитати. Тогда Хазаз по крайней мере пообещал, что не будет дожидаться сбора урожая в Тигги и Буду. К сожалению, храбрый Хазаз переоценил свою власть над женщинами нашего дуара. Они были полны решимости не только прибрать к рукам превосходные финики северных оазисов Борку, но и пополнить в Буду запасы соли на зиму и были

вполне способны настоять на своем. Хазаз же в отсутствие своего отца, вождя *аилет* Бу алак, не мог их оставить одних, но в то же время не был склонен отправлять меня с кем-то другим из арабов, отчасти потому, что серьезно воспринимал взятую на себя ответственность, а отчасти, видимо, и потому, что рассчитывал получить от меня подарки в случае благополучного возвращения.

Так и проходили в убийственном однообразии дни, недели, месяцы. Когда исчерпались разговоры на топографические и этнографические темы, ничто больше не связывало меня с моими спутниками. В пустыне, этом замкнутом мире, они на разные лады могли повторять лишь старые, неисчерпаемые для них рассказы о верблюдах и набегах за добычей, и я очень скоро был сыт ими по горло. Вначале с самыми понятливыми и образованными я вел серьезные беседы об их недостойной жизни и пытался склонить их сделать первые шаги к ее перемене, к переходу на полезную деятельность и оседлое жительство. Были среди них даже такие, кто, следуя распоряжениям старого Абд ал-Джлиля, предлагал остаться в Борку и жить сбором фиников в тамошних долинах и возделыванием земли под хлеб. Однако отсутствие привычки к регулярной работе, нехватка рабов и уже упоминавшиеся трудности в вопросе с одеждой так и не позволили серьезно отнестись к этим предложениям и в конечном счете все разбилось о гордость кочевников. Они охотно заявляли: «Мы живем, конечно, только несправедливостью и грехом, но каким же другим образом могли бы мы зарабатывать себе на жизнь, не работая? Ведь наши предки никогда не работали и было бы позором и предательством оставить подобный обычай этих столь уважаемых жителей земли. Для чего же еще и появляются на свет эти проклятые керада, как не для того, чтобы работать на людей, стоящих выше их!».

Благосклонная судьба еще раз подбросила мне кое-какие занятия. Когда все мои попытки добраться до Эннеди провалились, я постарался хотя бы собрать возможно более точные сведения об этой местности и столкнулся при этом с рабыней некоего Абдаллаха бен Салима. Это была молодая женщина-бидейят, которая, хотя и родила от своего хозяина ребенка, содержалась по большей части в цепях из-за прежних многочисленных попыток к бегству. Но поскольку позднее она, как видно, примирилась с судьбой и выражала большую любовь к своему ребенку, ее иногда для проверки освобождали от оков. Когда пришла весть о том, что один из сыновей ее хозяина, юноша, едва вышедший из детского возраста, во время того же неудачного набега также попал в плен к ее соплеменникам, она выразила такую искреннюю скорбь, что Абдаллах бен Салим был склонен воспользоваться ее предложением лично освободить и доставить домой его сына, а пока что позволил ей передвигаться свободно. Она немедленно сбежала со своим младенцем, но уже в Элбное ее снова схватили и с этого момента постоянно держали в цепях.

Эту женщину я получил в качестве информанта о ее родине и о языке Эннеди при условии, что я буду лично забирать ее каждый день из дома хозяина и туда же доставлять. К сожалению, эти заня-

тия, которым я обязан обильной и ценной информацией, закончились слишком быстро. Моя наставница была взрослой, сильной, гордой и любящей родину женщиной (темный цвет ее кожи отливал краснотой), которую ни на минуту не покидала мысль вернуть себе свободу бегством. Однажды она, как обычно, проводила утренние часы в моей палатке и с горечью шутила по поводу своего сынишки, «маленького раба», которому она дала в качестве утешения имя Аллахфи (т. е. «да живет Аллах»), а потом попросилась со мной, так как хозяин из-за ссоры, происшедшей между ней и его законной женой, отсылал ее ненадолго к одному из своих друзей в другой дуар. Я одарил и отпустил ее, ничего не подозревая, а к вечеру она — на этот раз оставив ребенка, — разогнув железные оковы, бежала. Ее следы вели снова в Эллебое, однако никто ее не настиг. Я мысленно желал всего самого хорошего мужественной и энергичной женщине и жалел только бедного маленького Аллахфи, который так внезапно лишился материнского молока.

Между тем финики в Нгурре созревали все больше. Вскоре лошадей стали кормить исключительно их ранними неблагородными сортами, тогда как остальные в количестве нескольких центнеров упаковали для отправки на рынок в Куку или для зимних запасов; они же стали существенной частью пищи для людей, так как запасы зерна все уменьшались. Финики, которые при созревании становились мягкими и предназначались для потребления свежими, так называемые *ротоб*, вносили приятное и лакомое разнообразие, но приходилось мне по вкусу меньше, нежели сушеные. Уже в конце июля доставать зерно и мясо удавалось с большим трудом. Лишь раз в день мы ели мучное блюдо в виде каши, причем постепенно к нашему неудовольствию она становилась все жиже. Кончился запас привезенного из Канема *духна*, средства для покупки нового зерна у меня таяли, а возможности его найти встречались все реже. Вместе с тем стало труднее перемалывать зерно в муку, так как женщины в нашем дуаре либо отказывались это делать, когда у них самих не было зерна, либо утаивали половину его.

Вначале, когда я болел, сострадательные соседи или рассчитывавшие на подарки знакомые снабжали меня верблюжьим молоком. Но вскоре оно кончилось, ибо владельцы сами нуждались в нем, да и вообще дойных верблюдиц было немного. Правда, как уже говорилось, финики считались пищей чрезвычайно здоровой, но даже для этих непритовливых кочевников совершенно недостаточной на длительный срок — без одновременного потребления хлеба, мяса или молока.

Мясо, однако, грозило стать вовсе недоступным. Сначала я пробовал покупать раз в две недели козу, но, не говоря о том, что мелкий скот в то время в Борку был весьма редок, его покупка становилась чрезвычайно дорогой оттого, что небольшое количество мяса нельзя было хорошо высушить и сохранить. Его хватало бы всего на два дня, даже если бы оно находилось в моем распоряжении. Но это оказалось делом совершенно невозможным. Если я забивал козу ночью и тайком, то и тогда ко мне являлись многочисленные про-

сители: один был пожилым и слабым стариком, другой просил для своей беременной жены, третий рассчитывал на особое внимание, так как был мурабидом. В одно мгновение все мясо расхватывалось, и никому не удавалось поесть досыта.

Во время поездки в Джин я, пожертвовав полтора фунта пороха и пять метров хама, приобрел одну из многочисленных в Борку коров, ожидая от нее больше выгоды, ибо, как показывает опыт, кроме потрохов, все ее мясо можно высушить. Но моя надежда очень скоро оказалась иллюзорной. После того как животное, оказавшееся очень злым, с большим трудом было доставлено в Нгурр, его пришлось забить, также тайно и под покровом ночи, с помощью рабов нашего *фарика*. Несмотря ни на что, все мои надежды были посрамлены. Рабы не довольствовались частью, которая полагается согласно обычаю за такую помощь, а стали все без исключения красть. В течение всей ночи место забоя окружали соседние арабы, которые под покровом темноты сумели получить мясо через подкупленных рабов. Поведение этих людей было поистине бесстыдным и просто немыслимым на их же родине, на севере. Мой сосед-даза по имени Харан был определенно голоднее всех и, несомненно, не пробовал мяса гораздо дольше. Несмотря на это, своим сдержанным поведением он доказал, как предосудительна жадность к еде и питью у его соотечественников, и тем самым обратил мое внимание на то, что улед-солиманы обязаны своему грабительскому нраву прозвищем *миннеминне* не только фигурально. Утром при свете дня выяснилось, что потеряна почти третья часть всего мяса. Женщинам нашего *фарика* поручили разрезать на полоски то, что осталось; при этом пропала примерно еще одна треть, и наконец последняя треть значительно пострадала из-за неблагоприятной погоды. В сухой летний сезон достаточно одного дня, чтобы искусно нарезанное свежее мясо превратилось в полностью просушенные, жесткие, разламывающиеся куски — *кадид*, но, поскольку южные и юго-западные ветры, дующие из зоны дождей, вызвали очень высокую влажность воздуха, наши припасы еще и на третий день распространяли поблизости от моей палатки запах гнили и кишели живыми существами. Не помогло и то, что мясо было предусмотрительно обильно посолено. После того как лопнула и эта надежда, мне доводилось поесть мясо только, если где-то неподалеку забивали большого верблюда или какому-нибудь арабу удавалось подстрелить антилопу, но это случалось редко. Чаше попадалась дичь в виде диких голубей или ворон, а кур в Борку я не видел.

Правда, наша жизнь впроголодь могла еще показаться великолепной в сравнении с тем, как жили бедные туземцы, которым, чтобы успокоить чувство голода и поднять настроение, приходилось почти исключительно полагаться на алкогольное действие *лакби*, снимающего все заботы. Хотя, по моему заступничеству и в «припадке» чувства справедливости, арабы оставили за ними примерно шестую часть нашей пальмовой рощи, этот великодушный поступок свелся на нет из-за систематических грабежей и в этой части долины. Их совершали рабы с ведома и одобрения своих хозяев. Один старик

из соседнего селения, владелец большей части тех финиковых пальм, которые достались нашему *фарику*, иногда приходил ко мне выпросить скромное вознаграждение. Он очень хорошо понимал, что, даже если бы я захотел вернуть ему пальмы, находящиеся в моем временном владении, они не принесли бы ему пользы, и с большой благодарностью принимал вместо этого то мерку *духна*, то кусок бумажной ткани, а то и лист бумаги или немного табака.

Свой небольшой запас ценных вещей я поневоле вынужден был приберечь исключительно для покупки верблюдов, тем более что последний из тех, кого я еще называл своим, сдох на пастбище из-за чрезмерного потребления свежей травы — как говорят, от лопнувшего брюха. Несмотря на свой фатализм, соседи приняли такое искреннее участие в моей потере, что долго никто из них не решился сообщить мне эту печальную новость. Поскольку набег на Эннеди, так же как и другой, на Тибести, оказался безрезультатным, верблюды все еще стояли недоступно дорого, так что за одно, правда, превосходное животное, купленное взамен погибшего, мне пришлось заплатить одну *тобу короробши*, четыре обычных борнуанских платья и три талера. К тому же я еще оставался в долгу перед шейхом Абд ал-Джлилем, так как для подарков дружественным вождям даза из Борку я занял у него три выкрашенные краской индиго хаусанские тобы, получив за них крепкого верблюда. Однако я не представлял, откуда же я возьму еще две «спины» из четырех, совершенно мне необходимых. Необычайно высокий падеж верблюдов со временем еще больше поднял их цену, а мы не могли даже воспользоваться их мясом, так как пастбище в Яйо находилось слишком далеко. Выпадавшие то и дело дожди способствовали росту свежей травы, потребление которой без ежедневного водопоя оказывалось для животных роковым, но послать в Яйо для разделки падших животных достаточное количество людей было нельзя, ибо они были бы вынуждены питаться там исключительно молоком. Я уже стал надеяться, что эти обстоятельства вынудят моих спутников отказаться от сбора фиников в северных долинах и вернуться в Эген и Канем, но и здесь победу вновь одержали женщины.

Собрав урожай в Нгурре, мы сразу же решили прибраться к рукам финики и в Эллебое. Там они созревали несколько позже. Я со своей Накой еще мог принять участие в переезде в этот оазис, когда мы оставили лагерь в Нгурре, однако в ближайшем будущем нехватка выючных животных грозила поставить меня в величайшее затруднение. Шейх Абд ал-Джлиль больше не мог ждать уплаты долга и поэтому мне пришлось подумать о продаже лошади и палатки. То и другое очень ценится арабами, и цена одной палатки почти равна стоимости сильного верблюда, а за одну хорошую лошадь можно получить трех или четырех верблюдов. К несчастью, осматривая палатку, я обнаружил, что ее нижний край, который погружается в песок, был полностью изъеден термитами. Я и не подумал проследить за этим, зная, что эти опасные насекомые предпочитают глинистую почву и обычно не появляются в песке. Что же касается лошади, то она с ее красивым сложением, излюбленной серо-стальной

мастью, ростом выше обычных борнуанских лошадей нравилась мне больше своим видом, нежели достоинствами. Это было вялое и пассивное животное, слабое на передние ноги. Если она и раньше не желала толстеть, то теперь, в течение месяцев лишенная зерна, она была более чем в жалком состоянии. Арабы, и без того не очень-то уважавшие привлекательных с виду, но изнеженных борнуанских лошадей, знали ее плохие качества; те же, кто жил подальше, с сомнением смотрели на ее худобу и рост, грозившие им в будущем большими затратами зерна. Наконец ко мне привели одного человека из Вуна, принадлежавшего к племени нореа (название на языке даза), или наварма (арабское название), который вознамерился позволить себе роскошь завести лошадь и был склонен купить мою. Этого человека звали Абу Фатима, т. е. «отец Фатимы», так как женатые тубу обычно стыдятся пользоваться своим именем. После длительных торгов мы пришли к соглашению о цене, сводившейся к одному сильному, взрослому верблюду, одному трехлетке мужского пола — *хикк*, одному четырехлетке женского пола — *джеда* и одному двухлетнему верблюжонку — *бен лебун*. Однако получить эту цену можно было лишь недели через две, ибо стадо покупателя находилось на пастбище в Бахр-эль-Газале. К сожалению, разбилась и эта надежда. Правда, Абу Фатима, согласно своему обещанию, пригнал из Бахр-эль-Газала нужных верблюдов, но в Вуне на него напали и тяжело ранили родственники его умершего зятя, которые после смерти последнего хотели получить назад выкуп за его вдову.

17 августа, когда на пальмах в Нгурре не осталось ни одного финика, мы на несколько дней отправились в оазис Эллебое, расположенный километрах в двенадцати или четырнадцати дальше к юго-востоку. Очень скоро за пределами нашей долины почва сделалась каменистой, с выходом на поверхность невысоких продолговатых скал беловатого цвета. Через полтора часа дорога пошла по южной оконечности впадины, украшенной пальмами дум и называвшейся Айянга. Она лежит южнее *хатийи* Кауерши. Вдалеке на востоке мы заметили цепь скал, которая, по-видимому, простиралась от Буду до Вуна. Через три с половиной часа после выхода из Нгурра мы оказались в селении Эллебое. Оно расположено в четверти часа пути к северо-западу от долины с финиками на скалистом, каменистом холме и насчитывает примерно столько же очагов, что и оба поселения в Нгурре. Относящаяся к нему долина протянулась с востока на запад и помимо финиковых пальм и отдельных акаций радует большим числом тенистых пальм дум. У подножия холма, между ним и рошей, расположились колодцы примерно двухметровой глубины.

Жители здесь тоже делились на оседлых — эллебоэда и кочевников — бульту, или бультоа, и, как обычно, последние имели перевес. Робкие люди вообще оставили урожай нетронутым и только кое-где полакомились финиками *ротоб*. На ближайшее будущее у них оставались для пищи лишь многочисленные плоды пальмы дум. Почти все финики относились к тому сорту, который в Феццане был известен под названием *тафсирт*; арабы называют его *бу миджа*,

а даза — *койдо*. Так как здесь собрались все подразделения улед-солиман, все принялись сообща и усердно рвать финики, сваливая их в одну кучу, чтобы затем поделить. Даза, которые, сопровождая нас, страдали от голода, тоже была обещана небольшая доля за их помощь. Поскольку в первый же день начались оживленные пререкания (без которых мои друзья, казалось, не могли обойтись ни минуты) из-за того, что куча фиников уменьшалась сама собой, еще нетронутые пальмы разделили на три части между шередат, миаисса и джебаир, и на третий день после нашего прибытия со сбором урожая было покончено.

К сожалению, мне не удалось удовлетворить свое горячее желание съездить из Эллебое в самую обширную финиковую долину в Борку — Вун, которой одной удалось избежать владычества арабов. Поскольку у меня не было подарка для тамошнего вожда, я не мог отправиться туда сам. Арабы же были либо слишком заняты сбором фиников, либо вообще не желали показываться порознь в долине, где жили недоброжелательно расположенные к ним на-казза. К тому же до нас дошло известие о том, что туда же прибыл Асвад вместе с тем сенуситским миссионером из Вадаи, который отнесся ко мне так враждебно, и вполне понятно, у меня не возникло ни малейшего желания свести с ним личное знакомство в одиночку. Другая моя надежда — наконец-то снова попробовать свежего мяса — разбилась о полное отсутствие коз. Я так долго ощущал потребность в мясной пище, что в вечер нашего возвращения в Нгурр (21 августа) тотчас же набросился на последние куски сушеного мяса, еще остававшиеся от забитой коровы.

В Нгурре начали теперь подумывать о том, чтобы перенести наш лагерь в Айн-Галакку, так как по сложившейся привычке на реквизицию фиников северных долин оттуда отправлялись одни мужчины. Но прежде нужно было дожидаться прибытия Асвада, сенуситского шейха и человека, посланного королем Али. Через несколько дней они приехали в дуар Асвада в Нгурр Ма. К сожалению, фанатик-миссионер все еще не укротил свою ненависть ко мне, ибо в первый же день он передал шейху Абд ал-Джлилю и вообще всем джебаир, что он не желает появляться в Нгурр Дигре, поскольку считает всех тех, кто имеет со мной дело, не больше не меньше как христианами и неверными. Местных жителей, видевших в нем святого, на котором покоились все их надежды на установление мира, он открыто побуждал убить меня. Он рисовал перед ними те опасности, которыми угрожал этот первый проникший в их страну христианин, и вообще проповедовал им убийство христиан как надежный способ обретения права на райские удовольствия. Из-за его враждебного отношения я потерял последнюю, остававшуюся еще у меня радость — провести день в мечтах и снах вдали от моих грубых, беспокойных товарищей, в тени великолепных пальм; во всяком случае, я мог на это решиться только в сопровождении вооруженных людей.

В связи с этим случаем я увидел, что добродетель гостеприимства была еще жива у моих арабов. Поскольку духовное лицо отказы-

валось приехать в Нгурр Дигре, а шейх Абд ал-Джлиль считал ниже своего достоинства пойти ему на уступки и посетить его, то в один прекрасный день к сенуситу отправились шейх Мухаммед ибн Омар и его зять Хазаз, нарядившийся в свои лучшие одежды. Они застали его в окружении арабов, которые подобно напавшим детям внимали его наставлениям и упрекам. Хазаз, который встретился с ним впервые, пошел прямо к цели, выражая ему свое сожаление по поводу того, что их знакомство начинается с разногласия, и спрашивая его перед собравшейся толпой, действительно ли он считает джебаир неверными из-за связей со мной и вправду ли он утверждает, что мое убийство откроет убийце двери рая. Ученый и набожный человек не только ответил утвердительно на эти вопросы, но и повторил свои утверждения. Но Хазаз не дал себя запугать и доказал ему и всем присутствующим (делая вид, будто сожалеет о том, что он неграмотен и не может спорить с таким ученым и святым человеком), что так строго судимые им джебаир находятся в одинаковом положении с повелителем правоверных, который восседает на халифском троне в Константинополе в качестве заместителя пророка, с большинством жителей этого главного города ислама, а также с хедивом и другими правителями мусульманского мира, с улемами Каира, Туниса, Феса и Багдада, ибо там повсюду христиане мирно общаются с правоверными. Если же ученый шейх и дальше будет проповедовать невежественным даза, что убийство христианина обеспечит радости рая, то он, Хазаз, простой житель пустыни, выскажет свою точку зрения. Он полагает, что, согласно учению его религии, убийство может иметь место только в случае войны за веру, когда правоверные и неверные стоят друг против друга. В то же время ислам нигде и никогда не имел обыкновения учить предательству и вероломству по отношению к гостю и покровительствуемому; такого лишенного родины и друзей человека аллах доверяет не столько насилью, сколько защите правоверных. Правда, миссионер попытался защитить свое толкование цитатами, прибегая к замысловатой изворотливости, но простая логика Хазаза загнала его в такой тупик, что ему пришлось, отступая шаг за шагом, в конце концов пообещать посетить дуар шейха. Присутствовавшие при этом арабы молча радовались такому исходу — даже если и не из-за доброжелательного ко мне отношения, то гордясь мужеством и ученостью одного из своих, и потому еще, что одержанная им победа значительно облегчила то тяжелое чувство, которое они испытывали, осознавая свои грехи в присутствии столь благочестивого человека.

В это же время мне наконец-то представилась возможность познакомиться с Асвадом. Он прибег к моему врачебному совету для своего пятимесячного ребенка, который находился в жалком состоянии угасания и которого в отсутствие отца самым бесчеловечным образом врачевали раскаленным железом так, что его покрывали ожоги длиной в дюйм. Я ничем уже не мог помочь этому бедному ребенку, краткое земное существование которого закончилось, но его отец меня очень заинтересовал. Это был сильный мужчина,

лет сорока пяти, столь же грубый, сколь и открытый, так же глубоко пропитанный сознанием греховности, как и гордостью своего превосходства над инаковерующими. Его глубокая религиозность, искреннее сострадание ко мне, который так долго жил с ними и столь же высоко ценился бы аллахом, как и они сами, если бы не остался глухим к заповедям истинной веры, выглядели у этого разбойника почти трогательно.

О короле Вадаи он выражался чрезвычайно похвально, а мои шансы на посещение этой страны не считал неблагоприятными. Правда, посланец этого короля, уже известный нам Хеймер, не только не поощрял меня к посещению Абеше, но решительно советовал не идти на риск без получения формального разрешения своего господина. Тот послал его с 22 верблюдами, чтобы, невзирая на цену, заполучить у магарба некую лошадь, слава о резвости и выносливости которой дошла до Вадаи. Однако переговоры Хеймера натолкнулись на гордость и политическое упрямство ее владельца и всего племени. Первый заявил, что благодаря своей лошади он во время набегов получает больше верблюдов, нежели ему может за нее предложить король Али, а его соплеменники добавили, что лошадь является гордостью их племени и что если улед-солиман вступили в дружественные отношения с Вадаи, то они, магарба, постоянно поддерживают их с храбрым шейхом Омаром из Борну, так что у них нет никакого повода идти навстречу желаниям своих извечных врагов.

1 сентября из Яйо прибыли верблюды для переселения в Айн-Галакку. Я провел еще один день в своей любимой пальмовой роще, еще раз полюбовался стройными пальмами и оживленной деятельностью насекомых, которая, в связи с продвинувшимся летом, протекала под их сенью в необычайном многообразии. Я наблюдал за ними по несколько часов и с чувством благодарности покидал эти укромные местечки. 3 сентября, едва мы снова перенесли лагерь к источнику, как меня ожидал новый тяжелый удар — потеря моей прекрасной Наки, пропавшей в день нашего прибытия. Сначала ее не удавалось найти, несмотря на всевозможные поиски в различных дуарах, и лишь через несколько дней маленький Коре внезапно увидел, как она спускается с гряды дюн, окаймлявших нашу впадину с западной стороны. Новые попытки продать лошадь не удались, а поскольку день окончательного отъезда приближался, мне пришлось свыкнуться с мыслью купить верблюдов в кредит, т. е. с выплатой денег в Борну. На этих условиях мне их предлагали довольно часто, но по цене около 200 марок (тогда как местная цена достигала в среднем примерно 30 марок), однако я не знал, придут ли мне с родины деньги и когда. Правда, для путешествия в северные долины, которые мы предприняли 9 сентября, Абд ал-Джилль согласился предоставить мне одну верблюдицу. Хотя она была еще не совсем обучена переносить грузы, она по крайней мере доставила меня к цели.

Через три часа после выхода, двигаясь в северо-восточном направлении и оставив Джин на северо-западе, мы добрались до

оазиса Кирди и провели там время, пока не спала дневная жара. Собственно селение в этой долине состояло примерно из тридцати хижин, но много хижин было еще разбросано по пальмовой роше. Из акаций преобладала хараза, из кормовых трав — акуль, а кроме них особенно богато была представлена сenna. Оазис имел неправильную, продолговато-округлую форму. Мы сделали привал в его северо-восточной части. Начиная от Кирди местность поднималась и тут и там была покрыта черными глыбами песчаника. Выходы скальных пород становились многочисленнее и выше, пока после почти шестичасового перехода все в том же северо-восточном направлении во второй половине дня мы не добрались до обширного *серира*, где и заночевали. Мы продолжили путь спустя несколько часов после полуночи, поднялись вскоре на самое возвышенное место в окрестностях и спустились вниз напротив оазиса Буду. Когда встало солнце, мы увидели широкую равнину, которая на севере и на востоке окаймлялась скалистым гребнем небольшой возвышенности и разбивалась островками пальмовых рош. Еще через два часа, следуя в том же направлении, мы остановились в одной из последних рош и во время дневного привала занялись разделом трех долин: Тигги, Буду и Ярда. После бесконечных споров и даже ссор было решено, что Тигги останется полностью за магарба, Буду исключительно за улед-солиман, Ярда же на две трети отойдет к этим последним, а на одну треть к первым.

Уже к вечеру мы окончательно выбрали место лагеря у подножия цепи скал, окаймляющих долину на востоке, которая проходила с севера на юг и где укрывались различные селения туземцев. Мы стали ждать, как они нас примут. Они, однако, не подавали никаких признаков жизни, так что сопровождавшие нас прихлебатели даза были уже склонны видеть в этой явной сдержанности некую враждебность. Хазаз и другие знатные люди отправились на разведку в селение Айерде, где жил вождь. Там они застали людей, которые собирали из своих запасов финики для пропитания арабов, вечно не имевших продовольствия при подобных посещениях, и выбирали корову для подарка шейху Абд ал-Джлилю. На том все тревоги исчезли.

В северных долинах Борку арабы обычно не собирают финики сами, они появляются уже после того, как урожай собран. Тогда селения распределяются между подразделениями незваных гостей, а их вожди раскладывают назначенный налог среди подчиняющихся их власти жителей. Финики в Тигги и в Буду почти все относились к особо ценному из-за содержания сахара сорту *марченко* (название, которое арабы исказили в *муршинне*). Они постоянно находятся в состоянии *ротоб*. В день нашего прибытия мы тщетно прождали распределения отдельных деревушек, которое последовало лишь 12 сентября. Я же воспользовался этим временем, чтобы побродить по долине и между скалами.

Долина Буду простирается в длину с севера на юг и легко может быть пройдена за полдня. На севере ее ограничивает гора Эн Корока, которая там отделяет ее от долины Тигги, а сама

дугообразно переходит в скалистую цепь. Проходя с севера на юг, эта цепь окаймляет оазис на востоке. Когда я отправился на север к горе Корока не точно вдоль ее подножия, а скорее посередине долины, я прежде всего натолкнулся на густую пальмовую рощу с источником, а затем на солончак Ави, шириной всего в несколько минут ходьбы, но длиной с запада на восток, пожалуй, в целых полчаса. К северу от Ави я обнаружил еще один, значительно более обильный источник, вблизи которого лежала пальмовая роща и множество садов, орошаемых водой этого источника, прежде, по-видимому, превосходно содержавшихся, но к настоящему времени довольно запущенных.

Чтобы добыть и очистить соль, лежащую на поверхности всего солончака Ави, на места добычи, предварительно окруженные небольшими земляными насыпями, жители подводят воду из южного источника, а при необходимости и часть воды из северного. Более чистую белую соль размельчают в порошок, а другую, главным образом серого или зеленовато-серого цвета, спрессовывают и держат в форме маленьких головок. В целом по своей чистоте она уступает соли в Бильме и часто бывает более горькой. Поскольку Буду в отличие от Кавара лежит в стороне от большой дороги, а залежи соли богаты, она стоит очень дешево. Не считая потребностей жителей Борку, Ави снабжает солью еще часть Вадаи, куда при мирных отношениях ее доставляют караванами махамид, а также часть Канема, куда ее привозят арабы и их союзники. Тем не менее за один выюк весом в несколько фунтов отдавали всего одну плохую итальянскую или немецкую штопальную иглу или две столь же плохонькие швейные иголки. Это давало мне возможность оказать своим ближайшим товарищам дружескую услугу, подарив им по десять иголок, тем более что сам я был не в состоянии захватить с собой столь тяжелый товар, несмотря на его дороговизну в Канеме и Борну.

Лежащая к северу от Ави пальмовая роща с садами отделяется скалистой, не очень высокой и протянувшейся с запада на восток возвышенностью от небольшого озера или болота с пресной водой, по берегам которого рос камыш и где водилась водоплавающая птица. По другую сторону озера простиралась волнистая песчаная равнина, которую наподобие островков усеивали пальмовые рощицы, насаждения акреша, или акуля, с водоносным слоем непосредственно под поверхностью земли. К северу от песчаной равнины, у подножия горы, растянулись финиковые посадки и разоренные вследствие нашествия махамидов сады деревни Корока. Гора имеет то же название и плоскую вершину. Ее высота — немногим более ста метров, а ее крутые склоны, на которых местами попадаются огромные глыбы песчаника, трудны для подъема. Более всего она простирается с севера на юг. После Буду она проходит с востока-северо-востока на запад-юго-запад и тянется всего несколько километров. Стоя на ее совершенно плоской вершине, на значительном расстоянии от нее видишь обширную горную цепь, которая идет от Тибести и занимает всю северную и северо-восточную сторону. За ней взгляд может проследить местность до тех пределов, где, как мне сказали, находится

Ваньянга. Прямо на севере среди этой гряды выдается большая гора Эй Куси²³, которая, по словам моего информанта Харана, лежит в четырех днях пути. По высоте и мощи она якобы не уступает горе Тарсо в Тибести.

Следуя в юго-восточном направлении, в том месте, где в восточной цепи скал образовались заполненные песком углубления, я наткнулся на главный населенный пункт Буду, носящий название Тарака. Его 80 или 100 хижин сгруппировались вокруг одиноко стоящей скалы высотой метров в 25 с почти отвесными стенами. Гигантская приставная лестница из пальмовых стволов, по которой можно взобраться на вершину скалы, свидетельствовала о том, что это место служило убежищем, однако незначительная площадь вершины могла вместить лишь ограниченное число людей и немного запасов воды и пищи. Тамошние хижины из циновок отличались от хижин прочих кочевников областей тубу только тем, что имели небольшой фундамент из камней, попросту нагроможденных друг на друга. Почти перед каждой хижинкой стоял остроконечный глиняный конус, также на основании из камней и несколько превосходящий по высоте хижину, где жители хранили запасы фиников. Если судить по многочисленным *кармута*, стоявшим перед хижинами, они, очевидно, владели еще довольно большим числом верблюдов и часто совершали путешествия. Каждое жилье выглядело изящно и опрятно, как это вообще свойственно домашнему хозяйству тубу.

При моем появлении, необычном для жителей, они тотчас же собрались, я же старался сделать свое появление менее неприятным для них, щедро раздавая им иголки, которые до сих пор в других местах совсем не имели успеха, но здесь ценились очень высоко. Моя публика состояла в основном из женщин и девушек, которые отличались своим изящным и пропорциональным сложением. Их одежда, прически и украшения были такими же, как у женщин Тибести, но сами они были дружелюбнее и скромнее своих северных сестер. Правда, таким любезным поведением я едва ли был обязан их естественному расположению, а гораздо скорее страху перед моими спутниками — арабами.

От Тараки я поднялся на пустынную вершину восточной цепи, миновал стоящие на разном удалении селения Кйеина, или Инченна (местожительство знаменитого вождя Буду по имени Гере), затем Айерде, Баладанга и Агенанга и вышел уже южнее нашего лагеря. Большинство этих селений, которые по величине едва ли были равны и половине Тараки, стояли дальше от края долины, чем она, глубоко спрятавшись среди зловещих черных скал. К югу от Агенанги находились еще селения Ханганга и Мадера, завершающие перечень поселений Буду.

Меня мало интересовало распределение фиников, потому что я не мог увезти свою долю. Абд ал-Джлиль не только не отдал причитающегося мне верблюда, но и потребовал назад одолженную им верблюдицу, так как сам находился в затруднительном положении с перевозкой фиников. В этих обстоятельствах могло показаться насмешкой то, что он оплатил мне финиками ту хаусанскую тобу,

которую я одолжил ему в Буду для подарка вождю одного из селений. В то время как у меня и без того уменьшились средства перевозки, мой багаж стал еще больше, так что в конце концов мне пришлось радоваться, когда Асвад обменял весь мой запас фиников из Буду на окрашенную в синий цвет тобу низкого качества.

16 сентября, когда вернулись наши люди, занимавшиеся дележом урожая в Ядре, мы покинули Буду и на следующий день снова разбили лагерь у источника Галакка, чтобы там наконец подумать о давно ожидаемом возвращении в Канем. Покупателя на лошадь все не находилось, а за свои немногочисленные, но такие дорогие хаусанские одежды я также не мог получить достойную цену, ибо всем было известно, что я волей-неволей соглашусь на любые условия покупки верблюдов. Поскольку многие теперь собирались везти собранные финики на рынок в Куку, им, разумеется, было бы выгоднее вынудить меня купить животных в кредит и соответственно по самым высоким ценам. Как я ни упирался, мне пришлось покориться неприятной необходимости, и я сговорился с неким Салимом буль Хаджем о покупке у него за 41 талер красивой, упитанной верблюдицы — и это после того, как он довел меня почти до отчаяния своим вероломством и жадностью. Его ненадежность тем более раздражала меня, что он постоянно рассылался в заверениях дружеских чувств, а в последнее время даже начал напускать на себя видимость строжайшей набожности с помощью четок, которые он никогда не выпускал из рук и в пользовании которыми его наставлял мой слуга Хусейн. Последний благодаря своему происхождению из Марокко имел славу светоча веры. В своем раздражении я осыпал эти недостойные попытки обмануть других и самих себя жестокими насмешками, бичевал пустую обрядность арабов вообще, доказывал им, как противно здравому смыслу то, что они готовы бессовестно перерезать глотку своим ближним из-за малейших внешних разногласий и в то же время испытывают серьезнейшие сомнения по поводу смехотворных мелочей (например, не является ли тяжким грехом, испытывая сильный голод и не имея ножа, забить животное острым камнем и тому подобное), рисовал им величие бога, который совершенно пренебрегал подобными формальностями в религии, и с откровенным удовлетворением предсказывал, что им предстоит долгие муки в адском огне. Я должен сознаться, что люди принимали мои нередко резкие выпады с удивительным терпением и что я часто завидовал их долготерпению и самообладанию — добродетелям, которые на продолжении обратного пути в Канем и Борну то и дело подвергались во мне тяжкому испытанию.

Борку и его жители

Неизвестная дотопе местность к северо-востоку от Канема. — Сведения Барта о Бахр-эль-Газале, Эгеи и Боделе. — Мнения туземцев и ученых. — Определение высоты в Канеме. — Понижение местности к северу от Канема в северо-восточную сторону. — Котловина Эгеи. — Ее направление, обилие воды и состав почвы. — Раз-

личные колодцы этой долины. — Местность между Эгеи и Бахр-эль-Газалем. — Флора и фауна Эгеи. — Спуск в Боделе. — Позвонки рыб и раковины ракушек. — Самое низкое место Боделе. — Протяженность и очертания Боделе. — Тамошние группы долин Торо, Коро, Тигги, Кирри и Джураб. — Их связь с Бахр-эль-Газалем. — Самая низменная точка всей местности. — Бахр-эль-Газаль, некогда вытекавший из Чада. — Прежние лагуны в Эгеи и Боделе. — Тунгур и Курри Торрао. — Бульгеда. — Джагада, или мусу. — Сангада. — Далеа. — Бультоа. — Наказза и нореа. — Местность между Боделе и Борку. — Аманга и Тейманга. — Протяженность и очертания Борку. — Состав почвы. — Обилие воды в крае. — Оазис Тигги. — Оазис Ярда — Оазис Вун. — Метеорологические наблюдения (ветры, температура, атмосферное давление, влажность). — Относительное плодородие Борку. — Разведение финиковых пальм. — Основные растения и животные в Борку. — Ама-борку. — Финиковые рощи кочевников. — Оседлое население, или донгоза. — Определение численности населения Борку. — Уменьшение благосостояния и численности жителей. — Сходство между ама-борку и теда. — Одежда жителей Борку. — Обычаи и нравы. — Политическая жизнь в Борку. — Вожди кочевников, происходящие из оседлого населения. — Привилегии дерде. — Образ жизни обитателей Борку. — Встречающиеся болезни, их лечение.

Если путешествие от Чада до Борку было богато лишениями, а главное, подвергало тяжким испытаниям мое терпение, то, с другой стороны, оно принесло результаты, которые могли, пожалуй, вознаградить за все.

Барт и Овервег были единственными европейскими путешественниками, посетившими Канем до меня. Их сведения о южной части Восточной Сахары и о загадочном Бахр-эль-Газале весьма способствовали возрастанию того интереса, который уже давно, но неотчетливо связывался со всей этой местностью.

Судя по тому, что услышал Барт от жителей Канема, казалось несомненным, что уже неоднократно упоминавшийся ранее Бахр-эль-Газаль связан с богатыми пастбищами низменностей Эгеи и Боделе. Но еще более несомненно, что он был связан с самим Чадом; оставалось только неясно, впадает ли он в это озеро или вытекает из него. Поскольку по словам всех окрестных жителей эту речную долину можно было проследить в северо-восточном направлении почти до южной границы Борку — местности, где ландшафт имеет скалистый характер, в Европе были склонны считать, что эта река протекает с северо-востока на юго-запад до большого озера Борну. Не возникало даже мысли, что Борку, расположенное столь близко от Тибести, с его скалистыми грядками, протянувшимися в юго-восточном направлении, может лежать ниже Чада, вследствие чего не принимали во внимание тот преобладающий среди местных жителей взгляд, что Бахр-эль-Газаль понижается в сторону пустыни.

Барт (т. III, приложение I) говорит об этом так: «Все дошедшие до меня сообщения относительно этой вызывающей столько толков долины, до которой мы так страстно хотели добраться, сходятся на том удивительном указании, что она понижается не от пустыни в сторону Чадской впадины, а наоборот — от нее в сторону пустыни. Все свидетели показывают, что в нынешнее время долина высохла, но

не прошло еще и ста лет с тех пор, как там находилось русло реки или канала, по которому осуществлялась связь по воде между Чадом и Бургу. Разумеется, все это более чем сомнительно, и совершенно невозможно представить, что местность Бургу не возвышается на несколько сот футов над уровнем великого центральноафриканского речного мешка, ибо это, пожалуй, самое меткое слово, каким мы в состоянии обозначить Чадскую впадину».

Чем больше я осведомлялся в Куке о Бахр-эль-Газале у людей, которые хорошо знали восточную оконечность Чада, тем меньше я сомневался в правильности их мнения, а вместе с тем росло мое убеждение, что речная долина, должно быть, является пересохшим стоком большой лагуны Борну, и тем усерднее я добивался возможности самому удостовериться в действительном положении вещей. Я с большой осторожностью перевез через пустыню превосходный ртутный барометр, установил его в Куке и, чтобы решить этот вопрос, одновременно вел наблюдения с помощью отличного anerоида, а также удобного термометра для воды²⁴. К несчастью, вернувшись однажды с прогулки, я обнаружил, что барометр был испорчен моими неловкими слугами, так что мне пришлось ограничиться anerоидом и термометром.

К моему большому огорчению, мне не удалось самому добраться до Бахр-эль-Газала, однако показания вышеуказанных инструментов о соотношении уровней на всем пути от Чада до Борку, особенно в отношении Эгеи и Боделе, так убедительно говорили в пользу мнения местных жителей, что этот вопрос можно считать решенным. Поскольку я вернусь к той части Бахр-эль-Газала, которая ближе всего расположена к Канему, при общем описании бассейна Чада, куда относится и Канем, то здесь я ограничусь описанием Эгеи, Боделе и Борку.

Высота Куки приводится по ежедневным показаниям anerоида за период с конца июля 1870 до середины марта 1871 года. Округленный результат в 275 м лишь слегка отличается от данных Фогеля. От северной оконечности Чада мы повернули в общем в восточном направлении к Бир-эль-Барке, с каждым днем удаляясь от восточного берега озера. При этом местность постепенно повышалась, так что на уже упоминавшейся главной стоянке улед-солиман мы находились примерно на высоте 40 м над уровнем Чада. Отсюда мы взяли северное, лишь слегка отклоняющееся к востоку, направление, поднялись до области Манга и обнаружили, что самой высокой точкой нашего пути через эту местность является стоянка Фидфидди примерно на 15° северной широты. Она расположена метров на 70 выше, чем озеро Борну, и начиная отсюда почва постепенно понижается вплоть до Эгеи, проходя через лежащую примерно в 100 километрах дальше к северу стоянку Бирфо, где мы снова оказались приблизительно на высоте Куки. Широкий подъем местности в Манге, который замыкает Канем с севера и отделяет его от настоящей пустыни, заканчивается километрах в 50 севернее Фидфидди у колодезной стоянки Кедела-Воати. После нее больше не встречается и та редкая древесная растительность, которая до сих пор отличала степь;

появляются растения хад (*Cornulaca monacantha*) и настоящая пустынная нисси (*Aristida plumosa*), исчезают высокие холмы и глубокие долины, а с ними и колодцы области Канема. Однако Бирфо еще причисляется к Канему, а его кочевники являются хозяевами тамошних колодцев.

От Бирфо мы изменили направление на восточное-северо-восточное и через тридцать с лишним километров добрались до границы собственно Эгеи, которая отмечена заслуживающим внимания изменением поверхности. Местность, до сих пор волнистая, песчаная, одинаковая по высоте, уступает место широкой равнине, которая усеяна неглубокими впадинами, возникшими из-за отсутствия верхнего песчаного слоя, где на обнаженных известковых или глиняных почвах разбросаны рыбы позвонки. Время от времени мы спускаемся, как по уступам, и на выбранном нами маршруте, примерно там, где 16-й меридиан (по Гринвичу) пересекает 16-ю параллель, выходим к первой колодезной стоянке в Эгеи под названием Саладо, которая по показаниям моих инструментов лежит лишь немного глубже, чем Чад.

Эгеи представляет собой долину неправильной формы, которая простирается в длину более чем на 200 километров, а по ширине в среднем может быть пройдена с северо-запада на юго-восток за два дня, но при этом она не доходит до Бахр-эль-Газала. Она абсолютно не похожа на вади в обычном смысле этого слова, а если арабы и называют ее так, то они считают это правомерным благодаря подземному водному потоку, который, как мы в этом могли убедиться, когда приводили в порядок колодец в Саладо, в действительности течет с северо-запада; поскольку поверхность долины не отличается равномерными очертаниями, вода во многих местах подходит к ней очень близко. Самая северо-западная стоянка, где есть вода, Султунг (совр. Сильту. — *Пер.*), лежит несколько южнее 17° северной широты, немного не достигая 15° долготы (по Гринвичу), и отделена от Агадема на борнуанской дороге безводным участком пути протяженностью в четыре—пять дней.

Множество колодцев, почти все с солоноватой водой, тянутся после Султунга, превращая Эгеи в этих местах в вожаемые пастбища для верблюдов. Среди них больше всего известны Эдингсомма, Хангара, Кокорде, Саладо, Лондинг, Шкаб, Тиммирим, Моледдинг, Воденга, Садинде, Аумаггер, Хаша, Фахал, Тофринга, Колькеде, Эррединг. Если от последнего из этих пастбищ с водой (известного среди арабов под названием Муррад) отправиться дальше, следуя примерно направлению долины, то, миновав равнину с невысокими холмами, которая расположена выше Эгеи и не совсем лишена растительности, кажущейся, однако, в сравнении с самой Эгеи скудной, через два с половиной дня пути можно попасть на известную стоянку Биркиат в Бахр-эль-Газале. Большинство моих информантов — как арабы, так и даза — единодушно высказывались в том смысле, что не существует непрерывного перехода Эгеи в Бахр-эль-Газаль. Однако между Эррединг (Муррад) и Биркиат указаны еще два колодца — Горинга и Фаренга. Местность вокруг

колодцев почти повсюду узнается по рядам кустарников сивак или суэда, следующим направлению долины, причем первые, как кажется, преобладают в ее юго-восточной, а вторые в северо-западной части. В остальном местность внутри долины весьма разнообразна. В одних местах это тонкий сыпучий песок, в других — во впадинах обнажается серая глинистая почва; в третьих — простираются похожие на *серир* равнины с подвижными дюнами; однако преобладает слегка холмистая песчаная поверхность, где в изобилии растут хад, бурукба (*Panicum turgidum*), асканит (*Cenchrus echinatus*) и акреш.

Несмотря на пышные пастбища и изобилие воды, животный мир здесь скуден. Распространенная в Канеме гненоподобная собака, по-видимому, не достигает этих мест. Гепард (по-арабски *фахад*) попадаете пастухам чаще, и нередко видны норы пустынной лисицы — фенека. Из антилоп те, что в таком большом числе населяют местности, лежащие на той же широте по борнуанской дороге (Addax), обнаружены еще только в окрестностях колодца Султунг. Дальше к востоку их место занимает саблерогая антилопа (*Leucogux*). Однако все перечисленные животные встречаются все же, как видно, не часто, и только страус, должно быть, оказывает особое предпочтение изобилию воды в этой долине, чистый песок которой, как уже упоминалось, придает особую красоту перьям этих птиц.

Если начать очень постепенно спускаться от центральных колодцев Эгеи в восточном-северо-восточном направлении, минуя обильно покрытую травой и песчаными дюнами холмистую равнину, которая отличается от Эгеи и следующей за ней котловины Боделе лишь бедностью воды, то через 60 или 90 километров попадаешь к одному из колодцев, относящемуся к первой водной системе Боделе, носящей название Торо (совр. Торо-Дум. — *Пер.*), а проделав еще один такой переход, добравшись до самого глубокого места всей этой низменности — Коро, которое лежит приблизительно на 100 метров ниже уровня Чада. Чем ниже местность, тем чаще попадаются остатки ныне исчезнувшей фауны. Целые скелеты рыб, которые, правда, распадаются, когда их поднимаешь, отдельные позвонки, изрядной величины и совершенно крошечные, а также многочисленные раковины буквально покрывают землю в корытообразных впадинах. Дальше к северу, там, где Борку обрывается к Боделе крутыми террасами, находятся мощные залежи известковых туфов, сплошь усеянных этими остатками раковин (я привез с собой один такой крупный образец). Исследование закрытых раковин показало, что их обитатели по своим видовым признакам идентичны тем, что все еще встречаются в наши дни в бассейне Нила и даже в Восточной Африке, и так же, по-видимому, обстоит дело и со скелетами рыб.

Вместе с понижением местности число характерных подвижных дюн несколько уменьшилось, тогда как, напротив, увеличилось количество закрепленных на месте цепей и групп дюн, а на самых глубоких местах, вокруг колодцев, образовались настоящие песчаные горы. Чтобы ориентироваться среди них при их меняющихся под влиянием ветра очертаниях, нужно обладать врожденным чутьем жителей пустыни. От колодцев в Коро снова немного поднимаешься

вверх, однако на последней на нашем пути стоянке Боделе, Яйо ас-Срир, по показаниям инструментов все еще находишься значительно ниже зеркала Чада; даже южное Борку, которое от Боделе довольно резко отделяет более возвышенная пустынная местность, лежит, видимо, значительно ниже озера Борну.

В поперечнике Боделе длиннее всего в направлении с юго-запада на северо-восток — примерно 170 километров. Этой котловиной обычно пользуются в качестве дороги для поездки в Борку, ибо здесь больше всего колодцев и проходит она по северо-западной части большой продолговатой депрессии. При этом пересекаешь группу долин, обозначаемую общим названием Торо (у арабов Таро), затем группу Коро (у арабов Каро) и группу Тигги, которые отделяются друг от друга пустынными, лишь слегка приподнятыми над их собственным уровнем равнинами — *серирами*, тогда как между отдельными долинами или колодцами лежат самые большие дюнные образования.

Группа Торо на проделанном нами участке пути включает стоянки с колодцами Торо Удинга, Торо Эккеде и Торо Бадаодунга, или Бододунга (ее арабы обозначают как Бодоло, или Бир-ад-Дум), которые лежат посередине впадин, поросших почти исключительно акрешем, и окружены многочисленными дюнными образованиями. Попадающиеся еще между стоянками цепи дюн проходят с северо-запада на юго-восток; в том же самом направлении в сторону Бахр-эль-Газалья тянутся расходящиеся и сходящиеся на различный манер широкие полосы травяной растительности. Одна такая полоса, по-видимому, простирается от Торо Эккеде через колодцы Геради, Эгинде и Амза до Тунгура, а другая, похожая на нее, хотя и не столь правильная, ведет туда же от Торо Бододунга через Ого, Сарти, Гургеси и Омм Шала. На всех этих стоянках на очень небольшой глубине есть в изобилии подпочвенная вода, хотя и не всегда непосредственно под поверхностью, как мы это обнаружили поблизости от Торо Эккеде.

Из стоянок группы Коро на нашем пути попала только одна — Коро Кидинга, от которой поросшая травой равнина с редкими колодцами якобы понижалась к краю Бахр-эль-Газалья. Если следовать от Коро Кидинга примерно в восточном направлении, то через день попадаешь в Буркодуддо, отсюда за два перехода в том же направлении добираешься до Фукке и здесь оказываешься в одном переходе к северу от Омм Шала. Как в Торо, так и в Коро на нашем пути на северо-восток на одном или двух переходах можно было наблюдать травяную растительность и близкую к поверхности подпочвенную воду.

Несколько по-иному обстоит дело с самой северной группой оазисов в Боделе, встретившейся на нашем пути и носящей название Тиги. От соседних местностей ее отделяют равнины-*сериры*, а составляющие ее травянистые впадины якобы немного не доходят до окрестностей Тунгура. Пройденные нами стоянки Ауданга, Анкарао, Мурку (у арабов Мейбис) и Киши-Киши (у арабов Яйо ас-Срир) — все относятся к этой группе, включающей помимо них еще

Яйо, Иггере, Эдинга (у арабов Тангур) и Галасуе. Примечательно, что в то время, как в остальных долинах Боделе не наблюдалось с течением времени изменений в количестве воды, в колодцах Тиги, по словам арабов и бульгеда, отмечается ее значительное уменьшение.

Помимо этой группы к Боделе далее следует отнести неглубокую, продолговатую и кое-где отмеченную прерывистой линией кустарника сивак долину Кири, которая простирается к югу от Борку в виде однообразной каменистой пустыни в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад длиной в два дня пути. Считая с севера на юг, она включает колодцы: Короди (у арабов Мартемми), Манхерте, Малеманга и Огаиджи и простирается, как кажется, до стоянки Фукке.

Наконец еще одна долина, богатая колодцами и травой, но в то же время и дюнами (даза называют ее просто Эннери, т. е. долина или речная долина, а арабы — Джураб), понижается с северо-запада к Омм Шала (совр. Умм Шалаба. — *Пер.*), или Тунгуру. По Джурабу (низина известна чаще всего под этим названием, однако на прежних картах она неверно обозначена как обширная пустыня) можно последовать на северо-восток вплоть до окрестностей хатийи Мусу, которая лежит почти в двух днях пути к востоку-юго-востоку от Вуна, самого юго-восточного оазиса Борку. Считая от северо-восточного конца или скорее начала долины, встречаются отстоящие друг от друга на расстоянии примерно в полдня пути колодцы Латема, Бокалья (совр. Бакалия. — *Пер.*) (оба они удалены от Вуна приблизительно на полтора дня пути), Югге, Джийи, Шиша, Сананга (известный среди арабов под названием Абу Кеш), Брулькунг, Ноле и, вероятно, еще и другие, оставшиеся мне неизвестными. От Сананги, как говорят, через полдня пути в юго-западном направлении попадаешь в Фукке, а Ноле, как кажется, отделено примерно таким же расстоянием от Омм Шала.

Правда, соотношение высоты большинства этих долин и колодцев столь же мало установлено точными наблюдениями, как и высота рассматриваемой здесь по преимуществу северо-восточной части Бахр-эль-Газалья. Однако если принять во внимание их связь друг с другом, покатость всей местности начиная от Канема к северо-востоку, если вспомнить, что северное Боделе лежит еще значительно ниже уровня Чада, наконец, если добавить к этому единодушные высказывания всех знающих данную местность людей, обладающих верным суждением жителей пустыни о топографии, то нельзя остаться глухим к убеждению (при имеющихся доказательствах водной фауны, исчезнувшей здесь в недавнее время), что мы имеем дело с огромной котловиной (площадью около 100 тыс. кв. км), которая прежде в той или иной степени наполнялась водой из Чада через посредство Бахр-эль-Газалья. Таким образом, вся местность Эген, вплоть до какой-то части Борку, более или менее покрытая водой, была громадной лагуной, как сам Чад. Вполне вероятно, что значительные отрезки суши между водными поверхностями представляли собой населенные районы, как об этом свидетельствуют

многочисленные глиняные черепки во многих местах в Боделе и предания жителей Борку; обширные площади то высыхали, то затоплялись в зависимости от количества воды в Чаде. Как только из-за пересыхания Бахр-эль-Газалья уменьшился и прекратился приток воды, пустынный климат этой местности ускорил процесс ее высыхания, а более или менее постоянное население лагунных островов отошло в Борку или Канем. О причинах, по которым уменьшилось истечение вод Чада, пойдет разговор при описании самого озера.

Самой низкой точкой всей этой местности знающие ее даза единодушно считают *хатийю* Тунгур, расположенную в нескольких часах пути к северо-западу от Курри Торрао (совр. Коро-Торо. — *Пер.*) — как кажется, действительно конечного пункта Бахр-эль-Газалья. Туда со всех сторон сходятся низины и линии колодцев: с северо-запада и запада из Боделе, с юго-запада — Бахр-эль-Газаль, с севера — Кири, с северо-востока — Джураб. Только к востоку и юго-востоку простирается лежащая несколько выше безводная пустыня, которая отделяет северное Вадаи от Бахр-эль-Газалья и мешает известным долинам Ошим и Хара, лежащим на пути из Борку к главному городу Вадаи, в свою очередь, превратиться во впадину в соответствии с их первоначальным предрасположением.

Многие указывают также на Тунгур как на действительный конечный пункт Бахр-эль-Газалья, так как нельзя отрицать его связи с Курри Торрао. Большинство, однако, завершают загадочную долину этой последней стоянкой, которая образует понижение почвы диаметром от получаса до целого часа пути и замыкается на севере и северо-востоке высокими песчаными горами, поскольку вплоть до нее все еще в какой-то степени сохраняется постепенно редущая линия деревьев, характерная для всего Бахр-эль-Газалья. Вопрос этот трудно решить, так как начиная уже от стоянки Биркиат, примерно там, где 18° долготы пересекаются с 15-й параллелью и где, таким образом, долина вступает в пустыню, она все больше и больше утрачивает тот характер вадн, которым она до сих пор отличалась, и свой относительно богатый древостой.

На этом последнем отрезке (Курри Торрао будет понижаться примерно до того места, где 19-й меридиан по Гринвичу пересекается с 16° северной широты), который нас сейчас только и интересует, больше нет ни одного углубления, напоминающего прежнее речное русло, и лишь прерывистая линия жалких деревьев и травяной растительности отличает его от окружающей пустыни. После Биркиата Бахр-эль-Газаль делает якобы значительную излучину к востоку, затем проходит в северо-северо-восточном направлении вплоть до Курри Торрао и отсюда, отмеченный прерывистой линией сивака, продолжается до Тунгура.

Если древние были знакомы с этой частью Африки и если Гир у Птолемея идентичен Шари (что, правда, подвергается сомнению со стороны большинства ученых), тогда в реке Йоо мы должны признать западный, а в Бахр-эль-Газале восточный рукав Гира. В этом случае, мы, без сомнения, можем считать прежние лагуны Боделе и Эген теми «черепашьими болотами» александрийских ученых, которые

помещали то вблизи Нила в юго-восточной пустыне, то неподалеку от северного побережья Африки.

Пастбища всей этой местности принадлежат кочевникам Борку, которых объединяют по большей части под названием бульгеда; почти всем им приходится подчиняться влиянию арабов из Канема. Колодцы и долины кочевых племен Канема простираются по борнуанской дороге на севере до Агадема (17° северной широты) и дальше на восток до Бирфо. Следующее далее Эген и местность Торо принадлежали вплоть до поселения улед-солиман в Канеме исключительно джагада, или мусу, постоянное местопребывание которых находится в Кирди и которые являются одним из самых крупных кочевых племен Борку. Так как арабы искажают или заменяют другими все названия мест и племен, то им они едва ли известны в качестве джагада. Поскольку тех ко времени арабского вторжения возглавлял широко известный вождь Ода, то с тех пор их называют не иначе как нас ода (т. е. люди Оды), хотя, как мы видели, теперь во главе этого племени стоит Адама, сын Оды. Улед-солиман плохо знают и подлинное имя хозяев Коро, сангада, которые в области Борку живут в Нгурр Дигре. Их они называют *дабус халлаль*, названием, скомбинированным из имен двух вождей. Ко времени появления арабов вождем сангада был Дабус Токоми, но вскоре ему наследовал его сын Халлали, а теперь во главе племени стоит сын последнего, Брахеми.

Группа Тигги находится во владении далеа, которые происходят из Кирди и известны арабам только как нас марамма, тоже по имени покойного вождя этого племени. В низине Кири скот пасут исключительно булту, или бултоа, из Эллебое, которые за поколение до этого благодаря мудрости и стойкости своего вождя кеделы Агре, добившегося определенного главенства над всеми племенами Борку, стали пользоваться большим уважением. Джери, которых арабы называют лишь прозвищем *хеджат ар-рийах* (которое мне осталось неясным и дословно будто бы означает «разрезающие ветер»), происходят из Нгурр Ма и располагают пастбищами на юго-восточных стоянках Боделе.

Пастбища Эннери, или Джураба, принадлежат многочисленным наказза в Вуне, каковые являются не чистыми даза, а произошли от их смешения с бидейят из Эннеди. Преобладание этих последних вытекает из самого названия, которое, будучи составлено из слов *анна* (так даза называют бидейят) и *казза* (т. е. «собравшиеся», «объединившиеся»), могло указывать, что поселившиеся порознь в Борку люди из Эннеди некогда объединялись в Вуне в единое племя. Последняя часть Бахр-эль-Газала, от Биркиата до Курри Торрао *, название которого арабы по своей привычке заменили на Дегиршим (по имени павшего здесь воина из Вадаи), находится вместе с Тунгуром и соседними колодезными стоянками по заведенному обычаю во владении нореа, или наварма, чьим постоянным

* Это название составлено из слов *курри* (дюна) и *торра* (боевой верблюд) (примеч. авт.).

местожительством тоже является Вун. На всех этих пастбищах улед-солиман и магарба чувствуют себя такими же полноправными хозяевами, как и исконные владельцы. Исключение составляют лишь долины, принадлежащие наказза и нореа, которых теперь не относят к числу булгеда. Вун, их постоянное местопребывание в области Борку, как мы видели, также им не подвластен и тесно примыкает к Вадаи.

Южное Борку, по-видимому, представляет собой часть огромной котловины, лежащей ниже уровня Чада. Это явствует из показаний инструментов и встречающихся и здесь, хотя и реже, рыбьих позвонков. Тем не менее эта местность отделяется от долин Боделе расположенным выше ее *сериром*. Последний проходит между двумя более или менее скалистыми возвышенностями — Аманга и Тейманга, достигает в ширину примерно 60 км и лежит так высоко над долинами группы Тигги и Южного Борку, что определенно не был покрыт водой в то время, когда эти долины были затоплены. Аманга прослеживается в северо-западном направлении примерно до оазиса Гури (в трех днях пути на запад-северо-запад от Джина), а в противоположном направлении заканчивается приблизительно в 20 км к юго-востоку от места нашего прохода. На обратном пути из Борку в Боделе мы пересекли ее примерно в 4 км от ее юго-восточного окончания, в месте, где она круто обрывается к равнине, окружающей группу Тигги.

Примерно на таком же расстоянии от источника Галакка, на каком находится Аманга от группы Тигги, проходит Тейманга, образуя кое-где, подобно первой, скалистую пограничную линию пояса *серира* и возвышаясь сходным образом над плоской окружающей местностью. Тейманга (хотя и с частыми перерывами) также тянется по западной стороне Борку в направлении с северо-запада, где она смыкается с последними южными отрогами гор Тибести, на юго-восток. Затем она простирается к югу от Джина, поворачивает в восточном-юго-восточном направлении к Вуну и далее якобы окружает начало Эннери, или Джураба, принимая вид скалистой возвышенности, известной под названием Юггема, и поэтому продолжается на восток, должно быть, гораздо дальше, чем Аманга.

Подобно тому как собственно Борку на юго-западе и юге в какой-то мере заканчивается у прилегающих к нему низин, так на севере его естественной границей служат горы Тибести и их отроги. На востоке обитаемые оазисы замыкаются грядой скал, которая предстала перед нами как восточная граница Буду и затем продолжалась до Вуна, самого юго-восточного оазиса этой местности. Таким образом, пространство, занимаемое этой территорией, оказалось таким маленьким, каким его, пожалуй, не представлял никто из арабов или тубу, слышавших когда-либо об этой «плодотворной и плотно населенной области». Как можно предполагать с некоторой вероятностью, весь оазисный комплекс лежит между 19° и 20° восточной долготы. Его южная граница проходит по 17° северной широты. На севере же он выходит за пределы 18-й параллели примерно на

20 минут и имеет, следовательно, приблизительную площадь 16 тыс. кв. км.

Весь этот край производит впечатление огромной, окаймленной высокими склонами долины, возникшей в результате эрозии, поделенной на отдельные части небольшими скалисто-песчаными возвышениями. То из них, что называется Аузе Яско и отделяет южную часть этой области от северных оазисов, почти достигает высоты Аманги и подобно ей тянется с северо-запада на юго-восток.

Самые низкие места, т. е. дно долин, стали пригодны для жилья благодаря наличию воды и разведению финиковых пальм. Они отличаются уходящими на большую глубину чистыми, по большей части серыми глинистыми почвами, а также скоплениями песка — либо разрозненными, либо в форме узких дюнных образований. В остальных местах поселения располагаются на скалистых почвах с незначительными возвышениями известкового происхождения (белый, фиолетовый, красный известняк). Там, где такие возвышения поднимаются несколько выше, их иногда покрывают пласты песчаника. В окрестностях Джина, Кирди и Нгурра равнина местами покрыта толстым слоем квасцов, которые нередко пополняли мой таявший запас медикаментов. В северную часть, где долины окружены последними отрогами северного горного массива Тибести, из этой соседней области вторгаются темные мрачные скалы с их громадными глыбами и причудливыми формами.

Долины в большинстве своем протянулись более или менее с востока на запад, и хотя в Буду долина простирается в основном с севера на юг, ее отдельные части все-таки вытянуты в названном направлении. Мы уже познакомились там с поселениями Джин, Нгурр, Эллубое и Буду. Богаче всего водой, очевидно, южная часть, где, особенно в окрестностях Джина и Нгурра, находится множество источников, частично пресных, частично пресно-соленых — таких, как Малли, Артени, Ша, Бове, Тиммирин и другие. Однако я сам не видел наиболее густонаселенных долин — Тигги, Ярда и Вун — и мне пришлось довольствоваться их описанием по многочисленным собранным о них сведениям.

Тигги лежит в половине дня пути к северу от Буду и отделена от этой долины горами Эми, или Эи-Корока. Они, как и Тигги, которая на востоке ограничена отдельно стоящей скалой Эи-Ински, проходят с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Двигаясь от этой скалы через оазис на запад, попадаешь в Тигги Кои, упирающуюся в песчаную гору того же названия, затем — в Тигги Анешо, у песчаного холма, расположенного на северной стороне пальмовой рощи, далее — в Тигги Биззе, у подножия идущей с севера на юг незначительной цепи скал Эи-Биззеге, которая на северо-востоке смыкается с отдельной скалой Воршинга, и наконец — в самую западную часть, Тигги Адерде, которая на западе окаймлена горами Эи-Нгели, запирающими этот оазис. В половине дня пути на северо-восток от Тигги Ински якобы расположен небольшой оазис Ани с селениями Ани Дуи в его северной, Ани Бодейя в средней и Ани Ороди в южной части. Меньше чем в полуднев-

ном переходе на север от Тигги Кои лежит Толи, чья пальмовая роща раскинулась также у подножия одноименной горы, Эи-Толи.

Сходным образом, возможно лишь точнее с северо-востока на юго-запад, расположена долина Ярда, отделенная добрым полудневным переходом в восточном-юго-восточном направлении от Тигги и несколько меньшим расстоянием в восточном-северо-восточном направлении от Буду. В Тигги из этой долины ведет чрезвычайно тяжелая дорога, а на востоке и на юге ее окаймляет скалистая возвышенность, которая простирается к юго-востоку вплоть до широты Вуна и остается восточнее этой долины в двух небольших переходах. По дороге из Ярды в Вун, что занимает два дня, вступаешь в обширную, но необитаемую хатийю Арчинна, лежащую среди темных скал к северу от Вуна, когда до него остается полдня пути. К Ярде примыкает на северо-востоке небольшая долина под названием Фором, а еще через полдня пути в том же направлении попадаешь в маленькую долину с финиковыми пальмами — Гуринг, которую населяют гурима. В восточном-юго-восточном направлении от Ярды на расстоянии в полдня пути лежит каменная, занятая невысокими возвышениями равнина Юггуду, где жители Борку добывают железо, покрывая им часть своих потребностей.

Наконец Вун — самый крупный из оазисов области Борку — лежит километрах в 50 к юго-востоку от Нгурра и простирается в длину на полдня пути с востока на запад или скорее с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Главным образом на юге и на востоке долина эта окаймляется отрогами Тейманги, которые включают лежащий южнее оазис Оро. Тот отрезан от собственно Вуна невысоким скалистым гребнем, протянувшимся в направлении долины. В свою очередь, скалистые и песчаные возвышенности, которые проходят более или менее с севера на юг, разделяют Вун на шесть частей, каждую со своим небольшим селением и пальмовой рощей. Самой восточной является Вун Файя, населенная наказза файяда, а к западу от нее следуют Вун Кукурунг с наказза сонна, Вун Кохинга с наказза бодоза обийе, Вун Джиди с наказза эдерема, Вун Омуть с наказза тсиллума, Вун Эдиди с наказза килия и Вун Курри Керредонга с наказза агада. Оро распадается на восточную часть — Оро Моджинга и западную — Оро Нгордонга. С южной стороны Вун отделяет от Эннери, или Джураба, примыкающий к Тейманге серир шириной в день пути. Окрестности Вуна радуют множеством колодцев, из которых я упомяну Гоэи, лежащий в полудневном переходе к востоку от оазиса, а на таком же расстоянии к западу находится понижение Киддени, где добывают соду.

Что касается климата этой части юго-восточной Сахары, то хотя сделанных мною в пути метеорологических наблюдений и недостаточно, чтобы прийти к определенным выводам, их хватит, чтобы получить общее суждение о господствующих ветрах, изменениях температуры, давлении и влажности.

На пути через низменности Эгеи и Боделе, т. е. в течение мая, дул вообще преобладающий в пустыне пассат с востока, востока-северо-востока или северо-востока, причем в большинстве

случаев самым характерным образом, т. е. поднимаясь через час или два после восхода солнца, постепенно усиливаясь, иногда до штормовой силы, затем во второй половине дня быстро убывая и полностью прекращаясь до захода солнца. На диалекте даза языка тубу его называют попросту *ауен* — ветер, он мешает образованию облаков и наполняет воздух пылью и песком — от легкой дымки до густого тумана.

Во второй половине мая появились отклонения от этих регулярных ветров, что следует рассматривать как следствие дождливого сезона, ожидавшегося в соседних южных широтах. Уже к середине месяца сила ветра, дующего из восточной половины розы ветров, значительно уменьшилась. Затем наступили дни, когда в утренние часы его направление заколебалось или даже начал преобладать слабый западный ветер, тогда как восточный ветер одерживал верх лишь во второй половине дня. В Анкарао, где я наблюдал за этим явлением 19 мая, именно в предобеденное время впервые появились тучи, которые, несмотря на западный ветер на востоке и юго-востоке, вероятно, свидетельствовали о выпадении дождя в Бахрель-Газале.

24 мая в Киши-Киши, т. е. приблизительно на 17° северной широты, влияние начинающихся летних дождей на южную пустыню проявилось еще заметнее. До сих пор показания гигрометра удерживались в пределах между отметками 20 и 40, а в тот день они поднялись до 56 и уже не опускались ниже 46. Эту влажность атмосферы даза называют *боло*. Ветер был слабым и колебался между западным и юго-восточным; зной стоял ужасный; пот стекал по телу даже при полном покое; казалось, мы находимся в парной бане. И на следующий день, когда дул слабенький западный ветер, у нас из-за влажности воздуха сохранялось то же самое ощущение жары, хотя термометр показывал лишь немногим больше 45°, а ведь такая температура нередко наблюдалась и раньше. Когда к вечеру на севере и северо-востоке образовались большие тучи и дело дошло до грома, молнии и капель дождя, а в 8 часов над нами промчалась пришедшая с севера песчаная буря, это означало, что в той стороне разразилась гроза.

Этот ветер, который возникает из-за внезапного охлаждения атмосферы в близлежащей местности и похожего на бурю притока охлажденных, более тяжелых масс воздуха (а причиной этого здешние уроженцы считают дождь), называется здесь *ареи* в отличие от упомянутого выше *ауэна*. Он же очень часто дует на пространстве от Эген до Борку, образуясь порою так далеко, что не видно электрических разрядов, без которых в этих местах никогда не обходится ни один дождь. В последующие два дня (26 и 28 мая) при переменном, в основном юго-восточном ветре по небу тоже ходили тучи. Кроме *ауэна* и *ареи* туземцы различают еще *воре* — жаркий, сухой ветер пустыни, который в Борку и окружающей его местности дует с востока, севера и запада и тем отличается от преобладающего здесь пассата (даже если тот приходит с той же самой стороны), что он не связан столь регулярно с ходом солнца.

В течение мая в этой местности особенно четко наблюдается значительная разница в дневной и ночной температуре, свойственная всем внутренним областям континента и прежде всего Центральной Сахаре. Всего два дня эта разница не доходила до 20° (1 мая она составила $14,3^{\circ}$), тогда как очень часто она приближалась к 30° , а однажды (15 мая) в Торо, в области Боделе, достигла $31,7^{\circ}$. Самая низкая температура отмечалась незадолго до восхода солнца; в течение девяти дней (из 22, когда велись наблюдения) она держалась ниже 20° , в течение двенадцати колебалась от 20° до 25° и лишь 29 мая перешагнула эту последнюю границу, поднявшись до $26,2^{\circ}$. Абсолютно самая низкая температура ($+11,9^{\circ}$) оказалась для нас весьма чувствительной 6 мая в Эгеи, которое известно своими ночными холодами. Температура, зарегистрированная в 2 часа дня, т. е. самая высокая за день, всего лишь два дня в мае оставалась ниже 40° , десять дней она держалась между 40° и 45° , а в течение четырнадцати дней (из 26, когда велись наблюдения) поднималась выше этой границы. Правда, температуру приходилось измерять в палатке, которую для этой цели старались как можно лучше проветрить и которая сдерживала прямое действие солнечных лучей благодаря двойному слою хлопчатобумажной материи борнуанского производства. Измерения все же давали более высокую температуру, чем в тени деревьев. В редких случаях, когда была возможность сравнить ту и другую температуру, между палаткой и тенью обнаруживалась разница примерно в 2° .

Показания барометра я регистрировал для определения скорее высоты, нежели дневных колебаний атмосферного давления, так что их нельзя было использовать для установления момента максимальных и минимальных величин и амплитуды. В этих наблюдениях особенно плохо выражены второй максимум и второй минимум. По имеющимся у меня сведениям, первый минимум приходится на 5 часов утра, тогда как главный максимум наступает около 11 часов до полудня. Наибольшая разница между этими двумя показаниями наблюдалась 14 и 15 мая и достигала 6,7 и 6,9 мм при слабом восточном-северо-восточном и соответственно таком же восточном-юго-восточном ветре.

Когда осенью на обратном пути в Канем мы произвели в той же самой местности метеорологические наблюдения и сравнили их с приведенными выше результатами, то обнаружили, что пассат снова полностью вошел в свои права. С 27 сентября по 9 ноября — наше путешествие через Эгеи и Боделе заняло этот отрезок времени — лишь однажды (4 октября) подул ветер из западной половины розы ветров (норд-вест), принесший тучи и несколько капель, тогда как из остальных 43 дней только четыре дня ветер, дувший обычно с востока-северо-востока, заходил на восток-юго-восток.

Сезон дождей в соседних южных областях закончился и больше не вызывал никаких отклонений от правил; регулярный пассат проявлял в различные дни лишь очень незначительную разницу в силе и направлении ветра. Показания гигрометра держались между 35 и 45, а тучи появлялись лишь в виде редкого исключения. Температура

была ниже, чем в мае, ибо из 33 дней 20 показывали самую низкую дневную температуру ниже 20°, а самая высокая дневная температура лишь в пяти случаях из двадцати поднялась выше 40°. Абсолютно самая высокая температура выпала на 2 октября, вскоре после полудня, и достигла 45,2°, а самая низкая наблюдалась опять-таки в Эгел 26 октября, где утром незадолго до восхода солнца она упала до 11,5°. Соответственно уменьшилась и дневная разница между самой низкой и самой высокой температурой, и, лишь однажды поднявшись до 25,2°, она постоянно держалась примерно на уровне 20°, а в течение шести дней опускалась значительно ниже этой границы. Момент самой высокой влажности воздуха не совпадал, впрочем, с показаниями самой низкой температуры, а наступал лишь несколькими часами позднее. Показания барометра за это время не дали значительных отклонений от майских с одной лишь разницей в том, что дневная амплитуда в целом была меньше. . .

Полученные из наблюдений в Борку результаты, как и метеорологические наблюдения, сделанные в Тибести, были недостаточны для сравнения климатических условий этих областей. Из них следует только то, что хорошо известно и самим местным уроженцам, а также происходит из горного положения Тибести — что осадки там чаще и обильнее, чем в Борку. Тем не менее Борку природа одарила щедрее. Наличие воды, залегающей неглубоко от поверхности почвы, благоприятствует выращиванию финиковых пальм, которые в большинстве долин образуют густые рощи и позволяют жителям широко заниматься садоводством.

Здесь финики намного превосходят по величине и качеству те, что собирают в Ту и Каваре, хотя, в общем, и уступают финикам Феццана. Правда, как уже говорилось, преобладающий в Тигги и Буду сорт *марченко* содержит много сахара и превосходит по вкусу, а собранный нами в Эллубое сорт не только очень хорош и популярен, но широко распространен и в Феццане (хотя и под другим названием). Однако остальные сорта, число которых более велико, не могут выдержать никакого сравнения с теми, что в большинстве своем выращиваются в Феццане.

Наряду с финиковой пальмой в Борку лучше, чем в Тибести, растет и водолюбивая пальма дум, и там и здесь появляются хеджидж (*Balanites aegyptiaca*; у даза — *ало*). Кроме акации сай-яль (*тефи*, или *техи* у даза) шире, нежели дальше к северу, распространены карад, хашаб (*Acacia verec*) и хараза (*Acacia albida*). Жителям и там известно, что хашаб дает самую хорошую смолу. В то время как в Тибести сивак встречается редко, на пастбищах, принадлежащих людям из Борку, он растет так часто, что его ягоды даже идут в пищу кочевников, в распоряжении которых, правда, не так много, как у теда, более питательных, пожалуй, ягод колоковинта.

Трава, служащая кормом верблюдам, по большей части та же, что и в соседних северных областях. Из трав прежде всего назовем акреш и креб (*Eragrostis*), чьи семена, при необходимости, нередко заменяют местным жителям хлеб. В садах они выращивают помимо

пшеницы и проса (*Penicillaria*) еще и мелколистный феццанский табак, который пользуется большой славой и продается из-за большого спроса или ограниченного запаса по полталера или талеру за килограмм.

Понятно, что фауна Борку также очень сходна с фауной долины Ту. Что касается крупных хищников, то львы и леопарды там столь же редки, как и в Тибести, и даже гепард, увиденный нами по дороге, по-видимому, лишь совершает охотничьи набеги в соседние низины из Бахр-эль-Газала. Гиена встречается очень часто, и даже преимущественно более крупный вид (*зигир* у даза), который питается исключительно падалью, тогда как полосатая гиена (*турди*), нападающая на газелей, овец, коз и ослов, не столь распространена, а пятнистая гиена (*молохур* у даза и теда), видимо, не встречается вовсе. Антилопы аддакс (*у даза туруи чонги*), которые в большом числе попадают по борнуанской дороге южнее Кавара, здесь были замечены лишь на западных границах Эгеи и Боделе. В Борку и на его пастбищах преобладает саблерогая антилопа (*у арабов бу ракаба*, *у даза туруи зоде*), а нередкий в Тибести вадан (*у даза миши*) наблюдается только на севере Борку, где много скал. В скалах Тибести во множестве встречается *Супосерфалус*, с которым дело обстоит так же, как с шерстяной овцой. А для расселения дамана (*Нугах — адегобо* у даза и теда) повсюду в Борку достаточно удобных для него гор.

Эта местность в особенности отличается количеством голубей (*эбери* у даза), различные виды которых (существуют небольшие серебристо-серые, с кольцами на шее и без них, и различные более крупные пестрые полевые голуби) то и дело заменяли мне полностью отсутствующих кур. Стервятники и пустынные вороны столь же часты, как и в Тибести, а страусы почти столь же редки, как и там. Среди змей известны две гадюки — *голе аусо* и *голе джаско*, последнюю особенно боятся; затем достигающая около полутора футов в длину очень тонкая змея светлой окраски — *голе кусо данунга*, которая считается самой ядовитой из всех, и, наконец, безобидная змея, называемая *доро*. Скорпионы очень часты и слывут не безобидными. В одном из ручьев Тигги якобы встречаются даже небольшие рыбы, но их едят только женщины и дети.

Значительно более оживленной, чем в Тибести, в тех же условиях, т. е. в течение благоприятного для ее развития периода редких летних дождей, бывает в Борку жизнь насекомых, особенно мух и муравьев.

Из жителей этой области — ама-борку, что значит «люди Борку», — мы познакомились с отдельными племенами кочевников, которых объединяют под именем бульгеда. Их постоянное местопребывание и их финиковые роши находятся в Кирди, Нгурре и Эллубое, но они обитают в них лишь во время созревания фиников, тогда как в остальные сезоны там остаются лишь их немногочисленные рабы, потомство рабов или бедные клиенты, которые постепенно собрали небольшое состояние из финиковых пальм. Так же поступают и не относящиеся к бульгеда накацца и живущие среди них разрозненные

и немногочисленные наварма (арабск.), или нореа (даза). Первые на протяжении большей части года пасут скот в Эннери, Ошме, Наре и других прилегающих к Вадаи долинах, вторые — в Бахр-эль-Газале и в Тунгуре, в то время как в их постоянном местопребывании в Вуне остаются лишь редкие жители из рабов, полусвободных и бедных пришельцев. К кочующим группам Борку добавляются на крайнем севере этой области жители долин Ани и Гуринг, среди которых первые — анна, т. е. бидейят, или люди Эннеди, а последние — теда. Те и другие после сбора фиников направляются в долины южных отрогов скалистых гор Ту.

Таким образом, для оседлой части населения, которую объединяют под названием донгоза, или доза, остаются только долины Джин, Буду, Тигги с Толи и Ярда с Форомом. Мы видели, что Джин прежде тоже принадлежал кочевникам и что теперешние хозяева этого оазиса, джиноа, состоят из различных элементов. Туземцы, лишившиеся верблюдов, которые привязывали их к кочевой жизни или оправдывали ее, бежавшие убийцы, пленники, из тех, кого по религиозным убеждениям не сделали рабами, но и не отпустили на свободу, вероятно, даже вольноотпущенники-рабы получили возможность поселиться, постепенно собрать небольшое состояние, вступить в браки друг с другом, а иногда и с кочевниками и, таким образом, со временем образовали новое племя (правда, истинные кочевники его презирают). Подобным же образом в соседних оазисах Нгурр, Эллубое и Вун, где кочевники и поныне еще являются полными хозяевами, так же постепенно образовалось бы оседлое население, если бы жизненные условия в Борку не были столь неблагоприятными. Несколько более однородное население, как видно, обитает в Буду, Тигги и Ярде, хотя и в этих оазисах присутствуют чуждые элементы. Жители Буду, именуемые бидеа, включают группы племен мада, агена, гореа, среди которых первыми по происхождению являются теда. Тива, или жители Тигги, разделяются на инскида, биззеда, галала, агена и толе (жителей соседнего Толи). Наконец, донгоза из Ярды, которые как племя называются по имени этой долины, складываются из начинма, уруда, кодра и форома (жителей соседнего Форома).

Подсчитать число жителей в отдельных долинах оказалось затруднительным, поскольку незадолго до моего приезда на страну напали враждебные племена, в частности махамид из Вадаи, и захватили в плен значительное число жителей именно тех оазисов, которые попали в поле моего зрения. Поэтому цифры, которые я получил частично путем личного наблюдения, частично путем самого тщательного сбора сведений, можно считать лишь приблизительными.

Незадолго до нашего прибытия в Борку из-за совершенного в Тигги убийства все жители разделились на два лагеря. В каждом насчитывалось примерно по 200 боеспособных мужчин (на одной стороне их было 182, на другой — 175). Таким образом, учитывая некоторых отсутствовавших и мужчин из Толи, число боеспособных мужчин в Тигги можно оценить в 400; соответственно общее количество жителей можно оценить в 2 тыс. человек. В Буду я обнаружил

восемь селений, причем самые значительные насчитывали около ста, а самые маленькие — около двадцати очагов, так что мы вправе оценить их общее количество в 300 хижин. Если считать в каждом хозяйстве по четыре человека, ибо тубу в целом не очень многодетны, они составят население в 1200 душ. Ярда в отношении числа жителей, по всем свидетельствам, должно быть, находится посередине между двумя упомянутыми долинами, и поэтому я отвожу на ее долю вместе с Форомом 1500 душ населения. Если же оценивать в целом в 500 человек донгоза из Джина (в их уменьшенном числе) и отдельных свободных и полусвободных оседлых крестьян в Кирди, Нгурре, Вуне и Эллебое, то общее число оседлого населения в Борку достигнет приблизительно 5 тыс. человек.

Понятно, что еще труднее получить в какой-то мере достоверные цифры в отношении кочевников, и здесь мне приходится целиком полагаться на разноречивые свидетельства моих информантов. Из их сообщений следует, что число одних бульгеда примерно равно численности донгоза, но что вместе с остальными кочевниками они значительно их превосходят. Здесь решающее значение имеют в особенности наказания, ибо по количеству они почти равны всем остальным племенам, вместе взятым. Однако поскольку цифры, полученные путем опроса, по большей части страдают преувеличением, то я ограничусь оценкой общего населения Борку и районов, где расположены его пастбища, в 10—12 тыс. человек.

Численность и благосостояние оседлого и кочевого населения с каждым годом уменьшаются. Улед-солиман и туареги более чем в десять раз сократили численность тамошних кочевников и поголовье их больших стад, находившихся прежде в Эгеи и Боделе, а Борку периодически опустошается набегами с севера жителей Вадаи и бидейят, вину за которые несут опять-таки арабы Канема.

Обширные поля в большинстве долин годами лежат пустыми и заброшенными, ибо у кого же появится желание работать, если плоды пожнут враги? Население уменьшается, потому что каждый кто только может, покидает родину, где ни на один день нельзя быть уверенным в том, что на следующий не потеряешь собственную жизнь или имущество или не увидишь, как твоих жен и детей уведут в неволю. Я знал там людей, которые из года в год работали и крали, крали и работали, и при этом сами непосредственно пользовались лишь самой малой толикой того, что добыли таким образом. Все переходило к врагам для выкупа жен и детей, и едва возвращался один член семьи, как другой уже попадал в неволю или же убивали отца, сына или брата. Двое детей моего информанта Харана попали в плен к махамидам, а один к бидейят; жена его умерла пленницей. Пока мы находились в Нгурре, его мать, две дочери которой еще оставались в руках у махамидов, ездила в Араду, после того как, неустанно трудясь, она наскребла достаточно, чтобы выкупить одну из них.

Ама-борку, которых вместе с остальными южными племенами тубу, говорящими на одном и том же диалекте, мнди даза, я в противоположность теда объединяю под именем даза (хотя это название

первоначально принадлежало лишь отдельным племенам области Бахр-эль-Газаль). Они обнаруживают большое сходство со своими северными соседями. Правда, в целом они кажутся несколько более темнокожими, нежели те, но в цвете их кожи более глубокие медные и бронзовые тона встречаются гораздо чаще, чем у южных соседей, собственно жителей Борку и Канема. Они еще резче отличаются от тех хрупким и пропорциональным телосложением, худобой и умеренным средним ростом, а также правильными чертами лица, хотя в этом их опять-таки превосходят теда.

Как кочевники, так и оседлые в качестве единственной татуировки делают, на одинаковый манер, две насечки на виске длиной примерно в дюйм, не походя в этом отношении ни на теда, ни на жителей Эниеди. Они разделяют гигиенические взгляды своих соседей, считая необходимыми ампутацию язычка в детском возрасте и удаление первого зародыша глазного зуба. Как кажется, люди из Тигги и Буду следуют не только этому второму обычаю, но и удаляют из косметических соображений последующие глазные зубы.

Люди Борку одеваются по большей части в обычные борнуанские белые тобы или же в гораздо более грубые, поставляемые из Вадаи, и в штаны умеренной ширины, если таковые у них вообще имеются. Они охотно сбривают волосы с головы и ходят с непокрытой головой либо надевают небольшие шапочки из хлопка — такийя. Если им удаётся заполучить красный тарбуш, они с чрезвычайной охотой наряжаются в него, однако на его покупку они едва ли решатся. Им зачастую недостает и материи на тюрбан, но когда она у них появляется, они в качестве самого лучшего украшения до самых глаз обматывают ею голову и лицо и оправдывают свое право называться «людьми, закутанными в покрывало» (*мулас самун*, арабск.).

Женщины носят либо рубашки из окрашенного в синий цвет хама, либо кусок этой же материи примерно в ширину плеч и длиной около восьми футов, в середине которого вырезано отверстие для головы, так что материя свободно свешивается спереди и сзади. В последнем случае замужние женщины и взрослые девушки носят под раскрывающимся сбоку одеянием шкуру, однако достаточно часто вся их одежда состоит из той черной овечьей шкуры, которая играет столь большую роль в хозяйстве жителей Тибести. В украшениях и причёсках они едва ли отличаются от женщин теда. У них неизменна та же коса, которая у девушек идет посередине головы от затылка ко лбу, а у замужних женщин заменяется двумя косами.

Жилищем почти всегда служит хижина из циновки, как у кочевников области Ту и южных районов распространения тубу, и даже оседлое население, как кажется, предпочитает их хижинам, сделанным из пальмовых листьев, которые строятся в Южном Феццане, Бардан и Каваре.

Вследствие того что ама-борку живут на равнине и меньше отрезаны от внешнего мира, а также благодаря их сношениям с арабами Канема и Северного Вадаи и с канембу и жителями Борну, их манеры кажутся не столь грубыми, как у теда. Правда, я видел

их и судил о них при обстоятельствах, не способствовавших свободному проявлению свойственной им натуры. В соседних областях они пользовались славой людей вероломных, малодушных, жестоких и очень лукавых, однако же нельзя забывать, что все эти качества им приписывали люди, которые сами позволяли себе в отношении их любую несправедливость, любое насилие и любое вероломство и нуждались в каком-то оправдании этих поступков. Как видно, они не отличались большим великодушием, однако оно должно быть поистине безграничным, если может устоять под постоянным нажимом насилия и вопиющей несправедливости. В общем и целом в нравственном отношении ама-борку, должно быть, близки теда.

В обхождении заметна большая формальная учтивость, даже если приветствия не столь многословны, как это принято в Ту. Встречающиеся утром люди охотно пользуются приветствием в вопросительной форме *лаха низзеда?*, которое приблизительно означает хорошо ли для тебя взошло солнце?. После полудня спрашивают о том, как прошел полуденный отдых — *лаха нтугуда?* А если люди не виделись несколько дней, то вопрос учитывает время суток и относится к самочувствию чаще всего в ночное время. Об этом свидетельствует весьма распространенная фраза *догеца лахада?* Существуют и другие вопросы о радостях и горестях каждого: *тусадо лахада?* или *водадо лахада?* Больного или выздоравливающего спрашивают: *восида?* («ты поправился?») или *бодода?* («обрел ли ты спокойствие?»). И только тогда, когда люди не виделись вообще длительное время, в обычае протягивать руку, и в этом случае охотно пользуются приветствием *лаха инчеда?* («хорошо ли идут дела?»). Эти вопросы и пожелания часто задаются вперемежку и с многочисленными повторениями, однако не требующими тщательной модуляции голоса, которая у теда, несмотря на достоинство, с каким она воспроизводится, действует на непосвященного чужестранца почти комическим образом. Обхождение и отношения между кровными родственниками и породнившимися людьми определяются в Борку сдержанными обычаями и изысканными знаками внимания. Харана называли его собственным именем лишь арабы; родственники же или друзья его семьи постоянно пользовались именем его маленького сына Уерде, говоря: *Уерде аба хума* (дословно: «Уерде, его отец» или *Уерде зен*, что означало то же самое). Но его брат Мухаммед, совершивший у себя на родине убийство, назывался после своего преступления именем Джегеде. Семейная жизнь Харана была спокойной и мирной. За время нашего длительного непосредственного соседства я никогда не видел ни малейшего проявления ссоры или раздора. Его земляки вообще казались мне не такими сварливыми и вспыльчивыми, как теда. Неравноправное положение кузнецов в Борку столь же явно выражено, как и в соседних с ним областях.

Все жители Борку — мусульмане, и это любят утверждать даже соседние племена, хотя они же во мнимом язычестве этих жителей стремятся найти оправдание своего жестокого к ним отношения.

Позднее я подробно обсуждал этот вопрос с королем Али из Вадан, который считал горан, по крайней мере часть их, язычниками,

но затем, убежденный правдивостью моих слов, пообещал шадить их. Чем проще были религиозные воззрения жителей Борку, тем фанатичнее они думали о язычестве. Подобно тому как их обвиняли в язычестве и соответственно вели себя с ними арабы и другие суданские мусульмане, они сами оправдывали любую несправедливость против баэле или бидеят, которые, впрочем, по-видимому, еще не все были обращены в ислам. Регулярные наставления со стороны сенуситских миссионеров, которые им в скором времени предстояло услышать, укрепят их фанатический дух, хотя и повернут его по другому руслу.

Политическая жизнь ама-борку развита еще меньше, еще более раздроблена и распылена, чем у их северных соседей. Отдельные кочевые племена подчиняются своим традиционным вождям, отдельные поселения не имеют между собой прочной политической связи, а в зависимости от состава донгоза в одном поселении долины может оказаться даже несколько вождей. Так, в Ярде мы обнаружили сразу троих. Прежде одна из ветвей любопытного племени томагера, которая уже в давние времена отделилась от своих соплеменников, и поныне господствующих в Ту и Каваре, добилась перевеса над другими кочевниками. Ее глава считался вождем всех племен бульгеда в Боделе и Эген. Однако томагера не долго держались в этой местности единым племенем, они были рассеяны, а число их уменьшилось, и уже давно для них не существует больше *дерде*. Впоследствии, благодаря личному влиянию *дерде* бультоа, *кедела* Агре добился значительного авторитета среди бульгеда и тем самым среди большей части южных племен Борку. Теперешний предводитель бультоа, носящий то же имя, не имеет никакой власти. *Джири* и *сангада* никогда не могли похвастать большим авторитетом, да и за последнее время среди них не было никого, кто смог бы добиться для своего племени власти и почета. Когда я находился в Борку, большим авторитетом в Эген и Боделе, в Кирди, Нгурре и Эллубе пользовались Адама, сын Оды, вождя племени джагада, и другой Адама, сын Мараммы, вождя племени далеа.

Среди донгоза Борку существуют потомственные *кодмуллы* — в Джине, Буду, Тигги и Ярде (в Борку *кодмуллу* называют *тюрбан*, по тамошней эмблеме царского достоинства). Звание *дерде*, впрочем, переходит первоначально не к старшему сыну, а к старшему члену семьи. Когда же отсутствуют ближайшие родственники, титул переходит к какому-то избранному главе. Так, Мухаммед Ланга, к которому власть в Джине перешла поколение назад (теперь его сын занимает место *кодмуллы*), происходит вовсе не из правящей семьи. Достаточно часто случается и так, что законного *дерде* отодвигает в тень какой-либо соплеменник, превосходящий его по уму и энергии, которого тогда охотно признают действительным главой. Так, правомочный вождь Тигги, по имени Чанга, в то время совсем отошел на задний план. В еще большей степени это относилось к вождю наказза, Мусе Майнами, чье имя было едва известно, в то время как человек по имени Дербей, не имеющий на то права по своему рождению, стал широко известен, и даже король Вадаи признавал его действительным вождем. Впрочем, вожди могут пользоваться своим авторитетом

только в совете или в военном походе. Действительной власти у них, по-видимому, так же мало, как и у моего прежнего недоброй памяти знакомого Тафертеми в Тибести. Ни один глава не может сам отправлять правосудие, и чем больше в данной местности обособленных и не связанных друг с другом групп, тем более склонен воровать, грабить и творить несправедливость каждый — в той степени, в какой его не страшат последствия, и тем более склонен потерпевший рассчитывать на самого себя и добиваться уважения своих прав.

Подати *дерде* у донгоза сводятся к поборам в виде зерна и в виде фиников. То и другое — подушные подати. Первая включает примерно восемь фунтов пшеницы или *духна* в год (в зависимости от культуры, которая возделывается в саду или в поле — *воно*) и называется *луц*. Вторая состоит из одной *думбы* (большой сосуд из высушенной верблюжьей кожи) фиников и называется *кохур*. Шесть или семь *думба* составляют один верблюжий груз. Прежде *салам*, т. е. подарок, по случаю приветствия, состоявший исключительно из фиников и достигавший двух *эркеди* (затененная крыша, на которой сушат финики, на ней умещается несколько верблюжьих нош), полагался и султану Вадаи, от каждого *дерде*. Но с тех пор как люди Борку опустились до положения подзащитных (*мело*) арабов Канема, они отказались от добровольной дани Вадаи, за исключением, разумеется, жителей Вуна, которые явно занимают исключительное положение и регулярно выплачивают дань султану Вадаи.

Хотя Борку располагает большими ресурсами, чем скалистое Тибести, его жители тем не менее из-за неблагоприятных обстоятельств по большей части столь же бедны, как и теда. Они без труда могли бы собирать фиников, пшеницы и *духна* больше, чем им нужно самим при их природной умеренности, если бы друзья и враги не отнимали у них результаты их труда. Поэтому голод у них частый гость, ибо плоды пальмы дум, *лакби*, молодая древесина финиковой пальмы (*джумар*, арабск.), ягоды сивак и семена трав не могут служить достаточным подспорьем. Правда, в мирное время они разводят коз и овец, но не в таком количестве, как теда. Молоко этих животных им необходимо, ибо попробовать мяса им доводится не чаще, чем их соседям. Оседлые (за исключением жителей северных долин), они владеют ограниченным числом верблюдов, но изредка у них можно увидеть коров и быков, приведенных из Канема, Вадаи или Эннеди. Поголовье ослов несколько больше. Однако эти животные не пользуются особой любовью и приобретаются жителями Канема только из-за их дешевизны. Ранее уже упоминалось, что бульгеда держат очень много собак, с которыми ходят на охоту на антилоп в западные окраины своего округа, и продают сушеное мясо добытых животных либо караванам, идущим из Кавара в Борну, либо на местных рынках, или же оставляют его для собственного потребления.

В мирные времена донгоза выращивают финики и обрабатывают сады, не стремясь выезжать из родных мест. Их поездки ограничиваются Канемом, Ваньянгой, западными долинами Эннеди и Северного Вадаи, куда они ездят ради мелкой торговли. Они везут туда

финики и соль, которые в самой их стране беспримерно дешевы. Та же рыночная единица, что повсюду распространена в Канеме для покупки более дорогих предметов, т. е. обычная борнуанская тоба, как правило, имеет хождение и в Борку. Для обмена на более дешевые предметы служат хам, зерно, соль, браслеты, кусочки коралла, стеклянные бусы, иголки и другие, подобные им вещи.

Регулярная и простая жизнь в сложившихся условиях умеренного и превосходного климата гарантирует жителям Борку прекрасное здоровье.

Чаще всего в Борку встречается, как кажется, ревматизм мускулатуры и конечностей. Лечение этих заболеваний, которые объединяются одним названием *чукора*, как правило, наружное. Когда недуг локален, то довольствуются тем, что накладывают на болезненные места растолченное в виде пасты выделение алого цвета одной акации, известной под названием *гуруэ*. Если ревматизм распространяется шире и становится застарелым, прибегают к окуриванию, которое считается очень действенным. В твердой земле роют широкую яму, заполняют ее древесиной акации сайяль, хеджлиджа и *Acacia nilotica* и в полночь поджигают. Когда к утру она почти полностью сгорает, оставшийся огонь заливают водой, покрывают уголья ветками тамариска и кладут на них больного. Тот вскоре начинает обильно потеть. Через некоторое время его тщательно укутывают, лучше всего в шерстяную матерiu, и несут домой. Это лечение при надобности можно повторить.

Заболевания дыхательных органов встречаются в Борку чаще, чем я ожидал. Обычный острый катар слизистой оболочки носа и бронхов (насморк) нередок зимой и часто встречается даже в такой тяжелой и эпидемической форме, что по описанию его можно принять за инфлюэнцу (грипп). Хронический бронхиальный катар с астматическими приступами тоже очень нередок. Воспаление легких и плеврит хорошо известны. Они случаются в холодное время года и то и дело кончаются смертельным исходом. Эти болезни лечатся наружным способом с помощью кровопускания и согревания и внутренним — очень горькой настойкой молодых, размятых в воде побегов тундуба (*Carraigis sodada*). Наблюдаются и случаи туберкулеза легких, считающегося как наследственным, так и инфекционным. Я ничего не могу сообщить о случаях коклюша, крупа и дифтерита и, по-видимому, они не являются частыми.

От болезней пищеварительных органов людей в какой-то мере, вероятно, предохраняют вынужденная умеренность и пища, состоящая преимущественно из фиников. Вопросы о хронических катарах кишечника, заболеваниях печени, геморрое наталкивались на непонимание, что свидетельствует о редкости подобных заболеваний. Острые катары тонкой кишки (простая диарея) или толстой (дизентерийное состояние) встречаются, как кажется, чаще. Все они объединяются под названием *киши кезен* (т. е. «болезни живота») и лечатся растолченными плодами *Acacia nilotica*, которые превращаются в пасту с помощью муки духна и воды, или же растертой костяной мукой.

Сифилис (называемый по-арабски *джикели*), несмотря на общение местных жителей с Канемом и тем самым с Борну, редок, хотя и не настолько, как в Тибести. Чаше встречается оспа — *барюе*, лечение которой и там считается весьма ненадежным. Самым действенным средством против этой болезни слывет окуривание или осторожное обмывание всего тела собачьими нечистотами, которые кипятят в воде с добавлением шетты (суданского перца). Из других острых кожных заболеваний широко встречаются гнойничковые и чешуйчатые сыпи. Однако столь распространенная в Борну проказа в Борку, по-видимому, почти полностью отсутствует. После дождливого сезона тут и там возникают легкие случаи перемежающейся лихорадки. Во время пребывания в Борку уродства, за исключением заячьей губы, не бросались мне в глаза, и столь же редки там рахит и золотуха.

Причину появления проходящей ночной слепоты, которая тотчас же исчезает после употребления свежего мяса, в Борку приписывают слишком обильному употреблению в пищу фиников.

Внутренние лечебные средства у жителей Борку сводятся, помимо вышеприведенных, к распространенной по всей области сенне (*тугомоди*), отвар которой пьют как слабительное. Той же цели служат, кроме того, отвар плодов хеджлджа, который одновременно применяется против вздутий печени и селезенки и против катара желудка, а также колоквинт (горькая тыква), встречающийся в Борку, правда, не столь часто, как в Тибести.

Состав населения Восточной Сахары

Трудности этнического подразделения. — Прежние взгляды на положение тубу. — Исторические указания относительно гарамантов, загава, борну, булала. — Ибн Халдун о загава. — Лев Африканский и Мухаммед ат-Туниси о горан. — Мнение Льва Африканского относительно бардоа. — Мнение о них Генриха Барта. — Где располагалась область бардоа? — Были ли бардоа берберами или тубу? — Нивелирующее влияние пустыни на ее жителей. — Постепенный переход Сахары в Судан и племен пустыни в суданских жителей. — Этнологическое значение языка. — Общая характеристика базле. — Области распространения теда, даза и базле.

Прежде чем покинуть пустыню и вернуться в плодородные и относительно густонаселенные области Судана с их сложными взаимоотношениями между различными группами населения, нам следует проделать сравнительный анализ уже упоминавшихся племен Юго-Восточной Сахары с целью определения их этнографического положения по отношению друг к другу, настолько это позволяет сделать имеющийся материал.

Объединяя народы по группам, включая отдельные племена в те или иные семьи народов, вникая в различия и общие черты этих последних, приходится принимать в расчет так много важных моментов (каждый из которых в отдельности приводит к совершенно иным результатам), что зачастую становится в высшей степени затрудни-

тельно сделать вывод о том, составляют те или иные народы и племена единство или нет; что именно существенно, а что несущественно в их сходстве; а также об изначальном или позднее приобретенном родстве между ними. Смешение народов друг с другом приводит к образованию новых, в коих характерные физические признаки первоначальных составных частей претерпели всевозможные изменения. Обычаи и нравы, как и сам человек в физическом отношении, определяются местожительством и климатом, они видоизменяются вместе с переменой этих последних и испытывают воздействие культурных влияний. Языки способны на самое разнообразное развитие, они исчезают и навязывают себя чужакам. Наконец исторические сведения относительно возникновения этих взаимоотношений чаще всего отсутствуют там, где они были бы всего нужнее. Лишь тщательное изучение всех соответствующих физических, психологических, культурных, лингвистических и исторических моментов может дать в какой-то мере надежный результат, который, однако, слишком часто не поднимается выше определенной степени вероятности.

Если я, несмотря на недостаточность своих этнографических изысканий в Сахаре (среди которых по понятным причинам отсутствуют столь важные точные анатомические обследования), высказываю ниже свои взгляды или предположения о положении семьи тубу по отношению к племени баэле и их обоих — к канури и к другим соседним народам, то это происходит только потому, что никто, помимо Г. Барта, не входил в обсуждение относящихся сюда вопросов на основе собственных исследований, и потому, что до моего путешествия никто не имел возможности собрать научные сведения о баэле путем собственных наблюдений или широкого опроса.

В первую очередь речь здесь идет об этническом положении тубу и их связях с берберами (к которым их прежде относили). Однако в еще большей степени важно их отношение к негритянскому населению — тубу склонны причислять к нему с тех пор, как Г. Барт провел более глубокое сравнение между языками тубу и канури. Можно подумать, что разрешение этих вопросов облегчает арена передвижения названных племен — великая пустыня с ее своеобразием и замкнутостью, где любое смешивание народов должно быть связано с большими трудностями, а появление новых этнических групп могло происходить лишь очень редко и в благоприятных местах. Тем не менее, несмотря на сравнительно простые условия Сахары, решение названных вопросов сталкивается с такими трудностями, как недостаток и ненадежность наличных материалов, их сложная природа в целом.

Геродот в какой-то мере противопоставляет гарамантам, населявшим нынешний Феццан, живших в пещерах эфиопов, описание которых вполне подходит к нынешним теда. Я придерживаюсь мнения, что эти последние вследствие замкнутости и скудости природы в местах их обитания, очевидно, с древности сохранили свое своеобразие и самостоятельность. Ни у Геродота, ни в более позднее время, когда центр страны гарамантов сделался римской провинцией Фаццанией, область Ту и ее жители не назывались никаким особым

именем. Затем, после того как, повинувшись неизбежному закону бренности, в какой-то момент распалась держава гарамантов, контролирующая на востоке области Ливийской пустыни, а на юге и юго-востоке пространства вплоть до Судана, мы находим в середине XII в. у ал-Идриси упоминание о существовавшей примерно в тех же самых местах чуть менее протяженной державы кочевников загава. Эта же держава (хотя и не столь обширная) упоминается позднее Ибн Саидом в конце XIII в., Ибн Баттутой в середине XIV и ал-Макризи в начале XV столетия.

Власть загава перешла к восходящей державе Канем, или Борну, которая уже к концу XII столетия покорила, по-видимому, все страны вплоть до Феццана. Блестящий взлет могущества Борну длился недолго, ибо уже во времена Ибн Баттуты загава вновь обрели самостоятельность, а правители Борну потеряли даже Канем. Булала завоевали Канем, затем покорили загава и создали обширную державу, которая, правда, погибла быстрее, чем предыдущие. Лев Африканский в конце XV столетия²⁵ застал ее в полном расцвете, но оказался также и свидетелем ее упадка. Хотя с тех пор загава принимали активное участие в образовании державы Дарфур, они уже больше не появлялись на исторической сцене в качестве самостоятельного народа.

У вышеприведенных арабских авторов Ту и Борку также специально не упоминаются, и, как я уже предполагал, вряд ли они на долгое или короткое время входили в состав какой-нибудь из периодически возвышавшихся держав в Восточной Сахаре. Возможно, они временами платили дань или периодически подвергались грабежам, однако длительная зависимость этих центральных областей Сахары от гарамантов, загава, берауна (жителей Борну) или булала не представляется вероятной, как это позднее имело место в Ту по отношению к Феццану. Исключением здесь являлся, естественно, Кавар, который, владея соляными копиями Бильмы и в известной степени гоподствуя над дорогой в Борну, постоянно служил тем естественным путем, по которому распространялась власть шедших с севера или с юга завоевателей. Однако его жители всегда упоминаются лишь как люди из Кавара, и их отношения с остальными племенами семьи тубу нигде не упоминаются. Возможно также, что историки, подобно тому как они ошибочно приписывали действительное государственное устройство племенам, владычествовавшим в этих областях, попросту включали в их число жившие дальше за ними, менее известные или менее могущественные племена. Во всяком случае, ал-Макризи необоснованно приписывает племени загаи (загава) слишком большую распространенность. То же самое делает и Лев Африканский по отношению к горан.

Соответственно этому мы не находим в данных исторических источниках никаких споров или суждений по поводу этнических соотношений между названными племенами, если не считать того, что Ибн Халдун упоминает загава среди берберских племен пустыни, закрывающих лицо покрывалом (мулассимун), и что все они в этническом отношении как-то противопоставляются жителям Восточного

Судана. Путешествовавший в начале нынешнего столетия Мухаммед ат-Туниси первым описал племя горан, о котором мы вообще не имели определенного суждения с тех пор, как Лев Африканский упомянул его как совершенно варварский народ в юго-восточной части Сахары, отличавшийся непонятным языком и ведший кочевой образ жизни. Если Лев Африканский, по-видимому, отделял их от берберов еще больше, чем от суданских народов, то тунисский путешественник рисует их весьма грациозными и такими светложими, что жители Вадаи не любили рабынь из племени горан. Ат-Туниси добавляет при этом, что они, вероятно, не суданского происхождения.

Об этническом положении другого подразделения жителей Восточной Сахары, которое нас здесь особенно интересует, Лев Африканский оставил более определенное свидетельство, сообщая свое собственное мнение и мнение своих современников. Среди жителей Ливийской пустыни (которая, правда, у него простирается от Атлантического океана до Нила) он называет в качестве самого восточного племени людей бардоа (бердоа, бердеоа, бердева), которых он вместе с тарга (т. е. туарегами) относит к нумидийским народностям. Он ограничивает их территорию на западе местопребыванием племени лемта, соседствующего с туарегами, на севере Феццаной и Баркой, на востоке пустыней Ауджилы и на юге пустыней Борну и тем самым совершенно точно идентифицирует эту территорию с областью нынешних тубу. Главные стоянки этого племени находились, согласно его сведениям, в 500 милях от Египта, где их обнаружили путешественники, которые, двигаясь из этой страны, считали, что они отклонились к Ауджиле. В той же самой местности уже ал-Макризи упоминал берберское племя того же названия; опираясь на эти важные свидетельства, ученый мир привык считать тубу (к чьей территории, как полагали, следует относить область бардоа) родственниками туарегов и более или менее чистокровными берберами. С подобным представлением совпадало и то, что будущие переселенцы в Канем, заложившие там основу позднейшей державы Борну, должно быть, пришли с севера, через область бардоа в Ливийской пустыне, и что правящей династии Борну ученые и знатоки истории в суданских странах приписывают берберское происхождение. Лев Африканский ясно говорит, что король Борну происходит из ливийского народа бардоа.

Берберское происхождение племен тубу тем меньше подвергалось сомнению, что Ту и Борку с их жителями по-прежнему оставались неизвестными, и в руки европейских ученых попадали лишь в высшей степени неудовлетворительные словники языка теда. Однако позднее, после того как Г. Барт, основываясь на лингвистических исследованиях, высказал убеждение в том, что теда и канури находятся друг с другом в близком родстве, тубу поторопились причислить к неграм (к каковым, без сомнения, следует относить жителей Борну), не учитывая должным образом неопределенности понятия «негр» и структуры племени канури и его языка. Барт пытался объяснить и разрешить противоречие, которое возникло между его собственным мнением и определенными свидетельствами Льва Африканского и

ал-Макризи относительно берберской природы бардоа. Он допускал, что во времена вышеупомянутых авторов в Ливийской пустыне проживало еще какое-то чуждое тубу племя бардоа и что поскольку оно добилось власти над столь обширной территорией, то и обитало там в течение нескольких столетий. Тем не менее, чтобы оправдать свое мнение о том, будто первоначальные обитатели Восточной Сахары не имели ничего общего с берберами, он предположил, что племя это переселилось в области тубу и там закрепилось, хотя и допустил, что его название, особенно в окончании, обнаруживает характер языка теда.

Я с трудом могу представить, чтобы какое-то берберское племя переселилось из пустыни, закрепилось и господствовало среди владений тубу на протяжении нескольких столетий. Где бы ни располагались вышеупомянутые стоянки бардоа, повсюду проникновение чужакам затрудняют обширные пустынные пространства, а то и труднодоступные скалистые области. Они вряд ли могли целым племенем преодолеть такие большие расстояния, безводные, бесплодные отрезки пути в пустыне. И что же, несмотря на это, у тогдашних хозяев подвергнувшейся завоеванию местности не оказалось достаточно сил, чтобы воспрепятствовать численно более слабому врагу овладеть своей родиной? Все это представляется маловероятным.

При попытке определить место расселения бардоа в расчет можно принимать только Куфру, Борку и Ту. Первая группа оазисов лучше всего согласуется со сведениями Льва Африканского об открытии главной стоянки бардоа посреди Ливийской пустыни, а находка Рольфом в 1879 г. в Куфре очень старых развалин также говорит в пользу размещения там стоянки бардоа, хотя кажется невероятным, чтобы из такого лежащего на периферии пункта могло осуществляться владычество над громадной частью Восточной Сахары вплоть до Судана. В этом отношении лучше бы подошло Борку, расположенное ближе к центру, и можно было бы предположить, что развалины построек, находящиеся у источника Галакка, относятся ко времени бардоа. Однако, не говоря о том, что эти последние, по-видимому, не столь уж старого происхождения, Борку лежит слишком далеко от Ауджилы, чтобы подтвердить предположение об открытии главного местожительства бардоа. Наряду с Куфрой учитывается и Ту, удаленность которого от Ауджилы хотя и кажется тоже слишком большой для данных, указанных Львом Африканским, все же менее велика, нежели расстояние до Борку. При учете Ту в качестве возможной стоянки бардоа наши мысли невольно обращаются к обширной долине Бардан, где я побывал. Ее называют также Барде, а ее жителей еще и сейчас следовало бы называть бардева. Эта долина вследствие своего положения на восточном склоне горы Ту, должно быть, была почти недоступна для нападения с запада, из мест, занимаемых берберами. Если все же берберские завоеватели действительно закрепились там (но придя не с запада, а с севера, через Куфру), то объяснить это не менее трудно.

Если слово бардоа, судя по всему, происходит из языка теда,

то из этого должно следовать, что завоеватели-берберы приняли имя покоренных ими тубу. Если же оно, несмотря на свое сходство по звучанию со словами языка теда, имеет берберское происхождение, то в этом случае либо завоеватели, сохранив чистоту своего происхождения или смешавшись с элементами тубу, еще и сегодня живут в местах, которыми они завладели, либо гонимые или покоренные ими тубу, когда им вновь удалось вернуть власть над своей родиной, сохранили родовое имя ненавистных угнетателей. Все эти предположения равным образом неприемлемы. Можно, правда, допустить, что бардоа Льва Африканского на самом деле были берберами, которые постепенно смешались с покоренными тубу, а возникшее таким образом смешанное племя до сих пор населяет завоеванные места, сохраняя берберское имя. Однако в этом случае у сегодняшнего населения должны были бы обнаружиться следы обычаев и языка берберов, как мы это видели в тех их колониях, которые в течение столетий существуют среди арабских или арабизированных племен. Мой личный опыт и полученные мною сведения охватывают значительную часть территории тубу. Я нигде не сталкивался со звучащим на чужой лад словом, с разнородными элементами населения, ни с какими бы то ни было воспоминаниями о прежнем периоде чужеземного владычества. В Борку, где Г. Барт — несмотря на большую удаленность этой области от Ауджила — был больше всего склонен помещать территорию бардоа, от моего внимания не ускользнуло ни одно племя, ни одна долина.

При описании теда я изложил основания, которые, по моему мнению, говорят о том, что эта народность представляет собой совершенно чистокровное, гомогенное население и, возможно, что она с самой древности не претерпела никаких существенных изменений. Однако область тубу лежала на пути пришедших, без сомнения, с севера основателей державы Канем. А поскольку это переселение, вполне вероятно, охватывало период в несколько поколений, то первоначальные его участники не могли избежать смешения с элементами тубу. Какой степени оно достигало, становится ясно из того факта, что жившие примерно тысячу лет назад первые и в какой-то мере достоверные правители Канема упоминаются в качестве рожденных матерями тубу, а также из несомненно близкого родства между диалектами тубу и языком канури. Эти доказательства тесных связей тубу с канури имеют большое значение в свете того, что исторические предания о зарождении государства Канем упоминают об участии в этом берберских элементов, но специально не называют ни лиц, ни племен (как это имело место с тубу) и что язык канури не имеет никаких точек соприкосновения с берберским языком, разве что самые единичные.

Учитывая все это, я не могу присоединиться к мнению, что бардоа были берберским племенем, которое добилось господства над обширной территорией областей тубу и продолжительное время удерживало его. Я придерживаюсь убеждения, что мы имеем дело с одним из племен теда (как на это указывает уже его имя), чье местожительство либо всегда располагалось на северо-восточном склоне Тарсо (Эн-

нери-Бардаи), либо было перенесено туда позднее из группы оазисов Куфра, которая, как известно, была населена тогда вплоть до нашего столетия. Лев Африканский и многие другие до и после него причисляли подлинных жителей данного края к берберам, вероятно, лишь по той причине, что те не были похожи ни на арабов, ни на негров, а, возможно, имели сходство с туарегами. Сами же они недостаточно хорошо были знакомы с племенами тубу, чтобы отличить их от берберов, живущих в пустыне, которые им были гораздо доступнее и лучше известны. Если Ибн Халдун называет загава, живших к юго-востоку от областей тубу и значительно ближе к Судану, одним из больших берберских племен пустыни, то, собственно говоря, он имел бы больше поводов и оснований причислить к таковым тубу и называть их мулассимун, ибо обычай закрывать лицо покрывалом у них почти столь же обязателен, сколь и у туарегов. Я полагаю даже, что знаменитый историк не сделал этого только потому, что не знал тубу как таковых и, вероятно, причислял их к загава.

Вплоть до последнего времени, т. е. до установления родства между языками тубу и канури, первых вообще причисляли к берберам, принимая во внимание их физические особенности и многие обычаи и нравы. Так почему же должны были поступить иначе Лев Африканский и некоторые арабские авторы, которые еще меньше, чем наши современники, знали о разнице между языками тех и других и которым в Сахаре были известны только арабы, берберы и негры? Правда, Лев Африканский недвусмысленно приписывает горан какой-то непонятный язык, однако он переносит их местожительство в область загава, чей диалект значительно отличается как от диалектов тубу, так и от языков берберов и суданских народов, и идентифицирует первых (как считает и Барт) со вторыми. То, что утверждает неоднократно упоминавшийся арабский путешественник из Туниса, а именно, что туареги ведут свое происхождение от Тубу, конечно, не выдерживает критики, но это лишь подтверждает распространенное повсюду убеждение об их сходстве. Действительно, все — цвет кожи, правильные черты лица, одежда (в особенности лисам — покрывало для лица, ношение которого из меры предосторожности, выработанной в сухом воздухе пустыни, превратилось в национальный обычай), оружие, образ жизни, выносливость, воздержанность, аристократическая форма общества, положение женщины и т. д. — все это делает тубу очень похожими на туарегов, в то время как жители Борну, взятые в целом, во всех этих отношениях весьма отличаются и от тех и от других. При этом нам, правда, не стоит забывать, что жизнь в Центральной Сахаре с ее столь определенным климатом и обусловленными им особенностями обитания должна соответственно накладывать определенную печать и на ее жителей. Внутренние и внешние свойства человека, семья и государство должны были с течением времени выработать благодаря исключительным жизненным условиям пустыни определенный и однородный характер, как бы ни разнилась их первоначальная природа в других климатических условиях. Равным образом элементы, свойственные жителям пустыни, которые переселились в Судан, с его плодородной

почвой, регулярными летними дождями, оседлым и земледельческим образом жизни и более прочной государственной организацией, должны были значительно измениться в течение столетий.

Далее, в этом отношении нельзя упускать из виду, что на юге Сахара отделяется от зоны регулярных дождей не резко, а постепенно, через степи, переходя в собственно Судан. Но повсюду, где существуют непрерывно заселенные местности, мы обнаруживаем незаметные переходы от одного племени к другому. Подобно тому как в долине Нила невозможно четко разграничить северных египтян и берабра, а этих последних отличить от негров, у юго-восточных туарегов, даза и загава наблюдаются такие же переходы к суданским племенам. Вызывается это такими факторами, как климат и смешение крови.

Такой переход становится особенно ясным при изучении племен, о которых здесь идет речь. Мы не только увидели, что даза в физическом отношении на какой-то шаг ближе подвинулись к неграм, нежели теда, но и в лице канембу познакомились и со следующим переходным звеном к собственно жителям Борну. Как будет показано ниже, при рассмотрении этнических отношений в Канеме и Борну, они оказались на своем теперешнем месте обитания еще ранее той эпохи, когда двигавшиеся с севера основатели державы Канем прошли через территорию бардоа. Их передвижение облегчалось тем, что местность, лежащая между Борку и Канемом, вследствие обширных лагунных образований в Эгеи и Боделе не носила характера абсолютной пустыни; здесь имелось много пригодных для жительства мест. Это обстоятельство, по-видимому, относится и к загава (баэле и зага), области расселения которых переходят в Судан, не будучи отделены от него совершенно пустынными пространствами. Если северные члены этой семьи, ванья и баэле, еще обнаруживают большое сходство с теда и даза, то при рассмотрении загава, живущих в северной части Дарфура, которых даже первоначальные хозяева этой страны, фур, относят к полноправным, составляющим элементам державы, нередко сомневаешься, следует ли их причислять к жителям пустыни, к коим они принадлежат изначально согласно всем историческим данным, или же к нигритам.

К этим соображениям следует добавить результаты сравнительного изучения языков, важность которого для определения этнической принадлежности того или иного народа не приходится отрицать, хотя оно одно и не может служить мерилom, как это утверждает Барт в вопросе о тубу. Если этот исследователь говорит: «Язык при решении вопроса о происхождении дает самое надежное средство», то остальные ученые не без основания остерегаются переоценивать этот критический вспомогательный метод. «Даже там, где отсутствует опасение, — говорит О. Пешель, — что тождественность языка была выработана путем общественного принуждения, его следует рассматривать лишь как признак второго порядка». Не меньшее значение в подобных вопросах имеют физические и психологические свойства, обычаи и общественные институты, а также указания на исторические примеры. Мы видели, что в данном случае эти

последние соображения сближают тубу, особенно теда, скорее с берберами, живущими в пустыне (туарегами), и, если бы этому соответствовали и некоторые точки соприкосновения между языками обоих народов, никто не колебался бы считать неопровержимым прежнее мнение об их близком родстве. Но, по-видимому, это не так. Как кажется, язык тубу обладает весьма немногими элементами, родственными берберским языкам, тогда как обнаруженное Бартом языковое родство между тубу и канури, напротив, является бесспорным и глубоким.

Если рассматривать два последних народа — на основании их близких языковых отношений — как первоначально единый народ, то придется допустить либо что оба они уже с давних времен жили как в Сахаре, так и в Судане, либо что местом их исхода была область Чада, либо, наконец, что жители пустыни переселились в Судан. Первое предположение неприемлемо: мы знаем, что там, где теперь живут канури, еще полтысячелетия назад обитали другие племена, которые были постепенно вытеснены или поглощены теми, кто пришел сюда с севера. По крайней мере это касается правящих элементов. Далее, предположение, что жители плодородного края, у которых благодаря регулярно выпадающим осадкам развилось земледелие, обладающие постоянными поселениями, четко организованным обществом, ремеслами и торговлей, отказались без крайнего принуждения от уже достигнутой более высокой ступени культуры, снова переселились в голую пустыню и стали бродячими кочевниками, противоречит ходу всех исторических процессов у других народов. Однако обратный процесс наблюдается часто, а если принять во внимание, что вплоть до сегодняшнего дня происходит передвижение племен тубу на юг до центра Борну и что неоднократно упоминавшееся переселение с севера через области тубу тех, кто основал державу Канем, можно рассматривать как исторический факт (несмотря на скудость преданий об этом процессе), возникают основания отнести упоминавшееся родство за счет подобного, имевшего место в древности, продвижения племен из пустыни на юг.

Об этом же свидетельствует и сравнение языков, из которого следует, что из двух диалектов языка тубу первоначальным был диалект теда и что язык канури, без сомнения, обнаруживает с ним больше точек соприкосновения, нежели с диалектом даза, хотя территориально тот расположен ближе. Оба языка — канури и дазага — представляют дальнейшее развитие языка моди-теда, однако происходившее в разных направлениях и с неодинаковой интенсивностью. В то время как диалект даза основывается исключительно на тедага и дальше развивается самостоятельно, в образовании языка канури участвуют и другие существенные элементы. Тем не менее территорию, из которой вышел язык канури, тоже следует искать главным образом в Ту — основной области расселения тубу, где, по приведенным выше причинам, я склонен размещать и главную стоянку бардоа — начальный пункт исхода или место сбора первого, исторически в какой-то мере достоверного, переселения в Канем. Однако ответвление языка канури от языка теда произошло, очевидно, за-

долго до этого переселения, возможно тогда, когда первые канембу, которых мы застаем уже основателями державы, находились в поисках своего теперешнего места обитания. То, что эти последние пришли с севера, я постараюсь доказать в другом месте, но сейчас мы не можем решить, в какое время оно происходило.

Мне удалось собрать довольно обильный материал из диалектов тубу, языка канури и наречия баэле. Кёлле и Барт уже до меня выполнили основательные исследования манна-канури, к которым я смог лишь кое-где что-то добавить. Однако исследование о языке тубу, которым мы обязаны Барту и которое преимущественно относится к тедага, было довольно значительно исправлено и дополнено благодаря полученным мною сведениям, а также существенно расширено благодаря моим материалам из мидидаза. Наконец, мои сведения о бадн-баэле вообще являются новыми.

Уже достаточно говорилось о том, что народы теда и даза помимо языка объединяют их основные — как внешние, так и внутренние — особенности, а также почти все обычаи и нравы. Даже те различия, которые, как кажется, отделяют баэле от тубу, при ближайшем рассмотрении оказываются не столь уж существенными (как бы их ни подчеркивали сами тубу и арабы). Природная среда обитания сделала баэле, как и их соседей, кочевниками, она угодила им те же самые ресурсы, средства пропитания и одежды, и если здесь и проявляются различия, то они объясняются тем, что Эннеди не отделено от Судана настоящей пустыней. Теда тоже пользуются жилищами круглой формы, хотя и сложенными из камней, а если баэле уделяют мясной пище больше внимания, чем их западные соседи, то это связано с близостью областей, где разводят весьма дешевый крупный рогатый скот. Правда, физические различия, по полученным мною сведениям, как видно, больше бросаются в глаза. Однако описания баэле поступали ко мне в основном от их врагов, которые вовсю старались представить их как второстепенное племя. Этому противоречит то обстоятельство, что, например, в отношении цвета кожи баэле, должно быть, очень близки к даза, подобно тому как накасса в Вуне, первоначально бывшие, без сомнения, баэле (хотя теперь они имеют большую примесь элементов даза), совершенно не отличаются от живущих вместе с ними нореа. Вообще, там, где население было смешанным, мои информанты не могли с уверенностью отличить теда и даза, живущих в западной части Эннеди, от баэле. Если этим последним все же не свойственны правильные черты лица и столь характерное вообще для тубу телосложение, то не следует забывать о том, что даза в этом отношении уже отстают от теда и что баэле через загава, почти без резких изменений, переходят в тип жителей Судана. Наконец доказательная сила различий в обычаях значительно уменьшается тем обстоятельством, что у баэле, по крайней мере частично, отсутствует преобразующее и нивелирующее влияние ислама.

Если мы посмотрим, прежде чем закончить эту главу, как распределяются по территории исследуемые здесь племена пустыни, то обнаружим, что тубу (теда и даза) являются исключительными хозяевами огромного пустынного пространства, простирающегося

между 24° и 15° северной широты и между 12° и 20° восточной долготы. Они выходят за пределы границ этой области на севере, в Феццане, где составляют многочисленную часть населения южного округа Катрун; на востоке, где населяют западные долины Эннеди; и на юге — по всей южной границе, — преобладавая в Канеме и Бахр-эль-Газале и составляя многочисленную часть населения в Северном Борну и в самой северной части Вадаи. Их распределение по территории примерно таково (тыс. человек):

Теда

Ту, или Тибести	12
Округ Катрун в Феццане	2
Кавар	4
Северо-восточная часть Эннеди	2
Канем, Борну и соседние с Каваром оазисы	8

Примерная общая численность 28

Даза

Борку	5
Пастбища Борку (включая элементы даза у наказза)	8
Канем	15
Бахр-эль-Газаль	10
Северо-западная часть Эннеди	3
Борну и Северное Вадаи	10

Примерная общая численность 51

Оценивая, таким образом, общую численность народа тубу примерно в 80 тыс. человек, я полностью сознаю неточность этой цифры. Оценки, касающиеся Феццана, Кавара, Борку и частично Канема, по-видимому, в известной степени близки к действительным, но те, что относятся к Ту, Эннеди, пастбищам Борку, к Бахр-эль-Газалю и части Канема, к соседним с Каваром оазисам и, наконец, к Борну и северному Вадаи, все они основываются на довольно произвольных предположениях. Тем не менее все же представляется желательным дать для начала, хотя бы предположительно, какие-то определенные цифры, уточнение которых, будем надеяться, не заставит себя долго ждать. Столь же мало надежны цифры, принятые в отношении баэле (тыс. человек):

Баэле

Эннеди	15
Ваньянга (Ванье)	2
Гуро	1
Вун (элементы баэле среди наказза)	2

Примерная общая численность 20

Загава, поселившиеся в Вадаи и Дарфуре, которые по численности могут превзойти не только своих ближайших родственников баэле, но, возможно, и весь народ тубу, будут рассмотрены, подобно живущим в Канеме, Борну и северном Вадаи теда и даза, при описании соответствующих областей.

БАССЕЙН ОЗЕРА ЧАД

Поездка в Юго-Восточный Канем

Долины Афо и Медели. — Группа долин Алали — Долины, населенные кумо-соалла. — Долины Дельфеа и Йиги. — Деревня кумо, или кайгаммы. — Скучное угощение. — Долины племени улед-салим. — Местоположение Мао. — Прием у наместника (алифы, или акида) Мохаммеду. — Далатоа и их происхождение. — Положение алифы. — Ягуббери. — Дом и семья фугобо Сетты. — Поездка в город тунджуров Мондо. — Гостеприимство Джеллаби Дуда. — Арабское происхождение тунджуров. — Мнение жителей Мондо об истоках Бахр-эль-Газала. — Алифа Беше. — Поездка в Металлу — Посещение долины Нгури, населенной даноа. — Название и происхождение даноа (хаддад, азао). — Луки и отравленные стрелы у даноа. — Кашелла Хасан. — Город Дибелончи, населенный нгиджем. — Рынок в Нгури. — Вождь с острова Кури. — Моя врачебная деятельность. — Подозрительность жителей и наш отъезд. — Возвращение в Ягуббери и Мао. — Поездка в Гала. — Долина Джугу, прежнее место расположения Мао. — Долины Метту, Ройенду, Мапал, Биллангара и Аграрем. — Город Гала. — Прежнее положение димы в Гала. — Его жители и попытки моего обращения в ислам. — Гостеприимство димы. — Возвращение на север. — Долины Аджелим, Матфал и другие с озерами, содержащими питьевую соду. — Прибытие в лагерь улед-солиман.

Эта поездка не потребовала больших приготовлений. Бу Алак, разумеется, имел самые скромные требования относительно жизненных удобств и был уверен, что повсюду, где мы остановимся на ночевку, найдется гостеприимный человек или же что в качестве одного из главных представителей устрашающих *миннеминне* он получит то, что соответствует его простым привычкам. Однако поскольку он намеревался не только устроить мне прогулку, но и использовать ее для очень важной цели — получить путем вымогательства или купить у одного гостеприимного хозяина в Ягуббери зерно для своей семьи, то он захватил с собой двух ненагруженных верблюдов. Я полностью последовал примеру своего хозяина и, стремясь избавить его сколь возможно от потери времени в благодарность за его любезность, отказался от палатки, метеорологических инструментов и т. п. и ограничился тем, что погрузил на единственного верблюда лишь самые необходимые съестные припасы и несколько одеял для ночевки, поручив все это попечению Хамму.

Мы выступили 29 ноября, пересекли в юго-западном направлении лежавшую перед нами долину Афи, или Афо, и спустя полчаса перешли через Эннери-Медели. Мы пересекли долины в их северной

части. Как и предыдущие, они приблизительно ориентированы с севера на юг. Мы же двигались почти в западном направлении. С долиной Медели у арабов связаны скорбные воспоминания, ибо именно там два десятилетия назад туареги кель-ови нанесли им такое сокрушительное поражение, что племя как таковое, казалось, едва ли сможет существовать далее. Бу Алак как очевидец смог описать мне целые ужасные эпизоды с той живостью, с какой кочевники сохраняют в памяти малейшие подробности таких событий.

После получасового перехода по местности с разбросанными тут и там холмами мы пересекли еще одну, похожую на первую, долину с обширными посевами зерновых. Мой спутник не знал, как она называется. В южной части лишь узкая почвенная складка отделяла ее от долины, поросшей финиковыми пальмами и названной моим спутником вади Джабор. Затем мы ненадолго отклонились к западу, чтобы обогнуть с севера несколько других долин, и снова продолжили свой путь в юго-юго-западном направлении. Еще через час (прошло три часа после нашего выхода) мы добрались до Алали, состоящей из трех разделенных небольшими возвышениями долин: северной, западной и южной. В первую из них мы спустились с северной стороны, пересекли ее в юго-западном направлении, задержавшись ненадолго на возвышении и не заходя в западную долину, при этом южная оказалась от нас к востоку. Мы спустились в эту самую большую из трех долин и через полчаса расположились там лагерем, чтобы отдохнуть в жару под могучим деревом курна.

Долины Алали благодаря своей почти круглой форме отличаются от всех предыдущих и больше походят на многие долины Шитати, однако немного превосходят их по пышности растительности. На возвышенности между тремя долинами находятся оставшиеся от древних глинобитные стены; это самая северная точка на этом меридиане, где обнаружены следы какого-то поселения канембу или канури. Подобно предыдущим, сами долины очаровательны, это прелестнейшие оазисы среди окружающих степей, какие можно только представить. Их появление действует тем неожиданнее и обворожительнее, что их видишь вдруг без всякой подготовки целиком и полностью. В пустыне с ее бесконечным обзором линия, образуемая растительностью оазисов, вырастает на горизонте постепенно, мучительно медленно для изнуренных, изнемогающих от зноя и жажды путников. Здесь же и не подозреваешь о существовании этих прелестных островков с тропическим изобилием, пока они не оказываются непосредственно у твоих ног. Вид финиковых пальм, несмотря на их прелесть, утомлял бы, если бы за пределами пустыни росли исключительно они. Однако посреди разнообразия и великолепия красок растительности долин Лиллоа, возвышаясь над всеми остальными деревьями своими гордыми кронами с изящно склоненными листьями, они являют собой чарующую красоту. Я позабыл даже о полуденном сне, этом благотворном обычае жарких стран, захваченный прелестной картиной. Мечтая под воркование голубей и прислушиваясь к хрюканью встречающихся там в изобилии диких свиней, я целиком

отдался впечатлению мирного покоя и был рад, что мне не мешают наслаждаться им мои шумные спутники.

Ко времени молитвы *дохор*²⁶ мы снова отправились в путь, поднялись в юго-юго-западном направлении на возвышенность над долиной и смогли оттуда бросить взгляд и на оставшуюся позади группу долин, и на другую, расположенную к западу от нас и сходную с первой долину Нгаддеги.

Подобно только что описанной, эту долину населяли и возделывали земледельцы канембу, подданные *алифы* из Мао. Одинокая деревня, чьи хижины стояли на северо-восточном склоне долины, свидетельствовала об их немногочисленности. Не спускаясь в долину Нгаддеги, мы повернули в южном направлении и через какие-нибудь полчаса вошли в самую значительную в Канеме долину с финиковыми пальмами, состоящую из двух половин, носящих разные названия: северная — Дельфеа (или Дельфеанга) и южная — Йиги. Жители принадлежат к любопытному племени кумосоалла. В северной части распоряжается вождь Брахим, в южной — Чованде.

Мы пересекли долину шириной от одного до полутора километров по ее длине в южном направлении и примерно через час добрались до ее конца. С каждым шагом растительность становилась все пышнее, а животный мир богаче. В пальмовой роще с густым подлеском то и дело уже проглядывало красивое тамариндовое дерево с пышной лиственной кроной, а в густом лесу резвились многочисленные обезьяны красноватой и серой окраски (*Cercopithecus*). С южного высокого края долины мы заметили лежавшую на нашем пути группу из трех селений. В самом большом из них мы намеревались переночевать.

Оно оказалось резиденцией вождя кумосоалла, который, собственно, носил титул *кумо*, но из-за варварского отношения арабов к чужому языку был известен во всем Канеме как *кайгамма*. Селение состояло приблизительно из восьмидесяти очагов, с простыми соломенными хижинами без оград *сиггеди*, наподобие тех, в каких живут маломужские люди в Борну. Посередине селения был воздвигнут солидный и обширный навес, под которым на тонком слое чистого песка обычно собираются деревенские мужчины и размещаются на постой чужеземцы.

Едва мы устроились там на ночь, как появился *кумо* в сопровождении большинства мужчин, чтобы приветствовать нас и удовлетворить свое любопытство. Среди них преобладали люди с темной, красноватого оттенка кожей, как у южных тубу, которая, правда, часто встречается и среди канембу. Но их лица и фигуры были весьма разнообразны. Мы, естественно, были приняты с большой предупредительностью, так как *кумо* располагает всего тридцатью всадниками и несколькими сотнями пеших воинов и поэтому, с одной стороны, полон страха перед арабами, а с другой — находится в зависимости от *алифы* в Мао. В надежде на ужин тем более приличный, что шел месяц поста, я старался быть как можно любезнее и без устали открывал перед ними секреты и чудеса моего револьвера, заряжающегося с казенной части карабина, часов и компаса. Правда, мои

Carpatio benevolentiae * не имели успеха, ибо при заходе солнца, в то время когда образованный мусульманин в Европе или в средиземноморских странах потягивает кофе или лимонад, закусывая понемногу сладостями, и когда даже исповедующие ислам негры едят по крайней мере суп, заправленный мукой, с отваром плодов дум или воду после *духна* с медом, нам принесли лишь обычную воду и к тому же в недостаточном количестве, ссылаясь на удаленность колодца. В час *аша* ²⁷ они и не подумали исправить это упущение, а лишь подали нам *ашш* весьма сомнительного вкуса, приготовленный из муки *духна* грубого помола и с подливкой попросту из разбавленного водой молока. В оправдание эти люди сослались на свою бедность, особенно на потери рогатого скота, составляющего их основное имущество, поголовье которого из-за легочной эпизоотии уменьшилось более чем на три четверти.

На следующий день (30 ноября) с восходом солнца мы продолжили путь. Сразу же мы оставили к востоку от дороги округлую, богатую финиковыми пальмами долину Корофу, принадлежавшую кумосоалла, откуда предыдущие деревни снабжаются водой, и через час, двигаясь в прежнем южном направлении, добрались до плоской, поросшей лесом долины Фири (также оставшейся в восточной стороне), где не было ни финиковых пальм, ни жителей. Вскоре мы миновали продолговатую, неглубокую, засеянную зерновыми долину, название которой мне не удалось узнать, и затем в течение двух часов ехали по равнине, пока не попали в группу долин Люггера. Самая большая из них, простирающаяся на порядочное расстояние к югу, также осталась восточнее нашей дороги. В ее северной оконечности стояло небольшое селение, и тут и там виднелись засеянные поля, однако по обилию растительности она далеко отставала от уже виденных нами долин. Всего полчаса спустя мы наткнулись на два селения, где жили улед-салим — перешедшее к оседлости племя даза. Они расположились на возвышенности, окруженной с севера, юга и востока небольшими долинами. Одно из селений, в котором хижины были построены совсем как у канембу и канури, пришлось покинуть из-за большого количества крыс и вместо него на некотором удалении построить другое, имевшее едва пятьдесят очагов.

Отсюда мы двинулись в южном направлении, отклоняясь даже несколько к востоку и идя по западному краю долины, которая примыкала к деревням с юга и тянулась на значительное расстояние в ту же сторону, что и прежние. Там же находилась и третья деревенька. Вскоре после этого мы пересекли дорогу, которая шла с запада и через полтора часа приводила к лежащим дальше на восток долинам Вачами и Юно. Первая из них принадлежит так называемым муаллемин (смешение различных элементов даза с преобладанием нореа), поселившимся на возвышенности, и называется поэтому Белед ал-Муаллемин. Это — одна из самых богатых финиками долин Канема. Вторая населена чистокровными даза, селение которых лежит на дне долины. Проследовав еще какое-то время вдоль края

* Здесь — ухищрения (лат.) (примеч. пер.).

длинной долины и перейдя через тропу, ведущую из оставшейся западное долины Гумзо на юго-восток, мы пересекли широкую складку местности и вскоре, часа через полтора (что при нашей скорости равняется примерно десяти километрам), расположились лагерем к югу от селений улед-салим, на восточном краю неглубокой долины, чтобы переждать там полуденный зной.

Здесь мы оказались всего в часе верховой езды (приблизительно в шести километрах) от города Мао — столицы собственно Канема, которая прежде находилась дальше к северо-западу на расстоянии в полтора часа пути. Лет десять назад, когда власть Вадаи в Южном Канеме укрепились еще не настолько сильно, чтобы ее нельзя было попытаться как-то избежать, жители, перенеся поселение в другое место, разбили свои жилища в долине Джугу. Однако несколько лет назад, когда больше уже не приходилось оспаривать верховную власть короля Али, они возвратились на первоначальное место. После полудня мы проехали по холмистой местности с неглубокими долинами по обеим сторонам дороги — в некоторых из них были видны засеянные поля, принадлежащие жителям Мао, и через час вступили на широкую равнину, которая резко отличалась от прежней волнистой и холмистой местности и издали представлялась совершенно ровной. Правда, там, должно быть, скрывались многочисленные лощины, но они ускользали из вида из-за отсутствия заметных высоких склонов.

Мао лежит у входа на эту равнину и по своему внешнему виду очень мало соответствует тому представлению, которое неизбежно складывается относительно столицы страны, наследницы Нджими, бывшей резиденции правителей Канема. Город не был окружен стенами и состоял из 150 очагов — почти исключительно соломенных хижин. Мы разбили свой лагерь посередине поселения, перед домом неоднократно упоминавшегося *алифы* Мохаммеду. Последний, мужчина лет пятидесяти пяти, сидел на песке перед дверями своего дома в окружении придворных, называемых по обычаю Борну *кокенава* (жалкие отблески блестящего прошлого), и приветствовал нас с тем большей предупредительностью, что его власть, несмотря на главенство Вадаи, все еще в основном зависела от дружбы с улед-солиман.

Жилище правителя, за стенами которого он гостеприимно предложил нам разбить лагерь, состояло из ограды, наполовину сложеной из земли, наполовину из сизгеди и окружавшей одно глинобитное строение и различные соломенные хижины. Хозяин дома носил грязную темно-синюю хаусанскую тобу и шапочку канембу — *джока* из той же ткани. По борнуанским представлениям, он был одет отнюдь не блестяще и даже не зажиточно, тогда как его сановники — все они по придворному обычаю, принятому в Куке, были просто-волосы — носили прямо-таки убогие одежды. Впрочем, большинство окружающих *алифы* отсутствовало, так как принимало участие в набеге на креда в Бахр-эль-Газале.

Жители города Мао принадлежат к племени далатоа, которое ведет свое происхождение от борнуанского наместника в Канеме по имени Дала. После перенесения резиденции правителя прежней

державы из Канема в Борну короли сначала доверили управление этой пограничной областью и ее охрану от врагов на востоке тунджур. Однако, когда очень скоро их наместники начали причинять неприятности, проявляя самостоятельность, правительство в Борну перестало им доверять, назначило на этот пост того самого Далу, раба-хаусанца, добившегося почестей и положения, и облекло его достаточной властью, чтобы внушить уважение даже тунджурам. С тех пор управление Канемом оставалось в руках этого наместника, и даже короли Вадаи, когда они одержали верх, вынуждены были считаться с историческим правом наследования поста наместника в этой семье. Они довольствовались тем, что заменили титул наместника *алифа* на принятый в Вадаи *акид*. Правители Борну потеряли Канем в начале этого столетия, но и сегодня еще его наместник известен преимущественно под титулом *алифа* и по-прежнему симпатии далатоа склоняются к державе Борну.

Вскоре после того как власть в Вадаи перешла к королю Али, любимая жена его отца, креда по происхождению (одно из племен даза в Бахр-эль-Газале), гонимая тщеславием, бежала в Канем, чтобы сменить законного правителя с помощью своих земляков и улед-солиман в пользу своего, не имеющего права на престол, сына. В то время наш хозяин в Мао, Мохаммеду, уже был *алифой* и соблазнился женитьбой на непокорной вдове. Припугнутый повелителем, который уже тогда начал пускать в ход свою ставшую впоследствии знаменитой железную строгость, он добровольно выдал ему жену, но все же был наказан, хотя и довольно мягко, лишившись только своего поста. Его преемника и двоюродного брата Мусу вскоре пришлось отставить, так как ему оказались не по плечу трудные и запутанные обстоятельства в Канеме, а главное — он не смог установить дружественных отношений с действительными хозяевами этой страны — улед-солиман. Так Мохаммеду получил свой пост обратно.

Хотя, как уже говорилось, ни он, ни его сановники не имели действительной независимости от Вадаи, все жили воспоминаниями о том времени, когда далатоа играли выдающуюся роль в истории страны. Было почти трогательно слышать, как бедно одетые сановники называли друг друга высокопарными титулами: *кайгамма*, *джерма*, *дугма*, *ерима* и т. д., которые прежде чего-то стоили и в Канеме, а сегодня даже в Борну больше не связаны с действительной властью. Хозяева были восхищены тем, что мне известно о существовании прежней державы Канем и ее столицы Нджими, которая некогда лежала на расстоянии дня пути к северо-востоку от Мао, и могли еще пояснить мне многие, теперь ставшие сомнительными или позабытые места, которые летописец борнуанского короля Идриса Алаома упоминает в сообщении о его походах против булала²⁸. Я очень сожалел, что не мог дольше пользоваться сведениями этих людей, но я чувствовал, что должен выказать признательность своему спутнику и защитнику, чьей доброй воле я был обязан всей этой поездкой, идя навстречу его желаниям, а он стремился попасть в Ягуббери, чтобы обеспечить свое хозяйство действительно необходимым ему зерном.

На следующий день (1 декабря) мы отправились туда. Мы придерживались южного направления, иногда отклоняясь немного к востоку, и сначала ехали по равнине, поросшей травой *сукко* в рост всадника. Через полчаса мы наткнулись на остатки стены какого-то замка, в котором якобы размещался первый гарнизон тунджуров и который Дала Афоно (т. е. *дала*, хаусанец) позднее превратил в свой *бирни* (укрепленный город). Дальше местность стала холмистой, однако долины сделались неглубокими и уступали по правильности формы и пышности растительности долинам Лиллоа. Только через четыре с половиной часа после нашего отъезда мы добрались до долины Кулоло, имеющей более правильную форму и вытянутой, наподобие предыдущих долин, с севера на юг. На ее восточной стороне лежит Ягуббери. Ее дно богато поросло отдельными деревьями, которые изобилуют в Борну, а в северном Канеме почти не встречаются (по-арабски они называются *кулькуль*, *саса* на языке канури и *яга* на языке даза). Древесина этого дерева нередко употребляется для изготовления остова хижин. Встречаются также акации киттир, которую жители Борну называют *кулуль*, а даза — *тоаи*. Через полчаса по дну долины мы подошли к колодезю, которым пользуются жители Ягуббери, наполнили из него лошадей и поднялись, двигаясь на восток, к городу, где через десять минут спешились у дома *фугобо* Сетты, связанного узами гостеприимства с семьей Бу Алак.

Как уже можно было догадаться по титулу *фугобо* хозяина дома, принятому у канембу (он примерно соответствует *кашелла* у канури и *кедела* у даза), вся семья носила борнуанский характер, который мне показался прямо родным после почти девятимесячной разлуки с Кукой. Хозяйничанье женщин в доме, даже в присутствии чужих, темный цвет кожи его обитателей, их разговор исключительно на языке канури — все переносило меня в Борну. Сам *фугобо*, как и вассалы *алифы*, участвовал в упомянутом выше набеге, но его ожидали с минуты на минуту. Однако это не помешало нам разместиться в его дворе под большим навесом, а его женам и дочерям составить нам компанию в непринужденной манере дам Куки.

Ягуббери едва насчитывал сотню хижин и был населен почти исключительно далатоа. Тщательно сложенные и опрятно обнесенные *сиггеди* хижины придавали этому месту более уютный и зажиточный вид, чем это было в Мао. Нас угостили обычной кашей из муки (по-арабски *аиш*, на канури *кан*) и редким лакомством из поджаренных в масле булочек. А когда вечером выяснилось, что *фугобо* еще не вернулся, мы разместились перед дверями дома отчасти из уважительного отношения к женщинам, отчасти для охраны нашего имущества, так как местность пользовалась дурной славой, особенно из-за многочисленных похитителей лошадей. Для большей надежности мы связали ноги лошадей железными цепями, свободные концы которых прикрепили к собственным телам, что отнюдь не сделало приятным наш ночной отдых.

Поскольку никак нельзя было ручаться, что *фугобо* вернется на следующий день, мы предприняли вылазку в местечко тунджуров

Мондо, лежавшее в нескольких часах езды к юго-востоку от Ягуб-бери. Сквозь обширные поля духна в неглубоких долинах этой местности угадываются многочисленные деревни и деревушки, которыми богаты окрестности Ягуббери и особенно Мондо. Однако на нашем пути лежала только Гремари — деревня примерно из восьмидесяти хижин. Действительно, весь юго-восточный Канем, даже по нашим представлениям, является житницей для всех остальных частей этой области. Мы остановились у уже упоминавшегося Джеллаби Дуда, который делил свой дом с двоюродным братом Джебрином и племянником. Эти люди, происходившие из Кордофана и с берегов Нила и обладавшие более высоким образованием и знанием мира, оказали нам необыкновенный прием и обеспечили невиданный комфорт. Сами они в своем добровольном изгнании, очевидно, испытывали живое удовольствие от необычного посещения человека из далекой Европы. Их благосостояние позволяло им выполнить долг гостеприимства так, как это не смогли бы сделать даже самые знатные люди улед-солиман. Нам отвели отдельную хижину, пол в которой был устлан циновками, а меня особенно обрадовала покрытая коврами скамья для отдыха в форме распространенного в восточном Судане *ангреба* (скамья с сиденьем в виде сетки из нарезанных полос шкур или из бечевки). Все эти удобства, однако, не могли идти ни в какое сравнение с лукулловым угощением, которое затмевало званые обеды шейха Омара, если и не числом кушаний, то тщательным их приготовлением. *Аиш* был сварен из муки мельчайшего помола. На приготовленном из свежего мяса с зелеными овощами соусе плавал слой масла, от чего у Бу Алака загорелись глаза, а гвоздем угощения было нежное жаркое из козленка, пожертвовать которым не решился бы ни суданский араб, ни тубу. Не были забыты и лошади: впервые после начала путешествия они получили столько кормового зерна, что не смогли с ним справиться.

Мне не терпелось познакомиться с более крупным поселением тунджуров, чье происхождение и расовая принадлежность вызывают такие сомнения. Пока что мне встречались лишь их отдельные представители. Г. Барт причислял их к одному из тамошних племен, которое забыло свой первоначальный язык. Мои предположения и единодушные высказывания тех немногих людей этого племени, которых я знал до сих пор, сводились к тому, что они имели арабское происхождение. Среди жителей этого поселения, существовавшего уже столетия, не сохранилось даже малейшего предания относительно языка, некогда свойственного их племени. Поселение Мондо насчитывало примерно двести очагов. Оно было обширнее, зажиточнее, чем Мао, и лучше содержалось. Его глава носит канембуский титул *фугобо*. Хижины и их ограды были возведены весьма тщательно, а обширные засеянные поля в соседних неглубоких долинах свидетельствовали о трудолюбии и благосостоянии жителей. По чертам лица и всему облику они вполне походили на укоренившихся во внутренней Африке арабов (которых кануры называют «шоа»), с каковыми я познакомился в Куке. Однако они стали лучшими

знатоками языков, ибо многие понимали и говорили на канури, а некоторые на дазага, тогда как в своей среде пользовались исключительно арабским языком.

День прошел в оживленных обсуждениях островов Карки в восточном Чаде и истоков и течения Бахр-эль-Газалья. В них приняли участие как присутствовавшие тунджеры — преобладающие жители местности между Мондо и начальной частью этой речной долины, так и много путешествовавший Дуд. Несколько месяцев назад он воспользовался дорогой из Борну, обходящей Чад с юга. После перехода через реку Шари он направился к северу, попал в Мондо через территорию деггена и лагунную область асала и кури и, таким образом, лично проделал путь вокруг самой восточной части озера, не наткнувшись на открытые водные пространства.

Я охотно бы остался в Мондо подольше, чтобы с помощью людей, знающих то место, где Бахр-эль-Газаль вытекает из озера Борну, постараться как-то приподнять покров, все еще закрывающий его. Однако Бу Алак настаивал на возвращении в Ягуббери и, к моему большому сожалению, не захотел даже подождать еженедельного базара, собиравшегося на следующий день (3 декабря), так что мне пришлось отказаться от превосходной возможности получить представление о составе населения этого округа. На обратном пути нам повстречался знакомый Бу Алака, по имени Беше, который, подобно вышеупомянутому Мусе, приходился двоюродным братом нынешнему алифе и тоже временно занимал в Мао пост наместника. После безуспешных попыток снова получить должность от короля Али или, как он говорил, потому что он не желал, будучи верным сторонником Борну, принимать назначение от правителей Вадаи, он отправился назад в Металлу и пригласил нас к себе в гости. Туда же был послан с верблюдом раб Хазаа Барка, чтобы раздобыть зерна для своего хозяйства, и поскольку тот, подобно *фугобо* Сетте, еще не успел прибыть в Ягуббери к нашему возвращению, то мы и решили на следующий же день воспользоваться приглашением Беше.

4 декабря, двигаясь примерно в южном направлении, мы через два с половиной часа оказались в канурийской деревне Анчали. Ее хижины, числом от восьмидесяти до ста, лежали среди нескольких долин с обработанными полями ее жителей. Оттуда, отклоняясь немного к западу, мы добрались до нашей цели, Металлы — деревни далатоа, насчитывавшей около ста очагов, и остановились в доме алифы Беше. Он состоял, как и дом *фугобо* в Ягуббери, из обширной ограды из *сиггеди*, внутри которой располагались различные соломенные хижины, несколько навесов (*кафия* на канури) и открытая терраса под покрытой землей крышей (*сукейфа*, арабск.). Она служила для приема гостей и там-то мы и застали хозяина дома за беседой с соседями. Один из них, родом из смешанного племени томагера, довольно образованный муаллим этого местечка, смог снабдить меня интересными пояснениями относительно сложных этнических отношений в Канеме.

Алифа Беше не только принял нас по возможности хорошо (хотя мы и не получили отдельной хижины и были вынуждены спать

на *сукейфе*), но даже пообещал съездить со мной в одно соседнее поселение спорного по своему происхождению племени хаддад. Это обещание он, правда, не выполнил. Но на следующий день (5 декабря) он дал нам проводника до Нгури, где жило самое многочисленное подразделение этого племени, единственного в Канеме, которое уже более тридцати лет успешно сопротивлялось улед-солиман. Вскоре после отъезда мы пересекли Вади-Сурра и менее чем через полтора часа, двигаясь в юго-западном направлении, достигли края широкой, поросшей лесом долины, на юго-западном краю которой близко друг к другу располагались деревни племени хаддад. За этой долиной шла другая, которая излучиной настолько близко подходила к первой, что все эти деревни оказывались как бы на острове. Долины густо, как в дремучем лесу, поросли могучими деревьями и в основном именно их защите жители обязаны своей способностью сопротивляться натиску как Вадаи, так и улед-солиман. При приближении врага они покидают хижины, взбираются на естественные крепостные стены высоких деревьев и, будучи сами защищены их стволами и ветвями, обстреливают врага отравленными стрелами. Они единственные жители Канема, которые пользуются почти исключительно этим оружием, и тем самым, а также благодаря своему имени заслуживают особого интереса.

Арабское наименование *хаддад* (т. е. «кузнец») не было для них недавним и произвольным обозначением, выбранным арабами улед-солиман (как этого можно было ожидать, зная, насколько мало улед-солиман считаются с туземными названиями), но, напротив, точным переводом имени азоа, или аза, под которым эти люди только и известны среди даза. Сами они, по крайней мере теперь, не дают никакого основания для столь странного названия. Нет в их племени какого-то необычайно большого числа кузнецов, да и соседние племена не окружают их презрением, выпадающим на долю последних; им не присущи никакие особенности, никакие обычаи, которые позволили бы равнять их с кузнецами. Употребляемое ими самими название даноа, или данава, не содержит никакой отправной точки, так как они пользуются исключительно языком канури. Сведущий факих Металлы связывает его, следуя преданию, с манга, к чему я еще вернусь позднее. Эта точка зрения удивила меня тем более, что в Канеме не существовало племени манга, а сам факих никогда не был в Борну, где он мог бы узнать о таковом.

Лишь лишившись части нашей и без того уже испорченной одежды, нам удалось продраться сквозь густой и колючий подлесок долины. По ту сторону, на довольно возвышенной местности располагались деревенские хижины, числом около 600. Мы застали множество мужчин в тени могучего дерева курна, вокруг вождя Хасана, который, как ни странно, носил канурийский титул *кашелла*, и присоединились к ним. Частично это были хаддад, частично живущие вместе с ними канембу. Поскольку в настоящий момент отношения с улед-солиман не были враждебными, нас приняли приветливо.

Кашелла Хасан, молодой, среднего роста мужчина с довольно темным цветом кожи, был вооружен луком и стрелами, заполнявшими

большую сумку из грубо обработанной кожи. Остальные, однако, держали стрелы в кожаном колчане. В облике собравшихся мужчин не было никаких характерных черт. Некоторые выглядели как даза, многие походили на канембу, а немалое число можно было бы принять за членов арабского племени, смешанного с туземцами. Большинство носило луки и стрелы, а также нож у предплечья. Более состоятельные были одеты в борнуанские одежды, а более бедные — в шкуры, лишь слегка закрывавшие нижнюю часть тела. Луки, длиной примерно в четыре фута, режутся из дерева набак, сгибаются два раза и снабжаются сухожилием из бычьих кишок, а стрелы, достигающие двух футов, состоят из тростникового стержня с надетым на него длинным металлическим наконечником, который по форме напоминает наконечник метательного копья и обычно снабжен крючком. Его режущая часть очень остра и смазана или едким молочным соком *Calotropis procera*, или коричневеющим на воздухе ядовитым соком растения *Cuphorbia*, которое на борнуанском языке называется *гуруру*. Арабы очень боятся этого оружия — одинаково как его механического, так и химического действия.

Хотя эти люди немало удивились появлению христианина, до сих пор никогда ими не виданного, о которых они лишь слышали много неблагоприятного, тем не менее сначала они были очень приветливы и участливы, а *кашелла* Хасан отвечал понятно и без обиды на мои вопросы относительно подразделений племени и их размещения. Он тоже знал предание о связи между даноа и манга, хотя и не мог добавить никаких подробностей, кроме того, что еще одним, и, возможно, самым главным составным элементом его племени являлись булала. Большинство даноа прежде жили в долинах, которые находятся южнее Нгури в непосредственной близости от Чада и объединяются в округ под названием Бари. После ссоры их обитателей с соплеменниками из Нгури, которая стоила жизни и брату *кашеллы* Хасана, почти все они покинули свои долины, причем большинство отправилось в Нгури и его окрестности. От их тесного объединения зависело их существование в качестве народа. Только держась сообща и пользуясь естественным прикрытием в виде густого леса, они могли еще надеяться противостоять улед-солиман и жителям Вадаи и поддерживать остатки своей самостоятельности. И все же первый шаг к ее потере был сделан уже тогда, когда их глава принял утверждение в качестве племенного вождя от *алифы* в Мао, как представителя короля Вадаи!

Впрочем, общительность и мирное настроение *кашеллы* Хасана начали быстро убывать, когда я стал слишком обстоятельно расспрашивать об отношениях даноа с Вадаи, о расположении их долин и количестве воинов, да еще время от времени делал заметки. Он сделался подозрительным и замолчал, но, поскольку у меня не было намерения ни задерживаться в этом своеобразном окружении, ни вновь возвращаться туда, я должен был воспользоваться встретившейся возможностью и собрать как можно больше сведений. Когда *кашелла* не только потерял разговорчивость, но и стал обмениваться озабоченными взглядами со своими товарищами, вмешался Бу Алак,

попытавшийся доходчиво объяснить мое странное поведение и поддержать мой падающий авторитет. Он обрисовал почти детское пристрастие христиан к путешествиям, их любознательность в отношении стран и народов, но также и их могущество, в особенности же добрые отношения моей страны с повелителем всех правверных в Стамбуле. После этого *кашелла* несколько успокоился, но с моими безобидными вопросами и его непосредственными ответами было покончено.

Моему желанию посетить город нгиджем Дибелончи, лежащий в трех часах пути дальше на юго-запад неподалеку от Чада и более плотно населенный, нежели Нгури, не суждено было сбыться. Между Нгури и Дибелончи находятся шесть долин, из которых три северо-восточные принадлежат даноа, а три юго-западные — нгиджем. В высшей степени вероятно, что эти последние являются остатками булала и живут в Дибелончи, насчитывающем якобы тысячу очагов, смешавшись с многочисленными элементами канембу. Мы доехали до границы их территории, но ни Бу Алак, ни *кашелла* Хасан не решились на дальнейшее продвижение. Мои спутники утверждали, что с одного из высоких берегов пройденных нами долин можно заметить Чад, но я не сумел его увидеть.

До возвращения в Металлу мне удалось еще посетить базар, происходивший как раз в Нгури, где продавалось: из скота несколько ослов и быков; из продуктов земледелия немного хлопка, кукурузы и проса; из ремесленных изделий по несколько наконечников копий, ножей и стрел, а из привозных товаров — немногочисленные борнунские тобы. Хотя этот базар в целом посетило все же человек пятьсот, он производил весьма бедное впечатление. На нем я познакомился с весьма заинтересовавшей меня личностью — вождем кури с Чада, мужчиной изрядного роста, широкоплечим и дородным, с черным цветом кожи и одетым в темное платье. Хотя он и пригласил меня посетить остров Кури, тем не менее смотрел на меня, по-видимому, с тем же подозрением, что и присутствовавшие при этом даноа.

Недоверие этих последних со временем так ясно проступило в выражении их лиц, что я начал опасаться, как бы вызываемое подозрение не приняло у них просто враждебного характера. Я быстро постарался направить их мысли в ту сторону, где они сами могли бы извлечь пользу из моего присутствия, и заговорил о своих врачебных способностях. Это на некоторое время превосходно помогло. Хотя я и не приобрел громкой славы от посещения некоторых страдающих малярией людей, но все же у одной женщины среди тех больных, к которым меня водили, я обнаружил воспаление и нагноение грудной железы — явная удача для поддержания репутации проезжего врача, ибо вскрытие не слишком поверхностного абсцесса путем надреза редко не производит благоприятного впечатления. Я попытался также вернуть себе расположение *кашеллы* Хасана, пообещав ему средство против отравленных стрел его соплеменников — некоторые подразделения даноа разделяла, по-видимому, многолетняя вражда. Уже на следующий день его стало занимать это предложение, а надежда на его исполнение обеспечила мне

внимательное отношение. Однако мой дипломатический прием действовал не долго; вскоре настроение снова стало подавленным и неприятным. Даже Бу Алак поддался этому впечатлению и шепнул мне, что на душе у него тревожно. Тогда, стараясь не привлекать внимания, мы бросились туда, где стояли наши лошади, прыгнули в седла и рассыпались в прощальных и с виду весьма сердечных словах перед нашими сомнительными друзьями. Мы не задерживались больше в Металле, распрощались с нашим хозяином Беше и тотчас же поскакали назад в Ягуббери. Вернувшись туда поздно вечером, мы застали дома *фугобо* Сетту, возвратившегося после набега на креда, который, впрочем, оказался совершенно безуспешным.

Уладив удовлетворительным образом наши дела, связанные с зерном, как с *фугобо* Сеттой, так и с *алифой* Беше, мы отправились в Мао. Оттуда мы намеревались вернуться к улед-солиман, сделав круг к западу через Гала. К сожалению, даже подарив тарбуш²⁹, мне не удалось склонить *фугобо* к уступке мне скромного количества *духна*. Он решительно отказался продать накопленное зерно даже за борнуанские тобы и объяснил, что все местные владельцы зерна договорились продавать свои запасы только за крупный рогатый скот, чтобы постепенно восстановить очень пострадавшие от эпизоотии стада.

Мы переночевали в Мао, куда добрались без всяких происшествий по прежней дороге и куда тем временем в поисках зерна прибыл шейх Мухаммед ибн Омар. На следующее утро (8 декабря) мы выступили на запад, чтобы совершить запланированную поездку в Гала — одно из важнейших поселений, оставшихся от прежнего господства Борну в Канеме. В это же время нагруженные зерном верблюды Бу Алака и Хазаза отправились назад в лагерь улед-солиман.

Мы следовали на северо-запад и, миновав низину Мао, пересекли незаселенную, не очень богатую растительностью долину, а затем вторую, более пышную, с финиковыми пальмами, деревьями тамаринда и смоковницами; оставили к северо-востоку от дороги и третью, овальную, поросшую редким лесом и финиковыми пальмами, и через час после отъезда добрались до долины Джугу, на краю которой прежде лежал город Мао. Эннери-Джугу представляет собой удлиненную, изобилующую финиковыми пальмами долину с высокими склонами и двумя деревнями на восточном склоне. Та, что побольше, находится на северном конце, а та, что поменьше — всего из нескольких очагов, — на южном.

Дорога из этой долины вела дальше в западном направлении и вскоре пересекла округлую долину Метту с высохшим пресным болотом посередине и отдельными финиковыми пальмами по сторонам. Отсюда мы изменили направление на западное-юго-западное и попали через короткие интервалы сначала в оставшуюся для меня безымянной долину округлой формы с засеянными полями и пальмами дум вокруг лежащего в центре озера. За ней последовали две другие, похожие на нее, затем четвертая, называвшаяся Родженду, далее пятая, Мапал, и, наконец, шестая, которая называлась

Биллангара. Мы добрались от Метту до Биллангары за два часа, причем эти долины разделялись короткими, примерно одинаковыми промежутками. В отличие от большинства уже виденных нами долин Канема они были неглубоки, имели округлую форму и почти в каждой, в ее самой глубокой части, лежало небольшое озеро с пресной водой. В перечисленных по названиям долинах располагались обширные засеянные поля и небольшие деревни на западном высоком берегу, а Мапал выделялась еще и посевами хлопчатника. В ней, а также в Биллангаре поля орошались посредством *шаттатира*, или колодца с журавлем.

Оставив позади Биллангару, мы в течение трех четвертей часа продолжали путь в западном-северо-западном направлении до деревни Аграрем, также построенной на западном склоне долины и едва ли насчитывавшей пятьдесят хижин. Эта долина вновь имела удлиненную форму. Она была вытянута с севера на юг, отличалась обилием обработанной земли и колодцами с журавлем. Посередине лежало наполовину высохшее соленое озеро, поросшее тростником трех-четырёхметровой высоты. Наконец еще через полчаса, двигаясь в западном-юго-западном направлении, мы достигли цели нашего путешествия — также продолговатой долины Сара, чье поросшее тростником озеро было наполнено пресной водой. На западном берегу этой долины лежит город Гала. Местность, по которой мы проехали, в общем голая и не очень лесистая, да и сами долины по обилию растительности далеко отстают от Лиллоа и других долин, но зато они богаче водой и разной водоплавающей птицей.

Пока мы поили в озере лошадей, нас пришел приветствовать глава города, который все еще носил титул *дима* своих предшественников, относящийся к периоду господства Борну. Прежде *дима* был важной личностью и объединял все племена канембу этой области под своим управлением. Однако со временем улед-солиман и даза все больше и больше оттесняли тех своими разбойничьими нападениями на острова озера Чад, где они живут среди будума и кури, так что *дима*, помимо Гала, почти нечем теперь управлять на суше. Этот пост, подобно *алифе* в Мао и должностям многих высших сановников в провинциях Борну, является более или менее наследственным и лишь недавно перешел к его нынешнему обладателю. Однако его утверждение зависело теперь не от правителей Куки, как прежде, а от короля Вадан. *Дима* был молодой, бодрый человек, встретивший нас с большим радушием и не позволивший нам самим поить лошадей. Он сначала поспешил в город подготовить для нас достойный прием, а затем сопровождал нас верхом в свою резиденцию, в окружении всадников — его соседей и вассалов, устроив по дороге арабские конные состязания.

Город Гала, состоявший из полутора сотен соломенных хижин, первоначально принадлежал кубури — благородному племени канембу, но впоследствии его в основном населяли представители царского племени канури — магоми, к которому относились и его нынешние обитатели. Вскоре большинство их собралось во дворе радушного и, по-видимому, любимого всеми вождя, выразив не

меньше изумления моему появлению, чем даноа. Они ощупывали мою одежду и восхищались ею так, как будто она состояла из каких-то необыкновенно прекрасных изделий промышленности моего отечества, а не происходила с рынка в Куке; они трогали и осматривали мою белую кожу на защищенных местах тела, будто они не видели ничего подобного достаточно часто у арабов, и без стеснения обменивались в свойственной канури болтливой, безобидной манере удивлением по поводу моего оружия и инструментов, устройство которых приходилось объяснять им снова и снова.

У этих людей было в высшей степени неясное представление о христианской религии, и они считали своим долгом не лишать своих наставлений бедного, добродушного язычника, бродящего по свету без всякого понятия о боге и его пророке. Как всегда, я пустился в эту религиозную беседу, пытаясь донести до сознания своих слушателей то общее, что содержалось в их и моем вероисповедании, объяснить основу и цель любой религии, и показывал им пустоту их ритуала, который довольствовался кажущимся и забывал существенное — облагораживание человека. Они произвели особенно торжественные приготовления к молитве *дохор*, чтобы воздействовать на мою упрямую языческую душу. Появились факих и имам, последний в редко встречающемся там красном тарбуше и в ситцевой тобе в желтую и белую полоску, поверх которой он носил черно-синее хаусанское платье, полученное в подарок от короля Вадаи. На него возлагалась главная надежда в деле обращения христианина и заклинания сатаны. Однако если вначале он приветствовал меня с некоторым промедлением и недоверчиво, то вскоре оттаял и сделался добродушным и любезным. Он оказался человеком, очень хорошо осведомленным об островных жителях Чада. Вместе с *димой* он часто совершал поездки в глубь лагуны, частично для того, чтобы выискать приходящиеся с тех подати, отчасти в попытке добиться желательного духовного влияния на недоступных и разбойных островитян.

К вечеру мы вернулись в приготовленную для нашего приема хижину; ее пол благодаря тонкому слою песка, на котором были разложены циновки, приобрел чрезвычайно опрятный вид. Угощение не заставило себя ждать и хотя в общем было лучше, чем в Мао и Ягуббери, но не включало долгожданного мяса, так что Бу Алак счел нужным обратить внимание своего молодого друга, положение которого всецело зависело от арабов, на его долг по отношению к нам. Тот оробел и пролепетал всевозможные извинения, однако желанного мясного угощения мы так и не получили. Но зато вечером появилось все женское население местечка с барабанами и дудками и до полуночи развлекало нас танцами, пением и горячим участием.

На следующий день (9 декабря) нам предстояло вернуться в арабский лагерь, совершив долгий переезд верхом. Мы выехали с восходом солнца, выбрали северное направление и вскоре приблизились к довольно неглубокой и бедной долине, вдоль которой следовали в течение получаса; здесь, тоже в центре, располагалось неизменное болото.

Здесь же я впервые увидел *Kigelia pinnata*, которую канури называют *болонго*, а тамошние арабы *омм шатура*, или *бединджан ал-фил* (т. е. «слоновый баклажан»). Это было внушительное дерево; его одновременно украшали цветы — крупные, четырехдольчатые колокольчики на длинных изогнутых черенках были насыщенного красного цвета — и тут же висели большие, продолговато-округлые, похожие на дыню плоды, которым он обязан вторым из приведенных выше арабских названий. Как называлась долина, мои спутники, к сожалению, не знали.

От этого места на северо-запад, север и северо-восток простирается неравномерно всхолмленная равнина шириной примерно в три часа пути, которая отличается, особенно в своей южной части, голым видом и бедной растительностью — чаще всего там встречается марх (*Leptodenia*). Вдали виднелись окружающие ее возвышенности, что указывало на наличие там протяженных долин. Бу Алак смог назвать мне на северо-северо-западе долину Багалайя, на севере Аджелим и на северо-востоке Кумосоалла. Сами же мы сначала следовали в северном направлении, однако вскоре отклонились к северо-северо-востоку и часа через полтора, когда позади осталась самая однообразная часть равнины, перед нашим взором предстало несколько округлых, неглубоких и не очень богатых растительностью долин, а еще через полчаса мы увидели плодородную, покрытую лесом долину овальной формы, за которой в северо-западном направлении вплоть до Багалайи якобы следует целый ряд таких же долин. Вскоре несколько в стороне, к востоку от дороги, мы заметили долину, густо поросшую пальмами дум. За ней следовали другие, и через четыре часа после нашего отъезда из Гала мы добрались до лишенной растительности Аджелим ас-Срир, где также присутствует центральное болото, расположенное на западной стороне. Спустя недолгое время мы достигли восточного края долины Аджелим ал-Кебир со следами больших посевов зерна на ее дне и мало-населенного, но прежде значительного селения того же названия, расположенного на ее северо-восточном высоком берегу.

Начиная от Аджелима мы двигались в северо-восточном направлении. Спустя три четверти часа мы пересекли северную часть продолговатой долины Берара с озером соответствующей формы и через час добрались до еще более обширной долины Матфал (Мафал), где напоили лошадей. Подобно предыдущей, эта долина протянулась на значительную длину с севера на юг. Из ее населенного бесчисленными обезьянами леса, состоящего из деревьев курна, акаций и сер-раха, тут и там выглядывают финиковые пальмы. Открытое продолговатое озеро на дне долины, окаймленное тростником и зарослями пальмы дум, обязано своей протяженности названием Бахар³⁰. Вокруг него много неглубоких луж с водой, которую мы зачерпывали для наших животных руками. Через полчаса быстрой езды в том же направлении мы оказались в долине, богатой пальмами дум и финиковыми, которую Бу Алак выдал мне за собственно долину Мафал, но которая, вполне возможно, имела другое название. Постепенно долины приобретали ту же регулярность, что и в Лиллоа. Они глубоко

понижаются, вытянуты с севера на юг и в самой глубокой части заполнены водой или же густо поросли лесом. Спустя полчаса наша дорога пошла между двумя другими долинами, причем относительно северной, которая находилась дальше от нас, я смог выяснить только ее название — Вади ал-Дагель (т. е. «Обезьянья долина»), показавшееся мне весьма сомнительным. Южная же оказалась последней из тех долин на нашем пути, для которых характерно скопление воды в наиболее пониженной части. Там в небольшом количестве росла пальма дум, а называлась она, по словам Бу Алака, Гарка. Четверть часа спустя мы пересекли длинную и глубокую, богатую финиками долину Нгаддеги, которую в прежние поездки мы видели лишь издали, оставили к северу другую долину, под названием Би, проскакали между двумя долинами Алали и через одиннадцать часов езды вернулись к своим, к юго-западу от Эннери-Медели.

Возвращение в Куку

Заботы арабов о продовольствии. — Вождь каава Барка Халуф. — Его положение по отношению к арабам и в целом в Канеме. — Его предложение о передаче скота арабам. — Набег из Триполитании. — Праздник ид-ал-фитра. — Ограбление хавалла. — Мой друг старик Осман — Скудные сведения из Европы. — Приезд алифы Мохаммеду. — Наш отъезд в Борну. — Долины Барка, Кау, ал-Асфур в Шитати. — Эннери-Чинти и Эннери-Чанга. — Вызывающее тревогу поведение вандала. — Девушки вандала. — Долина Бороди и пожар на почве. — Матен-ал-Милах. — Разбойники кумосоалла и их преследователи. — Нгигми, мой тамошний знакомый и моя борзая. — Эпизоотия среди гиппопотамов Чада. — Дальнейший поспешный путь без каравана. — Приезд в Куку. — Обстановка в доме. — Доброта шейха. — Любезность моих друзей. — Последние караваны из Феццана. — Известия с родины. — Скудные денежные поступления и насущные заботы. — Прибытие нашего каравана. — Потеря лучшего коня. — Новые подарки шейху. — Латерна магика. — Обстановка в Борну. — Положение дел в Багирми. — Поворот обстоятельств в Вадаи. — План поездки в Багирми. — Мой официальный спутник Альмас — Трудность с наймом слуг и займом. — Приобретение двух рабов. — Выступление в путь. — Вынужденная женитьба шерифа ал-Медени. — Собрание оружия у шейха.

В лагере улед-солиман царило большое оживление. В данный момент перед возвращением на постоянные стоянки перед арабами действительно встал вопрос о том, чтобы сколь возможно лучше обеспечить себя продовольствием на предстоящую зиму. Правда, они располагали приличным запасом фиников. Но, во-первых, финики не могли заменить все питание, а во-вторых, большая их часть предназначалась для обмена на одежду, разные другие предметы, нужные для жизненных потребностей, и на борнуанские тобы — главное мерило стоимости в Канеме. Судьба оказалась не слишком благосклонной к моим друзьям: они вернулись домой без обычной добычи — верблюдов, так что располагали теперь лишь животными, необходимыми для их собственных нужд. Короче, им нечего было обменивать в Канеме на зерно, эту незаменимую основу их питания,

тем более что владельцы зерна, как уже говорилось, единодушно постановили обменивать свои запасы только на крупный рогатый скот. Нетрудно было предугадать, что при слишком тяжелой нужде они начнут больше прежнего эксплуатировать своих соседей и поведут настоящую войну против всего мирного населения земледельцев и скотоводов Канема. Вот почему мы застали в лагере представителей связанных с ними племен даза, их союзников, которых они так часто грабили. Они приехали, чтобы обсудить со своими голодными друзьями вопрос, каким образом передать им часть крупного рогатого скота и дать тем самым возможность раздобыть зерна.

Самое веское слово принадлежало Барке Халуфу — действительному главе кадава и старейшему другу арабов в области Канем. Для тамошних условий он был необычным человеком. Его могучему телосложению и большой физической силе в необычайной степени соответствовали мужество и решительность, энергия и здравый смысл. Он связал свою судьбу с судьбой арабов и вот уже более двадцати лет оставался верен им. Благодаря им он играл главную роль среди туземных племен Канема; благодаря им его не тревожили юго-восточные соседи-туареги; наконец, благодаря им ему пока что удавалось сохранять независимость по отношению ко все возрастающей власти Вадаи. В то же время он был незаменимым союзником для арабов, их испытанным другом и помощником. Нередко в качестве главы одного из самых многочисленных племен Канема он оказывал им в войне помощь, имевшую решающее значение, а поскольку его кадава были богаты как верблюдами, так и крупным рогатым скотом и занимались земледелием, он часто удовлетворял нужду в зерне и скоте своих друзей, презирающих труд и едва сводящих концы с концами. Однако тем самым он изолировал себя самого и свое племя от коренных жителей Канема. Остальные племена даза чувствовали себя задетыми той высокомерной, гордой манерой, с которой он пытался, так сказать, стать во главе всех. А племена канембу, даноа, нгиджем, кумосоалла, будума, кури, далатоа, канури и обитатели Бахр-эль-Газалья ненавидели его как своего самого непримиримого врага, который натравливал на них наводивших страх *миннеминне*.

Тем не менее придирчивые арабы никогда не были удовлетворены своим ревностным союзником. Как раз перед нашим возвращением различные незначительные происшествия настроили арабов против Халуфа. Говорили, что пропали какие-то лошади и рабы, которых привели из Вадаи старейшины улед-солиман, ездившие к королю Али. Они были обнаружены частично у кадава, частично у других друзей Халуфа. Теперь он приехал не только, чтобы снова помочь арабам, но и заново укрепить среди них свое положение.

На совет помимо Халуфа прибыли Султан — вандава благородного происхождения и верный друг арабов, который, однако, не пользовался значительным влиянием в своем племени, а также кедела Акид — вождь юроа. От ограбленных и понесших потери дагорда не приходилось требовать жертвы, однако ожидался еще *алифа* Мохаммеду. Султана мы уже знали как спокойного скромного

человека, а *кедела* Акид своим приветливым, общительным нравом, казалось, хотел развеять мое пессимистическое представление о характере тубу. Меня часто посещали, но приятнее других был мне *кедела* Акид, тогда как интересовал меня больше всех Халуф, чьим необычным свойствам я не могу не отдать должное. Однажды у Абд ал-Джлиля я слушал, как он напористо говорил в присутствии множества арабов, и я не переставал восхищаться той точностью, с какой он представил своим слушателям убедительные доводы, а также ясностью и логичностью, полнотой и силой его речи. Сначала он дал арабам почувствовать, что они в качестве чужеземных захватчиков восстановили бы против себя всю страну, если бы он не примкнул к ним и не оставаясь бы им верен в нужде и опасности почти на протяжении целого поколения. С тех пор как они связали себя друг с другом, он правил с их поддержкой в своей области, они же благодаря ему — во всей стране. И с того же самого времени арабы стали внушать страх и одерживать победы за ее пределами. Он превосходил их своим обширным знанием людей и страны, которая простиралась вплоть до островов на Чаде, до Бахр-эль-Газала и северного Вадаи. А их преимущество заключалось в огнестрельном оружии и воинственном пыле.

Их союз, по-видимому, должен был оставаться нерасторжимым, так как по отдельности они не могли бы устоять перед объединенными силами своих врагов. Помимо этих политических соображений арабы должны руководствоваться еще и экономическими. Хотя они и являются хозяевами территории, но сами владеют лишь верблюдами, да и то лишь в том количестве, какое им обеспечивают набеги. Его же племя не только располагает значительным поголовьем рогатого скота (который, хотя и не избежал общего падежа, все же пострадал меньше, чем скот в соседних областях), но и включает в себя оседлых жителей. Пока другие уходили на дальние пастбища и в военные походы, оседлые выращивали зерно — самый необходимый из всех пищевых продуктов. В случае нужды он оделял своих арабских друзей тем и другим. Теперь он тоже решил быть щедрым. Он обещает арабам 500 голов крупного рогатого скота от больших и малых племен даза северо-западного Канема, столько же в следующем году и, кроме того, от каждого мужчины своего племени по десять *келей*³¹ *духна*. По его мнению, говорить об украденных лошадях и присвоенных рабах — жалкое поношение. Лучшим возражением на него он считает свое обещание вдвойне возместить потерю каждого раба и каждой лошади, подозрение в пропаже которых падает на его племя. Однако арабы, в свою очередь, тоже должны сохранять ему верность, и он должен быть уверен в том, что получит их безоговорочную поддержку против всех, кто имеет темную кожу.

Арабам трудно было прийти к какому-то решению, так как они получили известие, что совершившие набег племена из Триполитании, слух о которых дошел до нас уже несколько месяцев назад, якобы достигли колодцев Бу Фумин. В набеге как будто принимали участие 100 человек из разных племен (ферджан, хасауна и др.) под предводительством Салима бен Джабекаллаха, который уже дважды

доходил до Канема и каждый раз на несколько лет находил приют у улед-солиман. Сначала, по дороге на Кавар, эти разбойники якобы столкнулись с походом туарегов против теда области Ту и уничтожили их. Затем они сами дошли до Тибести, но, видимо, захватили там так же мало добычи, как позднее в опустошенном Борку. И все же, при ограниченном количестве лошадей, у них, должно быть, было по пять—шесть верблюдов на каждого человека. Если бы эти слухи оправдались, то боевые силы арабов получили бы отнюдь не ничтожное подкрепление и могли бы поставить своим канемским друзьям самые жесткие условия, ибо нуждались бы в них меньше прежнего. Но, с другой стороны, столь значительный прирост численности еще больше затруднял решение вопроса о пропитании.

На это время волнений и забот пришелся конец рамадана. 13 декабря некоторые зоркие и заслуживающие доверия люди увидели молодую луну, и все стали готовиться к праздничной встрече предстоящего на следующий день и горячо почитаемого во всем мусульманском мире праздника *ид ал-фитра*. К сожалению, вряд ли можно было говорить о праздничных одеждах членов моего хозяйства, но все же я подарил Хадж Хусейну красный тарбуш, а Хамму, который особенно нуждался в прикрытии нижних конечностей, бумажные штаны, тогда как Солиману, чья рубашка состояла из отдельных клочков, досталась тоба. Кроме того, каждый из них, в соответствии с обычаем, получил один *мудд духна* в качестве благотворительного пожертвования (*садаки*), которое они оставили в пользу бедного Хаджа Абд ал-Ати. На том месте, где должно было состояться общее молебствие, восседал Абд ал-Джлиль в своем редко извлекаемом на свет царском облачении, состоявшем из шелкового бурнуса с красным и желтым отливом, богато расшитых золотом жилета и куртки и дорогого фамильного меча. Его окружали джебаир, отличавшиеся от остальных членов племени улед-солиман красивыми чалмами и триполитанскими жилетами и куртками.

За общей молитвой, в которой Хадж Абд ал-Ати выступал в качестве имама (предстоящего на молитве), следовала им же прочитанная проповедь, а после нее все вскочили на коней, чтобы дать выход своему праздничному настроению в привычных для них конных играх, что, правда, как всадникам, так и лошадям удалось выполнить не чересчур блестяще. Потом все разошлись по разным дуарам, чтобы, по принятому обычаю, принести свои поздравления. Я ограничился при этом посещением шейха Абд ал-Джлиля, шейха Мухаммеда ибн Омара и отдельных *аилет* Бу алак. В нашем дуаре я застал жилище Хазаза блистающим непривычной чистотой: пол покрывал толстый слой свежего чистого песка, тогда как хозяйка дома Ниджема, в соответствии со своим благородным рождением, сидела на ковре, с наброшенной поверх обычного платья шелковой золотистого цвета накидкой в красную полоску. Швеха и Халлаба, которым не хватало аристократического происхождения, были одеты в свою обычную одежду, лишь немного более чистую.

Святость этого дня, который во всем мусульманском мире отводится мирному праздничному настроению, не помешала моим това-

рищам замыслить бесчестные дела. Когда утром пришло известие о том, что ожидавшиеся триполитанские родственники действительно появились в долине Зоммезе, то в их честь в виде спортивного развлечения тотчас же организовали небольшой набег и предложили им присоединиться к нему. К вечеру пришел ответ с их согласием. Вскоре барабан Абд ал-Джлиля созвал мужчин и с наступлением ночи все сели на коней, чтобы сообщая с людьми Джабекаллаха, которые должны были прибыть туда прямо из Зоммезе, напасть на живущее неподалеку подразделение племени хавалла, которое арабы называют медела.

По счастью, выбранные жертвы были вовремя предупреждены какими-то доброжелателями (возможно, догорда) и успели укрыть людей и скот, так что наши вернулись на следующий день утром с очень скудной добычей. Один привез мешочек зерна, другой — полдюжины связанных вместе и прикрепленных к верблюжьему седлу кур, третий — дюжину цыплят, которые были засунуты в один мешок и, естественно, задохнулись, четвертый нашел лишь пустые бутылки, сплетенные из соломы, а пятому пришлось довольствоваться ничего не стоящими соломенными циновками, какие кладут внутри хижин или же покрывают ими хижины. Таким образом, все предприятие прошло бы сравнительно безобидно, если бы на обратном пути триполитанские союзники с шердат не обнаружили убежище жертв нападения и не убили человек десять этих несчастных только для того, чтобы отбить несколько голов скота и полдюжины детей.

Хусейн Нгомати совершенно позабыл свои прежние набожные намерения и недавно полученный злой урок и, хотя чувствовал недомогание, отправился верхом на лошади и с четырьмя верблюдами за добычей. Я с удовольствием увидел, как он вернулся больной, без добычи и на хромо́й лошади. Однако я испытал сострадание к моему старому другу Осману из подразделения миаисса, который в свои 75 лет присоединился к набегу не из жадности, а потому, как он мне сознался, что ему нужна была циновка и никто не согласился отправиться за ней на его верблюде. Старик упал вместе с животным, и деревянный остов седла так ударил его в живот, что его привезли домой еле живого. Я часто навещал безобидного, очень бедного старого человека, так как он охотно рассказывал мне истории из прежних времен, а после этого несчастного случая я обнаружил у него сильное вздутие живота и постоянную кровавую рвоту. Однако образ жизни улед-солиман делает людей выносливыми, если они не умирают в детском возрасте. Старик быстро поправился, и на его долю еще выпала радость встретить и принять двух своих племянников, пришедших с Джабекаллахом и получивших от своего весьма преклонного возраста отца поручение привезти к нему на родину его младшего брата Османа, если тот еще жив. Старик, правда, не решался выполнить желание своего брата, потому что хотел закончить жизнь среди тех, кто были его товарищами на протяжении двух поколений. Тем не менее его искренняя радость от того, что еще до конца своих дней ему довелось услышать о родине

и о семье от очевидцев и что он принял у себя кровь от крови и плоть от плоти своего единственного брата, была трогательной.

Один из двух племянников незадолго до того, как покинул приморские края, побывал в городе Триполи, и я какое-то время надеялся пополнить с его помощью те весьма скудные сведения о военных событиях в Европе, которые содержались в письме шерифа Ахмеда. Неудивительно, что мои ожидания не сбылись. Необразованные слои даже в приморских городах находятся в полном неведении обо всем, что касается европейских стран. Действительно, он смог сообщить мне лишь путаные сведения, из которых удалось в лучшем случае понять, что свирепствовала война между *нимзе* (немцами) и *франсис* (французами) и что победа первых была ошеломляющей. Среди его товарищей тоже не нашлось никого, кто мог бы дать мне более полные сведения.

После этих сообщений мне еще сильнее захотелось вернуться в Борну. Я вырвал у своих хозяев обещание выехать сразу же после праздника *ид ал-фитр*; единственное препятствие состояло в том, чтобы уладить вопрос с обещанной поставкой скота. На третий день после праздника (17 декабря) прибыл *алифа* из Мао с пятнадцатью всадниками, отчасти чтобы принести свои поздравления старейшинам улед-солиман, отчасти чтобы покончить с вопросом о пропитании арабов. Бедняге приходилось туго в нашем лагере, потому что здесь не только был Барка Халуф, его заклятый и заносчивый враг, полностью затмевавший его самого и его авторитет, но в тот же день прибыло еще множество тех самых догорда, с которыми он так вероломно обращался. Они хотели, чтобы Абд ал-Джлиль «короновал» (т. е. повязал тюрбаном голову) Ворде, сына их вождя, погибшего при нападении на них отрядов из Вадаи. В Канеме царит такая политическая неразбериха, что некоторые вожди получали свой пост исключительно из рук представителей Вадаи, тогда как другие признавали только верховенство шейха улед-солиман, третьи заручались властью от тех и других и, наконец, многие под прикрытием своего благоприятного местоположения и всеобщего беспорядка не примыкали ни к одной, ни к другой политической силе.

Дружба племени с Халуфом укрепилась, по-видимому, как никогда прежде. Их соглашение, грозившее поставить все население Канема, и в том числе *алифу* с его подданными, под власть Халуфа, было заключено так, как там принято заключать все договоры. Речь шла лишь о том, чтобы подождать, пока Халуф выполнит свое обещание — поставить 500 коров, что после перенесенной эпизоотии составляло немалое поголовье. Тот тотчас же уехал, и мы могли надеяться, что еще дорогой услышим о результатах его усилий. Наш отъезд был намечен на седьмой день после праздника, но, как и обычно, этот срок не был выдержан. Спор по вопросу о том, благоприятен ли для начала путешествия седьмой день месяца или седьмой день недели, длился, естественно, до тех пор, пока первый из них, падавший на четверг, прошел, и, само собой разумеется, тем самым отъезд был перенесен на следующую субботу. Мы действительно двинулись в путь в этот день (23 декабря) в довольно многочисленном обществе

людей, которые хотели продать финики в Куке. Вначале мы ехали в северо-западном, затем в западном-северо-западном направлении по холмистой и пересеченной местности, которая без всякой долины отделяет округ Лиллоа от Шитати; чем дальше мы удалялись от долин Лиллоа, тем скуднее становилась растительность. Посередине между обоими округами находится наивысшая точка этой пустынной местности — Алу ан-Нусф (буквально «Высота половины»), у которой мы были через четыре часа. Пройдя еще столько же и в том же самом направлении, мы спустились в долину Бир-ал-Барка, где располагалась уже известная нам главная стоянка улед-солиман в Шитати, и разбили лагерь у ее колодца.

На следующий день (24 декабря), двигаясь в прежнем направлении, мы вышли из этой обширной, неправильной формы долины и обошли по северной дуге еще одну, поперечную долину, связанную с первой. Когда через час после выступления мы оставили ее позади, то снова повернули в западном-северо-западном направлении. Вскоре мы заметили к северу от дороги долину округлой формы с посевами зерновых, а затем какое-то время больше не встречали долин. Три часа спустя мы увидели на расстоянии примерно в час пути в северном направлении возвышенности, окружающие долину Даро, еще через три четверти часа оставили к северу от дороги довольно глубокую, но лишенную растительности котловину, где на полях уже был снят урожай зерновых, а на юго-западном высоком склоне стояла одинокая деревушка. Еще через час с четвертью мы миновали земледельческую долину Бетти, которая со своей одинокой деревушкой, населенной хаддад, оставалась в течение получаса к югу от дороги. Дело происходило около полудня, и перед нами в западном направлении виднелся заметный издали высокий край долины Кау. Затем дорога, идущая между возвышенностями, господствующими над южной частью Эннери-Кау и самой этой долиной, привела нас к деревушке.

Сравнение увиденных нами долин Шитати, неодинаковых по форме и направлению, хотя и вытянутых по преимуществу с севера на юг, с долинами Лиллоа оказывается благоприятным для этих последних, по крайней мере для глаза постороннего наблюдателя. Первые в общем не так глубоки, подпочвенная вода залегает там не так близко, а растительность менее пышна. В долинах, где сеют хлеб, нет колодцев с журавлем — *шаттатир*, поэтому они дают только один урожай в год, получаемый с помощью одних лишь дождей. Этим неприхотливым земледелием занимаются отдельные хаддад — даноа, а также и оседлые или полuosедлые элементы канембу, входящие в состав кадава. Их деревни были покинуты, так как жители этой местности отошли поближе к своему убежищу Халуф. Известие о том, что голодающие улед-солиман получили значительное подкрепление от своих земляков, вызвало большие опасения, несмотря на то что по крайней мере Шитати должно было чувствовать себя в безопасности.

Через два часа, оставив позади долину Кау, мы оказались в Эннери-Лулан (даза) — Вади-ас-Сивак (арабск.), где застали на

водопое у колодца небольшое стадо коров. Долина эта имела более строгое направление с севера на юг, нежели предыдущие, но уступала им по обилию растительности. После нее мы взяли несколько северо-западнее, чтобы обойти по северной стороне еще одну, сходно расположенную неподалеку долину. Коровы, пасущиеся на ее дне, указывали на близость людей, и вскоре мы наткнулись на большую деревню. Половина ее хижин была из соломы, а половина сложена из циновок, так что жители, вероятно, были частично канембу, а частично даза. К северо-западу от нее, в часе пути от Эннери-Лулан, расположена неправильной формы долина ал-Асфур, ее почвы содержат соль, а дно в дождливое время года покрывает озерцо с солоноватой водой (*нахар*, арабск.). Поблизости от нее имеется довольно богатый лес, который пышнее всего разросся неподалеку от колодца глубиной в две сажени. Мы разбили лагерь на юго-западном склоне этой долины и сразу же повели поить верблюдов соленой водой, которая им так по вкусу.

Какое-то время я возил с собой в кое-как сплетенной из веток корзине молодого страуса, которого нашел, бродя по диким зарослям. Благодаря легкости, с какой он привыкал к людям и животным, издаваемым им тихим, свистящим звукам и страсти хватать все светлое и блестящее, он доставлял нам приятное развлечение в монотонном течении нашей жизни. В этот день мы не обратили должного внимания на то, что молодое животное не может долго оставаться без воды, и, вернувшись, застали его в таком плачевном состоянии, что решили быстренько его забить. Конечно, в качестве праз. ничного угощения к святому вечеру мясо при его безвкусной нежности было не чересчур аппетитным. Тем не менее оно внесло желанное разнообразие в нашу однообразную пищу. Правда, Хамму пришел в ужас, видя, как я ем голову, потому что во многих местах считается несомненным, что тот, кто съест мозг страуса, опустится до умственных способностей этого животного.

25 декабря через три четверти часа после выступления в западном направлении мы оставили к северу от дороги котловину с натроновым болотом, расположенным в ее центре; затем пересекли в юго-западном направлении низину с пятью небольшими деревнями канембу и значительными стадами коров кури, миновали узкую и плоскую Эннери-Кидди, откуда те получают нужную им воду, обошли по северо-западной дуге еще одну долину сходной формы и добрались (через два часа после выхода) до плоской, поросшей пальмами дум равнины, которую мы пересекли в первоначальном западном направлении. Спустя полчаса к югу от нашей дороги осталась продолговатая, вытянутая с севера на юг долина Гирринчи (арабы называют ее Арноко ас-Срир), а еще через час собственно долина Арноко, которую перешеек делит на две овальные половины, причем северная обладает обильными залежами соды. В течение следующего часа мы отклонились от западного направления к югу и после пятичасового перехода разбили лагерь в непосредственной близости от одной деревни кадава на западном склоне Эннери-Чинти. У этой долины округлая форма, она довольно глубока и поросла лишь скудной растительностью.

Но стада крупного рогатого скота были здесь такими большими, каких мы еще не встречали в Канеме. Действительно, опустошительная эпизоотия свирепствовала в северо-западном Канеме меньше, чем в других местах Судана, и на этом-то и строили свои расчеты Халуф и арабы.

Мы намеревались провести один день в Чинти в ожидании маргарба, которые собирались доехать вместе с нами до Борну. Они прибыли поздно вечером, и по их желанию мы остались там и на второй день. Здесь распространился слух, что вандала, до границ которых мы теперь добрались, задумали переселиться в Борну, так как были недовольны наложенной на них недавно податью в виде скота. Хазаз тотчас отправился на соседнюю стоянку подразделения кеделы — Зезирти, чтобы удостовериться в этом, и узнал, что те действительно ушли на запад. Поскольку кочевники вместе с семьями и всем скарбом продвигаются медленно, можно было ожидать, что мы встретимся с ними по дороге. Действительно, мы нагнали их уже на следующем дневном переходе (28 декабря) через три с половиной часа. В это время мы двигались на запад-северо-запад по той же самой пересеченной местности с высокими холмами и редким лесом, с какой мы уже здесь встречались, когда ехали из Борну. Через три часа мы прибыли в Эннери-Чанга, прошли по ее южному склону и еще через полчаса остановились лагерем в непосредственной близости от дуара людей кеделы Зезирти. Их мужчины сразу же появились у нас, и начались бесконечные переговоры, которых я так боюсь. Речь шла не столько о требовании 500 голов скота, казавшемся им невыносимым, сколько о той самонадеянности, с какой Халуф позволил себе распоряжаться ими. Он появился днем, одетый в великолепную, сине-черную хаусанскую тобу и в красный тюрбан из толстой ткани, увешанный множеством амулетов в футлярах из зеленой кожи. Он решительно отверг обвинение в каком-либо дерзком произволе с его стороны и утверждал только, что лишь открыл арабам возможность, на которую ему дали право сами вандала, но что они никак не были связаны этим решением.

Настроение, в каком закончилось народное собрание, позволяло нам надеяться, что мы продолжим путь уже на следующий день. Однако после захода солнца несколько человек вандала, дружелюбно относящиеся к Хазазу, принесли нам известие о том, что решение о мирном или враждебном отношении к арабам будет принято только этой ночью. Услышав ночью барабан, мы должны с раннего утра наблюдать, направляются ли их всадники к Халуфу для дальнейших переговоров, или же они все вместе выступают на запад. На запад они, правда, не выступили, но арабов тем не менее беспокоило то, что они не договорились с Халуфом, и следовательно, могут напасть на наш караван. Это побавило у них желания пускаться без промедления в дальнейший путь. К тому же стало известно, что в окрестностях Нгигми и Баруа хозяйничает военная экспедиция туарегов, а к этому племени мои спутники испытывали величайшее почтение, памятуя о прежних временах. В конце концов появился один вандала и объявил, что его племя внесет свою долю

коров, чтобы разойтись с миром из родных долин, но что затем оно все же собирается перекочевать, дабы обезопасить себя от постоянно растущих высокомерных замашек Халуфа. Хотя положенный гостям подарок в виде убойной коровы для нашего каравана восстановил доброе согласие, он, однако, не смог развеять эти заботы.

Я в какой-то мере был вознагражден за задержку в пути тем, что 29 декабря меня посетили красавицы из дуара вандала. Многие из них отличались великолепным ростом, а некоторые хорошенькими личиками. Цвет их кожи колебался от черного до коричнево-черного. Кусочек коралла в одном крыле носа у многих заменял тупой и короткий серебряный гвоздь, тогда как красные стеклянные бусы были по обычаю женщин шоа нанизаны вперемежку с янтарными бусинами величиной от лесного ореха до голубиноного яйца. Самые знатные девушки и женщины носили даже настоящие коралловые ожерелья, которые, будучи иногда шириной в несколько пальцев, свешивались до груди. Некоторые очень красиво украшали волосы, причем коралловое ожерелье шириной в два пальца обрамляло лоб, а два других, потоньше, пущенные по обеим сторонам от заплетенной сзади от темени косы, достигали середины головы. Чем темнее была кожа, тем очаровательнее выделялся на ней красный коралловый цвет.

Вначале любопытные дамы проявляли определенную сдержанность и довольствовались тем, что рассматривали мое скудное европейское имущество (часы, щетки, зеркало, фотографии и тому подобное). Однако, став более доверчивыми, они довольно бесцеремонно перешли на мою персону, сняли с меня тарбуш, потрогали и осмотрели волосы и исследовали кожу даже в тех местах, где она была постоянно прикрыта одеждой и сохранила свой первоначальный цвет. Так как кожа была тонкой и пронизана голубоватыми сосудами, она показала им как бы незаконченной, вроде безволосого и неоперенного зародыша животного. Но в общем они все же оказались удовлетворены осмотром и пришли к выводу, что я хотя и удивительный, но вовсе не столь уродливый человеческий тип, как им меня рисовали. Две самые хорошенькие простерли свою благосклонность столь далеко, что первая предложила мне стать ее мужем, а вторая объявила, что в таком случае и она не прочь разделить судьбу своей товарки.

Когда на следующий день (30 декабря) представители уед-солимана и магарба прибыли получить требуемый скот, мы подождали, как к ним отнесутся вандала, а поскольку те вели себя спокойно, то и мы, наконец-то, в последний день года продолжили свой путь. Пройдя шесть с половиной часов в западном-северо-западном направлении по холмистой местности с редкими долинами (в середине пути нам повстречалась только Эннери-Мальте, а часом позднее мы оставили к югу от дороги неглубокую, округлой формы долину Джини), мы добрались до Эннери-Бороди или, как ее называли мои спутники-арабы, Бир-Себуль. Эта долина замечательна тем, что почва там уже много лет как стала добычей постоянного пожара. Долина имеет округлую форму, не слишком густо поросла деревьями,

характерными для этой местности, и на ее дне лежит небольшое, заросшее тростником и высохшее болото. В непосредственной близости от него, в северо-западной части долины верхний слой почвы бело-серого цвета, здесь-то и происходит пожар. Сразу же под поверхностью бело-серый земляной слой окрашивается в черный цвет и становится заметно горячим; на полфута глубже температура возрастает еще больше, а сухой навоз моментально обугливается, тогда как на глубине в один фут так же быстро пожирается и сухое дерево. Тут и там образовались скважины и бреши, из которых выходит слабый, но сопровождаемый сильным жаром пар, а вокруг них все почернело. В различных местах, где на поверхности находились скопления песка, прорастала трава и зелень. По словам *кедел* Токои, одного из вождей ванда, этот пожар длится уже шесть лет, тогда как дальше к западу подобное явление гораздо дольше наблюдается в долине, которую арабы называют Вади-Курма.

Матен ал-Милах, куда мы должны были попасть из Эннери-Бороди, лежала слишком далеко, чтобы преодолеть это расстояние за один день. Поэтому в первый день нового, 1872 года мы выступили только около полудня и после пятичасового перехода в западном-юго-западном направлении разбили лагерь в пустынном месте, так что теперь нам снова приходилось заботиться о возведении защитной *зерибы* на ночь. Через четыре часа на следующее утро мы были у цели, т. е. на южном крае долины. Она поросла почти исключительно сиваком и хеджлиджем и благодаря обилию первого была облюбована как место добычи соли. Места для ее выпаривания в большом числе встречаются рядом с колодцами, имеющими около трех саженей глубины. Уже в этот день мы заметно спустились вниз, но еще ощутимее на следующий (3 января), когда двигались девять с половиной часов в западном-северо-западном направлении и добрались до вытянутой с юго-востока на северо-запад бухты Чада, в которой тут и там были видны крокодилы. Время от времени на нашем пути встречались неглубокие лощины, дно которых, нередко содержавшее в почве двууглекислый натрий, было лишено растительности (за исключением отдельных островков акреша). Они, по-видимому, периодически, т. е. в дождливый период и при высоком уровне Чада, покрывались водой.

4 января мы снова придерживались западного-северо-западного направления и шли восемь часов, частенько пересекая такие же лощины и обходя небольшие *риджули* (узкие заливы или короткие истечения) Чада. С тех пор как примерно в середине дневного перехода мы вышли к обширному, вытянутому с юга на север заливу этого озера, наша дорога пошла близ его берега, тогда как вдали виднелись желтые песчаные холмы островов. Вскоре после того как мы расположились на ночлег на берегу широкого залива Чада, мимо нас проехало несколько всадников кумосоалла, возвращавшихся из набега на северное Борну, а немного погодя за ними проследовала толпа вооруженных людей, причем лишь некоторые были верхом. Их было так много, что весь наш лагерь всполошился. Мои спутники решили, что это не иначе как туареги, и поэтому поспешили загнать

пасущихся верблюдов внутрь зерибы, оседлать коней и схватиться за оружие. Однако вскоре выяснилось, что это в высшей степени безобидные люди, жители Нгигми, потерпевшие урон от кумосоалла и глупейшим образом пешком преследовавшие конных грабителей. С появлением физической усталости их жажда мести вскоре охладела. Поздно ночью они снова прошли мимо нашей зерибы, но в обратном направлении. Голодные и измученные, они попросили дать им поесть и разрешить переночевать.

Следующий восьмичасовой переход (5 января) в основном в юго-западном направлении привел нас на нашу прежнюю стоянку неподалеку от Нгигми. Первое время мы держались поблизости от озера и через три часа вышли к еще одному его заливу. Однако затем мы оказались отделенными от него уже упомянутой цепью песчаных возвышенностей. Здесь реже встречались попадавшиеся нам в предыдущие дни понижения или ложины, почва которых в течение части года, видимо, покрывалась водой. Когда на следующее утро (6 января) паш караван проходил мимо Нгигми, я направился в саму деревню. Она стояла на своем прежнем месте, но, как мне показалось, стала выглядеть необычайно зажиточной благодаря пышным полям хлопчатника, аккуратно установленным хижинам и красивым одеждам жителей. Даже если они давно не терпели урона от туарегов и, значит, могли тщательнее обрабатывать поля и сохранять свои лучшие платья, то все хижины были явно прежние и только после моего длительного пребывания среди неимущих кочевников и угнетенного полукочевого населения предстали передо мной в столь блестящем свете.

Я поспешил в дом моего тамошнего знакомого Сомы Мохаммеду, чтобы забрать оставленную на его попечение собаку Саиду. Уже во дворе, в ограде, предназначенной для овец и коз, я увидел некогда столь гордую *слуки* (арабскую борзую) в весьма плачевном состоянии. Казалось, что ее сотоварищи по хлеву не только потеряли к ней всякое уважение, но и жалели бедное, в высшей степени отощавшее животное. Она печально лежала там, и, очевидно, только наше появление заставило ее найти силы и подняться с места своих мучений. Подоспевший хозяин дома не только объяснил плачевное состояние своей подопечной ее тяжелой болезнью, но и в наилучшем свете представил свою верную заботу о доверенном ему животном. Он очень старался, описывая свои заботы и уход за собакой, как он не скупился для нее даже на масло и мясо, и, взывая к моей благодарности, даже подарил мне тощую овцу. За неимением другого имущества я пока что отдал ему металлической кастрюлей, на которую он и раньше обращал особое внимание, и пообещал еще *туркеди* (женскую шаль), когда он в следующий раз приедет в Куку. После этого я присоединился к каравану, везя перед собой на седле овцу.

Мы снова следовали на юг по берегу Чада, уровень воды в котором был примерно таким же, как в марте прошедшего года. Очаровательней чем когда-либо мне показалось изобилие жизни на его берегах, большие стада антилоп и бесчисленные разнообразные водоплавающие птицы. Среди гиппопотамов свирепствовала, очевидно, какая-то

эпидемия, которая уже вызвала много жертв и, как видно, не шла на убыль. Почти ежедневно натывались мы на свежие или уже наполовину разложившиеся туши этих колоссальных созданий, а нередко на плоских песчаных островках, выступивших после спада воды, мы видели, как больные животные в окружении своих друзей и сородичей ожидали либо выздоровления, либо смерти. Если я скакал по воде к такой группе, большинство животных при моем приближении сползали в привычную им водную стихию, но некоторые, вероятно ближайшие сородичи больного, всегда занимали оборонительную позицию и угрожающе открывали мощную пасть.

Мы ночевали в оставшихся после нашего проезда в Канем зеробах, 7 января добрались до Баруа, вышли западнее Биллы Ганна (по ту сторону от которой мы заметили редкие пальмы *боссо*) к Комадугу-Йобе и в полдень следующего дня разбили лагерь на ее южном берегу, поблизости от Бери, восточнее Йоа Курра. Здесь я второпях купил немного зерна для лошади и выехал в Куку, ибо чем ближе я был к ней, тем труднее было мне сдерживать свое нетерпение. Вот уже около двух лет я не получал никаких вестей с родины, а ведь судьба многих из тех, кого я знал и любил, могла измениться в связи с теми событиями, которые происходили в Европе. Я мысленно видел ожидавшую меня кучу писем и газет и погружался в их содержание, тогда как в разговорах со своими спутниками — меня сопровождал Али аз-Зедани, а по дороге мы захватили с собой живущего в Йоа Курра *шитиму* — старался отвлечься на другие предметы.

Мы переночевали в Ареге, получив скудное угощение от одного знакомого Зедани, и незадолго до рассвета 9 января снова пустились в путь с *шитимой* и гонцом, которого послали местные власти Бери к шейху с сообщением о прибытии нашего каравана. Без остановок, хотя и без желаемой скорости, ибо даже пребывание в Канеме не сказалось благоприятным образом на поднятии сил моей бедной лошади, мы проскакали до Куки и ко времени вечерней молитвы *аша* вступили в столицу через северные ворота ее западной половины. Все окружающее показалось мне очень родным. Прошел почти год, как я уехал из этого города, и с бьющимся сердцем я подъехал к своему жилищу. Я уже отовсюду слышал о том, что Бу Аиша еще не возвратился на север; поэтому добрейший Мухаммед ал-Катруни и верный упрямый Хадж Брек, моя многообещающая молодая лошадь и мои обезьянки и попугаи — все они должны были еще находиться у меня. Когда я подъехал к дому, была глубокая ночь, и его обитатели уже отправились на покой, как обычно, сразу после ужина.

Я безуспешно стучал в свою дверь, пока возвращавшийся домой сосед не вразумил меня, что Ахмед бен Брахим во время моего отсутствия снова стал использовать эту часть дома для собственных нужд и пробил дверь в *дендаль* из украшенного хеджлиджем двора. Тут вскоре наш стук услышал и Буи Мухаммеда и со свойственной ему флегмой открыл дверь. Увидев меня, он потерял свое обычное самообладание и закричал так громко, что Хадж Брек пробудился ото сна, а лошадь начала ржать. «О аллах, это же врач — табиб!

Хвала аллаху, ал-хамду лилах!» И эти «хамду лиллах» нескончаемо полились из его обычно молчаливых уст.

Я быстро осмотрелся в своем хозяйстве, пока Мухаммед и Хадж Брек, которого в обычное время никак нельзя было назвать словоохотливым, рассказывали мне с непривычным красноречием, что из Феццана уже давно прибыл караван и доставил для меня целые грузы пакетов, ящиков и писем и большую сумму денег. Однако все это еще находилось в руках посредника, так как вскоре распространился слух, что я погиб во время одного из налетов арабов на Эннеди. Шейх Омар якобы был очень опечален, но надеялся, что слух не подтвердится. У них самих дела шли хорошо, шериф ал-Медени щедро заботился об их содержании и не сомневался, что я вернусь к ним в добром здравии. Отъезд Бу Аиши и, следовательно, их собственный откладывался до следующего лета. Среди живших у меня животных смерть произвела большие опустошения. Все обезьяны были унесены ларингитом, который напал на них почти одновременно. Один из попугаев тоже умер. Только лошадь чувствовала себя прекрасно и стала одним из красивейших животных, какие мне доводилось только видеть в Борну, изобиловавшим лошадьми.

В тот же вечер я отправился к хозяину дома Ахмеду, которого я, как обычно, застал в обществе нескольких его любимых жен, растиравших его жирные конечности. Он тотчас послал гонца к шейху с известием о моем приезде, но, прежде чем гонец успел выполнить это поручение, из дворца прибыл раб, чтобы осведомиться, обоснован ли слух о моем возвращении. Ему прежде всего бросилась в глаза моя изодранная одежда, и он представил своему господину такое жалкое описание и меня, изголодавшегося и оборванного, и моей отошавшей лошади, которую я с трудом дотащил за поводья до города, что уже на рассвете следующего дня посланец доброго шейха, Мала Абд ал-Керим, появился у меня с тремя изящными платьями, дабы я мог достойным образом принимать гостей. Через час он снова пришел, чтобы дополнить мое новое одеяние шелковой арабской курткой, проеденными молью суконными панталонами, парой желтых га-лош из Триполи, парой европейских полусапожек и парой огромных хлопчатобумажных чулок до колен. Присылка двух последних принадлежностей туалета (они мне были совершенно не нужны, тем более что не соответствовали моему размеру; их выбрали для меня как подарки, за которые пришлось чрезвычайно дорого заплатить в Куке, где они, вполне понятно, являются редкостью, а также считая их особенно пригодными для меня из-за европейского происхождения) трогательно свидетельствовала о любезной заботе доброго шейха и о его искренней радости по поводу моего возвращения.

Почти одновременно засвидетельствовал мне свою радость по случаю моего прибытия мой попутчик Бу Аиша. В доказательство своих дружеских чувств он прислал мне тонкую белую тобу из Нифе³², тарбуш и пару расшитых шелком желтых туфель из Феццана. Спустя недолгое время пришли с поздравлениями мои старые друзья и соседи и наконец один за другим арабы, которые прибыли из Феццана с последним караваном. Опытный Хадж Брахим бен Алуа

предусмотрительно распределил предназначавшуюся мне посылку среди наиболее уважаемых членов каравана. Абдаллах ал-Хуни принес большинство писем и большой ящик; Хаджу Бу Бекру Бу Аиме были доверены официальные бумаги Хаджа Брахима с указанием всех предназначавшихся мне предметов; третий передал мне маленький ящичек, четвертый здоровенный тюк, в котором оказались только газеты, и так продолжалось долго. Хотя мне не терпелось узнать новости с родины, я все же обратил внимание, что ни один из этих людей не явился для передачи денег, которые мне были абсолютно необходимы.

Радостная весть, переданная Медени от всегда хорошо осведомленного муаллима Мухаммеда, о том, что на мое имя пришла большая сумма денег, по крайней мере 1500 талеров, пока что не подтверждалась.

При моем возбужденном состоянии мне стоило определенного труда принимать гостей и разговаривать с ними с положенными приличиями. Вместо того чтобы погрузиться в чтение долгожданных писем, я вынужден был пить кофе, выслушивать рассказы о Триполи и Фецане и беседовать о неблагоприятных условиях торговли в Борну.

Наконец около полудня я остался один, приказал держать дверь дома закрытой для всех, кроме Медени, и приступил к чтению писем. Известия из Европы и Триполи были по крайней мере годичной давности и относились исключительно к грандиозным событиям 1870 года, которые в то время, когда под их впечатлением писались эти письма, еще не полностью завершились. Они произвели на меня потрясающее впечатление. Если в своих грезах (к чему меня располагало окружение и нехватка информации) я и пытался связать неопределенные сообщения, которые доходили до меня в Канеме, с фактами и с ходом событий, то действительность намного превзошла мои рассуждения, а я-то в спокойные моменты считал их слишком фантастическими! Когда я с удивлением узнавал об изменениях, происшедших на родине в течение полугода, то не мог без чувства стыда думать о том, что со дня моего отъезда из Триполи прошло уже около трех лет, а все мои начинания все еще двигались с черепашей скоростью. В лихорадочном возбуждении я с еще большим нетерпением обращался к улаживанию своих дел и к осуществлению планов новых путешествий.

С деньгами дело обстояло пока что неясно. Правда, благодаря муаллиму Мухаммеду слух о присланных мне 1500 талерах распространился и укоренился столь повсеместно, что все арабское общество, и особенно Ахмед бен Брахим, стали изысканно любезны со мной. Даже сам я поверил в свое богатство, однако кроме письма от Герхарда Рольфа, сообщавшего мне, что Берлинское этнографическое общество выдало консулу Луиджи Росси в Триполи поручительство за меня на 500 талеров, я ни в одном письме с родины не нашел ни малейшего намека, подтверждавшего вышеупомянутый слух. Если бы один верный друг (он одновременно оказал мне услугу, прислав полные комплекты нескольких газет за лето—

осень 1870 года) не перевел для меня в Триполи 300 талеров, то я оказался бы не в состоянии оплатить счет за купленного в кредит верблюда. Во всяком случае, из писем консула Росси я узнал, что сначала, до перевода этой небольшой суммы, он намеревался переслать мне как раз столько же, но в конечном счете решил оставить дело как оно есть, и я не обнаружил ни малейшего следа ни от 1500 талеров, которыми раздражил мой аппетит муаллим Мухаммед, ни от тех 500, о которых упоминал Герхард Рольфс. Как ни нищи, оставалась лишь одна сумма, которой я был обязан своему другу и которую, по словам Хаджа Брахима бен Алуа, мне должен был передать Хадж Бу Бекр Бу Аима.

Тот странным образом ни звуком не обмолвился об этом поручении, а когда я через несколько дней послал к нему старого Катрунера с просьбой выдать ему на руки мою собственность, он отнюдь не оказался расположен тотчас же выполнить ее. Правда, охотно подтвердил, что получил в Мурзуке 300 талеров для передачи мне, но при этом утверждал, что Хадж Брахим наказал ему считать эту сумму в случае моей смерти или окончательного отъезда из Борну в качестве ссуды и употребить на торговые нужды. Поскольку же в течение нескольких месяцев почти никто не сомневался в моей смерти, то он считал себя вправе обратить мои деньги в рабов и в товары, которые в настоящий момент находились по дороге к Кано и к другим хаусанским рынкам. Тем не менее он будет искать и найдет пути и способы удовлетворить мои справедливые требования. Это было довольно обескураживающим известием и грозило уменьшением первоначальной суммы, ибо в подобных случаях должник старается погасить свой долг товарами, что нередко влечет за собой значительные потери из-за колебаний рыночных цен. При этом настойчиво распространялся слух, что предыдущий караван доставил мне большую сумму денег, но, сколько бы я ни расспрашивал его отдельных участников, я не мог обнаружить свидетельствовавших об этом фактов. Самым вероятным было то, что г-н Росси поручил Баттейху, триполитанскому чиновнику, отправлявшемуся с тем же караваном в Борну, чтобы спасти имущество своего умершего там родственника, выдать мне любой желаемый аванс. Я основывался на одном месте из письма Росси и на переданных мне высказываний этого чиновника; к сожалению, Баттейх тем временем умер, а в оставшихся после него бумагах не обнаружилось записей об этих поручениях и намерениях.

Естественно, что в первый же день я посетил шейха Омара, который принял меня больше чем с обычной сердечностью. Мне пришлось рассказать ему обо всем путешествии, описать скучное пребывание в Борку, неудачные набегии моих спутников и однообразие жизни кочевников. Я не забыл также выразить свою благодарность за дружественное в целом отношение ко мне улед-солиман и магарба и заверил снисходительного правителя, что эти беспокойные, причиняющие беду люди, несмотря на беззакония, творимые ими по отношению к его подданным, сохраняют ему постоянную преданность.

Поскольку вскоре ожидалось прибытие арабов, я поспешно занялся устройством своих денежных дел, ибо моя честь требовала

немедленной уплаты за купленного в кредит верблюда. Из круглых ста талеров, оставленных мною у шерифа ал-Медени, пятьдесят были израсходованы, в том числе двадцать талеров получил факих Адам, мой сосед и секретарь, за работу в моих интересах; таким образом, остальное поглотили хозяйственные расходы. Если учесть, что тридцати талеров оказалось достаточно для того, чтобы прокормить двух слуг и одну лошадь почти в течение целого года, а также заплатить соседке, которая приносит всю необходимую воду из колодца и дважды в день готовит, то нельзя не подивиться ни дешевизне жизни в Борну, ни расчетливости шерифа ал-Медени.

Те пятьдесят талеров, которые он смог мне вернуть, в моих руках стали несравненно быстрее. Десять талеров пришлось отдать Мала Абд ал-Кериму, который помимо той одежды, что он принес в первый день, доставил от своего щедрого хозяина еще двадцать *туркеди* для покрытия первых рыночных покупок и двух громадных баранов. Затем, принимая во внимание свою худобу, я снова стал ежедневно брать молоко у своей старой приятельницы Найджамат, запасся несколькими сотнями орехов гуру, купил несколько фунтов кофе, которого я был лишен уже давно, и даже позволил себе роскошь в виде двух фунтов сахара для употребления с оставшимся еще у меня небольшим запасом чая. Короче говоря, мне приходилось рассчитывать исключительно на те 300 талеров, которых у меня пока что не было. Если же вычесть из них 40 талеров за верблюда, а также расходы на покупку маленьких подарков для некоторых улед-солиман, то трудно было представить, каким образом я смогу осуществить новое путешествие.

Пока я не без труда старался вырвать у Хаджа Бу Анмы свои деньги, частично наличными, частично штуками хама (на чем, в общем, потерял не более двух процентов), по счастью, объявился еще один сын Хаджа ал-Хади из Катруна по имени Юнис с большим пакетом, доставленным для меня из Триполи. По требованию предусмотрительного посредника его передача имела место в присутствии муаллима Мухаммеда. Содержимое пакета состояло из писем из Триполи, которые были написаны раньше уже полученных мною, и из пятидесяти штук тонкого ситца, расписанного крупными цветами. Их просил продать г-н Росси в счет вышеупомянутой суммы, что принесло непредвиденный прирост к моей кассе примерно в сто талеров.

14 января в Дауерго пришел наш караван, и на следующее утро ожидалось его торжественное вступление. Бу Аиша и другие отдали своих лишних лошадей в распоряжение тех канемских арабов, у которых их не было, чтобы ознаменовать этот въезд арабскими конными играми перед дворцом шейха. Все прошло наилучшим образом, и моя статная гнедая лошадь, превосходившая большинство борнуанских лошадей по росту, ширине груди и темпераменту, вызвала всеобщее восхищение. Шейх принял беспокойных обитателей своих пограничных областей любезнее, чем они того заслуживали. Он превосходно угостил их, с привычной снисходительностью обошел их заигрывания с Вадаи и сказал, что, несмотря на это, хочет верить в их искреннюю

преданность, о чем свидетельствовал и я. Это последнее обстоятельство (хотя во время своего пребывания среди них я постоянно их порицал и осуждал) вызвало с их стороны полную ко мне благосклонность, а после того как я тут же уплатил Салиму бей Хаджу долг за верблюда, подарил почти всем на память разные мелочи и передал всему обществу в качестве подарка обоих полученных мною от шейха баранов, мой авторитет в их глазах очень вырос, и не один, я думаю, пожалел, что не он помог мне увидеть «белый свет».

Поскольку больше всего я был обязан Хазазу и высоко ценил его лояльность, то приложил много стараний, чтобы помочь вернуть ему лошадь, известную во всем Канеме своей резвостью и невзыскательностью. Он купил ее у *фугобо* Зезирти, но не успел еще получить, как ее украли и окольными путями доставили в конюшни наследного принца Аба Бу Бекра. Однако, поскольку этот последний решил не расставаться с лошадью (хотя поначалу его отец пообещал мне что-нибудь сделать, так как прямой отказ был не в его мягком характере), мне пришлось отступить от своего желания и подарить взамен доброму Хазазу свою гордую гнедую. Приведенную из Канема лошадь, почти обесцененную (на рынке за нее едва ли дали бы теперь пять талеров), я отдал шерифу ал-Медени, который по борнуанскому обычаю сумел так отлично ее «откормить» (это делается с помощью небольших, овальных пирогов из отрубей духна на пресной воде), что через несколько месяцев продал ее за пятьдесят талеров. Но щедрый шейх одарил меня не только за это животное, но и за подаренное Хазазу, так что я снова оказался владельцем двух превосходных лошадей.

К счастью, я тоже позаботился о том, чтобы доставить радость дружественному ко мне государю. Узнав за время своего длительного пребывания в Куке о его страсти к хитроумным механическим игрушкам и забавным физическим опытам, я в предвидении вторичного визита в Куку выписал из Европы собрание соответствующих предметов и те прибыли в превосходном состоянии. Это были волшебный фонарь с изумительными картинками, челнами, гусями и рыбами, которых можно было водить и выуживать с помощью магнитов; ротатор, стереоскоп, фараоновы змеи, муляжи, вогнутые и цилиндрические зеркала с картинками, производившими неожиданно комическое действие, и тому подобные чудеса, способные занять старого господина в течение нескольких месяцев. Гвоздем этого собрания был волшебный фонарь с его отлично подобранными и выполненными изображениями. Испробовав аппарат дома, чтобы быть уверенным в его полном успехе — здешние люди легко становятся недоверчивыми и подозрительными, — я однажды вечером отправился во дворец, куда было допущено лишь небольшое избранное общество принцев и сановников, чтобы после блестящего праздничного представления вручить драгоценный подарок. До полуночи раздавался громкий смех тучных придворных и веселое хихиканье довольного государя. Снова и снова приходилось мне демонстрировать корову, которая двигала головой и хвостом совершенно так, как это делали коровы в Борну, а также гордую лошадь, умеющую наострять

уши. Вслед за ними наибольший успех выпал на долю разевавших пасть гиены, льва и леопарда — больше всего нравилось, как и вообще людям, то, что было уже знакомо.

Кое-какие предметы из своей коллекции я приберег для будущих времен, а более мелкие подарил сановникам. Одну музыкальную шкатулку я продал за двадцать талеров Медени, а тот при посредничестве муаллима Мухаммеда немедля перепродал ее вдвое дороже. Для самого себя я оставил довольно много камфары, прилагавшейся к волшебному фонарю для получения более яркого освещения и игравшей в мусульманском мире, насколько я знал, большую роль в качестве лечебного и колдовского средства. Все, что я хотел сохранить, мне приходилось тщательно прятать от Ахмеда бен Брахима. Прежде он не удостоивал меня посещением. Теперь же, подозревая, что содержимое ящика еще не исчерпано, он стал являться ежедневно, в самое разное время, и увыв, если его зоркие глаза находили какой-то предмет, который казался ему желанным, он не успокаивался, пока не получал его. Поскольку он очень хорошо знал, что у меня не было ничего такого, что можно было бы непосредственно превратить на рынке в деньги, то свое главное внимание направлял на те предметы, которые мог бы привезти с собой в Нокену для увеселения своего господина, ибо благодаря угодливости и подобного рода мелким любезностям этот придворный попал в большую милость. Он обнаружил и выпросил у меня даже европейские брюки, хотя моя попытка выжать из него слоновые бивни закончилась немедленным отказом.

Первую неделю я занимался исключительно чтением газет и делал это в строго хронологическом порядке. Лишь прочтя три газеты за один и тот же день, но различных направлений и из разных стран, я переходил к следующим и таким образом вживался в тогдашние события. Единственным человеком в Куке, кто проявлял хоть какой-то интерес к этим мучительным конвульсиям чужого мира, был муаллим Мухаммед. Однако, руководствуясь чувством собственной непогрешимости, которое он не мог не приобрести в окружении, стоявшем гораздо ниже его по образованию, этот ученый господин был непоколебим в своих воззрениях и заблуждениях относительно европейских событий.

Он снова и снова заводил со мной разговор о великих державах, их положении по отношению друг к другу и о действительном соотношении их сил, однако не для того, чтобы поучиться, а скорее чтобы проявить свои знания. Шейх, хотя, по сути, он быстрее и лучше, чем кто-либо в его окружении, понимал далекие от его собственного мира условия, все больше и больше отстранял от себя все, что требовало серьезного и вдумчивого отношения; казалось, он способен целиком погрузиться в детские забавы, в то время как его придворные были неустойчивы в их подыскании.

В общественной жизни Борну между тем все оставалось по старому, т. е. повсюду наблюдался заметный упадок. При дворе, как и прежде, преобладали те же самые губительные влияния, и самое дурное влияние по-прежнему оказывал Ахмед бен Брахим. Для

добрейшего Ламино * не нашлось замены. В управлении большинством поселений, округов и племен, которым прежде занимался Ламино, шейх, из уважения к его памяти, утвердил его сына, Аба Хаджи (Абаджи). Но последний, не в пример отцу, оказался таким бессовестным человеком, что против него повсюду проявилось огромное недовольство. За короткое время его правления приходилось не раз урезать его полномочия, и чем больше их ограничивали, тем беспощаднее и бессмысленнее становились его вымогательства и насилия по отношению к оставшимся под его властью жертвам. В противоположность своему отцу, который в трудных случаях был для шейха верным помощником, он оказался легкомысленным мотом, так что его господину часто приходилось применять строгие меры, дабы заставить его соблюдать свои денежные обязательства. К тому же от шейха не могло укрыться то, о чем знал весь город, а именно, что Абаджи в данный момент был связан любовными узами с дочерью своего господина, принцессой Мабрукой. Подобно многим суданским женщинам, занимающим высокое положение, она превратила распущенность почти в ремесло. Он же для удовлетворения ее притязаний был безумно расточителен. Ахмед бен Брахим с искренним удовольствием наблюдал, как сын его врага катится по наклонной дорожке, ибо это давало ему надежду постепенно прибрать к своим рукам управление большинством арабских племен.

Этот год с обильными осадками был не особенно урожайным. Эпизоотия среди скота еще не утихла. Торговля была в упадке. Рынки опустели. Местные изделия отвезли в Кано и там быстро и выгодно продали, поскольку туда с Севера прибыло много купцов. В Куку же оттуда привезли те европейские товары, которые не удалось продать на хаусанских рынках и стоимость которых значительно возросла из-за перевозки. Бывали моменты, когда невозможно было купить ни фунга кофе, ни тарбуша или бурнуса, ни даже бритвы, ножниц, маленьких ручных зеркал, которые обычно тем более заполняют суданские рынки, чем ниже их качество. Это положение тщательно скрывали от шейха, который, казалось, смотрел только глазами своих придворных и слушал только их ушами. То, что требовалось ему самому, естественно, доставали — в крайнем случае в домах его сановников. Пока внутри страны росло всеобщее недовольство, на границах проявился открытый бунт. Подобно тому как в предыдущие годы язычники из Керрикери убили многих военных предводителей шейха, теперь дело, по-видимому, так же обстояло и в других местностях. Во время моей поездки в Борну Аба Бу Бекр, имевший к тому же славу храброго воина, предпринял поход против музгу. Хотя войско вернулось с добычей в виде небольшого числа рабов и скота, так что дело пытались представить успешным, рассказывали, что сам Аба Бу Бекр чудом спасся.

В настоящее время подготавливался поход против непокорных племен бахир, и от него ожидали меньшего успеха: личность его предводителя, принца Брахима, никак не могла внушить доверия.

* Высокопоставленный борнуанский чиновник, скоропостижно скончавшийся незадолго до этого (примеч. пер.).

Что касается моих собственных шансов, то я снова пытался представить шейху план путешествия в Вадаи. Но тот никак на него не соглашался, потому что и дорога туда не казалась ему достаточно безопасной, и отношения Борну с соседним государством не внушали желаемого доверия. Правда, война Вадаи против Багирми после падения Масеньи, бегства законного короля и назначения его преемника в лице Абд ар-Рахмана так или иначе завершилась примерно год назад. Положение побежденной страны было самым плачевным. Даже если король Али с частью своих войск и вернулся в Вадаи, ему все же пришлось оставить отряды для защиты бессильного Абд ар-Рахмана, так как бежавший король Мохаммеду, уверенный в поддержке своих подданных, все еще удерживался в селениях Багирми, лежащих на реке Шари, и нередко производил оттуда нападения. Таким образом, север страны по-прежнему являлся театром военных действий, переросших теперь в гражданскую войну, в то время как северные степи вплоть до Чада все больше и больше переходили в руки арабских племен, которые при всеобщем беспорядке не повиновались никому.

В самом Вадаи принципы управления, которым следовал молодой король, предпочтение, отдаваемое им чужеземцам и рабам, нарушение старых обычаев и его строгость привели к тому, что ядро населения, племена маба, больше боялось, нежели любило его (они, впрочем, считали узурпатором уже его отца). Постепенно в стране сложилась угрожающая обстановка. Нужно сказать, что отрицательное мнение о правителе, к которому при прохладных отношениях между Борну и Вадаи охотно прислушивались во влиятельных кругах Куки, исходило из ненадежных источников. Его распространяли люди, которые, подобно моему соседу факиху Адаму (он поддерживал законного, по мнению настоящих маба, претендента и поэтому жил в изгнании в Борну), были полны предубеждений и заинтересованы в том, чтобы в глазах Борну представить непрочным правление короля Али. К ним принадлежал в то время и факих Хамед из племени креда (в Бахр-эль-Газале). Его сестра, вдова короля Мухаммеда Шерифа, пыталась силой оружия посадить собственного сына на место сводного брата, т. е. короля Али, и была казнена по приказу этого последнего.

Я же, напротив, слышал от арабских купцов, посещавших Вадай, как покровительствовал король Али чужеземцам, способствуя развитию торговли и культуры в своей отсталой стране; как он старался установить дружественные отношения с арабами Канема и с туарегами (кель-ови), живущими на юго-востоке, чтобы обезопасить от их набегов жителей приграничных районов страны; как он приводил к порядку и законности своих грубых и непокорных подданных и путем военных походов пытался повысить авторитет своего правления за пределами страны. Сам я поэтому никак не мог поверить неблагоприятным сообщениям о положении в Вадаи, однако шейх Омар разделял неприязнь и недоверие своего народа к соседней стране. Знай он тогда, что сын одной из его сводных сестер, муаллим (или факих) Хабиб, с юных лет проживавший в Абеше, находится

в пути, чтобы по поручению короля Али предложить Борну дружественный союз, он, возможно, и одобрил бы мой план путешествия на восток. Когда в Куке было получено точное сообщение об этом посольстве, было уже слишком поздно менять мой план, предусматривающий посещение той части Багирми, которая все еще находилась в руках побежденного короля.

С тех пор как тот укрепился на Шари — вначале в Бугомане и Манджафе, позднее в Бусо, — наместник Борну в Гульфеи, дружественно к нему настроенный и высоко ценимый шейхом Омаром алифа Мохаммеду, обеспечивал его снабжение по водному пути. Поскольку он знал, что прибрежные жители оставались верны своему исконному правителю, то, не обращая внимания на отряды Абдар-Рахмана, мог на лодках доставлять тому запасы зерна, одежды и т. п. и тем самым создал условия для его длительного сопротивления. Основываясь на этой связи между Борну и военным лагерем изгнанного короля, я и разработал план его посещения и встретился при этом с гораздо меньшими, чем я ожидал, опасениями обычно столь робкого шейха. Он был так рад, что тот стойко продолжает сопротивление, а придворные сумели внушить шейху такую веру в его конечную победу, что он не предвидел никаких трудностей и опасностей в моей поездке. Когда же по всей стране распространился слух о том, что из языческих стран, более или менее зависящих от Багирми, к королю Мохаммеду прибывают тысячи всадников, то даже у меня едва ли остались сомнения в его конечной победе, и я видел в воображении, как вступаю вместе с ним в отвоеванную столицу. Шейх пообещал отдать наместнику Гульфеи строжайшие распоряжения насчет моей безопасной переправки, связал меня с кашеллой Бира, которому были поручены все дела борнуанского правительствa, касающиеся Багирми, и пообещал мне в качестве официального сопровождающего одного из своих телохранителей по имени Альмас. Тот попросил разрешения сопровождать меня, так же как в свое время он ездил с Герхардом Рольфсом в Мандару.

Альмас (т. е. драгоценный камень, жемчужина) был родом из южной части Борну. В детстве его привезли в качестве раба в Константинополь, но после смерти своего хозяина он снова стал свободным и еще молодым человеком вернулся на родину в числе лиц, сопровождавших Эдуарда Фогеля. Когда тот отправился в свое роковое путешествие в Вадаи, он оставил Альмаса, тогда весьма дельного парня, сторожить свое жилище и имущество. После смерти несчастного исследователя Альмас перешел на службу к шейху Омару. Сейчас это был мужчина в расцвете лет и чрезвычайно полезный человек. Будучи по природе умным, необычайно энергичным и подвижным, он являл собой пример одного из тех немногочисленных негров, которые извлекли пользу из своего длительного пребывания в Европе и после возвращения на родину. Прожив двадцать лет в окружении шейха, не лишенный наблюдательности и, таким образом, посвященный во все детали полной интриг придворной жизни в Куке, он уже давно служил мне в отдельных случаях

полезным советчиком. Шейх и *дигма* часто посылали его с поручениями в отдаленные провинции государства и нередко во время военных походов его придавали свите принцев или сановников. Вот почему он превосходно знал страну и ее людей и в какой-то степени смотрел на все глазами европейца. К тому же он был очень практичным человеком и великолепным поваром. Правда, его недостатки были не меньше, чем достоинства. Общась с придворной борнуанской знатью, он перенял их дурные свойства и был падок на удовольствия, порочен, высокомерен, корыстолюбив до бессовестности. При этом он не разделял добродушия большинства из них, а умел быть очень злым и язвительным, мстительным и жестоким. В общем и целом этот человек мог все же оказаться для меня неоценимым, главное же состояло в том, что его энергичная натура при праздной жизни в Куке в погоне за удовольствиями не погибла и что он оставался предприимчивым и мужественным.

Меня очень успокоило то, что я нашел этого многообещающего помощника, так как мои прежние слуги грозились оставить меня на произвол судьбы. Безалаберному Солиману я выплатил причитавшиеся ему двадцать талеров (он получал в месяц два талера) и уволил его. Он воспринял свое увольнение как нечто само собой разумеющееся, тут же купил себе блестящую черно-синюю тобу, *джоку* (шапочку), из тех, что нравятся канембу, и пару хаусанских туфель из желтой кожи. Довольный, он распрощался и поспешил прочь, чтобы в своем блестящем одеянии и с остатками денег провести несколько веселых недель в обществе ветреных красоток. Али из Мандары вскоре после того как мы отправились вместе с улед-солиман в Канем, вложил скромные доходы от своих воровских делишек в товары и уехал с ними на родину.

Таким образом, у меня оставались лишь марокканские слуги, но даже с ними судьба, как видно, хотела меня разлучить. Когда Хусейн и Хамму поступали ко мне на службу с неопределенным сроком, я дал им понять, что мои путешествия завершатся года через два. Но одна поездка в Борку заняла почти год, а теперь речь шла не просто о путешествии на восток или запад: я подготавливал поездку на юг, продолжительность которой трудно было определить, в языческие страны, где, как говорили, жители были каннибалами. Это обстоятельство, с которым не мог примириться особенно Хусейн, а также отодвигавшийся в какую-то неопределенную даль конец моего путешествия побудили обоих потребовать расчета. При всем моем желании я не мог за один раз пожертвовать более чем 100 талерами. Даже выплата половины их жалованья, что я им тщетно предлагал, грозила поставить меня в большое затруднение. Разрешение этой трудности, чему не могло помочь даже вмешательство умудренных опытом Бу Аиши и Медени, было найдено в конце концов благодаря великодушию или добродушию Хамму. Чтобы полностью удовлетворить притязания своего друга Хусейна, целиком его подавлявшего, он вызвался сопровождать меня к язычникам и каннибалам — жертва, которую Хусейн принял без большого сопротивления.

Вот так я заполучил назад своего самого непригодного, при всей его верности и привязанности, слугу и потерял при этом еще шестьдесят *бу теир*³³. Но мне пришлось примириться с этой не столь выгодной сделкой, чтобы в данный момент избежать дальнейшей потери наличных денег. Я уже тогда мог подсчитать, что, несмотря на всю экономию, из полученных трехсот талеров к началу поездки в Багирми останется не многим больше сорока. С таким-то вот скудным остатком, да еще с полученными от продажи ситца Росси ста талерами мне предстояло покрыть расходы на длительное путешествие, на подарки для короля, считавшегося более знатным, нежели правители Борну и Вадаи, выплатить жалованье слугам, которых еще предстояло нанять, и наконец оставить у шерифа ал-Медени некоторую сумму частично на свое собственное содержание после возвращения из Багирми, частично для пропитания и отправки домой остававшихся в моем доме людей.

Поскольку было очевидно, что столь скромных средств не хватит на все эти дела, я решил просить шейха Омара предоставить мне нескольких рабов. Я попросил у него, несмотря на наше отношение к рабству, двух мальчиков из его домашнего хозяйства, достаточно молодых, чтобы привыкнуть к моей необычной персоне, и достаточно взрослых, чтобы быть мне полезными. Шейх с обычной любезностью пошел навстречу моей просьбе и прислал мне сначала двенадцатилетнего мальчика из племени гамергу, родственного мандара и обитающего в Южном Борну. Тот явился однажды, трясаясь от страха и отвращения, в дом христианина, которого ему обрисовали как противное, презренное существо, и в первый день оказалось очень трудно успокоить его. Мальчик носил весьма распространенное в Борну имя Биллама (одновременно это титул главы поселения, деревенского старосты) и был очень мал для своего возраста, но выглядел умным и привлекательным, несмотря на прогнатизм и крошечный плоский нос.

Через несколько дней я получил второго раба, парня лет шестнадцати—семнадцати, чей отец был смешанной крови феллата, а мать принадлежала к племени марги. Поскольку родители были отпущены на свободу и жили в Магоммери, то Мохаммеду — так звали молодого человека — не подозревал о своем рабском состоянии, пока его однажды не привезли в Куку. Он говорил только на языке канури, научился немножко читать и писать и был фанатически настроенным мусульманином. Тогда как у Билламы цвет кожи был скорее серо-черный, у него он переходил в красноватый. Его прогнатизм, умеренно выступающие губы, широкий рот и большие уши также не производили неприятного впечатления, ибо у него был хороший рост, широкий лоб и живые, умные глаза.

В то время как Биллама при вступлении на службу испытывал ко мне лишь неопределенный страх и антипатию, приобретенные им из суждений людей о христианах, Мохаммеду был уже полон сознательного отвращения к своему неверующему господину. Я по-хорошему объяснил ему, что, хотя шейх определил его ко мне на службу, ему не следует относить себя к рабам, потому что мы, хри-

стиане, считаем рабство непозволительным и что поэтому он может бежать, когда захочет.

После получения обоих мальчиков, которые проявили себя в работе чрезвычайно услужливыми и ловкими, мое положение стало гораздо легче. Теперь у меня было трое слуг (правда, отчасти слишком молодых), которым не нужно было платить. С ними и с Альмасом я мог без опасения начинать новое путешествие. В это время прибыл триполитанский купец с большим выбором западных товаров. Он нашел рынок в Куке малообещающим и начал опасаться, что не сумеет продать свои товары и не успеет обратить взятые в Кано деньги в предметы вывоза. Из таких товаров в большом количестве и недорого можно было получить только рабов. Но поскольку в настоящее время они стали для Триполи несколько сомнительным товаром, он предложил дать мне необходимую ссуду. Он довольствовался даже 100 %, правда, при том условии, что третью часть нужной мне суммы я возьму товарами. Таким образом, я получил за долговое обязательство в триста талеров сто *бу теир* в наличных деньгах и пятьдесят в товарах, хотя и очень дорогих. Тем временем были проданы и три моих верблюда за общую сумму в шестьдесят талеров, так что я мог считать, что обеспечил себя средствами для поездки в Багирми.

Поняв это, я успокоился и с помощью Медени принялся за подготовку снаряжения. Это заняло, правда, больше времени, чем хотелось бы, так как мы долго и безуспешно искали приличный бурнус, не могли найти ни платков из красной шерсти, какими тамошние всадники охотно пользуются в качестве перевязи, ни муслина для тюрбанов, ни тарбуша и даже орехов гуро. Правда, караван, пришедший в последние дни января из Кано, доставил эти орехи, а также кожаные изделия из хаусанских городов, но из европейских товаров были только неотбеленные и отбеленные ситцы. К тому же у самого Медени было столько собственных забот, что ему подчас было некогда и неохота беспокоиться о моих делах. Помимо того, мне снова приходилось так экономить, что он ничего не мог заработать на комиссионных. Как-то я застал его в большом волнении по поводу грозившего ему брака, которого, как он боялся, ему не удастся избежать, а также вытекающих отсюда расходов. Один уважаемый в городе человек предложил ему в жены свою дочь. С одной стороны, Медени не решался отклонить почетное предложение, в то время как, с другой стороны, из-за его болезненности и бедности женитьба представлялась ему в высшей степени нежелательной.

Он объяснил мне, что затраты на свадьбу, включая одежду для молодой жены, животных для праздничного угощения, несколько сот орехов гуро для раздачи гостям, подарок тестю и т. п., составят по крайней мере пятьдесят талеров, но, возможно, и превысят эту сумму. Я присутствовал при том, как он просил посредника подумать, что он, разочарованный всевозможными несчастьями и постоянными болезнями, не составит приятного общества для молодой женщины, что он никак не допустит свободы, разрешаемой ей в Куке обычаями,

и не позволит ей ни выходить самой, ни принимать гостей из родительской семьи и еще многое в этом роде. Все это не принесло никаких плодов, напротив, посланный заверил, что этому господину нравилась именно такая строгость нравов и что поэтому-то он и желает этого союза. Бедному шерифу пришлось покориться неприятной необходимости и добавить к всевозможным заботам, которые висели на нем, еще и эту.

Только теперь я с неподдельным интересом углубился в содержание присланных газет, написал отчет о путешествии в Борну и занялся усердными поисками других, не известных мне до сих пор источников по истории страны. Для этого я нанял на долгий срок, несмотря на свои ограниченные средства, двух бедных ученых, которым было поручено особенно тщательно вести поиски записей так называемого *масфармы* — этот титул мне никто не мог разъяснить, несмотря на то что им пользовались образованные люди, — Омара бен Османа, которого чаще коротко называли *масфарма* Османи. Однажды я уж было подумал, что получил через одного принца нынешней династии фрагмент этой, возможно, самой старой хроники Борну, но вскоре выяснилось, что названный документ относится к более позднему сочинению имама Ахмеда, который написал историю правления короля Идриса Алаома, ставшую известной благодаря Барту. Все были убеждены в том, что хроника *масфармы* существует. Все о ней слышали. Но никто ее не видел. Шейх был настолько добр, что написал об искомой книге нескольким старинным семьям, которые были тесно связаны с прежними династиями. Я сам разыскивал ее по всей стране, назначил довольно высокую цену в пять талеров за ее находку — все напрасно. Все отрицали, что владеют ею, одни, вероятно, совершенно правдиво, но другие, возможно, потому, что хотели сберечь в тайне эту историю прежнего величия Борну, храня верность свергнутой династии.

Охота за этой книгой часто приводила меня к шейху, и я неоднократно заставлял его в той части дворца, которую прежде не знал. Она представляла для меня большой интерес. В северо-восточной угловой башне его дворца находился большой, устланный коврами покой. Туда вела лестница из утрамбованной земли, и там шейх размещал собрание оружия. Я насчитал здесь несколько сот хорошо обработанных, содержащихся в необыкновенной чистоте ружей, в большинстве двустволок и много кремневых. В соседнем помещении он хранил самые ценные экземпляры своего личного оружия, главным образом английские ружья, подарки различных экспедиций и путешествующих купцов, превосходные револьверы и оружие, заряжающееся с казенной части, большинства новейших систем. Это было прекрасное и дорогое собрание, так что при всей любви шейха к новым изобретениям я никак не мог понять, каким образом он его собрал. Там же красовались и местные игольчатые ружья.

Мои приготовления были закончены, когда к концу подходил уже февраль. Отъезд был назначен на последний день месяца. Я несказанно радовался этой поездке, которая обещала привести меня

в те края, о которых до Европы доходили лишь неопределенные слухи. Люди свергнутого короля Багирми прибыли с известием, что их повелитель некоторое время назад разбил свою главную квартиру в Буссо, на р. Шари, самой южной точке собственно территории Багирми, и намеревается отойти еще дальше к югу.

Канем и его жители

Границы и деление территории — Самая северная часть Канема, относящаяся к Сахаре. — Округ Манга. — Кочевые племена в округе Манга. — Собственно Канем — Округ Шитати и его долины. — Смешанное племя кадава. — Племена юро и орабба. — Вандава. — Округ Лиллоа и его долины. — Догорда и их пальмовые рощи — Долины хавалла. — Долины чироа. — Долины кумосоалла и улед-салим. — Далатоа в Мао и в Ягуббери. — Местность между Мао и Гала. — Город Гала, принадлежащий кубури. — Округ тунджуров. — Окрестности Анчали и Металлы — Округ, населенный даноа. — Нгиджем и другие остатки булала — Северо-восточная кромка Чада. — Подразделения канури и канембу в Канеме. — Общий обзор составных элементов населения. — Первоначальное местожительство и постепенное продвижение племен к югу. — Тубу и канембу. — Племя томагера. — Роль теда и дизи к моменту основания государства Канем. — Кочевники и оседлые. — Сравнение канембу с тубу и канури. — Арабские элементы. — Попытка численной оценки различных племен.

Прежде чем вторично расстаться с Борну и его радушным населением и во время предстоящего путешествия по Багирми обратить свое внимание на новые области и народы, будет не лишним сделать общий обзор той центральносуданской равнины (с ее населением), которая охватывает бассейн Чада и примыкающие к нему области. Я начну с Канема, поскольку к этой области относятся предыдущие главы, поскольку там первоначально сложилась держава Борну и отсюда начинались передвижения людских масс, которые придали всему нынешнему населению берегов Чада его пестрый и подчас весьма сложный облик.

Западная граница Канема, взятого в самом широком смысле слова, проходит по дороге, связывающей Кавар с северной оконечностью Чада, тогда как его северная граница совпадает с линией, которая соединяет расположенный на этой дороге колодец Бельга-шифари с водной стоянкой Бирфо, где мы побывали во время поездки в Борну. От Бирфо северо-восточная граница ведет примерно параллельно котловине Эген в юго-восточном направлении через колодец Киллори (арабск. Бу Фумин) к Бахр-эль-Газалю, но не доходит до него. Юго-восточная граница проходит затем вдоль него на юго-запад вплоть до крайней юго-восточной части Чада, и наконец юго-западная граница совпадает с северо-восточным берегом самого озера. Границы эти образуют пятиугольник с приблизительно площадью от 70 до 80 тыс. кв. км и включают как долины с оседлым населением, так и колодцы и пастбишные угодья, которые периодически посещают кочевники Канема.

Часть территории, охватывающая поселения и долины оседлого населения и постоянные стоянки кочевников, составляет самое большее треть общей площади Канема. Ее северная граница совпадает с северным краем Шитати и Лиллоа, восточная граница с линией, которая ведет из самых восточных долин Лиллоа в юго-юго-западном направлении к тому месту, где Бахр-эль-Газаль выходит из Чада, а юго-западная граница — с берегом этого последнего. Этот собственно Канем образует треугольник, основанием которого служит берег озера и где, в свою очередь, в местном употреблении лишь юго-восточная часть носит то название, которое мы используем по отношению к целому. К северу от этого собственно Канема, примерно с северо-запада на юго-восток, протянулся округ Манга, поверхность которого понемногу повышается от берегов Чада, постепенно понижаясь одновременно в северо-восточном направлении, в сторону котловины Эгеи. Манга, представляя собой широкий и плоский гребень, образует естественную границу собственно Канема. Я проехал эту область в различных направлениях. Мне осталась неизвестной лишь та часть ее территории, простирающаяся вдоль северо-восточного берега Чада, которая является самой важной для установления границ озера и наиболее интересной для выяснения соотношения различных групп населения.

Бирфо, на северной границе, лежит приблизительно на широте Бельгашифари. Между ними, примерно на одинаковом друг от друга расстоянии, находится ряд колодцев. От Бедуарама на борнуанской дороге, которое обычно называют также Бельгашифари, попадают к тому колодцу, к которому собственно и относится это название, от него к Бир-Си-Али, затем к Фиркаши, Кедери, Дири и Бирфо. Отрезок границы, заключенной между округом Манга и идущей параллельно с ним Эгеи, представляет собой слегка пересеченную, безлесную, поросшую травой степь шириной около 100 километров.

Примерно такое же расстояние лежит между Бир-Кедела-Воати и колодцем Соладо в Эгеи и между колодцем Хаши в Эгеи и Киллори (арабск. Бу Фумин) в Манге. Эта местность по рельефу и растительности относится к пустыне. Территория округа Манга, шириной от 70 до 80 км, прорезана продолговатыми долинами в форме котловин. На ней встречаются редкие акации, а холмы не столь живописны и правильно расположены.

Манга отличается от округов Канема в собственном смысле слова более неправильной и менее протяженной системой долин и, вследствие этого, меньшими запасами воды. Его северо-западная часть оказывается в менее благоприятном географическом положении, нежели юго-восточная. Этот округ пересекает пятнадцатая параллель, образующая примерную границу между полной степью и лесостепью — впрочем, еще очень похожей на степь областью собственно Канема. Дальше в юго-восточной части Канема она отрезает Эгеи, а к северу от нее Бахр-эль-Газаль утрачивает характер речной долины. В этой местности дело обстоит так же, как по дороге из Кавара в Борну, где переход от пустыни к степи и от нее к про-

странствам с более богатой растительностью, получающим свою долю регулярных летних дождей, происходит постепенно.

Северо-западные колодцы Манги посещают кочующие вокруг племена, которые обычно обитают южнее и ближе к борнуанской дороге, а юго-западные — кочевники из Лиллоа. Отдельные долины, богатые подпочвенной водой, иногда обрабатывают даноа, которые прежде, по-видимому, владели этой местностью. Колодцы на дне долин в среднем, как кажется, имеют в глубину от восьми до десяти метров. Пастбища и колодцы Манги тоже, естественно, посещаются кочевниками, обитающими обычно в Шитати. Иногда они отправляются на пастбища в Эген либо участвуют в каких-либо военных предпринятиях, поскольку подобные стоянки по своей природе вообще не могут представлять такого исключительного владения, как участки, благоприятные для земледелия. Тем не менее собственно хозяевами различных округов и долин признаются определенные племена и подразделения племен, которые в известной степени считают их своей родиной.

В самой северо-западной части Манги мы сначала встречаем гунда — отдел одноименного племени в Тибести, где из их среды еще недавно вышел второй глава страны и где они по историческому положению считаются равноправными с томагера. Гунда Канема владеют умеренным числом верблюдов, немногочисленными коровами и лошадьми и пасут их на пастбищах на западе вплоть до борнуанской дороги и на севере вплоть до Агадема. Их вождем в мое время был Кусуо Кореми, чье имя арабы исковеркали на Коса и чей значительный авторитет никак не соотносился с его бесконечно малой действительной властью. Это проистекает отчасти из исторического значения племени, отчасти из его собственного авторитета, а также из личных свойств его предшественника и дяди Махамеи, который имел столько сторонников, что мог проводить успешные нападения на области туарегов и угрожать Кавару. Вместе с гунда пасут скот некоторые атерета, прежние хозяева Джина в Борку, а также куджа и неддиа, подразделения племени ворда, родственники которых, ворда суккома, живут невдалеке от Мондо.

Дальше уроженцами северо-западной Манги являются озимма — подразделение племени юроа, которое считает своей собственностью Луру, Рехи, Юнко и Мадерде. Их территорию мне не удалось установить, но они охотно держатся поблизости от Бельгашифари. Туда же относятся йорюмма, которые говорят, что некогда пришли из Бахр-эль-Газала и Эген и были подразделением даза секерда. Они состоят из отделов томмюльма и каджелюа.

Перечисленные племена редко заходят в собственно Канем, с которым мы здесь в основном имеем дело и который благодаря благоприятным земельным условиям обеспечивает средства для существования значительного населения. Некогда он играл выдающуюся роль в истории областей внутренней части Африки и явился отправной точкой при образовании державы Борну. В своей северной части (Шитати, Лиллоа и т. д.) он принадлежит кочевникам, тогда как в южной части (несколько южнее 14° северной широты) преоб-

ладает оседлое население. Эта последняя часть является именно той областью, которая в самой стране считается по преимуществу Канемом и вместе со своей столицей Мао в политическом отношении теперь так или иначе принадлежит Вадаи.

Рассмотрим вначале Шитати, которое составляет северо-западную часть данной области. На западе этот округ не доходит до северной оконечности Чада, а начинается лишь к востоку от 14° восточной долготы и простирается к востоку немного дальше 15° . Эта местность имеет овальную, вытянутую в длину с запада на восток форму. Матэн эль-Милах, который мы проезжали дважды, к ней уже не относится, так же как долины Диди, Адуглиа, Одеро и Согор, которые мы посетили на обратном пути. Протяженность его в длину достигает по меньшей мере 100 километров, наибольшая ширина с севера на юг — примерно вполовину меньше. Возвращаясь в Борну, мы приблизительно придерживались первого направления от Бир ал-Барка на востоке до Бороди на западе. Местность богата долинами, которые частично имеют округлую форму, а частично представляют овал, вытянутый обычно с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Хотя арабы и называют их *вади*, а даза *эннери*, это нельзя понимать в прямом смысле, ибо они со всех сторон закрыты.

К востоку долины встречаются все чаще и становятся богаче подпочвенной водой, а значит, более пригодны для земледелия. Некоторые глубоко врезаются в поверхность, подобно Белинде и Бельджиджи; другие представляют собой плоские ложины, какие мы видели в Вагиме. Колодцы в целом менее глубоки, нежели в Манге. Земледелие в долинах имеет весьма ненадежный характер. Используется только вода от редких дождей и реже от искусственного орошения из колодцев с журавлем — *шаттатир*. В самом глубоком месте на дне долины находятся колодезные скважины, однако в некоторых, например Йиги, Боро и др., большая часть дна занята натроновым озером³⁴. Уровень воды в нем меняется в зависимости от количества дождей и от уровня Чада. Окружающая пересеченная и холмистая местность в верхнем слое имеет песчаную почву, ниже в долинах выступает серая глина. Свободные от воды участки дна покрыты густым лесом и, когда смотришь на них с края долины, производят полное впечатление оазиса в пустыне, хотя окружающая местность вовсе не лишена деревьев. Однако эти деревья более жалки, разрозненны и представлены акацией сайяль, карадом, хеджлиджем, серрахом, сиваком, ошаром и тундубом. В долине они не только растут лучше, но к ним добавляются еще пальмы дум, различные виды акаций, андераб, курна и кое-где фикусовые деревья. Все они увешаны вьющимися, ползучими и цепляющимися растениями. В отношении растительности долины Шитати также, должно быть, отстают от тех, что расположены дальше к востоку и юго-востоку.

Общее число тех долин Шитати, где люди живут постоянно или временно, превышает пятьдесят. Я попытался установить местоположение долин, которые мне удалось увидеть, либо получить о них сведения, связав их с моим маршрутом, причем, естественно, неиз-

бежны многие неточности. В более многочисленных восточных долинах мы обнаружили в качестве преобладающего населения кадава и наряду с ними юроа, орабба и даноа. При этом я, разумеется, не говорю о переселившихся туда позднее улед-солиман, которые претендуют на главенство над всей местностью.

Кадава, или кадива, состояли из одного племени канембу — диббири, которое не последовало примеру остальных канембу, постепенно передвигавшихся на юг, а поселилось вместе с йире — одним из племен даза — и постепенно переняло его образ жизни, обычаи и язык. Хотя смешение этих двух элементов было неизбежным, тем не менее племя еще и сегодня делится на два подразделения, одно из которых по преимуществу включает составные части канембу, а другое — даза. Первые называются фуго меа (т. е. потомки фуго, отчего возникло арабское название фугабу) и тем самым подчеркивают свое происхождение от канембу. Вторые зовутся зазиртиа (т. е. люди Зезирти), вероятно по имени предводителя, возглавлявшего людей йире ко времени объединения двух племен. Как кажется, составные элементы канембу более многочисленны. Своим родоначальником они считают благочестивого человека, жившего во времена державы Борну, имевшего сан *кади*, по которому в конце концов и было названо все племя (кадива, кадава). Однако более деятельные и в качестве кочевников более знатные даза постепенно добились превосходства, так что лишь немногочисленные слабые элементы остаются приверженны оседлому образу жизни, и в племени теперь пользуются исключительно языком даза. Когда я посетил зезиртиа, они подчинялись авторитету Барки Халуфа, который, хотя и не был наследственным главой и даже, как говорили, по своему происхождению вообще не принадлежал к племени, поднялся благодаря своим личным свойствам до действительного руководителя всего племени. Фуго меа возглавлял *фугобо* Коббер. Кадава населяют северо-восточную часть Шитати, где больше всего долин, и в соответствии со своей первоначальной канембуской природой многие из них используют под земледелие. Правда, что касается их самих, то они строго придерживаются гордого кочевого духа, но почти во всех долинах у них имеются родственники или клиенты — более или менее чистые канембу, которые занимаются необходимым земледелием. Вместе с кадава живут отдельные элементы маленького, относящегося к теда, племени мада, чья родина находится в Ту, а также бени-хасен, входящие в племена арабов шоа. В Борну они более многочисленны, тогда как их отбившиеся от своих группы низведены в Канеме до жалкого положения зависимости от даза.

Помимо кадава юго-восточными долинами в Шитати — Бельджи, Эрга, Ура, Клитен, Ганаза и Калие — владеют юроа (в то время под предводительством *кеделы* Акида), которые в качестве родственников догорда якобы происходят из Вуна в Борку. Орабба (тогда под предводительством *кеделы* Джоли), племя, первоначально имевшее «чистокровное» происхождение от даза, но затем воспринявшее частично элементы канембу и ставшее оседлым,

обрабатывают землю и пасут скот в крупных долинах Кау, Кулайя, Доса и Угелум. Они говорят, что первоначально владели юго-восточной частью Манги. Подобно тому как разрозненные элементы канембу (их называют хаммедж) остаются вопреки натиску даза во всех долинах, где они первоначально жили, и под их защитой занимаются земледелием, перенятым ими от своих предков, так в Шитати и в юго-восточной части Манги существуют различные долины, которые кормят немногочисленных даноа. Они тоже живут под защитой более крупных племен, и мы обнаружили их обрабатывающими землю в долине Маиназа под властью кадава и в долине Ганаза под властью юроа.

Западной частью Шитати владеют вандала; по своей численности и территории наряду с кадава они — важнейшие кочевые племена Канема. Их прежними основными стоянками считаются водопой и пастбища, расположенные между Бифро и Бельгашифари.

Ко времени моей поездки в Канем они распались на людей *кеделы* Зезирти, сына Нахери и людей *кеделы* Токои и кочевали на севере до Манги, на юге вплоть до берега Чада и на западе до борнуанской дороги. Прежде они владели исключительно верблюдами, но их поголовье постепенно уменьшилось и этих животных заменили стада крупного рогатого скота. Тем самым их кочевой образ жизни, естественно, оказался заключенным в более узкие рамки, так что кое-где они обнаруживают даже склонность к оседлой жизни. Из-за своего местоположения, подверженного нападениям туарегов, из-за преследований со стороны улед-солиман, превосходства соседних кадава, возглавляемых Халуфом и, наконец, из-за своей любви к плодам по крайней мере наполовину оседлой жизни многие составные части племени уже переселились в Борну, к своим родственникам в Каджеле, к северу от Комадугу-Йобе.

Если отправиться из восточной части Шитати (Бир-ал-Барка) на восток-юго-восток, то за умеренный дневной переход попадаешь в самую западную часть Лиллоа, долину Медели. За ней к востоку следуют, как мы это увидели в поездке, долины Афо, Ако и Гиссеги, а оттуда к северо-востоку Балади, Курнайя, Терета и Коу. Двигаясь из этой последней к югу, попадаешь в долину Келенка, отделенную от нее лишь складкой местности, а к востоку от нее проезжаешь еще ряд похожих, но менее плодородных долин без постоянного населения и через день пути попадаешь к колодцу Элени (арабск. Эззеген).

По ту сторону от него система долин продолжается до колодца Кара, куда попадаешь еще через два дневных перехода и где вода якобы бьет на глубине примерно в четыре сажени, пробиваясь сквозь тонкий каменный пласт, находящийся под слоем глины. Между Кара и колодцем Аурак (арабск. Урак) за хороший полдневный переход якобы пересекаешь восемь схожих долин, и от последней из них через полтора дня пути наконец попадаешь в Бахр-эль-Газаль, в нескольких часах пути к юго-западу от колодца Соладо Унеки. Направление пути между отдельными стоянками отклоняется, по-видимому, в различной степени от восточного к северному.

Во время нашей вылазки из долины Медели в юго-восточный Канем мы миновали долину Джабор в нескольких часах пути к югу от нее. Если повернуть от этой последней на восток, пересечешь ряд долин, которые проходят почти параллельно с перечисленными выше и отделяются от них лишь узкой полосой более возвышенной местности. Таким образом попадаешь из южной части Медели в долину Багале, лежащую к востоку от Джабора, из Афо через ее южный край спускаешься в долину Маонг, а южнее Ако и Гиссеги лежат Тиллори и Инчона. К югу от этой цепи находятся долины Куги и Койолло, из которых последняя примыкает к Багале.

Названные долины, составляющие самую северную часть области Лиллоа, принадлежат догорда, над которыми точно так же властвуют магарба, как в Шитати улед-солиман распоряжаются кадава и прочими даза. Территория догорда имеет наибольшую протяженность с юго-запада на северо-восток, а ее долины направлены с севера на юг или с северо-востока на юго-запад; почти все они глубокие и при ограниченной ширине нередко занимают несколько часов пути в длину. Там зависимые канембу или оседлые элементы племени повсюду занимаются земледелием, либо с использованием только дождевой воды, либо с помощью колодцев с журавлем. Долины в Лиллоа знамениты обилием финиковых пальм. Однако в долинах, лежащих на крайнем северо-востоке, нет такого богатства. Даже в Медели, Афо и Ако растут лишь отдельные пальмы, в Гиссеги их насчитывается несколько больше. Но в остальных они растут в изобилии. Правда, плоды по своему качеству далеко уступают финикам Борку, но составляют необходимое подспорье в питании, тем более что их собирают дважды в год, в начале лета и осенью. Кроме пальм, здесь, как и во всей этой местности, в избытке растут колючие деревья и относительно богато представлена главным образом куерна. Из земледельческих культур помимо зерновых кое-где еще возделываются хлопчатник, табак и бобы.

Догорда, которые, как упоминалось, выводят свое происхождение из Вуна, издавна составляли многочисленное и знатное племя кочевников. В течение долгого времени оно оказывало упорное сопротивление улед-солиман, когда те обосновывались в Канеме. Как раз когда там находились Барт и Овервег, оно вело активную войну с арабами, и если первый из них в качестве тогдашнего их врага называет племя ворда, то, судя по моим точным сведениям, он заблуждается. Это и понятно, ибо в то время вождь догорда носил имя Ворде и благодаря своему личному значению мог, вероятно, дать повод арабам, питающим пристрастие к искажению имен, называть все племя его именем. Наследовавший Ворде вождь Лиззем пользовался не меньшей славой, однако незадолго до нашего приезда он погиб в борьбе с отрядами из Вадаи. Как я уже упоминал, как раз во время моего пребывания в их долинах шейх Абд ал-Джлиль пожаловал титулом *кодмала* молодого сына Ворде, Зезирти. Племя догорда делится на мусу (которым принадлежит большинство упомянутых долин); сендема (они являются хозяевами, например, в Маонге и Койолло); каджимма, абу хаджеа, абу горда и меделеа.

Последние первоначально не принадлежали к этому племени, а состояли из канембу и других оседлых зависимых, которые добились самостоятельного и почти равноправного положения благодаря способностям одного человека. Кавад Нджеме происходил из бакароа — одного из племен даза. Попавший в Лиллоа, он поднялся до положения вождя подразделения хаммедж племени догорда. По этой причине он носил не титул *кедела*, как остальные главы племен или вожди подразделений даза, а *меделе*, или *меле*, каковой употребляется в племенах с примесью элементов канембу и нередко дает арабам повод называть это племя общим и искаженным наименованием меделеа.

В Лиллоа живут кроме того орабба, которые отделились от своих родственников в Шитати и стали оседлыми. Вместе с кавада нджеме они образуют оседлые элементы догорда, которые сами, сохранившиеся в чистом виде, являются исключительно кочевниками.

Если повернуть к югу от группы долин Алали, лежащей на нашем пути в юго-восточный Канем, то попадаешь в долину Би, а оттуда к востоку — в долины Фаске и Думмель. Вместе с долиной Чира, лежащей южнее Би, и Вашеги, находящейся к югу от Думмеля, они образуют изобилующий финиковыми пальмами округ племени хавалла, чье название арабы обычно переделывают в фамалла. С хавалла дело обстоит примерно так же, как с орабба и с кавада нджеме, т. е. по происхождению они даза, но смешались с чужими элементами (канембу) и вследствие этого стали более или менее оседлыми. Правда, вместе с ними живут чистые хаммедж, занимающиеся земледелием, однако, как кажется, они и сами в последнее время хотят стать полностью оседлыми. В соответствии со смешанным характером племени они подчиняются своим *меделе*, и поэтому арабы часто называют их также меделеа, или медела. Они, в свою очередь, распадаются на подразделения анна, или анийа, с местонахождением в Тарфе, или Фаске, анкордеа, которым принадлежит самая большая и богатая финиками долина Вашеги, и дола, которые считают своей родиной Думмель. Все они пользуются исключительно языком даза.

К северо-востоку от Думмеля лежит Алтефу, откуда в том же направлении попадаешь в Вогару, Донко и Чир. Эти долины частично еще богаты финиковыми пальмами. По форме и направлению они одинаковы с долинами, принадлежащими догорда и хавалла. Все вместе они образуют округ племени чироа, которые являются почти чистыми канембу, хотя и переняли многое от окружающих их даза, что может вызвать сомнения относительно их природы. Они пользуются преимущественно языком канури, хотя владеют и языком дазага, подчиняются не *меделе*, как вышеназванные смешанные племена, а *фугобо*, подобно канембу, и ведут целиком оседлую жизнь. Помимо пальмовых рощ они владеют скромным поголовьем крупного и мелкого рогатого скота, но больше занимаются земледелием.

В полудневном переходе на восток от места обитания чироа лежит еще одна обширная долина с финиковыми пальмами, под

названием Тереда, с двумя селениями, где живут нореа (арабск. наварма) — одно из подразделений одноименного племени в Бахр-эль-Газале. Они стали оседлыми и, возможно, также смешались с чужими элементами, ибо их вождь носит теперь титул не *кедела*, а *мара*. Мне не удалось установить, из какого языка происходит этот титул. Далее в восточную сторону обитаемые долины не встречаются. После долины нореа в более или менее восточном направлении через полдня пути расположен колодец Тине. От него еще через день пути в том же направлении попадешь к колодцам Хаддара и Шеккарайа, а от этого последнего, который лежит якобы в одной из боковых долин Бахр-эль-Газала, еще через полдня добираться и до него самого.

По своей природе к Лиллоа относятся и лежащие южнее упомянутых долин округа. Они частично подчиняются непосредственно алифе из Мао, частично пока принадлежат кумосоалла. Самый северо-западный из них называется Куллакулла. В него можно попасть из Бельджиджи (в Шитати), пройдя полный день с караваном в восточном-юго-восточном направлении и миновав незадолго до нее колодец Дуггелькидда. Пройдя примерно полтора часа от Куллакулла в том же самом направлении, добираться до долин Алали, имеющих форму котловины. Те и другие богаты финиковыми пальмами и принадлежат *алифе*, а обрабатывают их его люди — хаммедж. Меньше чем через два часа пути к юго-юго-западу от группы Алали оказываешься в главной долине кумосоалла, которая протянулась с севера на юг и называется в своей северной половине Дельфеанга, а в южной — Йиги, хотя первоначально она, вероятно, носила лишь второе название. К западу от Алали и Йиги лежат другие долины, которые мы миновали при возвращении из поездки по юго-восточному Канему: Мафал, Вади-ал-Дагел, Гарка, Нгаддеги. Самая юго-западная из них, Мафал, принадлежит кумосоалла, остальные же — хаммедж; подчиняющимся власти *алифы*. Южнее Йиги лежит маленькая, но плодородная долина в форме котловины — Корофу, а к востоку от нее — овальная долина Фири. Обе они принадлежат кумосоалла. Поскольку это племя, в свою очередь, подчиняется *алифе*, то в административном отношении все эти долины относятся к территории Мао, в то время как по своей природе они тесно примыкают к долинам Лиллоа. Лежащие южнее Корофу и Фири долины Люггера и остальные, следующие за ними и принадлежащие улед-салим, а также находящиеся в одном или двух часах пути на восток от самой южной из последних долин Юно и Вачами должны быть, собственно, отнесены туда же. Однако в разговорах эта местность, подчиняющаяся власти *алифы*, исключается из округа Лиллоа.

Кумосоалла и улед-салим (тех и других именovali по одному неправильно образованному титулу их главы «людьми *каигаммы*»), со своей стороны, дают интересный пример смешения племен. В физическом отношении, особенно по цвету кожи, они стоят ближе к даза, нежели к канембу, говорят на языке даза, имеют зависимых хаммедж, занимающихся земледелием, владеют небольшим поголовьем

верблюдов и ведут кочевую жизнь, хотя и ограниченную тесными рамками. О преобладании в них черт даза свидетельствует не только язык, но и их подразделение дельфеа, вождь которого носит титул *кедела*, а также предание, выводящее их происхождение из Бахр-эль-Газала. Но то, что в них заложен чужеродный элемент, доказывает, помимо общего мнения соседей, еще и чуждый даза титул вождя — *кумо*, который и дал название всему племени и сначала якобы звучал как *кима*. Исходя из полученных мной сведений, я склоняюсь к предположению, что они возникли от смешения даза и булала. Улед-салим также подчиняются *кумо*, или *кима*, и, таким образом, вероятно, образуют с кумосоалла одну группу.

Наконец муаллемин, восточные соседи улед-салим, по-видимому, состоят из различных групп даза, которые сообща осели в Вачами, или Вашами. Среди них преобладают якобы нореа, но нередко встречаются и вышеупомянутые озимма, ибо они в то время имели даже особого *кеделу* по имени Дехен, одного из сыновей Зезирти, сына Зура.

К югу от кумосоалла и улед-салим лежит собственно округ Мао. В долинах и непосредственной близости от Мао (на северо-западе это Джунгу, Гумзо, Сантара и на северо-востоке — Делли) все еще произрастают, за исключением Делли, финиковые пальмы. Зависимые хаммедж повелителя Мао (Джугу, Гумзо) либо живут там постоянно, либо по крайней мере регулярно их обрабатывают (Сантара, Делли). В самом Мао живут далатоа, ведущие свое происхождение, как уже говорилось, от одного раба, который в прежние времена был назначен наместником Канема; поэтому они, собственно говоря, не знатного рода. Однако из этого обстоятельства нельзя делать вывод, что они играют подчиненную роль среди жителей Канема. Далатоа по своему положению всегда были такими уважаемыми людьми, что могли претендовать на браки со свободными, и браки эти случались очень часто, особенно с канури. Их можно теперь считать подобными магоми Канема. Живут они помимо Мао в Ягуббери и лежащей к юго-западу от него Металле с прилегающим к ней Мортоту. Однако, хотя округ с центром Металла, простирающийся на северо-восток до Анчалл, на юго-запад до Нгури и на юг до Тефе, первоначально носил название Дала, это не имеет ничего общего с далатоа, а происходит от названия прежде здесь проживавшего племени далава.

Местность к югу от Мао далеко не так богата долинами, как Лиллоа. Имеющиеся долины неглубоки и отличаются менее пышной растительностью, чем долины догорда или кумосоалла. Там не выращивают финиковые пальмы, но при регулярно выпадающем дожде высевают зерновые. На переходе от Мао до Ягуббери, занявшем часов пять — шесть, мы сначала миновали совершенно ровную, затем холмистую и пересеченную местность, и только в непосредственной близости от цели долина Кулоло отдаленно напоминала нам роскошь долин Лиллоа. Восточнее этого отрезка, по пути из Мао в Мондо, мы обнаружили Калилуа и Аллори, а к западу оттуда долину Сугулле — все с населением даза из племени бакароа.

В хорошем дневном переходе к востоку-северо-востоку от Мао лежат две долины Гуджер. Их населяют кука, которые на своей родине, на реке Бата в Вадаи и на озере Фитри, столетиями проживали вместе с булала и с ними же пришли в Канем. По дороге из Мао в Гунджер, но ближе к этому последнему округу некогда располагалась столица страны, знаменитое Нджими. Прежде чем попасть из Мондо в Южный, или Малый, Гунджер, нужно проехать три поселения племени бани-ваил (которое относится, возможно, к племенам шоа) в долинах Ханге, Курнака и Сайяль. К востоку от округов, населенных кука и бени-ваил, вплоть до Бахр-эль-Газалья лежит необитаемая местность.

К западу от Мао мы познакомились с рядом плодородных долин и с древним городом Канема Гала. Лишь половина этих долин (среди них Джугу) имеют ту же форму, что преобладает в долинах Лиллоа: продолговатую, вытянутую с севера на юг. Остальные представляют собой округлые лощины с расположенным в центре соленым озером. Это — Ройенду, Мопал, Биллангара и Аграрем. Лишь продолговатая долина Галы (Сара) выделяется своим озером с пресной водой, густо поросшим тростником. За исключением Джугу, ни в одной из долин не растут финиковые пальмы, однако почти все они богаты пресной подпочвенной водой, а долины с натроновым озером или болотом отличаются своими колодцами с журавлем и посевами зерновых, хлопчатника и овощей. Не считая трех первых, все долины, расположенные поблизости от Мао, населены, но, к сожалению, у меня пропали собранные мною сведения о племенной принадлежности их жителей. Где-то у меня лишь отмечено, что Биллангару и Сару населяют сарабу, потомки булала. Прежде, когда Канем, колыбель всей державы, еще процветал в качестве главной провинции Борну, местность вокруг Мао и Галы, собственно центр страны, определенно имела особенно плотное население.

Сам город Гала нам известен как одна из колоний кубури (канембу), в которой позднее возобладали магоми (канури). Жители расположенных дальше, к северу от Галы, долин Аджелум, Берата и т. д. состоят, по-видимому, из кумосоалла и канембу *алифы*, хотя мои опросы не принесли никаких определенных результатов. На дне почти всех этих долин расположено характерное натроновое озеро. К северо-западу от Галы простирается та бедная долинами равнина, которая дальше к северу отделяет Шитати от Лиллоа. На западе дня через полтора пути выходишь на берег озера, и примерно такое же расстояние оттуда до Вагимы, первой из долин Южного Шитати.

Юго-восточнее Ягуббери, города далатоа, следует Мондо, центр округа тунджуров, которым здесь в сторону Бахр-эль-Газалья заканчивается обитаемый Канем. Округ этот имеет вытянутую с северо-северо-востока на юго-юго-запад форму, а его многочисленные долины неглубоки, не столь правильной формы, как в Лиллоа и в Шитати, но богаты водой и пригодной для обработки земель благодаря постепенному понижению к начальной части Бахр-эль-Газалья. Как-то один человек из семьи вождей тунджуров перечислил мне

в своем округе около ста небольших селений, но эту информацию следует, конечно, принимать с большой осторожностью. Тем не менее эта местность, должно быть, относительно густо населена, а жители распределены по маленьким, зачастую состоящим всего из нескольких хижин селениям, разбросанным в долинах. Следует отметить среди этих селений одно, под названием Тунис. Тунджурь называли его так якобы в память о последней родине племени перед его переселением в Судан.

Об арабском происхождении этих интересных людей и об их переселении в Канем уже шла речь. Они стали совершенно оседлыми и, так как переселились раньше всех прочих арабов, больше, нежели другие чужеземцы, приспособились к жизни и установлениям уже обитавших здесь жителей (канембу), как на это указывает уже титул их главы — *фугобо*. Они подразделяются на девять семей, которые будут названы в другом месте.

К юго-западу от расположенного в этом же направлении первого поселения даноа — Нгури простирается небольшой, в полдня пути в поперечнике, округ, в котором прежде преобладало население канури и булала (отчасти дело обстоит так и теперь). Там мало характерных для остального Канема долин и имеется два более или менее значительных населенных пункта, где я побывал, — Анчали и Металла. В первом живет подразделение канури анчалибу, во втором — по преимуществу далатоа. В непосредственной близости оттуда, восточнее Анчали, лежит поселение бирадулл — подразделения канури, которое теперь почти вымерло в Канеме. К востоку от него находится селение Хамерайа, в котором живет также очень уменьшившееся в числе племя Бирива. Сразу же за Хамерайей в том же направлении следует селение Билладжилъ с остатками мелемиа, ведущих такой же образ жизни. К северо-северо-западу от Хамерайи в Фоккере некогда жили катероа (также канури), которые ныне совершенно исчезли, тогда как форабу в Фори, километрах в четырех севернее Металлы, еще кое-где сохранились. Разрозненные, но чистокровные буллау якобы еще сохранились в Маллеае неподалеку от Мондо. К западу от Мондо, в Башоме и Баше, они смешались с каджити (нечистокровными канембу) и с диабу (булала), получив соответственно названия нас («люди») меги и нас мешеми. Наконец улед-текеджи являются одним из подразделений, особенно близко стоящим к далатоа (которых, как уже говорилось, вообще не следует отделять от канури Канема). Его представители обнаружены также в упомянутой Хамерайе.

Из числа канембу, которые здесь не так четко выделяются среди остального населения, как на территории кочевников, ибо не отличаются от него языком, обычаями и образом жизни, мы находим теперь в самой Металле конку, прежде живших к северо-западу от нее. К канембу относятся и галабу, которые отделились от диб-бири, когда те еще не стали кадава, и живут в Гале, на расстоянии полдня пути от Металлы (уже за пределами рассматриваемого округа). Остальные племена канури и канембу Канема оказались

с течением времени вытесненными на самую крайнюю кромку лагуны Чада.

В местности, которая лежит к югу от Металлы и Мондо и населена подразделениями даноа и булала, мы попадаем на берег озера. Эта местность, которую преобладающие здесь даноа называют Бари, простирается с юго-востока на северо-запад вдоль берега озера и отделяется полосой в полдня пути от юго-восточной оконечности озера (того места, где из него выходит Бахр-эль-Газаль).

В нескольких часах пути к юго-западу от Металлы лежит Нгури, главный город даноа. Три долины, следующие в том же направлении и принадлежащие даноа, отделяют его от многолюдного, населенного нгиджем округа Дибелончи. Еще дальше, в ту же сторону по берегу озера следует ал-Гантура со смешанным населением даноа и нгиджем. К юго-западу от Нгури лежит Каллем, немного подальше в том же направлении — Чирори, на западе-юго-западе значительно ближе — Маде и неподалеку от него — Коколира. Все они представляют собой неглубокие, богатые водой и густо поросшие лесом долины, населенные даноа. К сожалению, порядок их расположения из полученных мною сведений не прояснился. Хотя внутренние распри и объединили в Нгури большую часть племени, ранее разбросанного по всему округу Бари, однако отдельные его поселения разбросаны по всей местности. Даже по дороге из Мондо в Алимари (занимающей два дня) ему принадлежат прилегающие прежде всего к Чаду долины ал-Безе, Акучаджи, Томази и ал-Хасен.

Даноа распадаются на даркауа, аригимма, или аригива, амедийа и бакароа. Они не имеют другого языка, кроме канури, и отличаются от окружающих их канембу только тем, что пользуются луком и стрелами. Живут они очень замкнуто в своих густо поросших лесом долинах и наряду с нгиджем являются в Канеме единственными, кто еще не полностью подчинился власти улед-солимана. В отношении уже упомянутой легенды о том, будто манга являются результатом смешения даноа с булала, интерес представляет тот факт, что племя манга (которое, правда, наряду с языком канури, как кажется, имеет и особое наречие и теперь, будучи значительным по численности, живет на реке Йоо в западном Борну) также пользуется луком и стрелами. Далее, подобно манга, которые для защиты своих селений помимо окружающей стены и рва возводят еще и трехметровую колючую изгородь толщиной в три метра, как об этом рассказывает Барт, даноа располагают свои деревни таким образом, что они окружены со всех сторон непроходимой зарослью. Мысль о том, что происхождение этих двух племен следует искать в округе Манга в Канеме, который сейчас почти необитаем, но все еще дает пристанище отдельным элементам даноа, хотя и выглядит маловероятной, но все же не совершенно невозможна. В этом случае пришлось бы признать, что при передвижении жителей пустыни к югу они также оказались вытеснены в этом же направлении, и в большинстве своем повернули в Борну, но частично закрепились в юго-восточном Канеме и здесь смешались с элементами булала.

Кое-где вместе с даноа небольшими группами живут нгиджем, которые считаются остатками булала. Их главное селение — Дибелончи. Другие остатки булала представлены подразделением тирра, которые в небольшом числе живут в Вотти (к юго-западу от Ягуббери и в половине дня пути к северо-западу от Металлы), а также разрозненными федда, обитающими в Джебадо и Башоме в окрестностях Металлы и Мондо. Все подразделение, носящее это имя (когда булала уже сыграли свою роль в Канеме), якобы переселилось к озеру Фитри. Бедде, которых тоже выдают за булала, все еще присутствуют в относительно большом числе в Нгури и в остальных долинах даноа. Однако их ближайшие родственники диабу, или далава, которые некогда дали округу Металла имя Дала, давно переселились на острова озера Чад, а уже упоминавшиеся сарабу, жившие в Сара, Биллангара и других долинах области Гала, почти исчезли. Как среди даноа, так и среди нгиджем живут многочисленные канембу, в особенности томагера, причем они не находятся в таком же зависимом положении, как хаммедж при кочевниках.

Относя названные здесь подразделения к числу булала, я в качестве гарантии их этнической принадлежности могу сослаться только на высказывания сведущих людей в Канеме. Сами они не отличаются сколько-нибудь заметно от окружающих племен (например, булала как таковые вообще не имеют каких-либо характерных признаков) и вместе с теми пользуются языком канури. Но едва ли возможно, чтобы такое племя, как булала, добившееся столь значительного политического могущества в провинции, которая была ему подвластна около столетия, не оставило никаких следов среди местного населения. Несколько веков назад это племя установило и распространило свою власть на территории у озера Фитри и у реки Бата среди кука и затем оказало столь сильное давление на соседних королей Канема, что в конце XIV в. весь Канем был потерян для правителей Борну. Лишь в конце XV в. эта провинция была вновь отвоевана, да и то булала часто вызывали там восстания.

Вступив в область Бари, мы приблизились к берегу Чада. Его описание должно пополнить обзор топографии Канема и пеструю картину распределения его населения. Поездка как можно ближе к озеру представляла бы громадное значение для установления его береговой линии. Уже в северной части она меняет свои очертания, а в юго-восточной, которая имеет четко выраженный лагунный характер, становится, по-видимому, еще более неопределенной. По этой причине мне не удалось восполнить удовлетворительными сведениями отсутствие возможности увидеть все самому. Что же касается средней и южной части северо-восточного побережья, то мои информанты никогда не были уверены, следует ли помещать то или иное селение уже на каком-либо острове или еще на берегу озера. Для многих селений, возможно, верно и то и другое, ибо плоские берега не образуют постоянной четкой линии, а меняются в течение всего года в зависимости от подъема или спада воды.

Если мы проследуем по берегу Чада от бухты Дабуа, попавшейся нам по пути из Борну в Канем, то сначала попадем в известное

местечко Бери, где живут сугурти — подразделение канембу, у которых побывал Барт. Оно расположено в хорошем полдневном переходе к западу от Матен-ал-Милаха. Оттуда за полдня добираться до Колого, также принадлежащего сугурти, а отсюда за то же самое время — в Кискаву, самое значительное поселение кубури в Канеме, которое, в свою очередь, отделено полдневным переходом в южном направлении от Матен-ал-Милаха. Затем берег Чада все больше и больше поворачивает к юго-востоку и, следуя в этом направлении полный день, попадаешь из Кискавы в Тальнгин, в прошлом населенный, но теперь оставленный подразделением канембу кункина, по-видимому, идентичным с кенания. Тальнгин, а тем самым и берег озера в какой-то мере были зафиксированы мною с помощью моих информантов, сообщивших, что через полтора дня хорошего пути из долины Шитати попадаешь в Чангу. Фули, расположенный, видимо, в небольшом дневном переходе к юго-востоку от Тальнгина, но на расстоянии нескольких часов пути от берега озера, первоначально принадлежал кубури. Теперь же они по большей части оставили его, и там якобы поселилась какая-то община канури. Между Тальнгином и Фули лежит область Сулу, которая неоднократно упоминается в борнуанских хрониках как находящаяся во владении ингеллега, одного из подразделений кункина. Но теперь она, по-видимому, не имеет сколько-нибудь значительного центра. Местоположение Фули удалось кое-как установить по указанию расстояния и направления, отделяющего его с одной стороны от Бир-ал-Барка, а с другой стороны от Галы. От первого до него добираться за два дневных перехода примерно в юго-западном направлении, так что в первый день привал делаешь в Канеме, ночеуешь в Вагиме и на второй день, после дневного привала в местечке Мойо, добираться до цели. От Галы его якобы отделяет полуторадневный переход.

Дальше к юго-востоку определять берег озера становится все трудней, и следующие населенные пункты и поселения, видимо, большую часть года лежат внутри лагуны. Следуя из Фули в юго-восточном или южном направлении, через полдня попадаешь якобы в Маннйу, населенную людьми одного из подразделений магоми (канури). Последние получили имя маннйау по названию поселения. Затем, как кажется, на таком же расстоянии, но в юго-восточном направлении следует ныне необитаемый Фором. Оттуда добираться до Джиггеля, подчиняющегося муаллиму Дугу и населенного людьми одного из подразделений магоми — нгальма дукко (дугу?), которые в сложных условиях Канема как-то сумели остаться многочисленными и процветающими. При сбивающем с толку обычае давать одинаковые названия горе, долине, племени, вождю и т. п. в одной и той же местности Джиггель называется также Нгальма Дукко (по жителям), или Дугу (по вождю), или еще Амберлей (по выдающейся личности этого племени). Отсюда через несколько часов пути в юго-восточном направлении якобы попадешь в Нгаллала, местожительство кашеллы Кине, главы будума, а еще через полдня — в Мальте, где пребывает Хадж Канембу, еще один вождь

будума. Дальше якобы на расстоянии небольшого дневного перехода лежит Киллирам, резиденция вождя кури, *кашиеллы* Тахира. От него на таком же расстоянии к юго-востоку — Массова, местопребывание *куку* (это старинный титул у кури, встречающийся уже в борнуанских хрониках). Между ними располагаются каджити, а южнее Массовы самую юго-восточную часть озера занимают острова племени кункина. Оба подразделения канембу уже давно оказались вытесненными на озерные острова из-за политических превратностей в Канеме.

Вместе с кури, но ближе всего к материку, а порою и на нем самом обитает будто бы оттесненное дальше всех к югу маленькое племя даза — аредда, которое проживает в поселениях ал-Асага, Делеат, Меделе, Каира и Бенетти и, естественно, не располагает территорией, чтобы вести на новой родине кочевой образ жизни своих предков.

Поскольку начиная с Фули все поселения, собственно, уже находятся в самой лагуне, то их правильнее было бы перечислить при описании Чада. Но их все же следовало упомянуть и здесь, так как они лежат недалеко от материка и тем самым в какой-то степени определяют береговую линию и в основном населены жителями Канема.

Таков Канем, древнее мусульманское государство во внутренней Африке. Просуществовав около пятисот лет, оно — под натиском надвигавшейся с востока новой силы в лице булала — оказалось вынужденным перенести центр тяжести в постепенно завоеванное Борну. Чтобы сохранить Канем, правителям Борну пришлось выдержать жестокие сражения. Но спустя еще четыреста лет они снова потеряли его.

Вот каково его нынешнее население. Между 14° и 15° северной широты, от 14° до 16° восточной долготы, с запада на восток простираются территории вандала, кадава и улед-солимана в округе Шитати и догорда и магарба в Лиллоа. Это главнейшие области кочевников, которые, однако, на склонах и на дне своих долин позволяют остаткам прежних хозяев страны, находящимся под их покровительством, заниматься необходимейшим земледелием. Сами они разводят как крупный рогатый скот, так и верблюдов, особенно племена с примесью чужих элементов, в то время как переселившиеся арабы заняты исключительно верблюдоводством, коров же держат только для употребления их мяса в пищу.

К югу и юго-востоку от кочевников находится самая густонаселенная местность этой области с постоянными поселениями. К югу от Лиллоа переходом к ней служат округа кумосоалла, происшедших от смешанных даза; хавалла, состоящих из перешедших к оседлому образу жизни людей племени даза; чироа, подразделения канембу, по крови и обычаям немного отличающихся от своих других родственников. Затем, в центре бывшей державы, в округах Мао и Ягубери следуют далатоа и магоми; возводящие себя к арабам тунджуры, которых до далатоа правители Борну назначали для охраны старой провинции в окрестностях Мондо; царский род кубури в ок-

руге Гала; остатки булала с сомнительными даноа в области Бари; а также подразделения канури и канембу вдоль берега озера. Последние, в виде жалких остатков некогда могущественного племени смогли пережить политические изменения, которым почти беспрерывно подвергался Канем.

Эта местность, заселенная оседлыми жителями, является тем Канемом, который работает и приносит доход, областью зернового хозяйства и богатого поголовья быков кури. Здесь же находятся и очаги скромной торговли, в которой нуждаются главным образом кочевники и которая иногда оживляется прибытием торговцев из Борну или Вадаи. Кочевники продают верблюдов за рубашки из Борну, на которые они затем выменивают зерно, украшения и лошадей. Купцы привозят борнуанские рубашки, женские шали и драгоценности (янтарь, кораллы) из соседних областей и взамен их увозят верблюдов и увозят страусовые перья и изредка слоновую кость, доставляемую из Чада.

Разбойным арабам эта часть страны и ее жители необходимы для получения предмета главной жизненной потребности — зерна; они и шадят их потому же, почему живут в мире со своими ближайшими соседями даза — чтобы иметь воинственных союзников и осведомленных в местной обстановке товарищей по набегам. Однако в отношении живущих по берегу Чада канури и канембу у них нет подобных причин быть снисходительными, и поэтому численность тех все время уменьшается. Они отходят либо на территорию Борну, либо на безопасные острова Чада. Даже живущие в Бери, у северной оконечности озера, сугурти все больше и больше переселяются к своим единокровным родственникам в Борну, так что на материке остался только царский род кубури, ведущий скромное существование.

При общем обзоре населения Канема прежде всего обращает на себя внимание постепенный отход его отдельных частей к югу. Все племена даза (за исключением кадава, в значительной степени смешанных с канембу) называют своей первоначальной родиной более северные области, а население канембу, преобладавшее в прежнем и в какой-то мере доступное нашему обозрению время, сохранилось на своих старых местах жительства лишь незначительно.

На то, что канембу в какое-то более раннее время тоже пришли с севера, вероятно, указывает само название Канем (которое они сами, все без исключения, дают своей родине), ибо слово «Канем» значит «страна юга» и образовано из слова *тубу арум* (*анюм*, или *анем*, т. е. «юг») с добавлением именного префикса *к*. Назвать свое местожительство страной юга могли лишь люди, происходившие из каких-то более северных областей. При обзоре племен *тубу* я постарался обосновать предположение, что их колыбелью было Тибести, или Ту, и что либо там, либо в Куфре нам следует искать исходный пункт могущества бардоа, которые вместе с другими переселившимися с севера элементами способствовали основанию государства Канем. Здесь уже находились канембу, ибо легендарный

царь Сеф³⁵, согласно хронике имама Ахмеда, основал там династию, правившую берберами, тубу, канембу и другими. Правда, определенных данных об их переселении нет, и, прежде чем осесть в самом Канеме, они, возможно, уже долгое время жили в богатых в то время водой низменностях Эгеи и Боделе, граничивших с ним на северо-востоке.

Однако в пользу того, что их собственная родина лежала дальше к северу, помимо значения слова Канем, говорит, вероятно, уже упоминавшаяся близкая связь между языком канембу, или канури, и языком тубу, из которых последний, как мы это видели, следует считать изначальным. В качестве еще одного доказательства глубоких изначальных связей между тубу и канембу и раннего продвижения этих последних на юг можно рассматривать поразительное распространение племени томагера и тот факт, что кубури — род вождей и подразделение канембу — в свою очередь, имеет подразделение, которое своим названием — боркубу — ясно указывает на более северное происхождение. Не приходится удивляться, что, подвергаясь на протяжении столетий воздействию измененных климатических и других жизненных условий, канембу постепенно приобрели своеобразие.

Среди племен тубу первыми в Канем добрались томагера. Это произошло, вероятно, раньше упомянутого и в какой-то мере исторически засвидетельствованного переселения с севера. По крайней мере их следует рассматривать как основную составную часть такого переселения, ибо они упоминаются в начальный период существования государства Канем. Со временем они в большинстве своем продвинулись на юг и полностью изменились. Борнуанская хроника называет их людьми кера. Это имя, возможно, указывает на их связь с креда в Бахр-эль-Газале, которые сами себя называли кара. Еще и сегодня они являются самым благородным племенем в Ту и Каваре, из которого, согласно закону, происходят главы обеих этих крошечных стран. В Канеме они теперь живут с канембу или считаются канембу, но кое-где они знают о своем происхождении от тубу.

Тот факт, что среди даноа существует даже подразделение с таким именем, которое, по всей видимости, является старейшим среди жителей Канема, показывает, на какую трансформацию и ассимиляцию они оказались способны. Но еще больше об этом свидетельствует тот факт, что в самом Борну они живут в качестве признанного племени канембу, но все же в какой-то мере сознавая свое родство с одноименным подразделением тубу, а также то, что из их числа происходят правители Мандары на крайнем юге и Мунио на крайнем севере, как об этом известно в Борну каждому. Барт даже считает несомненным, что они дали свое имя местности Демагирим в Борну.

Помимо томагера в Канеме, вероятно еще до многократно упоминавшегося переселения, появились коям, первоначальная принадлежность которых к тубу не может вызывать сомнений. Их прежнее местожительство к северу от Манги очень хорошо известно

даза *, так как кийе, еще и сегодня являющиеся основной составной частью коям под именем каи, уже в начальный период вновь основанного государства неоднократно поставляли правителям жен, и они же издавна составляли в Борну особое племя, еще в какой-то степени отличавшееся от переселившихся туда же позднее тубу. Появление в Канеме остальных племен тубу, очевидно, следует относить ко времени основного переселения и к еще более поздним периодам. Однако о том, что элементы тубу вообще были многочисленны среди мигрантов, говорит, помимо многих других данных, тот факт, что в обнаруженной Бартом хронике Борну вплоть до начала XIII столетия, когда правил Тсилим (Зельмаа) Бен Бекру (Бикору), матерями королей названы почти исключительно женщины тубу.

Это обстоятельство могло способствовать тому, что знатные семьи сефийя, которые выводили свое происхождение из Аравии и в чьих руках пребывала власть, смогли относительно долго сохранять светлый цвет кожи. Лишь тот самый Тсилим Бен Бекру, чья мать происходила из одного из племен канембу, диббири, недвусмысленно упоминается в качестве первого темнокожего правителя. Влиянием тубу можно также объяснить и упоминаемый Ибн Баттутой обычай правителей Канема пользоваться покрывалом для лица — лисамом, а также аристократическую форму правления, внешние атрибуты которого сохранялись в Борну до последнего времени, и для их объяснения не было необходимости ссылаться на берберское происхождение. Племена, переселившиеся позднее и часто упоминаемые в хронике Борну в общем и целом как тогда, вскоре вступили в политическое противоречие с властью правителей в Канеме. И это вполне понятно, если учесть ничем не сдерживаемое поведение кочевников по отношению к оседлому населению. Эти племена повели с ними длительные войны и, судя по сообщениям традиции, выросли числом и могуществом. То, что канембу постепенно оказались вытесненными и политически подчиненными, — явление естественное. Повсюду, где в одной и той же местности живут кочевники и земледельцы, верх одерживают первые. Правда, впоследствии, во второй половине XVI в., тубу сильно пострадали, когда король Идрис одержал победу над булала, к которым они примкнули. Многие в это время были вынуждены переселиться в Борну. С тех пор их положение оставалось примерно одинаковым, пока в новейшее время улед-солиман после ожесточенной борьбы не заняли в Канеме господствующее положение и не дали новый толчок к дальнейшему передвижению на юг.

При рассмотрении отдельных племен тубу мы видели, что те из них, чья территория получает больше осадков от регулярных дождей, выпадающих в Судане, и кто смешан с канембу, способны лишь в ограниченной мере сохранить кочевой образ жизни; само собой разумеется, что полностью от нее отказаться вынуждены были и

*Во времена английского путешественника Лукаса часть коям еще жила в Канеме (примеч. авт.).

другие, оттесненные к самому Чаду и на его острова. Там, где не было подходящих условий для разведения привычных им верблюдов, они стали пасти крупный рогатый скот, а когда во время моего пребывания в Борну и в Канеме его поголовье сократилось из-за легочной эпизоотии, многие оказались перед необходимостью обратиться к земледелию. Даже вандала, до тех пор бывшие истинными кочевниками, стали менять свой образ жизни. В тех местах, где истинный кочевой дух отступил, к уже описанным хижинам из циновок добавились соломенные хижины канембу, а иногда они становились преобладающим типом жилища. Оружие и одежда остались такими же, как в те времена, когда они вели чисто кочевую жизнь. Лишь метательные ножи — основное и излюбленное оружие в Ту и Борку все больше теряют популярность по мере продвижения к югу и полностью исчезают в Борну.

При сравнении канембу с тубу видно, что у первых в целом несколько более темный цвет кожи, чем у вторых. Канембу частично утратили грациозность тубу, их худощавость, нервозность, подвижность и энергию в более влажных причадских районах и во внутренних областях Борну, но превосходят их по развитию мускулатуры и жировых отложений и в общем выше ростом с преимущественно развитыми нижними конечностями. Лица их потеряли свойственную тубу резкость, которая отличала их предков, живших в пустыне, и округлились, однако правильность этих черт сохранилась еще достаточно хорошо. Таким образом, в массе тубу отличаются от канури более благородными формами и свойственным им всем более или менее красноватым цветом кожи. У большинства канембу меня поразили торчащие уши. . . Каждый отдельный тубу обнаруживает черты племени, и именно этим они отличаются от канури, которые не имеют каких-либо характерных черт.

В одежде и в обычаях канембу также обнаруживают множество особенностей по сравнению с их соседями. Если они живут не в самом Борну рядом с канури, то предпочитают носить простой кожаный фартук, украшают себя бусами из раковин каури, носят браслеты на предплечье и запястье и охотно покрывают голову высокой шапкой — *джока*, которую обвязывают хлопчатобумажной полосой — *алиабу*, нередко закрывающей даже нижнюю часть лица и представляющей собой последнее воспоминание о чалме или лисаме. Молодые мужчины охотно отращивают длинные волосы, заплетают их в косы и украшают, тогда как канури ходят с непокрытой головой, а волосы на ней сбривают. Стройные девушки канембу сбривают волосы на висках и затылке и оставляют их только на макушке, заплетая в изящные косички. Разделенные пробором спереди, они спадают по обе стороны, тогда как сзади пробора нет. В вооружении канембу мы замечаем отсутствие метательного ножа тубу, но обнаруживаем необычный для остальных жителей Борну и Канема щит высотой в половину человеческого роста, изготовленный из легкого дерева *фогу*.

Связь канембу с канури самая тесная, ибо чем более первые преобладают в оседлом населении Канема, тем более укореняются

среди них вторые. Формирование канури началось, по-видимому, лишь спустя несколько столетий после образования государства. К этому времени часть ставшего более или менее однородным населения Канема начала продвигаться на юг, оглябая северную оконечность озера и переправляясь через реку Йоо. Поселившись там, они смешались с хозяевами страны, претерпев, таким образом, новые изменения. Так возникло племя Борну — канури. Относительно причины переселения, которую, возможно, следует искать лишь в стремлении молодого исламского государства к экспансии, в самой стране существует только смутное предание. Утверждают, что царский род в давние времена оказался расколот на две части спорами о порядке наследования. Одна его часть ушла в Борну, другая осталась в Канеме.

Хотя переселившаяся часть (она впоследствии получила название канури) со временем завоевала власть, которую удерживает и сегодня, канембу считают себя более чистыми и более благородными, нежели их братья и теперешние господа, «запачкавшие» себя смешением с языческими племенами. Спустя долгое время после того, как канури распространили свои завоевания на Борну и перенесли туда из Канема центр всего государства, некоторые составные части племени вернулись на родину, так что позднее в Канеме обнаруживается присутствие подразделений булуа, дугуа, бирива, нгальма дукко и других. Там же к ним постоянно причисляется подразделение магоми, объединяющее знатные семьи, вышедшие из царского рода.

К арабскому * населению принадлежат лишь недавно пришедшие с севера улед-солиман и магарба, а также тунджур и собственно шоа. Последние представлены только очень немногочисленным племенем бени-хасен (оно хотя и сохранилось в достаточно чистом виде, из-за своей малочисленности вынуждено вести жалкую жизнь покровителей даза в Шитати) и, вероятно, племенем бени ванл, живущими постоянно к востоку от Мао, но, очевидно, очень изменившимися в результате смешения. Мы видели, какую важную роль играют недавно переселившиеся с севера арабы, несмотря на их немногочисленность, в развитии политических отношений и в направлении всей общественной жизни.

Имеющиеся данные до сих пор не позволяют определить сколько-нибудь точно численность названных выше племен и их подразделений в Канеме. Мои попытки добиться некоторой ясности в этом отношении были очень затруднены различными передвижениями, смешением отдельных элементов и неустойчивым политическим положением в стране. За неимением точных данных я все же в качестве предварительных сведений привожу ниже результаты, полученные мною путем расспросов и примерных оценок (тыс. человек):

* Поскольку в большинстве случаев пока что невозможно разграничить арабские и берберские составные части племен, фигурирующих ныне в Африке в качестве «арабов», я хочу заметить, что, употребляя слово «арабский», ни в коем случае не желаю сказать, будто данное племя вправе претендовать на свое происхождение из Аравии (примеч. авт.).

А. ТУБУ (ТЕДА И ДАЗА)

1. Чистокровные тубу

а) Кочующие племена

1. Отделы гунда (теда) — атерета (даза) — ворда (даза) — юроа (даза) — мада (теда) — йорюмма (даза) в Шитати, Манге и к северо-западу от них 3,0
2. Ванда (даза) в западном Шитати 4,0
3. Догорда (даза) в Лиллоа 3,0

б) Оседлые племена

4. Бекароа (даза) к югу Мао и к западу от Мондо и Ягуб-бери 1,0
5. Ворда (даза) в окрестностях Мондо 0,6
6. Нореа, или наварма (даза), к западу от Лиллоа 0,8
7. Аредда (даза) по берегу озера Чад 0,6

II. Смешанные племена тубу

а) Кочевники

1. Кадава, образовавшиеся от смешения йире (даза) и диббири (канембу) с орабба в Шитати 3,0

б) Полуоседлые или оседлые племена

2. Кумосоалла и улед-салим (салимеа) к северу от Мао 3,0
3. Хавалла (даза с элементами канембу) в восточном Лиллоа 1,5
4. Муаллемин (даза, образовавшиеся от смешения нореа, озиммы и канембу) к северо-востоку от Мао 0,5
5. Орабба (даза с канембу) в Лиллоа 0,5

Общая численность чистокровных и смешанных тубу 22,5

Б. КАНЕМБУ, КАНУРИ (МАГОМИ) И ДАЛАТОА

1 Канембу

1. Томагера к юго-востоку от Ягуббери, вокруг Металлы и в Бари (Дибелончи) 1,0
2. Конку близ Металлы 0,6
3. Галабу к западу от Металлы 0,4
4. Кубури по берегу озера от Кискавы до Фули и в округе Гада 4,0
5. Сугурти в окрестностях Бери 2,0
6. Чироа в Чири (юго-восточнее Лиллоа) 3,0

Едва ли можно подсчитать количество канембу (хаммедж), живущих в небольших деревнях среди остальных племен, не говоря о том, что по берегу озера еще разбросаны остатки кункинна (кенаний), нгеллега из Сулу и Каджити, за которыми укрепилась слава, что они смешаны с рабами бывших магоми.

Мы можем, очевидно, без преувеличения принять приблизительную численность всех канембу, живущих на материке, за 20 тыс. человек.

II Канури (магоми)

По сведениям одного информанта из Мондо, я с большим трудом насчитал в Куке 89 небольших селений этого племени, что дает по крайней мере 1000 очагов или 6—7 тыс. человек, не считая более крупных подразделений — живущих по берегу Чада нгальма дукко и людей из Фули. Однако с тех пор, как этот человек уехал из страны, многие области, должно быть, обезлюдели. Исходя из собственных

наблюдений и сведений, собранных на месте, я пришел к следующим приблизительным оценкам:

1. Буллау близ Мондо	0,3
2. Анчалибу в Анчали	0,5
3. Рогодобу среди даноа	0,2
4. Бирадулл между Анчали и Мондо	0,2
5. Бирива между Анчали и Мондо	0,2
6. Мелеммиа между Анчали и Мондо	0,2
7. Форебу в Форн (к северу от Металлы)	0,2
8. Манияу в Манийе (на берегу Чада)	0,6
9. Нгальма дукко в Джиггеле (на берегу Чада)	1,5
10. Магоми из Фули	0,8
11. Люди <i>димы</i> в Гала	0,3

III Далатоа

1. в Мао	1,2	
2. в Ягуббери	1,0	
3. в Металле	0,8	
4. в Мортотфу	0,3	
5. в Джугу, Гумзо и разбросанные тут и там	0,7	
Общая численность канембу, канури и далатоа		29,0

В (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ) БУЛАЛА И КУКА

I Булала

1. Нгиджем в Дибелончи	3,0
2. Бедде (среди даноа) в Нгури	0,2
3. Сарабу между Мао и Гала	0,3
4. Тирра в Вотти (северо-западнее Металлы)	0,2
5. Разбросаны в Бари	0,3

II Кука

(живут во многих деревнях в Гуджере, к востоку-северо-востоку от Мао)	1,0
Общая численность булала и кука	5,0

Г ДАНОА, ИЛИ ДАНАВА
(ХАДДАД, АРАБСК, АЗА, ДАЗА),
ЖИВУЩИЕ В БАРИ

1. Даркауа	2,0
2. Аригимма, или аригива	1,5
3. Амедида	1,5
4. Бекароа	1,0
Общая численность	6,0

Д АРАБСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

I Тунджуры

1. Нас фугобо (самое знатное подразделение, в Мондо)	1,0
2. Нас-юсеф (самое многочисленное подразделение).	1,2
3. Нас-абид	0,6
4. Нас-майна	0,5
5. Нас-кагустема	0,3
6. Нас-акид	0,7
7. Нас-ал-джеллаби	0,3
8. Нас-ал-фоккера	0,2
9. Нас-булуль	0,2

II Шоа

1. Бени-хасен в Шитати	0,2
2. Бени-ваил восточнее Мао	0,3

III Васици (на канури) — миннеминне (на даза)

1. Улед-солиман в Шитати	3,0
2. Магарба в Лиллоа	1,5
Общая численность «арабов»	10,0

Приведенные цифры дают общую численность населения в 70 тыс. человек. Трудно сказать, насколько расходится эта оценка с действительным числом жителей, так как, с одной стороны, нет сомнения в том, что многие населенные пункты остались вне поля моего зрения, но с другой — те, которые были приняты во внимание, могли быть оценены слишком высоко. Канем вряд ли насчитывает более 100 тыс. жителей. Правда, данная цифра должна бы показаться крайне малой, если принять во внимание всю территорию в 70—80 тыс. кв. км. Но если мы распределим это население на постоянно населенную часть Канема в 20—24 тыс. кв. км, то получим примерно по четыре человека на кв. км, и это редкое население, по-видимому, соответствует преобладающему здесь степному характеру местности и сложным и неблагоприятным политическим обстоятельствам в стране.

Озеро Чад и его островное население

Предшествующее изучение Чада и его берегов. — Центральносуданская равнина. — Описание озера Чад (форма, размеры и т. д.) — Обилие на нем островов. — Своеобразие прибрежных местностей — Реки, питающие озеро. — Комадугу-Йобе. — Комадугу-Мбулу. — Река Гамбару с Ферендумой. — Рукава реки Шари в ее устье. — Шари и ее водный режим. — Примерная оценка ежегодного притока воды в Чад. — Состояние приточной воды. — Высыхание Бахр-эль-Газаль и причины этого явления. — Постоянное изменение островов и берегов озера. — Чад — пресноводное озеро. — Жители островов. — Названия будума и едина. — Поздравления будума (буджиа, маиджоджа, маибуллау, гуриа, марганна и т. д.) и их расположение. — Численность жителей. — Растительность и земледелие на островах. — Физическая особенность, одежда, занятия, религиозные воззрения и социальные отношения будума. — Их средства передвижения по воде и набеги. — Их язык. — Кури, или калеа. — Их подразделения аригва, медиа, кадива, тошеа, курава, калеа и их расположение. — Описание кури и их обычаев. — Оценка их численности. — Шоа, канембу и другие чужеродные элементы на островах. — Бахр-эль-Газаль, протяженность и очертания, запасы воды в долине. — Стоянки и жители области. — Креда и улед-хамед. — Сакерда. — Нореа. — Оценка численности населения.

Взяться за полное обозрение удивительного внутреннего африканского озера, на берегах которого ислам уже около восьмисот лет назад создал государственную организацию, было бы во многих отношениях целесообразнее лишь после описания путешествий по его

западной и южной сторонам, которые я совершил в различные годы. Однако, поскольку для обобщенного описания Борну и его населения необходимо общее знание озера Чад, которое придает центральносуданской равнине ее характерные черты, я хочу уже здесь дать краткое изложение сведений о нем, привлекая, конечно, относящиеся к делу материалы, полученные во время моих поездок в Багирми и Вадан.

Еще несколько десятилетий назад озеро с его ближайшими окрестностями одно нарушало пустоту того обширного, ничем более не заполненного пространства, которое на картах Африки занимало самую внутреннюю часть континента. По этой причине, вполне естественно, оно очень рано привлекло к себе внимание европейских географов. С тех пор как после основания в конце прошлого века Британской африканской ассоциации³⁶ в изучении Африки началась новая эра, оно действительно неоднократно становилось целью, к которой стремились исследователи и путешественники. Более полувека назад Денэм получил задание обследовать берега Чада, его притоки и возможные стоки, и эта же задача стояла в качестве одной из главных целей перед экспедицией, снаряженной английским правительством под руководством Ричардсона и Барта. Денэму, совершавшему поездки по берегу озера в южную и восточную сторону, удалось пересечь его притоки и проследовать по его побережью до той точки, где с ним соединяется Бахр-эль-Газаль. Барт и Овервег обогнули его выступающую северную оконечность, а последний из них, исполненный надежды, успел добраться на лодке до его срединной части, изобилующей островами, прежде чем нашел преждевременную смерть на западном берегу озера. Какое-то время на его берегу жил Фогель, его посещал Герхард Рольфс, наконец, я во время своих поездок из Куки в Канем и Вадан обогнул его по северной и южной дуге, причем конечные пункты обеих поездок почти соединились на востоке.

Остается лишь сожалеть, что Овервег — из всех путешественников он больше всех узнал это интересное озеро, и он единственный мог бы дать более подробную информацию о его центральном и восточном архипелагах, о соотношении суши и воды в его внутренней части, о его глубинах и наличии в нем рыбы — этот весьма сведущий и осведомленный исследователь оставил столь недостаточные записи о своих изысканиях. Все остальные путешественники видели лишь очертания Чада, да и то лишь в отдельных местах, так как следовать по линии берега, как того хотелось бы, нельзя ни в один сезон. Ее прерывают многочисленные бухты и короткие стоки (они известны под названием *риджуль*). Во многих местах прибрежная полоса становится непроходимой из-за болот и заводей, а постоянно колеблющийся уровень воды изменяет ее на протяжении всего года. Ближе всего к озеру проходил путь Денэма, который подчинил все остальные исследовательские цели установлению его берегов, тогда как все последующие путешественники старались удовлетворить это требование лишь по возможности. Во время своей поездки в Канем я добрался до бухт северной части Чада и еще раз

очень близко подошел к его берегу в районе Бари — самой юго-восточной точки моего тогдашнего путешествия. Поездка в Багирми проходила вдоль его юго-западного берега, а дорога в Вадаи, хотя и оказалась несколько дальше от его южного берега (поскольку мы пересекли Шари близ Гульфеи), зато соприкасалась с Бахр-эль-Газалем вскоре после его выхода из самой юго-восточной части озера. Это место лежит всего километрах в семнадцати к юго-востоку от города тунджуров Мондо в Канеме, в котором я побывал прежде.

Название Чад, как оно звучит у канури, вероятно, означает на диалекте сао и родственных им племен — прежних жителей области к западу от озера — «большая вода». На языке же нынешних островных жителей озеро называется Кули. Оно лежит примерно на 270 метров выше уровня моря и собирает воды поверхностного стока Борну, Багирми, областей Южного Вадаи и части Дарфура. Озеро занимает дно обширной, неглубокой котловины, края которой в разных местах имеют различную высоту и расположены на различных расстояниях от воды, а склоны имеют различную крутизну. В сторону пустыни местность довольно равномерно повышалась бы вплоть до плоскогорья Аир, гор Тюмма на борнуанской дороге, гор Ту и скалистой области баэле, если бы не обширные впадины Боделе и Эгеи, лежащие еще ниже уровня Чада. К востоку край котловины спускался бы в восточную часть Вадаи, если бы уже непосредственно восточнее Чада не встречались возвышения, препятствующие центральным водным стокам Вадаи соединиться с водами Шари. В юго-восточном направлении (куда до сих пор удалось проникнуть примерно на 500 километров) местность, как кажется, повышается лишь постепенно. На юге примерно в 200 километрах лежит водораздел с рекой Бенуэ, а на западе, километрах в 600, проходит водораздел с Нигером.

Чад имеет форму неправильного треугольника с округленной вершиной, обращенной на северо-северо-запад, и основанием, повернутым на юго-юго-восток³⁷. Его западная сторона из-за впадения р. Йоо выпукла и лежит примерно между 12°20' и 14°30' северной широты, насчитывая по прямой линии километров 230—240. Восточная (или скорее северо-восточная) сторона, напротив, вогнута в направлении озера и по длине несколько превосходит западную сторону. Наконец основание, которое выгнуто внутрь треугольника благодаря дельте самой большой реки, впадающей в озеро, — Шари, текущей с юго-востока, имеет в длину километров 170 и располагается, по-видимому, между 13°40' и 15°10' восточной долготы. Площадь озера оказывается приблизительно равной 27 тыс. кв. км, т. е. величине острова Сицилия. Однако его поверхность далеко не всюду представляет собой открытую воду, а примерно на третью часть состоит из архипелага, образованного многочисленными обитаемыми островами. Это относится преимущественно к его восточной части. Хотя в западной части преобладает открытая вода, но и там ее редко замечаешь с плоских берегов. Почти везде взгляд натывается на голые либо покрытые кустарником полосы островов или блуждает

по болотистым, поросшим тростником пространствам. Тесно скученные острова в восточной части совершенно близки по особенностям почвы и растительности к юго-восточному Канему.

Озеро Чад попадает в зону разовых летних дождей, которые там продолжают лишь примерно с конца июня до начала октября. Его окрестности в большинстве своем имеют степной характер, который типичен для северной части этого региона Африки. Лишь берега его бухт, притоки и заводи, особенно в южной оконечности, нередко демонстрируют великолепную растительность, полную тропического изобилия. В течение большей части года озеро и его окрестности находятся под воздействием обычного в тех широтах пассата и только на вершине лета появляется, по-видимому, из Гвинейского залива муссон, приносящий с Атлантического океана требующуюся для осадков влагу. Высокая влажность воздуха, пропитанная водой почва и застойные заводи делают эту местность опасной для чужеземца и даже у местных жителей вызывают бесчисленные болезни. По счастью, столь опасная в этом отношении глинистая и суглинистая почва не часто встречается в ближайших окрестностях озера. Здесь, как и по берегам Шари (заполняющей озеро водой), которые по преимуществу имеют песчаный характер, преобладает тот же самый тип почвы. Лишь области, прилегающие к юго-западной части Чада, ежегодно подвергаются длительному наводнению и при наличии богатой растительности почва там со временем превращается в черный перегной.

Заостренная северная часть Чада в известной степени ограничивается дюнообразными возвышениями, с высоты которых то и дело открывается более широкий вид на озеро и его заливы, чем с любого места западного берега. Чем дальше продвигаешься по берегу, лежащему в пределах Канема, тем менее четкими становятся границы озера. Как уже говорилось, здесь следует говорить не о настоящем озере, а скорее о некоей лагуне, разветвленные наподобие сети протоки которой временами почти полностью иссякают, но порою распространяются даже на обычно сухую почву окрестностей. В этой местности, когда кто-нибудь осведомляется об одном из островных поселений, говорят не о его расположении на озере, а лишь о количестве рукавов, которые придется пересечь, прежде чем доберешься до него. Подобным же образом дело, как кажется, обстоит на восточной половине южного берега, между местом впадения Шари и выходом Бахр-эль-Газалья, так что люди, которые следуют из Куки в Канем южным путем (опасаясь подчас весьма небезопасной дороги вокруг северной части озера), перейдя через Шари, поворачивают на север и добираются до цели, даже не подозревая, что они проехали через озеро. При этом приходится перебираться через многочисленные рукава, но в благоприятный сезон вьючные и верховые животные почти через все переходят вброд.

В то время как местность, граничащая с северо-восточной оконечностью озера, носит холмистый и пересеченный характер, его окрестности на западе, юго-западе и юге имеют ровную поверхность. Когда прибывает вода, то сперва наполняется мелководный *риджел*,

или пересохшая заводь, либо увеличивается в размерах какой-то залив. Потом границы озера расширяются по всей береговой линии. Затем они снова сокращаются до времени начала летних дождей. Вначале выпадающие дожди вряд ли способны возместить потерю воды, вызываемую испарением. Только когда все более и более вздувающаяся Шари доносит до озера увеличившийся объем воды — это происходит во второй половине сезона дождей, — окрестные жители замечают его прибавление. Правда, это происходит спустя много времени после окончания сезона дождей — где-нибудь в конце ноября, когда озеро достигает своего высшего уровня. Тогда вся его юго-западная окраина становится болотом, а многие из тамошних поселений долгое время поддерживают связь друг с другом на лодках.

Идущие вокруг озера на юг дороги еще в январе, а нередко и в феврале остаются непроходимыми, т. е. четыре месяца спустя после окончания сезона дождей по ним труднее пробираться, нежели в самый разгар этого сезона. Таким образом, озеро постоянно меняет свои контуры, так что определить с какой-то достоверностью его берега можно было бы только в результате наблюдений, проводимых в течение многих лет за его самыми узкими и самыми широкими границами.

Чад питается притоками с западной, южной и юго-восточной стороны. На севере и северо-востоке, со стороны степи и пустыни, озеро не принимает ни одного притока, хотя прежде, исходя из теоретических оснований, таковым ошибочно были склонны считать Бахр-эль-Газаль. С восточной стороны до него доходили бы водостоки центрального Вадаи, которые собирает Бата, если бы эту реку не вынуждали нести свои воды в похожее, хотя и гораздо более маленькое озеро, Фитри, упомянутые выше возвышенности — те, что к востоку от Чада делают неровным дно котловины и даже Бахр-эль-Газаль направляют на северо-восток.

Мы познакомились с западным притоком, рекой Комадугу-Йобе, впадающим в озеро в северной части западного берега. Она берет начало в восточной части стран хауса и имеет протяженность примерно в 600 километров, если не принимать в расчет ее изгибов. Вблизи устья ее ложе достигает в ширину восьмидесяти метров, хотя в течение большей части года в нем нет постоянного потока воды. Когда я впервые переправлялся через эту реку около Йоо, двигаясь с севера в начале сезона дождей, ее повсюду можно было перейти, не замочив ног, так как между отдельными лужами лежали большие участки высохшего дна. Во второй раз, путешествуя из Куки в Канем в марте, я застал на реке водное зеркало шириной шагов в пятьдесят при полуметровой глубине. Когда в январе следующего года я возвращался в Борну, то обнаружил, что на том же самом месте поток стал шире шагов на десять-двадцать и несколько глубже. У меня не было возможности увидеть Комадугу-Йобе при самом высоком уровне воды, однако, согласно сведениям Денэма, Барта и Овервега, она на короткое время становится значительной рекой, через которую можно перебраться лишь с помощью специальных средств.

В самой юго-западной части в озеро впадает Комадугу-Мбулу, которая берет начало в области Марги на южной границе государства Борну, приблизительно в 200 километрах от своего устья, а километрах в 30 от него принимает в себя приток, текущий с запада из окрестностей Удже в области Гамергу. Когда в начале марта я переправлялся через эту реку в 10 или 15 километрах от ее устья, то в ее тридцатиметровом русле зеркало воды занимало двадцать метров при глубине примерно в один метр. Однако на обратном пути из Багирми, в первых числах сентября, я увидел, что она вышла из берегов, достигнув шестидесяти метров ширины. Мбулу незадолго до настоящих летних дождей тоже не имеет постоянного стока, а в сухое время года ее заполняют лишь отдельные лужи. Ее уклон так незначителен, что когда при моем первом переходе в марте я бросил в нее какие-то плавучие предметы, они не смогли преодолеть дующего с востока ветра и достичь устья реки.

Километрах в 12 от устья Мбулу в озеро впадает текущая с юго-юго-востока Комадугу-Гамбару, исток которой, по полученным мною сведениям, располагается в болотистых областях племени музгу. Возможно, там она ответвляется от западной Шари, реки Логоне, и тем самым представляет собой лишь одно из многочисленных устьев запутанной системы Шари. Километрах в 15—20 от своего устья она, видимо, принимает в себя Комадугу-Ферендума, которой большинство из моих информантов приписывают свой собственный исток от западной Логоне, так же как многие считают, что она впадает непосредственно в Чад. Последнее утверждение не может быть верным, ибо на обратном пути из Багирми в Куку я переправлялся через реки Гамбару и Мбулу неподалеку от места их впадения, не повстречав при этом Ферендumu, тогда как на пути туда я пересек эту реку километрах в 18—20 дальше к югу.

Ее самостоятельный исток представляется мне тоже невероятным, ибо в марте, в то время когда все остальные берущие начало неподалеку притоки Чада почти полностью пересохли, в ней было воды больше, нежели в самой реке Гамбару, т. е. она была шириной метров в десять и глубиной в метр. Я скорее склонен считать Ферендumu рукавом этой последней реки, который снова соединяется с ней уже перед ее устьем. Сама река Гамбару в начале сентября вблизи устья, где я переправлялся через нее около Лекарири, или Ладари, была шириной примерно в 60 метров, так что мне потребовались переправочные средства. Несмотря на изобилие воды, течение реки было гораздо более медленным, чем течение Мбулу в это же самое время (что вполне могло соответствовать тому факту, что она текла по болотистым низменностям области музгу). Впрочем, вода в ней есть на протяжении всего года, что, в свою очередь, представляется естественным, если предположить, что она истекает из реки Логоне.

К западу от Комадугу-Мбулу есть еще две речки — Миссенерам и Леба. У них чрезвычайно небольшая протяженность и такой незначительный уклон, что одни приписывают им направление с юга на север и, таким образом, считают их притоками Чада или рукавами

в устье Мбулу, тогда как другие думают, что они являются теми углублениями на местности (*риджуль*), которые заполняются водой при высоком уровне Чада. Даже при глубине от полутора до двух метров, каковую я застал в них обеих в сентябре (тогда как в марте они полностью пересохли), в них не удалось обнаружить ни малейшего течения.

К востоку или северо-востоку от устья реки Гамбару в юго-западную часть Чада впадает ряд рукавов Шари, которые протекают по болотистой местности в примерном направлении с юго-востока на северо-запад. Они ответвляются от нижнего течения Шари уже после соединения восточной, или собственно Шари, с западной, или рекой Логоне, кроме одного, который, должно быть, вытекает из этой последней в окрестностях Кусери. Обе Шари соединяются километрах в 10—15 к северу от Кусери, а образовавшаяся таким образом река течет еще примерно 80 километров в северо-западном направлении до места слияния с вершиной дельты. Почти все остальные второстепенные устья располагаются на западной стороне от главного течения. С восточной стороны ответвляются лишь отдельные рукава, текущие почти прямо к северу по направлению к озеру. В самой восточной части южного берега, где берет начало Бахр-эль-Газаль, который сам является не чем иным, как необычайно большим *риджем*, ближайшие окрестности озера столь низменны, что в южную сторону в сушу вдаются подобные же заливы. Сам Бахр-эль-Газаль, начинаясь из Чада, идет на протяжении примерно 50 километров в восточном и восточном-юго-восточном направлении и только потом постепенно поворачивает на северо-восток.

Реки Йоо и Мбулу, на всем своем протяжении относящиеся к тем же самым широтам, быстро прибывают в сезон дождей, но так же быстро и уменьшаются в объеме. Их значение для наполнения Чада относительно невелико. В основном воду предоставляет Шари, об истоках и течении которой речь пойдет при описании областей, лежащих дальше на юго-востоке, и их стоков. В настоящий же момент мы говорим о Шари только постольку (уже упоминалось, что это название имеет широкое значение), поскольку она приносит в Чад всю воду своих истоков и притоков. Объем воды и скорость течения этой реки весьма неодинаковы в зависимости от времени года. Они достигают максимальной величины в сентябре и октябре, минимальной — весной или незадолго до начала сезона дождей. Денэм пересек ее в июне километрах в 40 от устья и определил ее ширину в тысячу метров, а скорость течения от четырех до шести километров в час (от одного до полутора метров в секунду). Барт познакомился лишь с обеими реками, образующими Шари. Сам я пересек Шари в марте километрах в 70 от ее устья, т. е. вскоре после соединения этих двух рек. Она была тогда шириной около восьмисот метров, а скорость течения достигала примерно четырех километров в час (один метр в секунду). Наши сведения о глубине реки ограничиваются весьма немногочисленными данными. Восточный рукав, по которому я проследовал в Багирми на отрезке длиной более 150 километров, почти повсюду в одной половине русла

имел глубину всего от одного до двух метров, в то время как вторая его половина, напротив, нередко достигала глубин вплоть до семи метров. Даже после слияния двух рек и несмотря на равномерно намытый грунт удается иногда найти места, которые можно перейти вброд и которые говорят о небольшой в общем-то глубине. Все эти условия резко меняются в дождливый сезон, особенно в те годы, когда выпадают обильные осадки. Вода заливаает тогда берега высотой подчас от четырех до пяти метров и сила течения намного возрастает.

Чтобы подсчитать приблизительное количество воды, приносимое в Чад рекой Шари, нужно было бы в период самого низкого и самого высокого уровня воды исследовать ее течение после слияния двух образующих ее рек и до того места, когда она разветвляется в устье на рукава. Находящиеся сейчас в нашем распоряжении и, разумеется, весьма недостаточные цифры относятся к состоянию реки весной и в первую половину лета. Если сделать, опираясь на них, приблизительный подсчет так, как если бы они относились ко всему году, то получается, что при ширине в 900 метров, глубине всего в два метра и скорости течения в один метр в секунду Шари приносила бы ежегодно озеру примерно 60 кубических километров воды. Объем воды, доставляемой незначительными притоками (Комадугу-Йобе, Мбулу, Гамбару), достигает, возможно — правда, по еще более неточной оценке — 10 кубических километров. Чтобы определить общую массу воды, поступающей в Чад, к приведенным выше цифрам следует добавить и количество дождевых осадков, непосредственно выпадающих в озеро; их при поверхности Чада в 27 тыс. кв. км и уровне осадков в полтора метра можно оценить цифрой, несколько превышающей 40 кубических километров. Если, учитывая обширные участки суши внутри озера, мы уменьшим эту последнюю цифру по меньшей мере еще на четверть, то в качестве общего результата получим годовое поступление воды в Чад примерно в 100 кубических километров. Эта оценка, которая, как уже говорилось, является несколько произвольной при недостаточности и неточности положенных в ее основу данных, естественно, может и должна давать лишь примерное представление о водных ресурсах Чада.

Невозможно подсчитать, сколько воды впитывает почва берегов и островов и сколько ее уходит по подземным путям. Прежде (об этом я уже упоминал) Бахр-эль-Газаль в большей или меньшей степени наполнял водой из Чада огромные низменности Боделе, Эген и южного Борку, и теперь еще широкая речная долина с ее многочисленными расширениями и названные местности отличаются изобилием воды, залегающей на весьма незначительной глубине. Вероятно, ее источником в этой местности, лежащей ниже уровня Чада, все еще является это озеро, даже после того как прекратилось поверхностное снабжение водой через Бахр-эль-Газаль. Впрочем, говоря об употреблении получаемой озером воды, понимаешь, что она обречена на испарение. Если принять высоту слоя его ежегодного испарения за три метра — а таковой вполне вероятен при кратком периоде дождей,

близости пустыни, преобладающих сухих восточных ветрах, — то мы получим, опять-таки с учетом обширных островных образований, примерную общую цифру в 70 кубических километров ежегодно испаряющейся из Чада воды. Сравнение этой массы с приведенной выше предполагаемой минимальной цифрой получаемой воды дает излишек этой последней в 30 кубических километров. Таким образом, это (а как говорилось выше, вероятно, гораздо большее) количество воды могло бы привести либо к постоянному увеличению ее объема в Чаде, либо должно было бы расходоваться каким-то другим путем. Что касается первой возможности, то хотя озеро и подвергается, по-видимому, постоянным изменениям, однако в основном излишек, очевидно, расходуется на упомянутое снабжение подпочвенной водой Канема, Бахр-эль-Газала, Эгеи, Боделе и частично Борку.

Беспрестанные изменения, которым подвержен Чад, связаны, вероятно, с высыханием Бахр-эль-Газала и тех мелководных озер и болот, где эта река заканчивалась прежде. Судя по традиции, распространенной среди тамошних жителей, можно считать вполне вероятным, что процесс высыхания завершился только в недавнее время.

Едва ли приходится сомневаться в том, что еще несколько поколений назад в Бахр-эль-Газале была вода. Впрочем, он вряд ли когда-нибудь представлял собой открытое русло реки. Скорее это была обширная, неглубокая, более или менее покрытая растительностью долина с незначительным уклоном к северо-востоку, с неровным дном и многочисленными боковыми ответвлениями. Лишь при обильном наполнении Чада становилось очевидно, что вода в этой долине течет на северо-восток. Кстати, еще и теперь нельзя говорить об окончательном высыхании Бахр-эль-Газала. Это доказал богатый осадками 1870 год, когда он снова наполнился водой на отрезке длиной более 100 километров, так что среди его обитателей и жителей Канема даже распространилось мнение, что он, как и раньше, будет подавать воду в Боделе. Эта вода, по крайней мере в юго-западной части долины, сохраняется на протяжении нескольких лет, и еще в 1873 году я видел, что в одном месте, примерно в 80 километров от истока из Чада, она заполнена водой. Мне не удалось проследить за течением к северо-востоку, поскольку долина была покрыта растительностью, напоминавшей девственный лес.

Сейчас невозможно с уверенностью установить, каким образом происходило постепенное высыхание этой долины. Причину предполагали в том, что ее связь с Чадом нарушилась из-за образования прибрежного песчаного вала. Но даже если такового и не существует именно в месте истока реки, то прекращение поступления воды из Чада при обычных условиях, т. е. при умеренном уровне воды, можно объяснить постепенными изменениями в восточной части озера. В водной сети этой лагунной местности течение Шари чувствуется меньше всего, и это создает наиболее благоприятные условия для намыва земли. Здесь мне действительно называли острова, которые прежде были не населены или непригодны для обитания из-за их ежегодного затопления, а теперь, когда их площадь увеличилась,

а уровень земли заметно повысился, на них стояли селения. Правда, были и такие, которые жители мало-помалу покинули, потому что они все больше и больше погружались в воду. Два же из них, известные одному моему информанту по виду, якобы полностью исчезли. Однако такие нарушения, по-видимому, чаще случаются в западной части архипелага, где действие воды, без сомнения, является более активным.

Основная масса воды, объем Шари, поступает в бассейн озера с юго-западной (через главный рукав) и с западной-юго-западной (через второстепенный рукав) стороны. Естественно, что здесь на озере меньше всего островов, а также располагается обширное расширение в его юго-западной части. Здесь же наблюдаются наибольшее понижение прилегающей суши и наиболее частые изменения его берегов. Уже Барт отметил, что с течением времени вода причиняет все больший ущерб отдельным поселениям на западном берегу. Причину этого явления он видел в оседании мощного пласта известняка, залегающего под поверхностными слоями почвы. Окрестные жители единодушно считают фактом, что озеро не только меняет свои очертания в связи с изменяющимся уровнем воды, но и что оно непрерывно «обглаживает» свой западный берег. В те зимы, которые я провел в Куке, к моменту наивысшего подъема воды среди жителей столицы ежегодно воцарялось большое возбуждение, вызванное все возрастающим расширением озера.

Когда же в феврале 1873 года я окончательно покидал Борну, шейх Омар как раз затеял поблизости от Куки постройку новой резиденции, расположенной выше, нежели этот двойной город, с очевидным намерением подготовить на будущее надежное место в случае опасного наступления Чада. Подобное изменение, видимо, касается и северной оконечности озера, насколько это допускает возвышенный характер местности. Арабы Канема, многие из которых почти каждый год (а со времени их обоснования там прошло более тридцати лет) ездят в Куку и обратно, огибая закругленную северную оконечность озера, и которые, как истые жители пустыни, превосходно ориентируются на местности, говорили мне, что со временем им приходится во время этой поездки описывать на севере все большую дугу. Там появляются новые бухты и заводи, и я сам видел, как мои спутники-арабы, которые несколько лет не пользовались этой дорогой, в изумлении останавливались перед водными преградами, никогда ими здесь ранее не виданными. Эти изменения на западной и северной сторонах служат, возможно, компенсацией за те, что озеро испытало в результате высыхания Бахр-эль-Газала и от которых оно все еще страдает вследствие отложений в дельте Шари и в своей восточной части. Во всяком случае, они свидетельствуют о непрерывных преобразованиях его берега и архипелага и служат, быть может, достаточной причиной, чтобы объяснить пересыхание вытекавшей из него реки, не прибегая к предположению о каком-то поднятии почвы в месте ее истока.

Помимо приведенных выше обстоятельств, которые нуждаются в дальнейшем выяснении, Чад обладает одной особенностью, более

удивительной и необъяснимой, нежели предыдущие, а именно: его воды совершенно пресны. Все реки приносят в море соль, а те, что впадают во внутренние озера, постепенно превращают их в соленые. Каспийское море, самое крупное внутреннее озеро, не имеющее стока, еще располагает годной для питья водой в северной части, где оно принимает огромное количество воды из Волги, Урала и Терека, зато в его средней и южной части содержание соли в воде беспрерывно возрастает. Но каждый, кто пил воду из Чада, знает, что она такая пресная, какой только вообще может быть вода. И при этом почва всей этой местности богата солью. Вода в колодцах Канема иногда, а в Эгеи и Боделе почти повсеместно солоновата; маленькие же озера на дне многих долин в Канеме наполнены, за редким исключением, соленой водой. Берега и острова Чада богаты содой, которую получают из почвы и которая составляет предмет оживленной торговли с западными областями. Правда, Шари не может принести много соли, ибо она течет из мест, относящихся к самым бедным солью во всем мире. Однако если это и служит причиной относительно незначительного содержания соли в чадской воде, тем не менее поражает то, что ее невозможно обнаружить на вкус хотя бы в минимальной степени. Это обстоятельство также, очевидно, свидетельствует о том, что водный режим Чада пока что не устоялся.

Архипелаг на озере был, вероятно, всегда обитаем, поскольку от материковой части Канема его отделяет лишь незначительный рукав. Кстати, водной сети здесь достаточно, чтобы в этих местах с пестрым населением, не признающим законов, обеспечить жителям (по крайней мере в течение большей части года) некоторую безопасность от разбойничьих набегов соседей и посягательств близлежащих властей. Подобно тому как при завоевании нынешнего Борну жившие на западном берегу подразделения сао и родственных им племен частично отошли на острова (хотя те и были отделены от материка большей массой воды, чем на восточной стороне озера) и как в настоящее время жители Канема ищут на островах лагуны прибежища от разбоя улед-солиман и вероломства даза, так и первые переселенцы в Канем, прежде чем продвинуться в Борну, вытеснили обитавших на восточном берегу жителей на озерные острова. С давних пор арабское племя асала, живущее к северу от Багирми в восточной части южного берега, ищет там убежище от вооруженных нападения Вадан и Багирми, и не один уже раз там находили безопасное убежище от ослепления и смерти правители Вадаи, свергнутые своими соперниками.

Первоначальными хозяевами озера считаются кури, населяющие самую восточную часть архипелага, носящую название Карка. Как на людей, принадлежащих к их племени, мне указали на подразделение корио канембу. Они, по-видимому, не живут на материке уже так давно, что об этом никто не помнит. Вероятно, их следует рассматривать как связующее звено между канембу и первоначальными островными жителями, если они не идентичны с кури, как на это, возможно, указывает их имя, ибо название кури им дают только

канембу, арабы и другие живущие в окрестностях племени. Сами себя они называют калеа, или нас-кале (т. е. «люди Кале»), по имени своего родоначальника и представляют собой племя, возникшее в результате смешения с канембу (жившими на севере) и с арабами (жившими на юге). Первоначальное население островов, занимающих центральное положение, по-видимому, было идентично с кури, или калеа, и лишь позднее, когда западные прибрежные области были завоеваны канури, а их жители частично вытеснены на острова, в результате смешения с ними претерпело изменение и получило имя будума. Однако и жители западного берега принадлежат к родственным племенам, как это доказывает сравнение языка будума (обнаруживающего лишь самые незначительные отклонения от языка кури) с соседними диалектами макари.

Повсеместно распространенное название «будума» происходит из языка канури. Оно содержится в одном, известном повсюду в Борну предании, которое должно доказать происхождение племени с западной части материка, но показывает только то, что чадский архипелаг в ранние времена был населен каким-то особым племенем и что оно было известно жителям Борну. Согласно этому преданию однажды раб по имени Барка, принадлежавший какому-то правителю Борну и отправившийся в качестве конюшего с конюхами за кормом для лошадей на тучные пастбища по берегам Чада, пройдя при очень низком уровне воды вплоть до острова Сейорум, натолкнулся там на каких-то неизвестных людей, которые взяли его в плен и перевезли на другие острова, где они обитали. Он остался среди них. *Буду* — слово из языка канури, оно означает «сухая трава» и путем присоединения суффикса *ма* становится обозначением лица, которое имеет дело с сухой травой, запасает ее или присматривает за ней. Таким образом, Барка Будума, чье подлинное существование в Борну никто не подвергает сомнению, был объявлен основателем племени. Его прозвище стало общим названием для всего племени и как таковое не склоняется, иначе во множественном числе оно должно было бы принять форму *будубу* (точно так же, как *канембу* является множественным числом от *канемма*, что означает «человек» или «житель Канема»). Поскольку в восточной части озера преобладает открытая вода и поэтому сообщение островов с материком здесь, вероятно, всегда было редким, то, должно быть, прошло немало времени, прежде чем покорители Борну узнали о племени, живущем на центральных островах.

Сами будума называют себя едина — именем, происхождение которого не очень ясно. Его можно вывести непосредственно от города Еди, лежащего на юго-западном берегу Чада, чьи первоначальные жители, одно из подразделений сао, вероятно, вначале бежали от завоевателей Борну на острова. Однако оно может быть прямо связано (как в этом случае и название города) со словом языка канури — *геди* (т. е. «восток»).

К первоначальным хозяевам Чада — будума, или едина, и калеа, или кури, присоединяются еще отдельные части племен канембу, шоа, канури, даза, булала, которые были постепенно вытеснены на

острова из местностей, лежащих по восточной оконечности Чада, либо периодически туда отходят. Я очень старался получить сведения о том, как делятся племена архипелага, а также о расположении отдельных островов, но мало в этом преуспел. Мне особенно не удавалось установить местоположение островов, так как причудливые изгибы протоков водной сети делали ненадежными указания информантов об их направлениях и расстояниях между островами. И все же я указываю ниже названия подразделений племен и островов, о которых что-либо разузнал, и приблизительное место обитания первых, чтобы дать в распоряжение будущего путешественника, которому будет суждено посетить чадский архипелаг, какой-то ознакомительный и ориентировочный материал.

Будума населяют в основном центральные острова озера, которые, однако, находятся в непосредственной близости к матерiku в средней части северо-восточного берега. Они распадаются на двенадцать подразделений: майджоджа, майбулла, буджиа, гуриа, дала, бедреджа, марганна, джиллуа, диремма, орзонгена, каджингена и бекароа. Первые четыре подразделения намного многочисленнее других.

Буджиа владеют самыми западными из островов будума и распадаются на более мелкие подразделения: медиа, котоа, алиа, буна. Из их островов мне указали Сейорум, Богомарам, Каголирам. Они тянутся с большими промежутками к северо-востоку от ближайшего к Куке берега, необитаемы и располагают очень редкой древесной растительностью, но хорошими пастбищами для скота. Дальше острова буджиа размещаются более тесно и нередко заселены. Из обитаемых островов в их владении находятся: Пиркерирам, Буллен, Камбе, Пирам Чуроли, Джилуари, Каива, Карамгуббуа, Пиррам Декабе, среди которых выделяется число жителей Пиррам Чуроли. Каива и Карамгуббуа лишены всякой древесной растительности, тогда как остальные в большей или меньшей степени поросли деревьями курна, акациями и пальмами дум, но особенно богатой растительностью отличается якобы Пиррам Декабе. Необитаемыми остаются острова Бурбургабе, Джаббала, Кинджири, Деирам, Нгорреа и Мадера; все они почти совсем лишены лесов, но ими пользуются в качестве пастбищ. На последнем острове занимаются земледелием и на это время селятся на нем.

Самое многочисленное и значительное подразделение буджиа — майджоджа, чьи острова образуют центр расселения будума; сами майджоджа распадаются на более мелкие подразделения: дилива, маймоджа, кабиа, мемеа, кабромиа. Они владеют обитаемыми островами Редживо, Тумбулла, Кемагендум, Нгиррива, Килами, Пергеми, Дебаба, Догереам, Белариге, Кабиа, Мага, Канн, Каррарава, Муммо, Куму, Каджила, Доджи и Ши, причем больше всего жителей насчитывают Канн и Белариге, в то время как на Кемагендуме и Дебабе стоят лишь несколько хижин. Еще двадцать два острова необитаемы. В общем, на самых населенных островах растет и больше деревьев (Белариге, Канн, Куму, Доджи, Ши), но и среди необитаемых некоторые поросли лесом, хотя большинство из них либо вовсе не имеет древесной растительности, либо всего несколько акаций.

Майбуллау якобы живут к северу от предыдущих и включают более мелкие подразделения: кагульва, ригва карева, миграва и гремва. В их владении находится относительно большое число населенных островов, среди которых мне назвали: Пирам, Бунн Кильва, Коримарам, Галлаза, Донгоне, Кайа, Миграва, Иррибу, Ярам, Ихиа Кихирам и Моттер. Из необитаемых же были упомянуты Кендиббенам, Дедерам, Шелна, Кори, Галлерам Курра и Галлерам Ганна. Пирам и Миграва выделяются числом жителей, а Иррибу и Шелна — обилием лесов.

К северо-востоку от майджоджа, поблизости от материка в Канеме, примерно посередине между северной оконечностью острова и местом выхода Бахр-эль-Газала живут гуриа с более мелкими подразделениями: бугрумиа, мадоа, йоа и деггиа. Их территория охватывает населенные острова Килли, Галомна, Шерам, Кама, Шерам Ганна, Мури Курра, Мури Кутта, Казеттиа, Майчур и Бугрумиа, а также необитаемые — Бунн Кильва, Гадабеллем, Дозуллам. Наибольшее число жителей насчитывает Бугрумиа, и, за исключением Бунн Кильвы, Гадабеллема и Казеттии, совершенно лишенных древесного наряда, все они отличаются обилием в лесу дичи. Ближе всего к матерiku лежат поселения Миди и Миди Ганна (которые, как кажется, идентичны с Мури Курра и Мури Кутта), а также Нгаллала — поселение канембу на территории гуриа и резиденция вождя этих последних (в то время кашеллы Киме).

К юго-востоку от предыдущих, также весьма неподалеку от Канема, живут марганна, менее многочисленное подразделение. Мне удалось узнать только об их поселениях Сигиндеа, Каджеана и Мальте — резиденции их вождя (в то время Хадж Канембу).

Мне не удалось уточнить расположение диремма, населяющих острова Ререноа, Алагерджи, Ререноа Камрам, Кайа Диррамбе, Догрерам. Маргу, Мирам, Мирам Кутта и Тимбера. Все они якобы обитаемы и густо поросли лесом. Они, по-видимому, лежат к северо-западу от предыдущих, но на большем расстоянии от материка.

Там же, по-видимому, живет маленькое подразделение джиллуа, или джиллива, занимая несколько небольших островов, среди которых следует отметить наиболее населенный остров Иба. Прежде много жителей было и на острове Кангаллам, но за несколько лет до моего приезда он якобы постепенно погрузился в воду.

К югу от подразделений майджоджа, буджня, гуриа и марганна живут остальные подразделения, относительно которых мне не удалось узнать ничего достойного упоминания, за исключением того, что острова Шоми, Сосоа, Кареа, Керкеа, три острова, носящие название Джомирам, а также Келемирам и Кугодо, которые все (кроме одного из Джомирам) населены, принадлежат орзонгена, или уронгена.

Разумеется, это перечисление островов, подразделений и мелких подразделений будума является не только неполным, но, конечно, не лишенным многочисленных ошибок. Бросается в глаза, что большинство названий принадлежит, видимо, языку борну³⁸, и вполне

вероятно, что наряду с ними в употреблении находятся другие, принадлежащие языку будума. Расположение островов по отношению друг к другу и к матерiku, как уже говорилось, является совершенно неопределенным. Лишь некоторые из них мне удалось привязать к отдельным пунктам на западном и северо-восточном берегу. От Кауа, деревни канембу, лежащей неподалеку от Куки у кромки Чада, Сейорум отстоит, видимо, километров на тридцать. От этого острова попадаешь на Богомарам, затем на Пиррам и вечером на третий день пути достигаешь Беларинге, следуя, очевидно, в северо-восточном направлении. Наконец неподалеку от северо-восточного берега кое-как определяются поселения гуриа и маргама благодаря их положению к юго-востоку от Джиггеля и к северо-западу от кури, как мы это увидели при описании Канема.

Число островов будума можно принять примерно за сто, из которых обитаемы около двух третей. По числу жителей ни один из самых населенных, таких, как Пиррам Чуроли, Канн, Беларинге, Пирам, Миграва, Бугрумиа и некоторые другие, не достигает, по-видимому, и тысячи человек, если судить по тому сравнению, которое делали мои информанты с известными мне поселениями Борну, тогда как на наименее населенных насчитывалось всего несколько очагов. Следовательно, если предположить, что среднее число жителей на обитаемом острове достигает 200, тогда численность будума определится в 12—15 тыс. человек. Это хорошо согласуется с утверждением моих информантов, что все племя в своих частых столкновениях с кури может выставить примерно 3 тыс. воинов. Такая цифра, если учесть большое количество детей, которым, по мнению всех тех, у кого была возможность убедиться в этом собственными глазами, отличаются будума, согласуется с принятой нами общей численностью.

Отдельные подразделения не имеют друг с другом никакой внутренней политической связи и даже внутри себя самих не образуют единой общности. Вожди их носят титул *кашелла*, как и канури. Мне, во всяком случае, не удалось установить никакого другого названия, хотя приведенное, без сомнения, не является тем, что изначально употреблялось в самом племени. Некоторые из этих вождей находятся в определенной зависимости от короля Борну, но не платят ему подати. С ними же обращаются самым снисходительным и предупредительным образом — для того только, чтобы вести с ними ничтожную торговлю и хоть как-то защитить прибрежные поселения от их грабительских нападений. Понятно, что это зависимое положение могло возникнуть не по воле правителей Борну, а лишь из потребности островных жителей иметь доступ на расположенные неподалеку от озера борнуанские рынки, для удовлетворения своих насущных нужд.

Острова, полностью лишены древесной растительности, используются (и, по-видимому, только и могут использоваться) лишь в сухое время года в качестве пастбищ. В конце лета, осенью и частично зимой большинство из них представляют собой болотистые низменности, на которых кроме травы и тростниковых зарослей произра-

стают легкий амбадж и какое-то похожее на него дерево (первое из них будума называют *мелиса*, второе — *фогу*), а также кусты папируса, так называемые *поль* (?). На лесистых островах растут те же породы деревьев, что и в Канеме. Земледелие находится в упадке. Хотя песчаной почвы там вполне достаточно для разведения *духна*, но преобладает, очевидно, богатая перегноем и плодородная почва, так что в основном возделывают дурру и кукурузу. Однако жители слишком ленивы и склонны к бродяжничеству, чтобы хоть как-то воспользоваться плодородием почвы, и получается, что, несмотря на благоприятные природные свойства собственной земли, им приходится еще покупать зерно в Канеме и Борну. Помимо названных злаков кое-где выращивают бобы и тыквы, а на некоторых островах еще хлопчатник и индиго.

Основным занятием будума является разведение крупного рогатого скота, который составляет их главное имущество. Все животные относятся к так называемой породе кури, но и их не пощадила свирепствовавшая в Судане легочная эпизоотия. Кроме не столь уж многочисленных коз и еще менее многочисленных овец в очень ограниченном количестве там имеются и лошади (главным образом у гуриа и джиллуа, реже у буджиа и майджоджа); ослы же встречаются лишь в единичных экземплярах. Из других животных водятся бесчисленные бегемоты и крокодилы, в изобилии рыба (особенно неподалеку от берега), почти все из встречающихся в Борну антилоп, гиены и дикие свиньи. Сравнительно часто якобы встречается слон, особенно на островах Шелиа, Куму и Канн, реже буйвол, и, как говорят, совершенно отсутствуют носорог и жирафа.

Будума описывают как высоких, сильных, мускулистых и упитанных людей с довольно черной кожей, похожих на различные племена макари. Женщины, в общем, по-видимому, более стройные и тонкие, больше схожие с женщинами канембу, нежели с макари. У мужчин, за исключением двух коротких насечек в углу глаз, нет никакой татуировки, волосы они не стригут. Они носят одежду канембу, т. е. борнуанские тобы, если они им доступны, а если нет, то кожаные передники. В качестве обычного оружия они пользуются тремя или четырьмя метательными копьями, длинным копьем, шитом из дерева *фогу* и постоянно носят длинный кинжал у предплечья, тогда как метательные ножи они любят меньше. Им знакомы лук и стрелы, однако они пользуются ими, как кажется, не повсеместно. Если бы тем не менее оказалось, что последние виды оружия имеются у этого племени, это сблизило бы его с даноа, живущими в Канеме на северном берегу, с манга в Борну и со считающимися первоначальными жителями Борну керимба из провинции Котоко.

Женщины отличаются от представительниц соседних племен прической. Они разделяют волосы на два пучка: один спереди, второй на затылке. Эту прическу они увеличивают еще шиньоном. Правое крыло носа у них не проткнуто и, таким образом, не украшено изящным коралловым цилиндром. В ушах они носят медные или латунные кольца, на руках многочисленные (вплоть до десятка) обручи, много подобных им на предплечье, на каждой ноге выше

лодыжки по одному металлическому кольцу, наконец на шее в большом количестве бусы из стекла, поддельных кораллов и раковин каури.

Судя по первому впечатлению, будума в большинстве своем мусульмане, однако у них сохранилось много языческих обычаев, которые зачастую пользуются большим почитанием, нежели предписанные исламом³⁹. Так, большую роль играют священное блюдо из тыквы, исторический камень (каменистые формации почти не встречаются на островах) и племенной меч. Их хранит кто-то вроде жреца или стража веры. Он пользуется ими в тех случаях, когда вымаливает помощь высшего существа против болезни, неурожая и других несчастий. Наибольшим почитанием как самое могущественное пользуется, как кажется, сказочное существо, которое якобы живет в образе огромной змеи в воде озера, т. е., очевидно, представляет собой дух Чада. К его совету и помощи обязательно прибегают, приступая ко всем важным делам. Единственное предписание ислама, которое строго исполняется, — обрезание. Ни ежедневные молитвы, ни посты не соблюдаются регулярно. Полигамия принята повсюду.

Согласно обычаям соседних стран браки заключаются рано. Девушки вступают в брак непосредственно по достижении половой зрелости, которая, однако, наступает не так рано, как это часто думают, а приходится на возраст между 12 и 15 годами. Если девушка, к которой сватается мужчина, уже достигла разумного возраста, тогда, по-видимому, спрашивают ее согласия. Свадьба проходит без больших церемоний. Жених устраивает угощение семье невесты и дает тестю, смотря по своим возможностям, 10, 20 или 30 голов крупного рогатого скота. Тот же наделяет свою дочь в день ее переезда в новый дом приданым, нередко превосходящим этот выкуп. В этот день жених готовит праздничное угощение и приглашает друзей и уважаемых людей племени. Супруги часто имеют много детей (как и в других странах, это приписывают тому обстоятельству, что в пище преобладает рыба), и женщины с десятью и более детьми — нередкое явление. Разводы не являются необычными, причем официальный, мусульманский развод не принят.

Обычай избегания между породнившимися людьми, по-видимому, соблюдается так же строго, как и в племенах тубу. Кузнецы занимают то же отверженное положение, которое отводит им обычай в племенах, живущих в пустыне, и в большинстве суданских племен. Похороны совершаются по мусульманскому обычаю. Когда будума умирает на материке, то родственники, если это возможно, перевозят тело на родные острова. Но если у них умирает чужестранец, его хоронят в водах Чада.

Будума, естественно, не занимаются никакими другими ремеслами, кроме тех, которые касаются изготовления предметов, удовлетворяющих их насущные потребности. Это — плетение циновки и корзин, изготовление веревок из волокон пальмы дум, бобовой соломы или ошарового луба, а также постройка лодок и паромов. Понятно, что из всех изделий самыми необходимыми для них являются эти плавучие средства, без которых они были бы совершенно отрезаны

от Борну и частично от Канема и даже внутри собственного архипелага могли бы поддерживать лишь ограниченные связи. Они изготовляют множество их видов: настоящие лодки метров пятнадцати в длину и шириной в полтора метра, которые обычно строятся из досок твердой древесины мурайа (*Reculia*) и имеют высоко поднятый нос; челны поменьше, для переправы через рукава, и паромы из дерева *фогу* и мелисы. Для постройки парома используются ветки и небольшие стволы этих растений длиной приблизительно в полметра и толщиной в руку. Их связывают, укладывая рядом и одну на другую, веревками из волокон пальмы дум. В итоге получается переправочное средство шириной в сажень, продолговатое и четырехугольное по форме, около полуметра высотой, иногда со слегка приподнятой, суженой передней частью и без бортов.

Одежду и украшения, так же как часть необходимого им зерна, они выменивают у живущих на материке канембу, с которыми нередко поддерживают дружеские отношения. Основные предметы их торговли, на которые идет обмен, это рыба, пользующиеся спросом бичи из кожи бегемота, сода (ею богата островная почва) и слоновые бивни. В качестве главного платежного средства при торговых сделках в пределах собственного племени выступает, по-видимому, крупный рогатый скот.

Безопасное положение недоступных жилищ, особенно со стороны Борну, от которого их отделяют широкие, прямо-таки непреодолимые для материковых жителей водные пространства, сделало из будума чрезвычайно дерзких разбойников. Они осуществляют успешные налеты не только на отдельных путников и небольшие караваны, но и на целые поселения. Когда вода стоит высоко — а это позволяет им под покровом ночи незаметно подобраться к прибрежным поселениям, — все население последних пребывает в постоянном страхе и тревоге, ожидая нападения. Несмотря на всю бдительность, не проходит ни одной зимы, чтобы материковые жители не подверглись бы такому нападению. В последние дни декабря 1870 г., например, было произведено нападение на большую деревню шоа Дарбиггели. Мужское население частично было убито, а оставшиеся 142 человека (в основном женщины и дети) уведены в плен. В этот полноводный год многие мирные люди, занятые обработкой земли близ берега, оказались рабами на островах будума, имея мало шансов когда-нибудь увидеть свою родину, несмотря на ее близость. Внезапно нападая из прибрежных кустов или зарослей тростника, эти чадские разбойники убили много странствующих торговцев, разграбили множество мелких караванов и не понесли наказания, ибо кто же захочет и кто сможет их преследовать, когда они оказываются недостижимыми для выстрела?

Со своими соседями по архипелагу они, как кажется, нередко живут в кровавой вражде, и каждой зимой, когда я останавливался в Куке, до нас неоднократно доходили известия о сражениях на озере между будума и кури. С каждой стороны в них принимало участие, вероятно, лодок по сто.

Язык будума родствен языку логон. Между ними располагаются

диалекты борнуанской провинции Котоко (атаде, гульфеи, нгала и т. д.), хотя они и стоят ближе к языку логон, нежели к будума. В кругу суданских языков оба они обнаруживают одинаковые и общие черты. Поскольку спряжение происходит в них путем префиксации, а дополнение образуется с помощью суффиксов, то они, вместе с остальными, противостоят комплексу языков тубу, баэле и канури. Однако благодаря согласованности всех личных элементов, принципиально однородному образованию прошедшего времени, повелительного наклонения и отрицательной формы, а также благодаря большому сходству в числительных эти языки выступают как один язык, который по своей природе, возможно, родствен, с одной стороны, языку хауса, а с другой — багримма.

В своем нынешнем состоянии язык будума все же гораздо больше отклоняется от языка логон, нежели, например, диалект теда от диалекта даза. Разница является не столько результатом параллельного развития, как у этих последних, а скорее его нарушения благодаря влиянию соседних языков, и именно будума, по-видимому, претерпел в этом отношении определенные изменения. Он отстает от языка логон в формообразовании, причем в его глаголе уже нет будущего времени, а существительное вместо характерного для языка логон образования множественного числа восприняло принцип простого умножения окончания, как это принято в группе тубу — баэле — канури, к которой он приближается и по синтаксису. Кроме того, его лексический состав пополнился в большом объеме, особенно в отношении имен существительных, из языка канури, чьи выражения он часто воспринимает без изменений, тогда как язык логон и при заимствованиях старается сохранить свое фонетическое своеобразие. Последнее благодаря большой твердости придает языку в высшей степени специфический характер и чрезвычайно затрудняет произношение для других. Эта особенность языку будума вообще чужда. Те немалые различия, которые существуют в обоих языках, особенно между глаголами, обнаруживают аналогии с различными суданскими языками, и, хотя я не занимался ими достаточно глубоко, мне кажется, что язык логон склоняется больше к хауса, а будума — к языку багримма.

Кури, или калеа, которых отличает от будума лишь незначительная разница в языке, теснее связаны с жителями материка, поскольку живут в юго-восточном углу Чада и стоят на более высокой ступени цивилизации, нежели их соседи, о которых только что шла речь. Они распадаются на подразделения аригва, медиа, кадива, тошеа, курава и калеа. Острова, принадлежащие им и живущим поблизости от них или среди них бывшим жителям Канема и шоа, объединяются под общим названием Карка и лежат так скученно, что разделяющие их водные рукава по площади значительно меньше суши.

Если от Сигиндеа и Каджеана, упомянутых поселений будума-марганна, двигаться вдоль берега на юго-восток, то сначала встречаются острова подразделения аригва с главным поселением Муршилата, а затем острова медиа с главным поселением Юбберим. От них попадаешь к кадива с самым значительным по населению центром

Йонгои, а потом к тошеа с главным поселением Нгарандуа. Следующие за ними курава распадаются на подразделения дигельва, догора и кайлемедиа с соответствующими главными поселениями Киллирам, Каджироа и Юртегу. Курава отделены от калеа территорией группы каджити, а главным островом калеа, резиденцией куку и тем самым наиболее важным поселением всего юго-восточного архипелага является Масова. Наконец крайний юго-восточный угол озера занимают канембу-кункинна.

Ближе к южному берегу из других островов Карки мне еще называли Курнойа, Дера, Кульбу, Ситтебу, Джезират Улед-ал-Мехава, Беддеине, Колудиа, Рас-ал-Фил, Омм-аш-Шора, Джезират-ан-Нам (т. е. «остров страусов»), Джезира Джеребана, Гармана, Джезират Улед-ал-Герामी, Бирирам, Кабирам, которые, как об этом говорят уже многие арабские названия, частично находятся в руках шоа, а именно асала. Вся Карка, должно быть, состоит примерно из тридцати островов. Больше половины из них заселены, тогда как остальные используются по крайней мере для выпаса скота и ловли рыбы. Однако население на обитаемых островах, по-видимому, плотнее, чем на островах будума, так что по своей численности оно, возможно, приближается к населению этих последних. Я вынужден, естественно, и здесь отказаться от определения положения островов по отношению друг к другу. По своим почвам и растительности они не отличаются от материковой части Канема и островов будума. Из зерновых культур на них тоже преобладает дурра и кукуруза, хотя имеется и песчаная почва, на которой произрастает *духн*. Остальные культурные растения такие же, как и у их островных соседей.

У кури преобладает черный цвет кожи. Они высокие, сильные, упитанные и якобы доживают, как правило, до глубокой старости. Помимо зерна они употребляют в пищу рыбу и мясо бегемотов и буйволов, которые здесь встречаются чаще, чем на центральных островах, а также крокодилов. Они очень любят животную пищу, а крокодиловое мясо, как и повсюду, где его можно заполучить, пользуется у них большой популярностью. У них много крупного рогатого скота (или по крайней мере его было много до падежа), но мелкого скота мало.

Там, где они живут вблизи материка, они поддерживают регулярную связь с прибрежными жителями, которые к ним относятся гораздо лучше, чем к разбойникам-будума. Все они мусульмане, одеваются подобно шоа или жителям Борну и, таким образом, в этом отношении более развиты, нежели живущие среди них канембу, которые зачастую довольствуются передником из шкуры, с которой даже не удаляют шерсть. У кури нередко можно увидеть даже ватные доспехи⁴⁰ и металлические кольчуги, так как они располагают в достаточном количестве лошадьми, чтобы выставить на поле боя довольно значительную конницу. Их обычное оружие то же, что и у каури: длинные ножи, которые носят у предплечья, копья, различные дротники, короткий щит из дерева фогу.

У кури существует известное политическое единение, поскольку

глава собственно калеа в определенном смысле признается вождем и остальными подразделениями. Хотя глава каждой семьи со своим имуществом и многочисленными домочадцами является сам по себе хозяином и мало заботится о вожде, тем не менее этот последний получает от всех определенную поземельную подать, а после его смерти ему непременно наследует какой-то член его семьи, будь то брат или сын. Как только после сезона дождей вода в Чаде устанавливается на среднем уровне, пригодную для обработки землю вымеряют древком копья (в качестве меры длины), делят ее между жителями и каждый в соответствии со своей долей отдает определенное количество узких кусков хлопчатобумажной ткани в уплату земельной подати, а во время сбора урожая добавляет еще несколько мер основного возделываемого вида зерна.

Помолвки и браки совершаются точно так же, как у будума. Наследство почти целиком достается старшему сыну, который выдает братьям какую-то скромную долю. Когда умирает один из двух братьев, оставшийся в живых женится на своей невестке, если она ему нравится. Если же она хочет вернуться в родительский дом, тогда, прежде чем дать ей на это разрешение, он требует вернуть ему выкуп за невесту.

На южном берегу, восточнее устья Шари, живут племена шоа — асала и дегена (деггена), у которых, особенно у вторых, сохранилась сравнительно чистая арабская кровь. Асала находятся в самых сердечных отношениях с кури, на чьих островах они укрываются в моменты опасности, спасаясь от притязаний правителей Вадаи и Багирми. Там же они поселили и своих рабов. Те обрабатывают землю, в то время как сами они пасут скот на материковых пастбищах, пока это позволяют условия. Когда на островах наступает бескормица, эту полукочевую жизнь разделяют с ними кури, с которыми они заключают браки. Прежде асала якобы были многочисленным племенем, которое могло набрать 1 тыс. воинов. Теперь же они едва ли в состоянии выставить 300 человек и в целом вряд ли насчитывают 2 тыс. человек.

Помимо асала на островах Чада (особенно Карка), как уже упоминалось, живут различные подразделения канури и канембу. Мы видели, что к юго-востоку или к юго-юго-востоку от Фули живут — частично на береговой полосе, частично на ближайших островах лагуны — манийау и что за ними в том же самом направлении следуют нгальма дукко, обитающие поблизости от Джиггеля, в островных поселениях Кинджериа, Чубберо, Джоббу, Лимидом. Очень трудно оценить их число, поскольку они живут исключительно на островах. Примерные цифры уже приводились при сопоставлении жителей Канема.

Между островами курава и островами собственно калеа поселились канембу-каджити, которые, по-видимому, целиком и полностью оставили свою прежнюю родину на материке. Их главные поселения — Арто, Богха, или Богга, и Ладери находятся за несколькими водными протоками в более или менее южном направлении от округов Нгури и Дибелончи. Впрочем, их не считают чистыми канембу, а гово-

рят, что они образовались от смешения канембу с когда-то многочисленными, живущими в Канеме рабами племени магони. При перечислении жителей Канема уже упоминалось, что в этой местности с материка на острова перебралось небольшое подразделение даза — аредда.

К западу от каджити среди курава тут и там живут корнио, которые вряд ли уже отъединились от кури.

Наконец, крайний юго-восточный угол озера, как уже упоминалось, занимают остатки некогда самого многочисленного материкового племени — кункинна, или кенанийа, основным местопребыванием которых служила местность Сулу и которые теперь, по крайней мере в качестве племени или его подразделения, тоже целиком покинули Канем. Они распадаются на более мелкие подразделения: меллоа, кагимма, нгеллена и брайна, чьи основные селения — Мао, или Маонг, Мадо, Маллем и Юрну — встречаются в соответствующей последовательности, если двигаться от калеа (масова) на юго-юго-восток.

Если наконец еще упомянуть, что кое-где среди кури живут остатки диабу, или далава, одного из подразделений племени булала, некогда владевшего окрестностями Металлы (округ Дала), то можно завершить перечисление тех элементов, которые были вытеснены с материка на острова Карка и первоначально были чуждыми кури.

Для оценки численности этих чуждых элементов не хватает данных, однако они, должно быть, лишь незначительно превосходят третью часть населения кури. Такое соотношение вытекает из моей общей оценки населения чадских островов примерно в 30 тыс. человек.

Нельзя отделять от Чада его прежний сток, который еще и теперь частично заполняется водой при ее высоком уровне, — Бахр-эль-Газаль. То, что он действительно прежде вытекал из озера (как об этом свидетельствуют результаты моей поездки в Борку), никогда не подвергалось сомнению со стороны обитателей островов Карка и их окрестностей. Каждый раз, когда я выражал свои сомнения по этому поводу моему информанту, который происходил из племени асала и много лет прожил на островах кури, тот открыто возмущался моим глупым и настойчивым опасением в отношении столь очевидной для каждого разумного человека вещи. Правда, что касается условий, которые привели к высыханию этой речной долины, он, подобно всем местным жителям, тоже не мог привести никакого, хоть сколько-нибудь достаточного объяснения.

На всем протяжении долины в ней встречается множество расширений и ответвлений разной протяженности, отходящих в различных направлениях. Чем дальше она уходит на северо-восток — от Чада до перехода в низменность Боделе эта долина, не считая ее изгибов, имеет в длину более 500 км, — тем больше постепенно редет характерный для нее лесной массив. Линия деревьев становится прерывистой, отходящие в стороны долины встречаются реже и делаются не столь протяженными. Арабы называют эту долину *бахр*, а не *вади* (хотя теперь в ней нет поверхностного стока) отчасти потому, что

прежде в ней всегда была вода, отчасти же потому, что она отличается богатыми запасами подпочвенной воды, источником которой служат Чад и выпадающие осадки. Сначала как в основной долине, так и в ее ответвлениях один за другим следуют неглубокие колодцы. Постоянные лужи с водой и болота не редкость. А в тех местах, где заканчиваются боковые долины, вода после дождей зачастую держится месяцами.

Переход Чада в долину своего прежнего стока выражен не резко, между ними нет четкой границы, поскольку местность вокруг Карки не носит характера озера да и Бахр-эль-Газаль не похож на речную долину в обычном смысле слова. Часто упоминавшаяся стоянка Алимари, по-видимому, относится еще к Карке и теперь является необитаемым островом. Лежащий в нескольких часах пути от нее на восток Серреах тоже еще следует, пожалуй, причислять к Чаду. И только следующую в том же направлении стоянку Тегага можно с некоторой уверенностью отнести к Бахр-эль-Газалю. За ней следуют Хашими, ал-Бейада, аш-Шалоба, Омм Дохан, Мада ас-Срир и Ал-Кара, разделенные лишь несколькими часами пути. Они тянутся в восточном направлении, возможно, немного отклоняясь к югу. . . Тегагу отделяют от Мондо два дня пути в юго-юго-западном направлении, а от ал-Кару столько же в юго-юго-восточном и юго-восточном направлении. Местоположение этого последнего пункта мне, кроме того, удалось в какой-то мере установить во время поездки в Вадаи, маршрут которой проходил через него. От него долина постепенно поворачивается на северо-восток, где на небольшом расстоянии друг от друга находятся стоянки ал-Лиджегим, Мезрак, Тороро, ал-Дуггель, Шеддера, Ходеба и Харуп. Две последние лежат в двух — трех днях пути восточнее Мондо. Для многих из названных стоянок типичны постоянные, болотистые скопления воды. Вся эта местность принадлежит креда, которые живут вместе с улед-хамед. Кое-где ее посещают декена, чья основная стоянка находится южнее.

От Харупа в северном направлении следуют Хрериб, Эндреп, ал-Грек, Омм Басур, ал-Команджер, ал-Герена, Хоаль и Хоах, которые все еще относятся к территории креда и улед-хамед. Когда мы находились в Эннери-Коу (Зоммезе), Хоаль отделяли от нас примерно два с половиной дня пути в юго-восточном направлении. Двигаясь дальше на северо-восток, встречаешь стоянки Оломиденга, Юросанга, Куджениа, Гонтурра, Хаммадж, Эрхайа, Вольчинанга, Соладо Азунга, Соладо Унеки, Туркианга, Ало, Джагамминга, Альгаба и Биркиат. Последняя стоянка удалена от самого юго-восточного колодца в Эген двумя с половиной днями пути. Вся эта местность принадлежит сакерда.

Речная долина все больше и больше утрачивает пышную растительность своего верхнего течения. Ее последний отрезок, от Биркиата до Курри Торрао, где исчезают богатые водой боковые долины, а колодцы встречаются лишь изредка, находится в руках нореа (наварма) и относится уже к настоящей пустыне.

Креда, или карда, которые сами себя называют кара и подразделяются на бараза, чованда, нгелимма, йире и сонда, образуют

самое многочисленное племя в Бахр-эль-Газале и живут, как уже говорилось, вместе с улед-хамед — одним из племен шоа. Они уже долгое время гораздо больше разводят крупный рогатый скот, нежели верблюдов, отчасти потому, что росту последних наносят вред слишком частые дожди, отчасти же потому, что, имея дело с улед-солиман, надежнее ограничиваться первым. После всеобщей эпизоотии поголовье их рогатого скота значительно упало; их и самих стало меньше в Бахр-эль-Газале, так как многие отошли дальше на восток, ближе к реке Бата, и поселились в качестве земледельцев в северном Вадаи.

Сакерда состоят из подразделений медемма, туммелна, йорима и шиндикора *. Среди них первые и последние самые многочисленные. Их вместе с нореа тубу называют даза — именем, которое в Борну применялось тогда ко всем южным тубу, и по праву, ибо они сами называют общий для всех их составных частей язык *дазага*. Нореа якобы включают подразделения аудингна, урто, ваша, джохоромо, лешевингна и бадегада. В то время как креда уже не являются чистокровными, сакерда и нореа, как кажется, избежали смешения с чужой кровью, особенно же первые, которых (никогда, в противоположность нореа, не живших в Борку с неблагородными, оседлыми элементами) можно считать почти столь же чистокровными представителями своей нации, как в целом теда в Ту.

Численность племен в Бахр-эль-Газале является, по-видимому, относительно весьма высокой. Кара вместе с улед-хамед превосходят сакерда (разумеется, с учетом шиндикора и медемма) и насчитывают, возможно, 5—6 тыс. человек. Численность групп сакерда мы принимаем примерно за 4 тыс., однако нореа едва ли достигают 3 тыс. человек.

Борну и его история

Границы Борну. — Их неопределенность в некоторых местах. — Рельеф страны. — Особенность почвы. — Степной характер северной части. — Привлекательность местности на берегу озера и рек. — Флора и фауна срединной и южной части страны. — Общий характер страны и людей. — Деятельность жителей Борну. — Полевые и садовые работы. — Домашние ремесла. — Торговые поездки и военные набеги. — Давнее государственное образование Борну. — Источники наших знаний о его прошлом. — Хроника Г. Барта и историческое сочинение имама Ахмеда. — Список правителей в моем распоряжении и его недостаточность. — Династия Сефийа. — Ее связь с химьяритским правящим домом. — Неясность начального периода государства Канем. — Его быстрое развитие. — Принятие ислама. — Славное правление Дунамы Диббалами. — Свидетельства средневековых арабских авторов. — Два века (XIV и XV) внутренней борьбы и войн с внешними врагами. — Постепенное завоевание нынешнего Борну. — Сао. — Булала изгоняют королей из Канема. — Улучшение состояния в XVI в. благодаря совершенным правителям. — Выдающееся правление

* Это слово происходит от *шинди* (т. е. «опора», «столб») и *коре* («короткий») и было, вероятно, именем одного из вождей (примеч. авт.).

Идриса Аломы. — Новый упадок в XVII и XVIII вв. — Угроза государству со стороны феллата. — Появление шейха Мухаммеда ал-Канеми. — Постепенное разложение прежней царской власти — Господство династии Канемейн. — Правление шейха Омара.

Восточная граница нынешнего Борну проходит по оз. Чад и по реке Шари. На севере ее образуют граничащие с Сахарой степные области, принадлежащие юго-восточным племенам туарегов. Западная граница Борну в своей северной части образована страной хауса. В южной части она протекает по территориям более или менее независимых племен бедде, нгиззем и керрикерри. Наконец, его южная граница в своей западной части тянется через области племен бабир и марги и в восточной части примыкает к облагаемым данью небольшим образованиям Мандара и Логон, пересекая между ними земли племени музгу.

В тех местах, где эти границы не обозначены четко природой, как, например, озером Чад и рекой Шари, они либо неопределенны (со стороны пустыни), либо произвольны и изменчивы (на территории не полностью подчинившихся племен, языческих или полужазыческих). Границу можно сравнительно точно установить там, где друг с другом соприкасается мусульманское население таких относительно упорядоченных государств, как Борну и страна хауса, хотя обоюдные нападения и пограничные столкновения происходят и здесь. Однако там, где между ними лежат в той или иной степени независимые области, например вдоль большей части западной и южной границы, очертания государств меняются в зависимости от военного успеха в сражениях с племенами, которых можно удержать в подчинении только силой. Это в особенности относится к территории племен бедде, нгиззем, керрикерри, бабир и музгу, тогда как в области Марги, где на юге благодаря близости плато Адамауа рельеф обозначен четче, несколько устойчивее и линия границы. Вследствие своей более прочной государственной организации Мандара и Логон также находятся в более стабильном зависимом положении от Борну.

Таким образом, по в какой-то мере точным данным, северная граница государства простирается от самой северной части Чада (примерно $14^{\circ}30'$ северной широты и $13^{\circ}20'$ восточной долготы) — я не учитываю при этом ту небольшую часть Канема, которую в любом случае все еще можно считать подчиненной Борну, — в западном, чуть-чуть отклоняющемся к югу, направлении вплоть до северной границы вассальных стран Мунио и Зиндер, примерно совпадающей с 14 -й параллелью. Крайняя западная точка границы находится на $8^{\circ}30'$ восточной долготы. В своей северной половине (примерно от 14° до $12^{\circ}30'$ северной широты) западная граница Борну образует также и западную границу вассальных владений, или провинций Зиндер и Гуммель. Она проходит примерно в юго-восточном направлении приблизительно до той точки, где 11 -я параллель пересекает 11° восточной долготы. Однако к югу от Гуммеля эта пограничная линия значительно отклоняется на восток, ибо в противном случае оказалось бы, что в территорию Борну входят область Катагум,

лежащая к юго-востоку от этой провинции, а также области Нгиззем и Керрикерри, расположенные к западу от нее, в то время как на самом деле их население можно считать покорным только в том случае, если поблизости находятся какие-либо военные силы Борну. Перемещение южной границы на 11° северной широты не менее произвольно, поскольку в своей западной части она протекает по областям, жители которых также выражают повиновение лишь время от времени. В этих областях среди языческих племен (бабир и других) живут феллата (фульбе). И хотя названную выше параллель можно считать примерной границей государства и в области марги, на юге владение Мандара выходит за ее пределы, так что восточная часть границы (между 14° и 15° восточной долготы) остается к северу от этой параллели. Указанные приблизительно границы позволяют примерно оценить территорию государства Борну в 150 тыс. кв. км.

Вся страна, за исключением пограничных провинций на северо-западе, западе и юге, равнинная. Местность в этих провинциях имеет гористый характер только в Мунио, Зиндере и Керрикерри. В Мунио отдельные горные образования поднимаются в высоту до тысячи метров. В Зиндере имеется несколько незначительных возвышенностей. А в Керрикерри складки рельефа встречаются достаточно часто, чтобы служить жителям защитой против армий Борну. К югу от названной выше южной границы, в области Марги и в Мандаре, также имеются отдельные возвышения примерно тысячеметровой высоты. После этих пограничных округов территория Борну совершенно незаметно понижается в направлении озера Чад, которое, как уже упоминалось, расположено примерно на высоте 270 м над уровнем моря. Я вычислил эту высоту по показаниям барометра в Куке.

Эта часть государства, собственно Борну, такая плоская и ровная, что пересекающие ее реки — если в сухое время года они вообще содержат какую-то воду — либо образуют в своем ложе отдельные лужи, либо имеют такой слабый уклон, что трудно определить, в какую сторону они текут. На этой равномерно плоской местности редко встречаются более мелкие водостоки, впадающие в реки и речки. В небольших впадинах оставшаяся после сезона дождей вода стоит в виде мелкого озера (*кулугу*), пока спустя месяцы оно не испаряется под воздействием солнца и сухости атмосферы. В течение дождливого сезона (*нингели*) многие области из-за отсутствия стока становятся труднопроходимыми. Там же, где, как на севере страны, близ Чада и по обоим берегам Комадугу-Йобе, преобладает благоприятная смешанная почва, способная впитывать дождевую воду, в обильные дождями годы (при небольшой затрате труда) собирают богатые урожаи. Правда, когда осадков не хватает, нередки засухи и неурожай. Однако, если находящиеся под верхним слоем песка глины (они нередко встречаются и на севере) выходят на поверхность, как в центре и на юге страны, небесная благодать легко становится слишком изобильной и при всей плодородности там не могут хорошо расти ни плодовые деревья, ни земляные орехи, ни хлопчатник. Богатые лесами области, расположенные на юге и юго-

востоке, нередко перемежаются с обнаженной поверхностью понижений, которые в сезон дождей и еще несколько месяцев спустя (т. е. в некоторые годы в течение шести месяцев) покрыты водой. Когда же они высыхают, то обнаруживают очень черную, растрескавшуюся болотистую почву. Таким характерным и в сухое время года пустынным и мрачным ландшафтом отличаются области (канури называют их *фирки* или *анге*), расположенные преимущественно вокруг юго-западного угла озера Чад.

В самой северной части страны, по крайней мере вдали от Чада и от берегов Комадугу-Йобе, преобладает степной характер местности, так что в сухое время года перед взором путника, едущего с севера, нигде не открываются с нетерпением ожидаемые им картины тропического буйства. Преобладающий светлый лес, где в основном растут акации и нередко встречаются хеджлидж и разновидности *Zizyphus*, перемежается участками, бедными растительностью. В лучшем случае их однообразную оголенность смягчают кусты сивака и заросли пальмы дум, но равномерно растущий ошар со своей тусклой зеленью по большей части придает им крайне убогий и скучный вид. Правда, летние осадки возвращают этой в общем-то непривлекательной картине мимолетную прелесть, одевая деревья и кусты в весенний наряд, покрывая землю свежей зеленью и внешне делая животный мир богаче и разнообразнее. Однако эта периодически возникающая прелесть длится недостаточно долго, чтобы рассеять общее впечатление какой-то монотонности.

По краю этой области, обращенному к пустыне, в Мунио и Зиндере, в благоприятных местах хорошо растет финиковая пальма. Область эта и по изобилию кое-где соды относится к южной кромке Сахары. В богатых водой понижениях там нередко встречаются пальмы дум и тамариндовые деревья, а вблизи от Чада и на берегах его западного притока, которые часто заняты болотистыми заводями, лес вообще становится гуще. Здесь, особенно в западной части страны, пальмы дум образуют настоящие лесные массивы, а землю покрывают карликовые пальмы и густой кустарник дум. Деревья здесь более величественны. Помимо тамаринда хорошо растут сикоморы и другие фикусовые деревья, а среди акаций, все еще преобладающих в общей массе, акация сайяль (*A. seyal*), сонут, или карад (*A. nilotica*), и хараза (*A. albida*) отступают на задний план перед *A. stenocarpa*, которую шоа в Борну называют *талъха*, тогда как в центральной части пустыни это название дается акации сайяль. Мыльное дерево, или хеджлидж, вскоре становится чрезвычайно распространенным, и появляются отдельные баобабы (*Adansonia digitata*).

В северном крае страны, который страдает от отсутствия дождей и подвергается разбойничьим набегам туарегов, поселения более редки. Животным пока еще хватает места на свободных пространствах. Здесь бродит быстроногий страус, а в благоприятных местах и стройная жирафа. Общительная степная лисица строит здесь свои подземные деревни, шакал и гиеноподобная собака совершают свои ночные набеги. Наряду с газелями и антилопами мохор здесь ната-

киваешься на стада из сотен «коровьих антилоп» (*A. bubalus*), которые безбоязненно пасутся в изобилующих травой степях. Тут и там вспугиваешь маленького зайца или серую куропатку. Поблизости от людских жилищ в поисках пищи появляются стервятники и степные вброны. В окрестностях Чада протаптывает широкие тропы слон и совершает опустошения буйвол, в то время как густые прибрежные заросли реки Йоо облюбовал себе лев, а по соседству с ними перерывает болотистые места дикая свинья. В лесах живут голуби и стаи цесарок. Со всех сторон звучат птичьи голоса. В деревьях резвятся маленькие мартышки (*Cercopithecus griseoviridis*), а на полянах водяной козел сменяет антилопу мохор, которая дальше к югу встречается все реже и вскоре исчезает. Там поджидают добычу степная рысь (*Felis caracal*), леопард и другие дикие кошки, и повсюду ведет свою ночную жизнь гиена. Обилие дичи не поддается описанию.

В самом центре страны Борну, между 13° и 11°30' северной широты, хотя ландшафт, удаленный от Чада и его притоков, и сохраняет в общем тот же характер, растительность все же становится более пышной: и тут и там попадаются новые породы деревьев. На западе этой области путешественник обращает внимание на то, что среди лесных деревьев часто встречается баобаб. На востоке появляется обильная листовая муррайа и нередко странная *Kigelia* со своими вытянутыми цветами и плодами. Здесь проходит северная граница распространения гордой пальмы делеб, а травянистые поляны покрывает дикорастущий рис (*Oryza punctata*).

Здесь, особенно к юго-западу и к югу от Чада, расположена самая богатая водой местность. Непересыхающие реки и их заводи кишат гиппопотамами, прибрежные леса — свиньями и буйволами, а вся местность представляется раем для водяных птиц. Необычные цапли, розовые пеликаны, утки, черные аисты и большие стаи гордых венценосных журавлей образуют живостью и разнообразием своих красок и форм восхитительный по оживленности пейзаж. Хотя из-за частых поселений и деятельности людей на полях и нивах крупные хищные звери встречаются здесь реже, нежели на менее заселенном севере страны, однако ни львы, ни леопарды, ни рыси, ни гиены не отсутствуют полностью. Поразительным образом возрастает количество насекомых. В лесу наталкиваешься на различные, иногда гигантские постройки термитов и муравьев, служащих источником бесконечных мучений и забот для путника, а в южных и юго-восточных провинциях много меда. С началом дождливого сезона деревья покрываются всевозможными гусеницами, а земля — червями. Путнику приходится вести неустанную борьбу против комаров и мух, представляющих для него более опасных врагов, нежели хищные звери, змеи и скорпионы, тогда как сады и поля подвергаются опустошению со стороны саранчи, которая, отняв у человека плоды его труда, сама идет ему в пищу.

По южному краю страны начинается зона распространения полезного сального дерева (*Butyrospermum*), хлопчатого дерева (*Edioderdron*) и *Parhia biglobosa*. К ним добавляются отдельные

экземпляры масличной пальмы. Дынное дерево (*Carica papaya*) встречается чаще, а могучая веерообразная пальма нередко завладевает лесом. Акации со своей редкой листвой и жесткими формами постепенно уступают место красивым деревьям с пышной кроной, образующим густые лесные массивы, между которыми располагаются поросшие травой луга. В этих местах, где на границе между исламом и язычеством население снова становится реже, а деревни отстоят дальше друг от друга, особенно хорошо чувствует себя пугливая жирафа. Здесь снова появляется страус, к слону добавляется носорог, а к гиппопотаму — крокодил, тогда как в некоторых округах вновь изобилуют львы и остальные хищники кошачьей породы. На полянах щиплют траву газели и бубалы, поблизости от источников воды — водяные козлы и карликовые антилопы, а гиены и дикие свиньи водятся в невероятном количестве. В разрозненных, не очень высоких скалах живут даманы (*Hyrax*) и помимо больших стай мартышек появляется павиан (*Simulopithecus*) и кое-где лемур. Чаще попадаются полосатые мангусты (*Herpestes fasciatus*) и ихневмоны (*Ichneumon*). Ночью иногда натыкаешься на скунса (*Putorius Zorrilla*), а почва перерыта трубкозубом (*Orycteropus*), питающимся муравьями.

Борну, взятое в целом, в благоприятное время года являет собой очень красивую страну и по изобилию продуктов земли и богатству животного мира превосходит своих восточных соседей. Деятельностью людей большая часть страны превращена в плодородные поля и сады и чудесно оживлена стадами здоровых домашних животных. Есть очень много тропических стран, где благодаря могучим рекам и чередованию гор и долин природа предстает более грандиозной и богатой, а красота более великолепной, где растительность может быть пышнее, а почва плодороднее. Однако во внутренней Африке едва ли найдется страна, в которой деятельность человека, соответствующая богатым силам земли, развернулась бы в более благотворную картину процветающего развития. Большинство тропических местностей, чьи красоты повергают почитателя природы в удивленное восхищение, чьи обильные природные богатства должны были бы обеспечить человеку и животным мирную и счастливую жизнь, являются ареной соперничества диких зверей и еще более диких людей, которые среди богатейшего изобилия ведут друг против друга безжалостную войну, как если бы крайняя нужда навязывала им ожесточенную борьбу за существование. Путник, вначале очарованный таинственной девственностью необузданной природной мощи, восхищенный неожиданным многообразием проявлений красоты и роскошью красок, полный восторженной надежды на богатые сокровища, ждущие часа открытия, посреди этого расточительно наделенного мира вскоре начинает испытывать чувство тоски и печали по поводу судьбы, на которую этот мир кажется обреченным. Преимущество Борну перед большинством таких стран заключается в его мирном, безбидном и трудолюбивом населении, которое, несмотря на природное изобилие страны, облегчавшее удовлетворение необходимых жизненных потребностей, уберглось от беззабот-

ности и беспечности. Хотя прирожденный ум, живость и усердие местных жителей развились еще далеко не достаточно, тем не менее благодаря раннему приобщению к благам более высокой цивилизации и упорядоченной государственной форме они оказались на вполне благоприятном пути.

Ислам, которому принадлежит главная заслуга в опережающем развитии Борну, начал, правда, и там утрачивать свою живительную силу. От его застойного ритуала страдают активность и нравственность многих слоев общества, и упадок страны несомненен. Однако если в других местах я описывал разложение придворных кругов в Куке, их корыстолюбие, нечестность, изнеженность и жажду наслаждений, то не следует думать, что это описание относится ко всему народу. Хотя он и обречен на бедность благодаря беззастенчивой эксплуатации со стороны власть имущих, удовлетворить насущные нужды, в общем, не трудно, а легкий нрав помогает преодолеть многое. Природа сделала этот народ живым, а долгие периоды мира и процветания приохотили его к бесхитростным удовольствиям и к любезной вежливости. Славное прошлое и блестящая цивилизаторская роль, которая выпала на его долю, рано выработали в нем чувство собственного достоинства, заменяющее природную энергию и еще не угасшее. Народ Борну в целом не отличается воинственностью (как и его прилежащие западные соседи — хауса). Если в отваге и энергии его намного превосходят восточные соседи, маба в Вадаи, то он зато менее груб, более открыт и умен. . .

У всех побывавших в Борну оно оставляет приятное воспоминание. Это прелестная, населенная приветливым народом страна, где и природа и человеческая деятельность отличаются разнообразием и изобилием. Там в равной степени развиты земледелие, скотоводство и торговля, но, хотя отдельные слои населения отдают предпочтение тому или другому занятию (в зависимости от склонности, свойственной данному племени, либо от местных условий), разделение труда, присущее более высокой ступени развития, все же не продвинулось еще достаточно далеко и преобладающая часть населения обнаруживает равное умение во всех областях деятельности. Особенно выгодное представление о трудолюбии и сноровке простого борнуанца и о богатых ресурсах страны путешественник получает в ее центральной густонаселенной части. Лежит ли его путь из столицы на запад или на юг, повсюду на дорогах страны ему повстречаются купцы и торговцы, покидающие столицу или направляющиеся туда. Вблизи от деревень его внимание привлекут пасущиеся стада или работа в поле; а в самих селениях он на каждом шагу сможет убедиться, сколь распространено и доходно разумное домашнее ремесло.

Земледелие занимает, разумеется, большую часть времени. Как только выпадут первые дожди, поля, предназначенные под обработку, очищают от травы, выкорчевывают на них кустарник и сжигают вместе с сухой травой, а когда земля в какой-то мере разрыхлится осадками, приступают к посеву. Хотя поле не нуждается в какой-либо трудоемкой специальной подготовке, в обработке

плугом или перекопке (лишь в отдельных местностях поверхность почвы разрыхляют с помощью мотыг или грабель), несовершенство земледельческих орудий и разнообразие возделываемых культур тем не менее требуют немалой затраты сил. Основным остается, конечно, возделывание зерновых, преимущественно *духна* (*Penicillaria*) и дурры (*Sorghum*). Сеют их одновременно, но первую на более легкой, а вторую — на более тяжелой почве. На последней хорошо растет и кукуруза, которую сеют уже до начала настоящего сезона дождей. Для ее вызревания требуется более длительное время, чем для первых двух. Затем, в начале сезона дождей сеют *Sorghum saccharatum*, которое созревает быстрее всех остальных. В это же время необходимо заняться саженцами хлопчатника и индиго и посеять важное *Sesamum*, а вскоре начинается посадка бобовых и земляных орехов (*Arachis* и *Voandzeia*). На вторую половину сезона дождей выпадает работа по выращиванию *Sorghum segniun*, а позднее подходит очередь дынь и арбузов. К концу сезона дождей початки духна и кукурузы и метелки дурры и разных видов сорго жнут, ссыпают в кучи, проветривают и просушивают и, наконец, обмолачивают вручную или с помощью быков. Затем в окрестностях столицы и поблизости от местожительства сановников либо в особенно благоприятных местах начинают сеять озимую пшеницу и ячмень и затрачивают очень много труда на необходимую для них поливку.

Когда окончен сбор урожая и переделаны все связанные с этим работы, настает черед домашних занятий, приходящихся на прохладное время года. Тогда как поле и сад обрабатывают и мужчины и женщины, трудоемкое приготовление растительного масла из арахиса и сезама, переработка косточек хеджлиджа, а также плодов курмы и дум лежит только на женщинах. Им же нужно еще очистить хлопок и спрясть его в нитки, тогда как в обязанности мужчин входит ткачество и шитье. Большинство работ, связанных с плетением циновок и корзин, также падает на женщин, однако изготовление веревок, изгородей, вьючных седел для быков и ослов, производство необходимых земледельческих орудий (разумеется, за исключением металлических частей, их выделка всегда является профессиональным занятием), вырезание столовых мисок и чашек для питья, гончарство и приготовление древесного угля и соли, где это оказывается необходимым, выпадают на долю мужчин⁴². Наконец у женщин к этому добавляется еще и необходимая каждодневная работа, помол муки и стряпня, дойка коров и — по мере надобности — приготовление масла. Понятно, что в небольших поселениях, где каждое хозяйство рассчитывает на себя и где из-за отсутствия целесообразного разделения труда еще не созданы и не обеспечены рынки, время жителей очень занято; даже менее зажиточные люди не обходятся без помощи нескольких рабов. Рабам прежде всего поручают уход за домашними животными, которых они должны выгонять на пастбище или косить для них траву. Рабыни помогают хозяйке во всех домашних работах.

Зимой, как только достаточно подсохнут поле и нива, наступает

время путешествий, и по стране во всех направлениях начинают разъезжать богатые купцы и мелкие торговцы. На рынки Куки и больших поселений везут зерно, хлопок, индиго, масляные плоды, домашних животных и различные ремесленные изделия, производимые в разных областях страны, такие, как тканые полосы хлопчатобумажной материи, готовые тобы, крашенные ткани, деревянные миски, плетеные корзины, циновки и т. п. С главных же рынков по всей стране распространяются европейские и местные товары. Большие караваны быков, ослов и вьючных лошадей доставляют соду с берегов Чада и из области Мунио в страны на Нигере, а оттуда и из стран хауса привозят хлопчатые ткани, изделия из кожи и орехи гуро. В южные области везут соль, добытую в пустыне, табак, одежду, крашенные козьи кожи, европейские изделия и ведут лошадей, так как эти товары пользуются там спросом. Сушеную рыбу доставляют в области, где нет рек, и возвращаются со слоновыми бивнями, страусовыми перьями, иногда с изделиями ткачества или рабами. К этому же времени года предпочитают относить и военные предприятия, которые почти ежегодно организуют против язычников, живущих в южной и западной стороне государства, так что тот, у кого нет возможности отправиться по делам торговым, охотно присоединяется к набегу, чтобы без издержек вернуться домой со скромной добычей. Таким образом, активная деятельность не прекращается в течение почти всего года, затихая лишь в последние летние месяцы перед началом сезона дождей.

Относительно высокой ступенью своего социального развития население Борну, бесспорно, обязано исламу, создавшему на берегах Чада один из самых ранних своих центров во внутренней Африке. Принятие этой религии способствовало образованию централизованного государства, которое временами достигало громадных размеров, неоднократно предотвращало внутренний раскол в отдельных племенах и способствовало разнообразнейшим передвижениям и смешениям различных элементов населения. Таким образом, у нынешнего населения Борну сложилась сложная структура, для понимания которой следует обратиться к историческому развитию государства, насколько его можно представить из имеющихся в нашем распоряжении (хотя и немногочисленных) источников. Подобно тому как мне удалось, пользуясь частично устными сообщениями, частично письменными источниками, собрать более или менее надежные данные, касающиеся прошлого государств Багирми и Вадаи, соседствующих с Борну на востоке, так всеми известными до сих пор знаниями о развитии государства Борну мы обязаны Г. Барту. Он тщательнейшим образом изучил привезенную им на родину историю одного отрезка правления короля Идриса Алома, приходящегося на вторую половину XVI столетия (автором этой хроники был имам и везир короля), обстоятельно сравнил прилагаемую к этому важному документу родословную таблицу борнуанских правителей с другой обнаруженной им краткой хроникой и проверил ее с помощью соответствующих замечаний арабских средневековых авторов. Чем подробнее изложены результаты этих исследований в книге о путешествии

моего ученого предшественника (т. 2, гл. 7), тем более краток буду я. Мне важно дать здесь лишь исторический обзор, необходимый для полного и правильного понимания страны и людей. От себя же добавить к сведениям Барта мне придется лишь очень немного.

Я долго надеялся, что также смогу внести свою лепту, если найду либо более старинные, либо более подробные хроники, в частности историческое сочинение, которое было составлено так называемым *масфармой* Омаром бен Османом в правление Идриса Алома, или Катагармабе, в конце XV или в начале XVI в. Нередко я думал, что уже близок к цели, но мне так и не удалось ее достичь. Мой хозяин Ахмед бен Брахим, который по поручению шейха Омара разыскивал для меня исторические документы, в качестве единственного результата своих поисков принес мне простой список правителей, выдаваемый за достоверный. Однако он не содержал никаких иных сведений, кроме продолжительности каждого правления⁴³. По скудости своих сведений и неудовлетворительной орфографии он вообще не может вызывать доверия и приниматься в расчет, особенно в сравнении с теми источниками, которыми располагал Барт. . . Мой список содержит имена 62 королей одной и той же династии вплоть до 1810 г., когда Ахмеду бен Али пришлось, видимо, уступить страну и трон фанатичным феллата и основатель нынешней династии, шейх Мухаммед ал-Амин ал-Канеми, спаситель страны, стал ее действительным, хотя еще и не номинальным правителем.

В хронике Барта не указана продолжительность правления одного короля. В моем списке таковая отсутствует у 28-го правителя, из-за чего, естественно, становится вдвойне ненадежным время правления его предшественников. Понятно, что при столь большом количестве правителей — до указанного года (1810) Барт называет их 65 — вкрадываются многочисленные ошибки и появляются расхождения в данных, почерпнутых из различных источников, так как на протяжении столетий сохранение исторических сведений покоилось исключительно на устной передаче; так как те, кто позднее занялся записью традиции, никогда не указывали соответствующих дат по хиджре и так как даже самые образованные мусульмане не отваживались на разумную критику. Правда, даты событий, относящихся к Борну, имеются у живших порою далеко от этих мест арабских авторов, однако они редко бывали достаточно осведомлены, чтобы их сведения заслуживали полного доверия, а местные хроники по большей части содержат слишком много пропусков, чтобы с их помощью можно было проверить сведения чужеземных авторов или хотя бы обнаружить эти последние в них самих. . .

Любая борнуанская хроника возводит предшественников нынешней династии к Сефу, который якобы был сыном последнего химьаритского правителя Зу-Язана и в моем списке обозначен как Сеф бен Хасан из Мекки. Во все времена местные жители единодушно считали его родоначальником их царствующего дома. О нем же слышали и средневековые арабские авторы. Следовательно, есть определенное основание говорить о династии Сефийя, однако подлинного доказа-

тельства такого происхождения привести невозможно. Ни в коем случае нельзя, по-видимому, считать, что сам Сеф прибыл в Канем, хотя даже имам Ахмед, главный авторитет Барта, ясно говорит, что тот пришел в Нджими (Нгигми) и основал там владение. Возможно, что в период острой борьбы среди арабских племен, последовавшей за смертью пророка Мухаммеда, остатки химьяритского царского рода были занесены в Африку, попали в страну бардоа (Куфра или Ту), добились здесь власти и почета и постепенно продвинулись через пустыню на юг. Однако если бы сам Сеф совершил весь этот путь и обосновался в Канеме, то при столь кратковременном его контакте с бардоа или теда он вряд ли мог бы добиться того широкого участия с их стороны, которое представляется необходимым для установления господства в густонаселенных областях у озера Чад. В то же время, если бы в Нджими уже поселились Сеф и его ближайшие преемники, жители Борну, вероятно, сохранили бы эту первую часть списка правителей в столь же полной передаче, что и более поздние. Тогда у них не было бы необходимости растягивать длительность правления одного или нескольких монархов на несколько сотен лет (как это дважды случилось в источниках Барта и один раз в моем списке), чтобы удовлетворить понятное желание доказать связь своего правящего дома со святой землей.

Передвижения целых племен или же подразделений племен из пустыни на юг, которые, должно быть, предшествовали основанию государства Канем, скорее всего заняли столетия и проходили в различных обстоятельствах. Этот длительный период полного превратностей существования в пустыне не мог сохраниться с той же точностью, что и последующие события, и вскоре сделался неясным и запутанным в глазах потомков, которые жили уже в другой среде, изменившись в физическом и психическом отношении. Лишь отдельные выдающиеся предки продолжали жить в устах народа, а чтобы не оставлять пробелов между достоверными королями Канема и прародителем Сефом из Мекки, одному или другому из ранних правителей попросту приписали немислимую продолжительность жизни.

Основание упорядоченного владения на территории Канема Барт относит к концу X в. н. э. Однако еще раньше Ибрахим, сын Сефа, согласно имаму Ахмеду, считался «отцом султана», а его сын (в моем списке он назван Дунама бен Ибрахим, а в хронике Барта — Дуку, или Дугу бен Ибрахим) — первым действительным королем династии. В моем списке к нему первому относится титул *майна* («государь»), тогда как при именах его предшественников он отсутствует. Поразительно, что Айома, которого Барт считает первым несомненно жившим в самом Канеме королем, в моем списке вообще не упоминается, тогда как его преемник по хронике Барта — Булу с добавлением Хайомани (эта форма является образованием языка канури) и в моем источнике назван сыном Хайомы, или Айомы. По подсчету моего списка (если совершенно не принимать во внимание позднейшего короля, продолжительность правления которого не указана) правление Булу падает на середину X в., так что сам Айома соответственно, должно быть, жил в первой половине этого столетия.

Едва ли когда-нибудь удастся точно установить, где в этих преданиях о начальном периоде господства в Канеме династии Сефийя легенда уступает место действительной истории, однако дальнейшее развитие государства было, видимо, столь быстрым и бурным, что важные факты достаточно хорошо отложились в памяти народа. Это позволяет ясно представить ход событий, хотя трудность в определении дат их свершения распространяется еще на целые столетия. Уже преемник Булу, Арки, или Харки (который у Барта назван сыном, а в моем источнике — братом Булу), так прочно обосновался в Канеме, что смог подумать о том, чтобы заложить в Дирки (Кавар) и Сиггедиме колонии рабов. Этот факт в то же время доказывает, что область тубу, где, возможно, на протяжении столетий размещались мигранты, даже после их переселения в Канем сохраняла теснейшие связи с новым государством или оставалась в зависимости от него. Этому соответствует и то, что матери Булу, Арки и последующих правителей — Шу, или Шуа, Сельмы, или Абд ал-Джлиля (в моем списке Абдаллаха), Хуме, или Уме, Дунамы и других принадлежали вплоть до XIII в. почти без исключения (как указывает хроника Барта, приводящая имена и происхождение женщин) к племени тубу, среди которых преобладали кийе и томагера.

Это обстоятельство, очевидно, способствовало тому, что у правителей сравнительно долго сохранялась светлая кожа их предшественников, которая подкрепляла притязания семьи на арабское происхождение. И лишь о Тсилим Бекруми (как он назван в моем списке), или Сельме бен Бикору (как его называет Барт), сообщается как о сыне женщины диббири (одного из племен канембу) и первом темнокожем короле династии.

Наивысший подъем молодого государства последовал за внедрением в Канеме ислама, которому способствовал король Хуме, или Уме, вероятно, в первой половине XII в. (Барт относит это событие ко второй половине XI в.). Все образованные люди в Борну считают Хуме первым мусульманским правителем, хотя ал-Макризи называет таковым некоего Мухаммеда бен Джлиля. Поскольку такое имя вообще не встречается в родословных таблицах, Барт предполагает, что тот принадлежал к позднейшей династии булала. То, что Хуме в любом случае был мусульманин, явствует из обстоятельства, что он умер в Египте и, таким образом, смерть, без сомнения, застигла его в пути, когда он направлялся в паломничество в Мекку либо возвращался оттуда. Распространение новой религии, по-видимому, происходило очень быстро, поскольку, как сообщается, преемник Хуме, Дунама, трижды с большой свитой совершал паломничество, а сменивший его король Бири был охарактеризован имамом Ахмедом как ученый человек.

Могущество Канема росло вместе с ростом цивилизации и укреплением государственной организации, которые развивались в соответствии с принципами ислама. Вскоре, однако, возникло понятное соперничество государства и необузданных кочевников тубу, на которых государство само вначале по преимуществу и опиралось. Уже Дунама, сын вышеупомянутого Тсилима Бекруми, по прозвищу

Диббалами, правивший примерно через сто лет после принятия ислама, значительно расширил территорию государства, но он же был вынужден вести многолетние войны против жителей пустыни, тесно связанных с его предшественниками. Правление этого воинственного государя хроника Барта помещает между 1221—1259 гг., тогда как согласно моему списку оно падает на период с 1266 по 1308 г. Неверность этого последнего свидетельства можно доказать с помощью событий того времени, которые датированы в других, заслуживающих доверия источниках. Однако эта ошибка, возможно, проистекает из того, что правление одного из королей приводится без указания его продолжительности.

Дунама не только упрочил господство Канема на севере, над всей территорией тубу, и распространил его на Феццан и Вадаи, но и предпринял первые военные походы на юг, в нынешнее Борну. Само это название, возможно, тогда же и возникло. Как рассказывает современник событий, Ибн Саид, Дунама в середине XIII в. продвинулся в хорошо орошаемую и многолюдную область Мабина, с которой, вероятно, идентична местность Мабани, расположенная в южном Борну. Государство, по словам имама Ахмеда, простиралось в то время на восток до Нила, а на западе выходило за пределы Нигера.

Значение названия «Борну», которое впервые появляется у Ибн Саида для обозначения части Канема, сомнительно, хотя канури, как и арабы, живущие в этой области, единодушно производят его от «Барр Ноах» («земля Ноя»). Действительно, раньше в Феццане и Триполи оно, как кажется, писалось в два слова, как меня в этом неоднократно уверял мой попутчик Бу Аиша, хорошо знавший архивы этих двух стран. Возможно, что завоеватели, пришедшие из пустыни и степей, называли область, лежащую к югу от Комадугу-Йобе, «землей Ноя», так как она отличалась непривычным для них плодородием. Позднее это наименование, видимо, натолкнуло жителей на фантастическое предположение о том, что Борну действительно было тем местом, где высадился спасшийся от потопа праотец Ной. Затрудняясь найти в своей совершенно равнинной стране хоть какую-то возвышенность, к которой мог бы пристать ковчег патриарха, они вынуждены были остановиться на незначительной скале на южном берегу Чада — Хаджер Теус, как об этом сообщает Денэм.

Ибн Халдун рассказывает в своей «Истории берберов», что в 655 г. хиджры * король Туниса принял посольство с дорогими подарками дружественного и союзного правителя Канема, чье имя не названо. Это событие превосходно согласуется с могуществом Дунамы, простиравшемся далеко на север; завладев всем Феццаном, он, вполне вероятно, мог завязать более тесные связи с королем Туниса. Еще одно событие, упоминаемое тем же автором без ссылки на какого-то определенного короля Канема, благодаря одной арабской рукописи, обнаруженной на Мальте, удалось отнести к правлению Дунамы Диббалами. Ибн Халдун рассказывает, что в 656 г. х.

*1257 г. (примеч. отв. ред.).

(1257 г.) * король Канема распорядился убить одного из сыновей известного воинственного авантюриста Каракуша, засевшего в Уаддане, а мальтийская рукопись, добавляя имя, дает доказательство, что этим королем был Дунама Диббалами. В ней говорится, что сын Каракуша, пренебреженный жадной деятельностью и из-за склонности к приключениям, отошел в страну Уаддан, при завоевании которой его отец был прибит к кресту по приказу Яхьи ал-Майорки (609 г. х.), и что его появление послужило там сигналом к новым войнам **. Но король Канема, Дунама Диббалами, напал на нарушителя спокойствия, взял его в плен и убил, а его голову послал в столицу Канема, приказав выставить на обозрение народа ***.

За блестящим правлением Дунамы Диббалами последовал приблизительно двухсотлетний несчастный период, в течение которого государству постоянно угрожали внутренний распад и гибель от внешних врагов. Распри вокруг престолонаследия и убийства правителей, заговоры сановников и междоусобные войны не меньше, чем внешние враги, подрывали процветание молодого государства. Не приходится удивляться, что мой список правителей в этот период значительно отличается от хроники, которой следовал Барт, ибо это было время, когда редко выдерживалось законное наследование власти от отца к сыну, а большинство королей погибало насильственной смертью. Хроники Барта приводят между Дунамой Диббалами и Али бен Дунамой, при котором исстрадавшаяся страна начала приходить в себя, тридцать королей, в то время как в моем списке их содержится 28. Правда, в обоих источниках встречаются много одинаковых имен, но последовательность правителей не одинакова, а многие правления, которые подтверждаются несомненными свидетельствами, в моем списке полностью отсутствуют.

Первые правители этого периода стремились продолжить военные предприятия Дунамы Диббалами против живущих к югу от Комадугу-Йобе племен, среди которых выделялись своей активностью и военными успехами сао. Они еще и сегодня живут в устах народа, но уже окруженные легендарным ореолом. Хотя традиция признает их близкое родство с первоначальными жителями области Чада и с керибина, еще и сегодня кое-где рассеянные по стране (о них будет речь в другом месте), она описывает их как людей, мало в чем похожих на последующие поколения, даже как настоящих великанов. В Нгале еще показывают в качестве их домашней утвари объемистые сосуды, частично кувшины, в которых они когда-то носили воду из Чада или Шари (колодцы, как говорят, были тогда неизвестны, а значительные расстояния, часто отделявшие их поселения от названных источников воды, не имели значения для таких великанов), частично большие миски, из которых они ели. Если несколько слов, записанных мною у стариков в Нгале как слова из языка сао, действительно взяты из этого языка, то его следует отнести к диалектам

*Точнее, 1257—1258 гг. (примеч. отв. ред.).

**1212—1213 гг. (примеч. отв. ред.).

*** G. A. Crause. Zur Geschichte von Fezzan und Tripoli in Afrika. — Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde Bd. 13, с. 359 (примеч. авт.).

макари, на которых говорят в местности котоко. Сао ныне полностью исчезли, и, хотя упомянутые керибина и будума, возможно, родственны им, или, как многие утверждают, если даже они вошли в состав племени бедде на западе государства Борну, достоверные основания для подобных предположений до сих пор неизвестны. После того как еще в середине XIV в. они разбили подряд четырех королей Канема, которые пошли против них войной, их сопротивление, должно быть, было сломлено в конце того же столетия, ибо с этого времени они больше не фигурируют в хронике в числе врагов государства. Короли же, когда им пришлось уйти из Канема, смогли разместить свою резиденцию в местности Кага (или скорее людей кага, или кава), которая расположена между Гуджебой и Удже и называется собственнo Мабани, т. е. на юге нынешнего государства Борну и в непосредственной близости от места расселения сао.

Основные события XIV и XV вв. — изгнание королей из Канема и их обоснование в Борну связаны друг с другом. Первое вызвали булала. Они основали владение в местности племени кука в нижнем течении реки Баты и на берегах озера Фитри. Барт считает (как я полагаю, ошибочно), что они находятся в тесной родственной связи с царским родом в Канеме. В период распада государства Канем, который последовал за сильным правлением Дунамы Диббалами, они усилились, добились влияния, стали успешно нападать на некогда столь опасного соседа и в течение последних десятилетий XIV в. покончили с его господством в Канеме. Сначала был побежден король Дауд бен Никале (Ибрахим), он был изгнан из старой столицы Нджими и в конце концов убит в битве предводителем булала Абд ал-Джлилем. Тот факт, что Дауд, в остальном ничем не примечательный правитель, но все же получивший некоторую известность благодаря потере прославленной столицы государства, вообще не встречается в моем списке королей, отчетливо свидетельствует о ненадежности списка. Следующие короли разделили печальную судьбу Дауда, пока его четвертый преемник, как уже упоминалось, в конце XIV в. не оставил Канем и не перенес центр государства в Борну. Удивительно то, что это государство, ослабленное постоянными войнами и поражениями и не оставляемое в покое булала, вообще смогло закрепиться в некогда столь успешно защищавшейся области. Это тем более поразительно, что в последующий период, вплоть до второй половины XV в., непрерывные междоусобные войны, вызванные борьбой за престолонаследие и выступлениями высших сановников, грозили истощить последние силы государства.

Лишь в правление Али бен Дунамы, которое, согласно хронике Барта, длилось с 1472 по 1504 г., а согласно моему списку — с 1465 по 1492 г., для многострадальной страны наступил более счастливый период. Этот выдающийся государь восстановил порядок внутри страны и, главное, ограничил все возрастающую власть отдельных сановников, среди которых, в частности *каугамма*, или верховный военачальник, вполне вероятно, мог соперничать с самими правителями. Он создал прочный центр государства, основав столицу (*бирни*) Ксар Эггомо, после чего увеличил влияние и территорию

Борну военными походами на запад, где, видимо, достиг Нигера (Квара) и перешел через него. Он смог возобновить борьбу против булала в Канеме, но только его сыну и преемнику Идрису довелось победоносно вступить в резиденцию своих предков — Нджими. Он, Идрис бен Али, фигурирующий у Барта с прозвищем Катагармабе (тогда как мой список называет его Амами), правил 23 года и в ходе двух блестящих походов завершил подчинение булала. Его прославленное правление было, очевидно, неоднократно описано упоминавшимся *масфармой* Омаром бен Османом, и нам остается надеяться, что это сочинение, несомненно имеющее большое значение для ранней истории государства, еще будет когда-нибудь найдено.

Мухаммед, сын и преемник этого выдающегося правителя, также, видимо, способствовал расширению и укреплению государства. Он окончательно покорил булала, успешно сражался на Нигере и силой и ловкостью держал в узде своих сановников, все еще наделенных огромной властью. Правда, при его сыне Дунаме булала снова восстали, но вновь потерпели поражение и были подчинены, так что по крайней мере при следующем короле, Абдаллахе, они держались спокойно. В его правление в Борну, по словам имама Ахмеда, поселились первые фульбе, или феллата, которые из-за Нигера постепенно распространились к востоку как мирные пастухи крупного рогатого скота.

Большую часть второй половины XVI в. занимает прославленное правление того самого Идриса бен Али бен Идриса, которого прозвали Алома и чей летописец, по предположению Барта, служит нам главным источником для знакомства с прошлым Борну. Согласно моему списку, а также собранным мною сведениям, его правление длилось 51 год (1563—1614), тогда как Барт, по неизвестным мне причинам отвергая это мнение, оценивает его в 33 года (1571—1603). Не следует слишком удивляться, что, несмотря на подробные записки имама и везира, невозможно добиться большей точности в определении длительности и начальной даты этого правления. Несмотря на его относительную ученость, он, подобно авторам других письменных сочинений, не указывал определенного года, вдобавок его хроника ограничивается первыми двенадцатью годами правления его повелителя.

Идрис Асмами носил также прозвище Алома (по названию места Ало, или Алао, на юге страны, где он был похоронен). В моем списке он назван султаном, тогда как остальные имеют лишь титул *майна* — доказательство того, что его блестящее правление осталось в памяти у народа Борну. Он действительно был, по-видимому, как превосходным правителем в мирное время, так и умелым военачальником: столь же справедливым и храбрым, сколь мягким и энергичным. Прежде чем испытать свое победоносное оружие в дальних краях, он позаботился о том, чтобы навсегда обезвредить сао. Их былая мощь была сломлена; тем не менее они пользовались относительной независимостью и, живя вдоль западного и юго-западного берега озера Чад вплоть до Шари, временами все еще доставляли хлопоты правителям Борну. Территорию гамергу, живших по соседству с сао,

Алома также присоединил к своему государству, а потом повернул на запад, в провинцию Кано (ее нынешняя столица — город Кано в то время, кажется, еще не существовал). Совершив победоносный поход еще и против туарегов к северу от Мунио и Зиндера и продвинувшись вплоть до Аира, он укрепил свою власть над Каваром (который у имама Ахмеда называется Дирки, или Дурку), завоевал близлежащий Аграм и довольно долго удерживался в Бильме. В те времена короли Борну, по-видимому, уже больше не претендовали на верховенство над отдаленным Феццаном.

После возвращения домой он тотчас же приступил к завоеванию какой-то части области Марги и Мандары. В течение двух лет он свирепствовал против восточных племен нгиззем, которые своими набегами причиняли постоянный ущерб жителям западного Борну. После их покорения он подчинил и западных нгиззем, из-за которых был небезопасным путь от Борну в страны на Нигере. За этими непрерывными военными походами последовало несколько спокойных лет. В эти годы неутомимый государь отправился в Мекку и тем самым заслужил титул *хадж* (паломник). Едва вернувшись, он попытался с помощью котоко подчинить себе тетала, или телала *. Согласно имаму Ахмеду, они жили на островах и по берегам озера Чад, и Барт считал их идентичным будума. Алома также упрочил свое господство над отдельными, пока что сохранившими независимость подразделениями макари, или котоко. Наконец, судя по сообщениям (относящимся, правда, лишь к небольшому периоду его правления), последовали победоносные походы против булала в Канеме и примкнувших к ним в своем большинстве тубу. Этих последних он в большом числе насильно переселил на территорию Борну. В течение своего длительного царствования он находил также достаточно времени для мирных забот о благосостоянии государства, хотя и позднее не было недостатка в военных походах, поскольку он якобы погиб в одном из них на юго-востоке страны, раненный метательным ножом или копьем (*голио*).

После Идриса Аломы при сменявших друг друга пассивных, изнеженных государях, правивших в течение XVII и XVIII вв., вновь начался упадок государства. Правда, у правителей страны еще хватало сил на войны с туарегами, жителями Мандары и с западными языческими племенами, но в то время как предыдущие короли воевали с ними на их собственных территориях или у границ государства, теперь они сами порою уже продвигались на территорию собственно Борну. Однако гибель государства и его дряхлой династии пришла не со стороны язычников или полуязычников, и не от извечных врагов, булала, а от упоминавшихся выше фульбе, или феллата. Представители этой народности (равно загадочной и для жителей Судана, и для европейских этнографов), которые до поры до времени довольствовались тем, что основали в Центральном Судане несколько пастушеских поселений, охваченные в конце прошлого и в начале

* Несмотря на неоднократные и настойчивые попытки навести справки, мне не удалось уточнить у нынешних жителей Борну хотя бы название этого племени (*примеч. авт.*).

нынешнего столетия религиозным фанатизмом и рвением, грозили уничтожить все существовавшие там государства ⁴⁴. Завоевав страны хауса, они в 1808 г. стали угрожать границам Борну. Здесь в то время правил последний настоящий король из старой династии Сефийя Ахмед бен Али — набожный, ученый и добросердечный человек, но совершенно бессильный и безвольный государь, неспособный принять какие бы то ни было энергичные меры против надвигавшейся гибели. Вместе со своими жалкими придворными он сидел в столице, которую, видимо, считал неприступной. Его войска были разбиты неподалеку от нее, и, пока победоносные пуритане-феллата вступали в столицу через западные ворота, он со своими растерянными сановниками еще успел спастись через восточные.

Государство погибло бы, если бы для его спасения не появилась новая сила в лице факиха Мухаммеда ал-Амина ал-Канеми. Полный религиозного рвения, энергии и умудренный опытом, он вместе с разделявшими его настроением друзьями арабского происхождения (Мухаммед Тираб, Брахим ал-Вадави и др.) сумел увлечь за собой своих соплеменников-канембу. Вскоре его небольшой отряд вырос до нескольких тысяч, так что ему удалось по крайней мере приостановить дальнейшее продвижение фанатичных феллата и сохранить восточную часть государства. В то время честолюбие этого рассудительного человека не шло, вероятно, дальше того, чтобы защитить свою территорию и страну своих друзей. Все же жалкий король и его трусливые придворные, оказавшись в беде, воззвали к его помощи, поручили ему защиту страны и в результате его побед, как кажется, еще раз вступили в столицу Ксар Эггомо.

В это время (в 1810 г.) умер король Ахмед бен Али. Его сын и преемник Дунама бен Ахмед сначала сам и, видимо, с некоторым успехом повел войну против еще непрерывно беспокоивших страну фульбе. Но уже через несколько лет он был также изгнан из собственной резиденции, его двор располагался то тут, то там, так что в конце концов ему пришлось побороть свою и своих придворных зависть к факиху-канембу, стать под его защиту и уступить ему значительную часть государственных доходов. Факих носил титул шейха и проживал в Нгорну, а низведенный до положения короля-марионетки Дунама находился в соседнем Барберуа со своим двором из жалких сановников. Когда же Дунама захотел перенести свою резиденцию подальше от Нгорну (в Вули), чтобы освободиться от своего спасителя и опекуна, тот его просто сверг и передал власть Мухаммеду, брату Ахмеда бен Али, т. е. дяде Дунамы. Но и Мухаммеду, построившему поблизости от Нгорну новую резиденцию, Бирни ал-Джедид (т. е. «Новый Бирни»), как только он выказал строптивость, пришлось лишиться своего титула, и марионеточное царство осталось теперь за Дунамой.

Шейх Мухаммед ал-Амин ад-Канеми, теперь действительный повелитель Борну, чтобы подчеркнуть новое положение вещей, основал в это время теперешнюю столицу — Куку и со рвением приступил к освобождению страны от внешних врагов. Главным среди них было Багирми. Сравнительно молодое государство, до сих пор

платившее дань, оно превратилось в опасного противника. Попытка привести к повиновению его заносчивого правителя, Бургоманду, с помощью короля Вадаи Абд ал-Керима, по прозвищу Сабун, не удалась, ибо последний воспользовался своей победой, чтобы самому взимать дань с Багирми, а возможно даже и разжигал враждебность Бургоманды против узурпатора власти в Борну. Тогда Мухаммед ал-Канеми призвал жителей Феццана, всегда готовых к дальним военным походам, и с их помощью опустошил заодно и северную часть Багирми — ту, где не было военных отрядов, так как при угрожающем перевесе сил защитники страны укрывались за рекой Шари. Но в следующем, 1817 году он сам потерпел поражение от войск Багирми при Нгале, т. е. в центре своей страны. В этой битве погиб король Дунама, чье место занял его брат Ибрахим, а шейх потерял своего старшего сына.

В последовавшие затем годы (на них падает пребывание в Борну майора Денэма) шейху везло больше, и в 1824 г. ему удалось снова, неподалеку от Нгалы, окончательно усмирить своих врагов, одержав над ними блестящую победу, свидетелем которой был английский исследователь. Добившись безопасности государства на востоке, Мухаммед ал-Канеми вновь смог обратиться против старых врагов на западе — феллата. Они не только по-прежнему удерживали бывшую территорию Борну, но и постоянно беспокоили те западные провинции (Зиндер и др.), что оставались под властью государства. Хотя эти военные походы шейха иногда сопровождались успехом, тем не менее дальнейшее продвижение в страны хауса не удалось, натолкнувшись на победоносные отряды их выдающегося султана Белло (1826), и шейху пришлось остановиться на нынешних западных границах Борну. На период его беспокойного и трудного правления приходится также сражения за Канем, на который из-за его статуса прежней провинции булала претендовали правители Вадаи; тогда-то и была окончательно потеряна юго-восточная часть страны.

Когда в 1835 г. храбрый хранитель государства и основатель новой династии закончил свой жизненный путь, Ибрахим еще носил титул султана. Было, конечно, опасно хотя бы номинально оставлять у власти последних представителей старинной династии, священной в памяти народа. Старейшие и знатнейшие семьи канури находились в родстве с царским родом, и теперь, когда миновала опасность и в стране в какой-то степени снова установились мир и порядок, они с большой неохотой переносили господство «выскочки». Возникло опасение, что они будут подстрекать к недовольству и организуют восстания и заговоры с целью вернуть к власти законных наследников царства. Для блага страны шейху ал-Канеми требовалось предотвратить любую возможность возвращения к прежнему положению вещей тем более настоятельно, что его старший сын и наследник Омар, хотя и унаследовал от него справедливость и ум, не отличался энергичностью. Уже недолгое время спустя эта неуместная мягкость привела к событиям, которые грозили положить преждевременный и насильственный конец еще не окрепшей должным образом канемской династии.

Омар, как и его отец, в скромной гордыне довольствовался титулом шейха и оставил за султаном Ибрахимом его иллюзорное достоинство. Сообразуясь со своими представлениями, он старался установить мир как вне, так и внутри страны, где это только было возможно. Вскоре ему удалось сделать это в отношении Багирми (его мать была родом оттуда), а затем и поладить с феллата. Но в западной части государства опасную склонность к самостоятельности обнаружил правитель Зиндера. На собственный страх и риск он начал мелкие войны с феллата и вел себя даже по отношению к соседним наместникам как независимый государь (точно так же, как во время моего пребывания в Куке это делал тогдашний правитель Зиндера, Танемон). Беспокойство за судьбу этой провинции, имевшей большое значение для западной части Борну, а также беспорядок во всем государстве, причиняемый мятежным поведением ее правителя, дали врагам шейха желанный повод замыслить его гибель. Придворные льстецы минувших времен, все больше и больше терявшие всякий вес, вместе со своим султаном Ибрахимом составили заговор. Воспользовавшись тем моментом, когда брат шейха Омара, энергичный Абд ар-Рахман отправился с войском к западной границе страны, они призвали для осуществления своих планов врага государства в лице короля Вадаи. Тот (его звали Мухаммед Шериф) охотно принял предложение и, пока вся восточная часть страны оставалась без войск, поспешил туда со своими отрядами. Шейх Омар успел еще выступить ему навстречу с горсткой людей, но уже не смог помешать ему перейти реку Шари через брод, который ему выдали прибрежные жители. Недалеко от Кусери в 1846 г. произошла неравная битва, закончившаяся поражением войск Борну. Однако еще до сражения шейх Омар заковал Ибрахима в цепи как предателя, а после поражения, во время отступления, приказал его казнить. Мухаммед Шериф опустошил всю территорию вплоть до столицы, саму столицу разрушил и посадил правителем в Бирни ал-Джедид сына казненного Ибрахима по имени Али. Затем он поспешно направился обратно в Вадаи, поскольку не чувствовал себя в силах противостоять объединенным силам Борну — быстрым маршем подходил Абд ар-Рахман и в случае поражения при трудностях перехода через Шари ему грозил полный разгром.

Хотя молодой султан Али храбро выступил в поход, он один, со своими предавшими страну придворными, не мог противостоять Абд ар-Рахману, так как в народе угасли доверие и любовь к наследственной династии. Он нашел смерть на поле боя, и ни один претендент не пытался отныне оспаривать власть у шейха Омара. Тот, несмотря на свою мягкость и добросердечность, разделался с приверженцами прежней царской фамилии, разрушил Новый Бирни и, по-видимому, добился наконец спокойствия и мира, подчинив силой оружия непокорного правителя Зиндера и подавив восстание племени манга. На месте разрушенной королю Вадаи столицы Куки он выстроил нынешний двойной город и, обосновавшись в нем, старался править мягко и справедливо вместе со своим главным советником Хадж Беширом (он в выгодном свете представлен в путевых сообще-

ниях Барта), сыном Тираба, который был верным соратником шейха ал-Канеми.

Правда, миром, которого он добился внутри страны и вовне, ему еще не было суждено пользоваться. В начале 1850 г. начались разногласия между ним и его братом Абд ар-Рахманом, которые отчасти объяснялись коренными различиями их характеров (Абд ар-Рахман был гораздо энергичнее шейха Омара, но был лишен его доброты), а отчасти основывались на ревности и отвращении принца к всемогущему Хадж Беширу. Их примирение лишь ненадолго успокоило недовольство Абд ар-Рахмана, и в 1853 г. он открыто восстал и отошел в Гуджебу. Шейх Омар и Хадж Бешир попытались подчинить его силой оружия, однако из-за зависти остальных сановников к могущественному любимцу были брошены на произвол судьбы и побеждены в открытом бою. Победоносный Абд ар-Рахман вступил в Куку, обвинил Хадж Бешира (на чьей дочери он был женат) в измене и приказал его казнить. Своему свергнутому с престола брату, который не казался ему опасным из-за его слабости и кротости, он разрешил жить в столице в качестве частного лица. На время краткого правления Абд ар-Рахмана приходится приезд в Борну Фогеля. Однако большая набожность, справедливость и доброта шейха Омара завоевали сердца многих людей. Поэтому, когда Абд ар-Рахман счел, что ему будет трудно добиться поддержки народа при таких качествах своего брата и решил поэтому изгнать его из столицы, недовольные объединились вокруг законного правителя и побудили его к открытому сопротивлению против насильственных действий узурпатора. То обстоятельство, что дело это было осуществлено без большого кровопролития в течение всего лишь одного дня (в день жертвоприношения — *ид ал-кебир*, в 1854 г.) и в самой столице или, точнее, на площади, расположенной между двумя городами, доказывает, сколь мало удалось Абд ар-Рахману укрепить свой авторитет. Его схватили, и шейху Омару пришлось решиться, разумеется, вопреки собственному чувству, но для блага и спокойствия страны, на его казнь, совершенную в декабре того же года.

С тех пор набожному и любезному государю суждено было править в мире и созерцательности, свойственных его природе, если не считать обычных нападений беспокойных пограничных соседей, таких, как туареги, бедда и другие. Благодаря этому более чем двадцатипятилетнему миру вместе с возрастом возросли и потребность шейха в неомраченном спокойствии, и его слабость в отношении злокозненных придворных, строптивых наместников и мятежных племен-данников, так что теперь стране снова стало грозить то застойное состояние, в которое она погрузилась при последних правителях прежней династии.

Тем не менее страна эта, чьи ресурсы так мало освоены, чье природное богатство и благоприятное географическое положение являются лучшей гарантией против полного упадка, несмотря на свою долгую историю, остается молодой. Если бы судьба послала ей второго Мухаммеда ал-Канеми и если бы ее удалось более вовлечь

в мировую систему, увеличив и разнообразив выходы для ее сбыта, например используя реку Бенуэ для европейской торговли, ей было бы обеспечено выдающееся положение среди государств Судана. Дух обходительности и законности, предприимчивость и ум, прилежание и сноровка населения могли бы сделать ее особенно подходящим местом для цивилизаторских устремлений европейцев, если бы они ограничились тем, что путем совершенствования сельского хозяйства и ремесел и постепенного расширения торговли, без спешки и излишней торопливости подготовили ее естественное развитие⁴⁵.

Трудно сказать, какая судьба ожидает Борну. Шейх Омар пока еще стоит во главе государства, но, судя по последним известиям, значительная часть его власти уже перешла к его старшему сыну Аба Бу Бекру, который (хотя ему и недостает тонкого понимания и доброжелательности отца) будет тверже держать бразды правления, нежели тот. Продолжение канемской династии обеспечено большим количеством наследников мужского пола. Да найдутся среди этих людей такие, кто сможет обеспечить стране то процветание, которое ей предназначила, как кажется, сама природа!

Население Борну

⁴⁵ Не очень четкое деление страны и населения. — Первоначальные хозяева собственно Борну. — Канури, их происхождение и имя. — Первые иммигранты из Канема. — Магоми и нгальма дукко. — Группы тубу среди канури (кай, или коям, тура, томагера). — Группы канембу среди канури (кубури, нгалага, диббири). — Смешанные племена канури и прежних обитателей. — Нгома и нгоматibu — Кава. — Нгазир. — Общее представление о канури. — Остатки прежнего населения. — Макари, или котоко. — Керибина. — Гамергу. — Моббер. — Манга. — Жители провинций Гуммель, Зиндер и Мунио — Пограничные племена на западе и на юге. — Позднейшие переселенцы (тубу и канембу), места их расселения — Арабские племена и их положение в Борну. — Джоама и асела. — Саламат. — Кавалима, асала и бени-хасен — Хоззам и улед-хамед. — Образ жизни шоа и управление их подразделениями. — Туареги в Борну. — Поселения феллата, вадаи и багирми. — Соотношение численности отдельных элементов населения. — Языки, которыми пользуются в Борну. — Язык канури и его место в кругу языков Восточной Сахары. — Противопоставление группы тубу-канури соседнему комплексу суданских языков. — Возможное языковое единство прежних жителей в Борну в прошлом. — Язык логон. — Дialeкт макари, или котоко. — Язык будума. — Дialeкт музгу. — Западные и юго-западные группы бедде-нгиззем, керриккерри-фика и бахир-марги. — Незначительное взаимное влияние языков прежних борнуанских обитателей и канури

Нынешнее устройство государства Борну чрезвычайно запутано и с трудом поддается уразумению. Первоначальные провинции, округа и районы раздроблены, их границы стерты, и сами они управляются по-разному. При этом сохраняются их прежние названия, подобно потерявшим свое значение титулам сановников. Прежде в большинстве своем они получали эти титулы по названию тех округов, управление которыми входило в их обязанность, а доход

назначался на их содержание. Теперь остались только названия таких ритуалов, а суть исчезла. Старый порядок вещей существовал слишком долго, чтобы его можно было забыть за короткое время, прошедшее с момента прихода к власти новой династии. Правда, канемцы неоднократно брались ниспровергать старые отношения, дробить и передвигать прежние административные округа, подчинять их другим чиновникам. Они старались упразднить некоторые крупные придворные должности или умалить их значение, создать вместо них другие или придать значимость менее важным. Однако все это слишком тесно срослось с традициями народа и не поддавалось искоренению. К тому же в течение столетий путем объединения образовались новые племена, а всевозможные передвижения отдельных элементов населения привели к сложной, запутанной их расстановке. Так вышло, что имеющегося материала оказалось недостаточно для того, чтобы получить ясное представление о разделении страны на провинции, округа и районы, а также о характере и территориальном распределении отдельных племен и их подразделений.

По собственным наблюдениям мне известна лишь восточная часть страны. Однако маршруты Денэма, Клаппертона, Барта, Овервега, Фогеля и Рольфа (вместе с моими) составляют столько более или менее точных линий, простирающихся лучами от Куки во всех направлениях, что, казалось бы, основываясь на них и присовокупив к ним новые сведения, нетрудно внести ясность в вопрос о делении страны и расселении ее жителей. С помощью старого, умудренного придворного, которого шейх Омар представил мне как лучшего знатока прежних порядков и который выдавал свои сведения лишь по прямому приказанию государя, я собрал обширный материал о сотнях отдельных районов и поселений с указанием их жителей. Тем не менее незаполненных пробелов остается еще так много, а переплетение старого и нового все еще приводит к такой неуверенности и неясности, что мне, несмотря на мою чрезвычайно трудоемкую работу, не удалось до конца оценить этот материал. Поэтому мою попытку дать карту народонаселения Борну можно считать весьма несовершенной, и я вынужден довольствоваться обзором устройства страны и населения лишь в общих чертах.

Область Борну, расположенная к северу от Комадугу-Йобе, вероятно, рано перешла во владение королей Канема, ибо завоевательные походы Дунамы Диббалами в южную часть государства относятся уже к середине XIII в. Область к югу от Комадугу-Йобе на большом протяжении принадлежала, как уже упоминалось, сао и родственным племенам. Их западными соседями были хауса, с языком которых в ближайшем родстве состоят также языки жителей Логоне и родственных им племен, тогда как язык сао являлся лишь их диалектной разновидностью. О том, что хауса некогда распространялись дальше к востоку, чем сейчас, говорит, возможно, то обстоятельство, что даза еще и сегодня называют жителя Борну аусе (мн. ч. ауса). Когда завоеватели перешли затем через реку Йоо и в беспрерывных сражениях неуклонно продолжали двигаться

вперед, прежние жители оказались оттесненными к югу, к востоку (на острова озера Чад) и к западу, другие же были поглощены и положили основание смешанным племенам.

В настоящее время преобладающую часть населения составляют канури. Относительно возникновения этого названия (которое относится, быть может, к еще более позднему времени, чем слово Борну) существуют различные мнения. Народ в Борну выводит это слово из арабского *нур* («свет»), от которого посредством именного префикса *к* было образовано слово «канури» (т. е. «человек или люди света») для обозначения тех, кто принес свет ислама во тьму язычества. Это распространенное мнение происходит из аналогичного образования прозвища канари, которое феллата относят к жителям Борну и которое якобы обозначает их как «людей огня» (от *нар* — «огонь»), т. е. как погрязших в грехе и язычестве и приуготованных гореть в адском огне. Вполне возможно, однако, что подобное объяснение слова «канури» основывается на поздней придуманной игре слов и что в соответствии с толкованием, выглядевшим более научно, оно скорее свидетельствует о происхождении жителей Борну из Канема и об овладении ими этой страной. В этом случае оно, согласно правилам местного языка, первоначально, должно быть, звучало «канемри».

Вероятность того, что название канури образовалось лишь в более позднее время, возрастает, если учесть, что оно употребляется всегда в качестве собирательного понятия и никогда для обозначения происхождения, национальности. Когда осведомляешься о низших подразделениях канури, то сначала приходишь в полное замешательство, услышав названия, которыми, по всей видимости, обозначаются составные части канембу, тубу и других. Существует, вероятно, смешанный народ канури, но не было изначального племени, носившего такое название. Единая нация канури могла или может постепенно образоваться только путем основательного слияния составных элементов, переживших общую историю и сплоченных политическими узами. Это объединение продвинулось так далеко, что среди племен, сохранившихся в чистом виде, из сочетания которых канури и возникли, они занимают особое положение. Тем не менее, чтобы понять их в целом, следует попытаться выявить их первоначальные составные части.

Жители Канема, покидавшие свою родину, движимые вначале духом предприимчивости и стремлением к расширению территории, а позднее вынужденные к этому военными успехами булала, которые во второй половине XIII в. и в течение всего XIV в. переходили за реку Йоо и постепенно завоевали нынешнее Борну, состояли из тех мигрантов со светлой кожей, из чьей среды вышли правители страны, а также из канембу, тубу и различных элементов, возникших в результате их смешения с прежним населением Канема. Первые — они считают себя вправе возводить свое происхождение к Аравии — представлены среди нынешнего населения Борну подразделениями магоми и нгальма дукко, которые сообща легко могут составить третью часть всех канури.

Среди них гораздо многочисленнее магоми, в состав которых входит правившая прежде часть царского рода; следовательно, они поставляли королей Борну. Их низшие подразделения включают потомство отдельных правителей и носят их имена, так что различаются магоми умева, чилимва, дугва (дугу, видимо, равно по значению Дунаме), магоми, бирива, далава (от Дава, или Абдаллаха) и другие. Они весьма многочисленны, что объясняется большой продолжительностью правления династии Сефийя. Поселения магоми в виде отдельных населенных пунктов или небольших округов рассеяны по всей стране и находятся как в провинциях Мунио и Зиндер, так и вблизи Чада, среди западных пограничных племен, и в местности макари; в районе Комадугу-Йобе их не меньше, чем в области нгазир, в местности Мабани и среди гамергу. Однако главная область их распространения, южнее реки Йоо, составляет ядро страны, центром которого можно считать названный их именем город Магоммери. Некогда магоми связывали со своим благородным происхождением обязанность быть всегда и повсюду самыми доблестными воинами, поэтому они и продвинулись дальше всех по всем направлениям и за это их якобы раньше других освободили от всех налогов.

Нгальмо дукко *, с частью которых мы познакомились в Канеме, возводят свое происхождение к одному из младших царских сыновей начала династии и гораздо менее многочисленны на территории Борну, нежели их родственники магоми. Их разрозненные общины находятся во всех частях государства.

Среди самых ранних мигрантов в Борну примерно в том же числе, что и предыдущие элементы, были, вероятно, представлены тубу, чьи племена кай, тура и томагера составляют значительную часть канури.

Кай первоначально были даза (одно из подразделений еще и сегодня носит имя кай-боркуа) и идентичны кийе, из которых происходила уже мать того Дугу, или Дунамы, которого многие считают первым королем Канема. Он был сыном Ибрахима, которого называют поэтому «Отцом султана». Как кажется, в Канеме их теперь совсем не осталось. Кай держались на завоеванной территории сплоченнее, нежели остальные, так что они населяют в основном значительный округ Коям, или «округ людей коям» (в эту форму жители Борну переделали их собственное имя). Округ этот лежит в нескольких днях пути к западу и к северо-западу от Куки и южнее реки Йоо. Здесь они живут смешанно с переселившимися позднее тубу, тогда как неподалеку от него и к северу от реки они образуют несколько общих поселений с канембу. Вдоль реки, на различном от нее удалении, вплоть до крайнего запада страны расположены отдельные общины кай, однако за небольшим исключением они, как видно, ограничиваются северной половиной страны.

Кай, которые живут сообща в названном выше большом округе под именем коям, считаются особым племенем, но их разбросанные

*Остается нерешенным вопрос, связано ли слово *дукко* с царским именем Дугу (Дунама) (примеч. авт.).

по другим частям страны родичи попросту причисляются к канури. Вполне возможно, что это различие исторически обосновано и что разрозненные общины кай включают потомков племен, которые переселились сюда раньше всех вместе с магоми, тогда как коям пришли в то время, когда страна уже была окончательно завоевана, и обосновались там, где они застали большинство своих соплеменников. Поскольку они жили здесь большими группами, им оказалось легче сохранить какую-то часть своей самобытности. В этом отношении поразительно, с каким упорством они до сегодняшнего дня держатся за приведенного с родины верблюда и как они сумели акклиматизировать здесь это животное пустыни (хотя и за счет потери его работоспособности), тогда как даже переселившиеся позднее тубу очень скоро занялись разведением крупного рогатого скота и лошадей. В остальном у них ничего не осталось от кочевого образа жизни их предков: они стали оседлыми, владеют помимо верблюдов лошадьми и стадами скота, являются прилежными земледельцами и там, где они не живут вместе с более поздними переселенцами — тубу, пользуются исключительно языком канури.

Еще больше растворились в канури, т. е. слились с магоми и прочими их элементами, тура — одно из племен теда, считающее своей изначальной родиной Ту, которому позднее, при правителях Канема и Борну, всегда принадлежало селение Дирки в Каваре, так что их глава еще и сегодня носит титул *диркема*. Тура, без сомнения, было больше в числе первых переселенцев в страну, чем кай. При тщательных расспросах выясняется, что их отдельные группы распространились по всей территории Борну почти столь же широко, как и магоми, хотя и в меньшем числе. Они создали поселения в самом низовье Комадугу-Йобе, занимают округа поблизости от реки, южнее прежней столицы Ксар-Эггомо⁴⁶. Часто их можно обнаружить в юго-западной части страны и нередко в ее центральной части. Встречаются они и на дальнем западе. Однако нигде они не составляют большинства населения какой-либо провинции, подобно коям. Поэтому они вряд ли хранят память о своем более отдаленном прошлом и полностью разделяют язык и образ жизни с прочими составными элементами канури; короче, они не отличаются ничем, кроме особого происхождения.

К жителям Канема, проникшим в Борну раньше других, относятся, без сомнения, и томагера, из среды которых, как это неоднократно упоминалось, вышли будто бы правители Мандары и Мунно. Уже тот факт, что им приписывают столь важную роль и что их общины находятся главным образом на периферии государства (даже в западной части области Манга, среди нгиззем, нгазир и т. д.), говорит о том, что они переселились в ранний период и составляли важный элемент канури, хотя, возможно, и производили такое впечатление скорее благодаря своему политическому значению, нежели численности. Томагера первоначально были теда, но на восточном берегу Чада они с течением времени полностью сделались канембу, и, возможно, это превращение уже совершилось, когда они пришли с первыми магоми в языческое Борну. Во всяком случае,

более поздних и более многочисленных переселенцев из членов этого племени, которые держались сплоченнее, следует отличать от канури и рассматривать как канембу (в их числе они должны приводиться и дальше).

Отдельные составные части собственно племен канембу также некогда достигли Борну вместе с магоми и растворились в смешанном народе канури. Это — кубури, нгаллага и диббири.

Кубури объявляются также царским родом: возможно, они располагали в Канеме какой-то властью до прихода северных переселенцев, а народная молва приписывает им родственные связи с магоми. Когда эти последние начали свои завоевательные походы на юг, к ним примкнула меньшая часть кубури, тогда как большая осталась на родине. Первые разбросаны теперь отдельными общинами почти по всему государству Борну, хотя и в небольшом числе. Больше всего их на востоке, вблизи Чада и нижнего течения реки Йоо, где они входят в состав смешанного племени джатко, населяют округ Дучи и занимают Нгорну — второй город страны. Но, возможно, они пришли туда позже. Говорят, что они распадаются на низшие подразделения: боркубу, амса, лиманоа (от ал-имама) и джиллуа, причем к первому возводит свое происхождение шейх Омар.

Гораздо менее многочисленны и потому также полностью причисляются к канури нгаллага (нгеллега). Помимо лежащего на западе страны округа Нгаллагати они населяют всего несколько поселений в окрестностях Магоммери. К канури причисляются также и диббири, чьи немногочисленные общины разбросаны по всей стране, за исключением ее юго-западной части.

Больше сомнений вызывает происхождение нгома, кава и нгазир, которые образовались главным образом от смешения завоевателей с местным населением, причем, как кажется, чаще с преобладающим влиянием этого последнего. Среди них самые многочисленные — нгома, которые живут почти исключительно в округе Нгомати, расположенном между Нгорну и Дикоа, и отдельные поселения которых встречаются вплоть до самого дальнего запада и юго-запада страны. Те, кто населяет округ Нгомати, называются нгоматибу, остальные носят первоначальное имя нгома. Связь между теми и другими примерно та же, что между коям и кай, однако нгоматибу, видимо, в большей степени утратили свои прежние черты благодаря обширному смешению с макари (сао?). Их изначальную природу, т. е. тот самый элемент, который соединился с макари и, вероятно, в более чистом виде сохранился среди разобщенных нгома, все еще не удастся установить с точностью. Правда, из их названия можно заключить, что эта природа роднит их с тубу (подтверждение данного предположения можно найти в сведениях Барта). Во всяком случае, такой первоначальный элемент должен был быть достаточно сильным, чтобы вытеснить язык макари, так как нгоматибу пользуются исключительно языком канури, как и разрозненные общины нгома, которых считают составной частью канури.

Кава, без сомнения, идентичны кага, которые упоминаются в хрониках Барта как живущие между Удже и Гуджеба: эти первые еще

и сегодня населяют указанную местность, носящую название Мабани (даже если не говорить о сходстве названий). На востоке и на юге их окружают полуязыческие племена гамергу и марги, на севере и на западе — подразделения канури, они почти не встречаются в других частях страны. Одно из поселений удже называется Удже Мабани, а глава всего округа носит титул *май мабани*, или *мабанима*, однако происхождение этого названия, как и вся природа племени, еще нуждается в выяснении. Поскольку слово *кава* определенно имеет звучание языка тубу, а как раз в округе Коям обитает небольшое племя тубу — кагуа, или кава, о котором узнал и Барт, то можно выдвинуть предположение, что это последнее смешалось в Мабани с жившими до них язычниками, способствовало там установлению ислама и языка канури и дало свое имя смешанному племени.

Самые большие сомнения вызывает происхождение нгазир, которых следует наконец упомянуть в качестве еще одного составного элемента канури и которые живут в юго-западной части страны, в провинции Гуджеба, в прежней местности Дейя. С северо-запада, запада и юга их окружают языческие племена (керрикерри, фика, бабир), и они-то послужили местным элементом при образовании смешанного племени, тогда как никаких предположений относительно того, каким является другой элемент, переселившийся с остальными подразделениями канури, я выдвинуть не в состоянии. Нгазир владеют обширной, густо населенной местностью и, как кажется, не делали никаких попыток распространиться за ее пределы — обстоятельство, которое свидетельствует о преобладании в их среде местных составных частей. Сначала коренные жители Дейи и Мабани оказали завоевателям упорное сопротивление и в дальнейшем уготовили им много бед и трудностей, так что эти округа всегда ставились под охрану *каигамы* — верховного военачальника и высшего государственного чиновника и подлежали его управлению.

Если помимо названных подразделений канури упоминаются еще канури маргаде, аджива, кунна и другие, то эти названия обозначают, вероятно, лишь отдельные семейные объединения упоминавшихся элементов, чаще всего среди магоми. Арабские элементы, как мы это увидим дальше, также якобы пришли в страну уже с магоми в качестве завоевателей; однако они никогда и нигде не растворялись среди канури настолько, чтобы быть причисленными к ним.

В тех местах, где канури заселяли страну группами, жившими рядом друг с другом, они стали совершенно однородны в языке, образе жизни и обычаях. Лишь те, кто заселил в какой-то степени обособленно более крупные округа, подобно коям и нгоматibu, смогли сохранить или выработать определенные особенности. Не приходится, однако, удивляться, что канури в физическом отношении не имеют никаких характерных признаков и не предстают в качестве единой нации, если учесть множество входящих в их состав элементов. Никак нельзя представлять, будто они произошли только из приводимых до сих пор слагаемых, а следует вспомнить о том, что молодой смешанный народ испытывал постоянные и весьма значительные

влияния не только в силу изменившихся климатических и других условий жизни, но преимущественно за счет покоренных туземных племен. Эти племена по мере военных успехов завоевателей во все более возрастающем числе поставляли им рабынь — матерей их детей. Чужое влияние постоянно усиливалось, в то время как собственный характер и без того утрачивал от поколения к поколению первоначальную природу.

Действительно, общаясь с канури и еще не зная об их сложном составе, удивляешься, сколь разнообразны среди них типы индивидов по цвету кожи, телосложению и чертам лица. В общем, можно сказать, что признаки северного (арабо-ливийского) происхождения магоми совершенно утрачены, хотя кое-где его отголоски обнаруживаются у отдельных индивидов, чье происхождение совершенно исключает мысль о более позднем семитском или берберском воздействии. В общем смешении потерялись остатки физического своеобразия тубу, прежде всего теда, которые еще могли бы противостоять влиянию климата, и стерлись даже типичные черты чистокровных канембу. Возник новый род, который, правда, довольно часто проявляется в отдельных индивидах характерными признаками своих изначальных составных частей, но в общем и целом походит на них очень мало, не приобретая при этом какого-то единого характера. В физическом отношении трансформация отдельных черт не оказалась благоприятной. В целом канури можно назвать некрасивыми. Обычно среднего роста, сложены не очень пропорционально, с черной кожей серого или красноватого оттенка. Их движения далеко не столь плавны и энергичны, как у тубу и канембу. Особенно не повезло женщинам, если вспомнить стройную фигуру и приятные черты лица их родственниц — чистокровных тубу и канембу.

Понятно, что канури удалось вытеснить или ассимилировать коренных жителей лишь до определенной степени. Там, где благодаря своей многочисленности или присущей им предприимчивости коренные жители сумели противопоставить захватчикам упорное сопротивление, они, хотя и были покорены и разъединены поселениями канури, смогли сберечь свое единое лицо, язык и обычаи. Так, макари, или котоко, образуют довольно компактное население по всей юго-восточной части государства; населяющие большую часть северо-западного Борну манга, вопреки многочисленным в этой местности канурийским колониям, существуют как особое племя; гамергу удалось сохранить многие из своих особенностей, хотя они целиком включены в состав государства; даже небольшое племя моббер все еще отличается от своих соседей, а бродячее племя керибина, несмотря на свою малочисленность, также не растворилось в остальном населении. Подобное положение облегчается на границах государства, где, например, в провинциях Зиндер и Гуммель преобладают хаусанская кровь и язык хауса, причем власть королей Борну здесь не подвергается сомнению. Наконец, само собой разумеется, что воздействие переселившихся племен на национальные особенности не полностью покоренных племен на западных и южных границах оказались минимальным либо вовсе отсутствовало.

Макари, или котоко (оба эти названия, происхождение которых неизвестно, равноценны), включают жителей одноименной борнуанской провинции и маленькой зависимой страны Логон. Они близкие родственники островным жителям Чада, язычникам-музгу, гамергу и жителям Мандары. Макари — несомненные мусульмане. Гамергу и жители Мандары тоже, по-видимому, все привержены исламу. И лишь часть островных жителей, большинство музгу и, возможно, отчасти керибина сохранили еще языческие верования. Их отделяют друг от друга значительные различия в языке, нравах и культуре.

Макари, по словам многих, не изначально владели своей нынешней страной, а пришли сюда со среднего течения реки Шари и частично поглотили прежних жителей. Поскольку ими были сао (керибина?), то смешение с ними при предполагаемом изначально родстве должно было бы легко прослеживаться. Пока что невозможно ни решить, действительно ли имело место это вторжение, ни выдвинуть обоснование предположения относительно его времени и причин. В Нгале, древнем городе сао, имеется интересный памятник, большой земляной мавзолей, в котором якобы похоронены 35 королей Нгалы (относившихся уже к макари). Им пользовались еще долгое время и после принятия ислама, ибо только пять последних королей Нгалы (не имеющие власти вассальные правители) были якобы погребены по мусульманским обычаям. Усопших хоронили в сидячем положении. На могилу ставили украшение из обожженной глины в форме конуса или сахарной головы и засыпали все землей. Непосредственное соседство одной могилы с другой и заполнение промежуточного пространства землей привели к образованию равностороннего четырехугольника высотой в 2,5 м. Теперь он быстро разрушается. По сторонам из земли повсюду торчат наружу царские останки, а наверху приходят в упадок глиняные намогильные украшения. Указанное число королей, пожалуй, соответствует тому отрезку времени, который прошел с тех пор, как, согласно хроникам Борну, было сломлено сопротивление могучих сао северным захватчикам. Однако предполагаемое переселение макари с юго-востока, вполне возможно, было связано с основанием государства Багирми, которое с некоторой уверенностью можно отнести к началу XVI в. В этом случае мы имели бы дело с двойным движением, т. е. передвижением канури с севера и макари с юго-востока. Между ними жили сао, которым, таким образом, не оставалось ничего иного, как уступить.

Макари образуют народность, во многих отношениях отличающуюся от основных элементов канури. Для их физического облика характерно плохое сложение. При своей жизни в болотистой местности они склонны к ожирению, имеют неправильные черты лица и в общем очень темный цвет кожи. Они тугодумы и тяжелы на подъем, однако работающие и не лишены ума и по сравнению с музгу, их соседями и родственниками, достигли высокой ступени развития. Хотя толчок к такому развитию им дали канури, в раннее время принявшие ислам, тем не менее их искусные изделия носят весьма своеобразный характер. Таким образом, полученным извне идеям они по крайней мере сумели придать самобытную форму. В этом отношении инте-

ресно, что язычники музгу аккуратностью и прочностью своих неприхотливых жилищ (как их описывает Барт) в какой-то мере напоминают постройки макари в Борну и Логоне и что их обычай тщательного захоронения мертвых близки, с одной стороны, обычаям, представленным в земляном мавзолее в Нгале, а с другой — обычаям своих соседей на юго-востоке, языческих племен южного Багирми. Макари прилежно занимаются земледелием, ремеслом и рыболовством. Они выращивают по преимуществу дурру, кукурузу, хлопок, индиго и различные овощи. Их основные ремесла — это крашение, плетение циновки и корзин, а их мастерство в постройке домов и средств передвижения по воде достигло достаточно высокой степени совершенства. . .

Борнуанская провинция Макари, или Котоко, состоит из множества небольших владений или городских областей, среди которых стоит упомянуть в качестве наиболее значительных Мисене, Нгала, Афаде, Маффате, Гульфеи, Уксери и в качестве менее значительных Каза, Рен, Тиллам, Ндуффу, Джирбеи, Сангайа. Каждая область подчиняется туземному вождю или королю, которого, однако, часто оттесняет на задний план борнуанский наместник, или *алифа*, поставленный для наблюдения за ним. И лишь Логон (далее мы рассмотрим его специально) больше по площади и имеет правителя, который, хотя и находится в вассальной зависимости от короля Борну, в своей стране располагает полной самостоятельностью. Помимо него лишь правители Гульфеи и Кусери якобы пользуются правом выносить смертный приговор своим подданным.

Керибина (справедливо или ошибочно считающиеся остатками сао) составляют теперь незначительную часть населения той же области, возможно из-за того, что они почти исключительно живут охотой. Это занятие вообще не пользуется большим почетом, и они занимают довольно презренное положение. Их небольшие подразделения разбросаны в лесу, и хотя сам я не видел их на территории Борну, но часто наткнулся на их загоны из колючих изгородей, деревянных заграждений, соломенных оград, в которые они постепенно загоняют дичь, пока не отрежут ей всякое отступление. Однако кое-где они занимают целые поселения, и единственную возможность проникнуть в их среду я получил в городке Кульчи, расположенном в Логоне и населенном почти исключительно ими. Они пользуются там только языком логон, и, хотя в целом в них есть нечто особенное, мне тем не менее не удалось обнаружить те качества, которые отличают их от соседей. Все они были вооружены луками и стрелами и вопреки своему мусульманскому вероисповеданию невинно вкушали свинину, которую им в изобилии доставляла охота в этой местности, богатой дикими свиньями. Керибина, живущие в Борну, хотя и пользуются обычно языком канури, имеют, как кажется, еще один диалект, состоящий в близком родстве с языком едина.

В южной части территории Борну, между Диквой и Мабани, к северу от Мандары и области Марги один значительный, густо населенный округ занимают гамергу со своими поселениями Ялое, Гава, Гуэгуэ и др. Они совершенно походят на своих соседей, жителей

Мандары, отличаясь от них разве что незначительной разницей в наречии. Они лишены какой бы то ни было политической самостоятельности, не имеют собственных правителей, однако их общины совершенно похожи на общины собственно людей Борну, хотя они, по-видимому, все еще включают языческие элементы. Если их природа определяется близким родством с жителями Мандары, то характер маленького племени моббер установить труднее. Это племя живет в округе Бакара, примерно в трех днях пути к востоку-северо-востоку от Куки и по левому берегу реки Йоо, и владеет отдельными поселениями (например, Билла Ганна) в ее нижнем течении. Мнения, существующие в Борну относительно происхождения этого племени, расходятся. В то время как некоторые считают его остатками бедде, которые прежде жили дальше к востоку, другие полагают, что оно возникло от смешения последних с канембу, а третьи — от смешения сао с канембу. При этом следует еще заметить, что, по мнению многих, бедде весьма близки к сао. Моббер придерживаются теперь того же образа жизни, что и канембу, пасут, как и они, превосходных коров кури, особенно преуспевают в разведении овец и отдают предпочтение хлопчатнику. Однако по своим физическим данным они уступают канембу: по большей части они более чернокожи, меньшего роста и имеют не столь правильные черты лица, как первые. Их численность имеет небольшое значение в общей массе населения Борну.

Более многочисленны манга, хотя их первоначальная природа тоже остается невыясненной. Они составляют преобладающую часть населения одноименного округа, расположенного севернее верховьев Комадугу-Йобе и протянувшегося с востока на запад примерно на 200 километров. Хотя в общении они пользуются исключительно языком канури, они совершенно на них не похожи и, без сомнения, не имеют ничего общего и с их крупными составными частями — магоми, канембу и тубу. Хотя они составляют значительную часть населения Борну, поражает то, что они не упоминаются в имеющихся борнуанских хрониках. Барт не без оснований делает из этого вывод, что они, возможно, обязаны своим происхождением смешению между племенами, но против этого предположения свидетельствует, очевидно, то обстоятельство, что они сохранили особый, близкий к языку бедде диалект и что как по своему внешнему виду, так и по обычаям и образу жизни они обладают сходным для всех характером. Они сильного, довольно высокого сложения, неуклюжи и с некрасивыми чертами лица; в качестве единственного одеяния довольствуются кожаным фартуком, тогда как женщины и девушки закрывают лицо темной материей. Из оружия они пользуются луком и стрелами, а также небольшой секирой, которую носят на плече.

Помимо немногочисленных проживающих в стране знатных феллата и немногих керибина манга являются единственными жителями собственно Борну, которые пользуются луками и стрелами — излюбленным оружием людей даноа в Канеме. Подобно тому как те стараются защитить от врагов свои поселения, используя естественные заросли, манга делают это с помощью изгородей. То и другое дает мне повод упомянуть встречающееся порою ходячее мнение, согласно

которому первоначальные жители канемского округа, манга, входят составной частью в смешанное племя даноа, и выдвинуть предположение о возможной связи манга из Борну с этим племенем из округа в Канеме. К тому же упомянутый обычай их женщин закутывать, подобно мужчинам тубу, лицо темной материей, в свою очередь, мог бы свидетельствовать о происхождении манга из районов, пограничных с пустыней.

Тем не менее я не скрываю от себя, что против подобного мнения говорит ряд важных соображений. Совпадение названий борнуанского племени и канемского округа вполне может быть случайным. Связь даноа с манга никак не доказана, а переселение столь многочисленного племени из Канема в Борну вряд ли могло бы иметь место, не найдя отражения в хрониках либо в традиции. Бóльший вес при суждении о манга имело бы, как мне кажется, языковое родство между ними и бедде; если бы оно подтвердилось, первых можно было бы считать одной из покоренных канури народностей. В этом случае «манга» было бы не национальным названием, а тем, что им позже дали завоеватели (как это нередко и случается). С этим совпало бы и то объяснение, которое я в разное время слышал от канури: будто слово «манга» первоначально служило не названием племени, а звучало как «мадинга» и означало «трудные люди». То, что их нельзя причислять к канури, как это часто случалось мне слышать от купцов, пересекавших их территорию по пути в хаусанские страны, можно объяснить не только их своеобразием, но и тем обстоятельством, что они сами считают канури чужим народом и, подобно хауса, называют их именем бале.

Манга живут на землях, которые начинаются западнее прежней столицы страны, Ксар-Эггomo, и не только составляют основную часть населения в одноименном округе собственно территории Борну с самыми крупными городами Гобальгорум, Маммари, Майкономари, Гремари, Борсари, Вади, Дуну, Дефоа, Кафи, Донари, Сурриколо, но и решительно преобладают в расположенных западнее провинциях Бунди и Машена (Матьена). Первая из них принадлежит *галадима* и в числе крупных поселений насчитывает Бунди, Нгуру, Аламей, Чейесемо, Амадири, Нгаберауа, Бату и др. Вторая лежит к западу от Бунди и к северо-востоку от Гуммеля. Ее главными поселениями являются Машена, Таганама, Малам, Майримаджа, Елкаса, Фанья Кангуа, Бенсари. Вся эта область, кроме того, усеяна отдельными поселениями канури.

На западе и северо-западе, в провинциях Гуммель и Зиндер, манга граничат с хауса. В Гуммеле среди главных поселений помимо одноименной столицы, служащей «складом» для оживленной торговли содой, которая поступает из Борну, следует назвать Серикаки, Каббори, Кадангаре, Гозуа и Бирменава. В Зиндере население состоит из хауса, туарегов и канури, причем первые преобладают. Столица Зиндера, носящая то же имя, является важным промежуточным торговым пунктом между расположенной на территории Сахары областью Аир, с одной стороны, и Борну и странами хауса — с другой. Наконец в Мунио, провинции, расположенной к востоку

от Зиндера и к северу от Бунди и Машена, пестрая смесь хауса, феллата, манга, канури и туарегов населяют Суллери, Буне, Гуре, Вушек, Геддийо и другие города и деревни. Во время моего пребывания в Борну правитель Зиндера, заносчивый Танемон, напал на правителя Мунио, так называемого *муниому*. Он убил его и пытался не только присоединить его территорию, но и подчинить своей власти остальные провинции западного Борну — всю местность Демагерим.

Уже упоминалось, что на западной границе государства, к югу от округа Манга и области *галадимы*, располагаются неполностью покоренные бедде, в большинстве своем язычники. Их территория складывается из многочисленных отдельных городских областей (например, Дадегир, Масаба, Гешоа, Дойо, Тагалли, Фитити, Гешин и др.). К югу от них в поселениях Багари, Нгиззере, Люргум, Джаба и Лафия и других живут восточные нгиззем, а к югу от этих последних, в поселениях Джаллам, Багарао, Дора, Фетискум, Донкерра, Согома и т. д., — керрикерри. Затем следуют близкие им фика, а к юго-востоку от них обитают племена бабир, или бабор. Последние живут южнее Гуджебы, вплоть до реки Бенуэ, где они смешались с феллата и батта. Наследный принц Абу Бекр, неоднократно возглавлявший вторжения на их территорию, назвал мне среди подразделений бабир гаши и мага, а из их поселений Лигдир, Хиани, Гараголь, Джаннафолу, Киледори и другие. До восточных границ территорий всех этих племен из Куки можно добраться за шесть—восемь дней пути в западном, западном-юго-западном и юго-западном направлениях. К востоку от бабир, южнее округа Мабани, в округах Шамо, Муллеги, Иссеге и других живут марги.

Те из них, кто живет дальше других на севере, приняли ислам и подчинены Борну не только номинально, но и в действительности. За ними далее на восток, южнее области гамергу, располагается небольшое мусульманское вассальное владение Мандара, или Ванда, а между ним и западной границей Логона вклиниваются северные подразделения язычников музгу. Некоторые их вожди приняли ислам и признали верховенство Борну. Как бы часто ни случались враждебные столкновения между жителями этих пограничных округов (за исключением людей из Мандары) и жителями Борну и, следовательно, какими бы опасными ни были эти области, тем не менее во всех них мы обнаруживаем отдельные колонии канури и чужаков. Особенно незаметным, безобидным образом умеют проникать в среду язычников феллата, а между Логоном и Мандарой на территории самых северных музгу живут даже арабы.

Как уже говорилось, вторжение магоми и их соратников, вероятно, в основном приходится на период от правления Дунамы Диб-балами (середина XIII в.) до конца XIV в. К этому времени короли Канема, должны быть, оставили свое государство и переселились в Борну, и, без сомнения, вместе с ними избежали мести и господства булала многие группы населения. Однако много новых причин для переселения существовало и позднее, вплоть до недавнего времени. Чем раньше они происходили и чем менее упорядочены были еще отношения на недавно отвоеванной территории, тем легче

мигранты ассимилировались, очевидно, со своими предшественниками и растворялись в народе канури, находившемся в процессе становления. Позднее, когда первоначальные хозяева не оспаривали больше у завоевателей владение этой территорией, а те в известной степени обосновались уже окончательно, им легче было держаться сообща и, таким образом, в большей мере сохранить свое своеобразие. Эти последние переселенцы состояли преимущественно из тубу и канембу.

Король Идрис Алома, как об этом сообщает его летописец, после своих победоносных выступлений против булала переселил в Борну значительное число тубу, которые были подданными или союзниками булала, и поселил их на реке Комадугу-Йобе, в основном в округе Коям. Они легко слились с этими своими изначальными соплеменниками, так что во многих случаях их не удастся даже отличить друг от друга. Но в этом объединении им все же удалось сохранить некоторые национальные особенности, которые устояли перед климатическими воздействиями и изменившимся образом жизни. Однако несмотря на это, при своей небольшой численности и неизбежном смешивании с окружающими канури они скоро растворятся в смешанном населении Борну. И теперь уже, когда осведомляешься у вождей тубу в Борну относительно природы подчиненных им подразделений племен, то помимо таких хорошо известных названий, как вандала и атерета, узнаешь и другие, которые бесполезно искать по всей территории тубу, а именно кенда, калада, кадуриа, арчава, тогда как такие названия, как дугва, тсилумма и бириа, своим созвучием с именами королей Канема и Борну свидетельствуют о примеси канурийских элементов. Переселившиеся в недавнее время тубу, составные части вандала, атерета, и гунда еще сохраняют все те племенные особенности, которые были присущи им в Канеме, а их расселение к западу от самой северной части Чада, в округе Казель, переходящем на севере и западе в бескрайние степи, надолго обеспечит, вероятно, их кочевой образ жизни, их связи с соплеменниками в Канеме и тем самым свойственные им особенности.

Большинство тубу на своих новых местах жительства либо уже сделались совершенно оседлыми, либо станут ими сравнительно скоро. Из-за этого (а также из-за изменившихся климатических условий) совершенно изменился их прежний характер жителей пустыни. У их бывших соседей и первоначальных родственников канембу этот переход прошел легче. Но и среди них, не считая переселившихся в более раннее время кубури, нгаллага и диббири, многие подразделения передвинулись на юг в связи с усилившимся политическим распадом на их родине, и это движение продолжается вплоть до последнего времени. Как уже отмечалось, кубури, которые живут в поселениях на нижнем течении реки Йоо и в городе Нгорну, возможно, переселились туда в более позднее время. В отношении же сугурти и той части томагера, которую в Борну называют томагери, этот вопрос можно считать решенным.

После того как западная часть Канема оказалась беззащитной против набегов юго-восточных туарегов, сугурти в настоящее время

одно из самых многочисленных подразделений канембу, начали покидать свои родные места. Это движение получило новый толчок при безжалостном владычестве улед-солиман и их соратников. Сугурти занимают теперь прибрежную местность вдоль Чада между реками Йоо и Нгорну и живут в поселениях Бери, Ареге, Кауа, Мадуари, Биндер и других, но отсутствуют во внутренней части Борну. То обстоятельство, что они пытались воспрепятствовать упадку династии Сефийя и с оружием в руках поддерживали ее последних представителей в борьбе с шейхом Омаром, не пошло им на пользу и не способствовало росту их авторитета. Низшее подразделение племени сугурти, тура, тоже указывает на тесную связь между канембу и тубу, самое яркое свидетельство которой представляют собой томагера (как это было показано при описании населения Канема). Этих томагера следует относить к канембу, кроме той их части, которая, вероятно, составила важный элемент среди первых канемских завоевателей. В качестве канембу они с давних пор жили в Канеме, затем частично покинули эти места и заняли на территории Борну самую северную часть западного побережья озера Чад. Здесь они владеют поселениями Нгигми, Вуди, Баруа и другими и благодаря присущей им изворотливости (о чем свидетельствует та роль, которую они всегда играли в истории) противостоят, хотя и с большим трудом, набегам туарегов.

В Борну, как и повсюду в Центральном и Восточном Судане, есть арабы, хотя их численность далеко не так велика, как в Вадаи и Дарфуре. В основном они, по-видимому, переселились сюда с востока, большинство в сравнительно позднее время, и это восточное происхождение, так же как связь с восточносуданскими арабскими племенами, прослеживается у многих их подразделений. Разумеется, речь идет лишь о тех арабах, которых на языке канури называют шоа и которые уже поколениями живут в Судане. Они совершенно отличаются от арабов, время от времени появляющихся с севера из приморских стран в качестве купцов или воинов и носящих в Борну имя васили. Шоа — в зависимости от степени смешения с туземными элементами — весьма различаются в физическом отношении. Там, где они живут вместе с большими подразделениями и вблизи от других арабских племен, они сохраняют светлую кожу и черты лица своих предков; в других условиях они начинают так или иначе походить на туземцев. Насколько мне известно, в таких случаях в первую очередь изменяется цвет кожи, затем стираются характерные признаки черт лица и только под конец затрагивается язык.

Благодаря господству ислама, который пользуется только арабским языком, язык этот до сих пор сохраняется у арабских племен Борну в поразительной целостности и чистоте. Обороты речи и произношение близки к диалектам того арабского языка, на каком прежде говорили бедуины Аравии. В Борну я знал арабов, которые, несмотря на то что их семьи в течение ряда поколений жили всего в нескольких днях пути от Куки, настолько недостаточно владели языком канури, что мне, иностранцу, приходилось служить им переводчиком. В общем, шоа, по-видимому, не слишком-то хорошо чувствуют себя

в Борну и постепенно отходят во влажную область с ее нездоровым во многих местах климатом, где они, теряя собственную самобытность, благодаря смешению с туземцами стоят перед перспективой полного исчезновения. В соседних Вадаи и Дарфуре их братья по крови живут в гораздо более благоприятных условиях как в смысле климата и земли, так и в смысле отношений с окружающим населением.

Первые арабские элементы якобы пришли в страну вместе с магоми как завоеватели. Таковыми, в частности, считаются джоама и асела, которые, если верить устным сообщениям, прежде были гораздо более многочисленны и уже тогда храбро сражались вместе с королями Канема против сао. Джоама считают себя отделившимися подразделением улед-рашид из Вадаи. Их численность очень сократилась из-за стремления сохранить в столь можно более чистом виде свою кровь. Они, по-видимому, все сплошь светлокожи и живут в округах Магоммери и Карагуаро. Они распадаются на низшие подразделения — хамедийя и саварима и в лучшем случае насчитывают 2 тыс. человек. Асела в преобладающем большинстве темнокожи. Они насчитывают самое большее 6 тыс. человек, распадаются на подразделения сераджийя и улед-аина и живут в окрестностях Удже.

После названных арабских племен раньше других на территории Борну поселились арабы саламат. Они образуют самое многочисленное племя, хотя при этом и сохранившееся в наименьшей чистоте. Живут они исключительно в юго-восточной части страны, в провинции Котоко (особенно в окрестностях Гульфеи), в Логоне и в лежащем к западу от него округе Бальге (севернее Мандары). Их примерную численность можно оценить в 30 тыс. человек. Они распадаются на многочисленные более мелкие подразделения: дарбиггели, бени-зеид, улед-брахим, улед-феда, ал-укура, улед-омар, саадина, улед-бу-джимме, алжама, улед-али, улед-римим, улед-ал-хадж и улед-доккола, причем два первых многочисленнее остальных.

Следующими по времени переселения являются кавалима, асала, бени-хасен и бени-бедр, которых якобы связывают родственные узы. Среди них наибольшего внимания благодаря их численности и благосостоянию заслуживают кавалима, которым удалось в какой-то мере уберечь чистоту своей крови. Они живут по большей части к востоку от Нгалы, в окрестностях Рена, Вулеги и др. В меньшем количестве — в округе Нгомати. Они распадаются на улед-мохариб, декена (деггена), улед-серрар, улед-ганим, бени-ванл, улед-бохтер, улед-омеири и улед-бу-иса; их численность, возможно, близка к 20 тыс. человек.

Асала, которые неоднократно упоминаются в качестве союзников кури в Карке, с давних пор поселились на южном берегу Чада. Но там, несмотря на свои сравнительно безопасные убежища на островах кури, они так сильно пострадали от военных отрядов Багирми и Вадаи, что в недавнее время начали переселяться в Борну, где в окрестностях Магоммери и в Нгомати уже поселились небольшие их подразделения. В большинстве своем они темнокожие и в целом, видимо, насчитывают 4—5 тыс. человек, из которых при-

мерно третья часть живет в Борну. Они включают в себя следующие подразделения: улед-солиман, улед-мерруах, улед-даи, улед-томбуб, улед-шериф и ал-тауабте.

Бени-хасен (их вкрапления имеются в Канеме), несмотря на свою многочисленность, как кажется, сохранили светлый цвет кожи и прежде якобы были зажиточны. Они по большей части отвыкли от кочевой жизни, обитают к северо-востоку от Мандары и насчитывают не более 1 тыс. человек. Не более многочисленны их родственники бени-бедр. Они живут в области Удже и являются наполовину кочевниками, наполовину земледельцами.

В недавние времена, как кажется, только при шейхе Мухаммеде ал-Амине ал-Канеми в Борну переселились хоззам и улед-хамед. Хоззам — племя не чистокровное. Оно распадается на подразделения кенабке, улед-бу-асаф, ал-бахарийа, омеират и кебесат, и их численность можно оценить в 2 тыс. человек. Все они живут в округе Нгомати, у них очень мало лошадей, а с тех пор как недавно эпизоотия сильно уменьшила поголовье их рогатого скота, они заняты почти исключительно земледелием. Наконец, улед-хамед, среди которых людей с темной кожей встречается почти столько же, сколько со светлой, превосходят по численности кавалима, но не могут в этом отношении равняться с саламат. Они обитают частично в Логоне, частично в Нгомати и распадаются на бекрийа, хадеисат, или ниджемийа, улед-муса, зеилат, амун аллах, бени-малик, баба джоди, навала, улед-кедафат, омм кулеба и улед-хамедийн. В настоящее время из всех арабов в Борну они считаются наиболее состоятельными.

В общем и целом живущие в Борну шоа вряд ли намного превосходят по своей численности 100 тыс. человек. Всего лишь в прошлом поколении они, должно быть, были гораздо многочисленнее, ибо Барт оценивал конницу шоа, принимавшую участие в военном походе в область Музгу, к которому он примкнул, примерно в 8 тыс. человек. Это число мне подтвердил один сведущий высокопоставленный чиновник в Куке. Во время моего пребывания в Борну племена шоа все вместе были, очевидно, в состоянии выставить не более 5 тыс. всадников. Правда, на разделяющий нас промежуток времени приходится одно событие, которое значительно уменьшило численность арабских племен (я вернусь к нему в главе, посвященной истории Багирми), а именно паломничество фанатика-феллата муаллима Шерфеддина. Явившись из стран на Нигере, он пересек южное Борну и Багирми и увел с собой из обеих стран много народа. Насколько обезлюдели после этого отдельные поселения, можно понять из того, что я, например, застал в прежде густонаселенном городе Рен, некогда принадлежавшем сао, едва пятьдесят жителей, а город Афадэ, население которого Барт оценивал в 8 тыс. человек, вряд ли насчитывал немногим более 2 тыс. человек.

В Борну шоа пришлось отказаться от излюбленных их предками верблюдов и начать разводить крупный рогатый скот. Но и здесь при густоте населения они были очень ограничены в своих традиционных привычках кочевников, занимались также разведением

лошадей и не могли полностью обойтись без земледелия. Большие опустошения, нанесенные их стадам эпизоотией, теперь все больше и больше направляют их интересы в сторону земледелия, и с тех пор некоторые племена и подразделения племен сделали оседлыми. Этим объясняется то, что шоа играют весьма важную роль в хозяйственной жизни Борну. Это они снабжают крупные рынки зерном, коровьим маслом и дикорастущим рисом. Особенно же обильно представлены продукты их трудов в земледелии, скотоводстве и коневодстве на рынке, который происходит по понедельникам в Куке. Поразительно, что арабы, т. е. та самая часть населения, чьи предки пасли скот в негостеприимных пустынях и степях, с явной охотой поселились в Борну в местах, наиболее богатых водой. Поскольку они не считают охоту позорным занятием, они здесь усердно занимаются также добычей слонов и буйволов. У меня еще будет случай описать их внешний вид и обычаи, их жилище и одежду в той части моего путешествия, которое относится к их округам. Правда, опытный путешественник старается не заезжать к ним, ибо из всех арабских обычаев у борнуанских шоа самый большой ущерб нанесен обычаю гостеприимства.

Каждое племя возглавляет старейшина — *баш-шейх*, а каждое низшее подразделение управляется шейхом, который подчиняется какому-либо сановнику в Куке как стоящей над ним инстанции. В качестве регулярных податей все подразделения кавалима, асала, бени-хасен, бени-бедр, хоззам и улед-хамед, т. е. шоа, живущие преимущественно во внутренней части государства, поставляют раз в три года лошадей, быков и кувшины с животным маслом в количестве, находящемся в определенной зависимости от их численности, и, кроме того, ежегодно десятую часть зерна (*ашур*). Сходны с этими и подати, которыми облагаются джоама и асела, однако здесь отсутствует регулярная поставка лошадей, а остальные сборы производятся не коллективно, а накладываются на отдельные хозяйства и вносятся ежегодно. Напротив, саламат облагаются налогом совсем по-иному, в соответствии с тем, живут ли они по южному краю Чада, в остальных областях провинции Котоко, или в Логоне и Бальге у северной границы с язычниками музгу. Те подразделения, которые находятся поблизости от языческих племен, обязаны, помимо зерна, лошадей или быков, поставлять еще рабов. Другие сдают одежды, которые ткут и окрашивают в Котоко или Логоне; на третьих накладывается подать, состоящая из меда, дикорастущего риса или овец.

Четвертая часть регулярных податей поступает к тому сановнику в Куке, чьему надзору вверено соответствующее подразделение племени, а поскольку он не сам отправляется в свой округ для сбора налогов, а посылает туда уполномоченного — *укиль* (в сопровождении правительственного курьера, *кингиама*), то оба они требуют от каждой деревни еще и так называемую *дийафу* (угощение), которая состоит из твердых талеров, зерна, быков или тоб. При назначении нового *баш-шейха* правитель требует, кроме того, от соответствующего подразделения племени определенное число лошадей. Из них свою долю получает и надзирающий сановник, который

по такому случаю обычно претендует еще и на одну рабыню. Во время моего пребывания в Борну после всеобщего падежа скота было позволено вносить уплату деньгами из расчета от одного до двух талеров за каждую голову. Когда предпринимаются военные походы, все племена шоа обязаны поставлять воинов. Каждый человек имеет право на половину своей добычи, если она состоит из рабов, лошадей или скота, и на всю добычу, если речь идет о вещах (одежда, украшения и т. п.), и только добытое оружие достается исключительно правительству.

Упомянув туарегов, феллата, жителей Багирми и Вадаи, поселившихся в Борну, мы закончим перечисление отдельных элементов его населения.

Туареги (киндин) представлены келети, которые вместе со смешанным племенем джатко (кубури, томагера, кай боркуа) населяют округ Телль на левом берегу Комадугу-Йобе, напротив округа Дучи и километрах в 100 к западу-северо-западу от Куки. Много веков назад они поселились на северной границе государства, так как уже Идрис Алома использовал их в борьбе с их же соплеменниками, живущими в пустыне. Значительное уменьшение в позднейшее время причитающихся с них податей, состоящих из верблюдов, говорит о том, что прежде их численность была выше. Кроме того, туареги живут еще в Зиндере, отдельные группы — в Мунио, и каким-то странным образом потомками киндин считаются жители города Диква. Хотя я могу удостоверить, что последнее мнение повсеместно распространено в Борну (о нем, по-видимому, не слышали ни Барт, ни Рольфс), мне тем не менее не удалось найти для него какого-либо обоснования, тем более что сам я в Дикве не был.

О том, что феллата основали свои первые поселения в Борну лишь в середине XVI в., уже упоминалось в кратком историческом обзоре. Хотя многие из них, возможно, перебрались снова на запад, когда шейх ал-Канеми изгнал фанатические орды их собратьев за границы государства, тем не менее отдельные общины этой любопытной народности сохранились в некоторых центральных областях страны и по всей западной и южной периферии Борну. Наконец тут и там по стране разбросаны поселения людей из Багирмы, которых называют, как кажется, карде, а также из Вадаи и, возможно, из других соседних стран, однако они составляют столь незначительную часть населения, что в целом их можно не принимать во внимание.

Почти невозможно сделать хотя бы приблизительно верный предварительный расчет численности приведенных элементов населения Борну при их передвижении, смешении и изменении состава. Гораздо легче мне удалось прийти к определенным правдоподобным выводам в Вадаи — вследствие большей однородности жителей, а также в Дарфуре — благодаря чрезвычайно ясному делению страны на провинции, округа, районы и общины. Поскольку Борну, без сомнения, имеет более густое население, нежели соседствующие с ним на востоке страны, то я охотно принимаю оценку по меньшей мере в 5 млн. человек, исходящую от Барта, который вдобавок наблюдал эту страну больше всех других путешественников. Исходя из этой

оценки, я склонен определить численность различных групп населения в цифрах, которые тем самым призваны выразить лишь их примерное соотношение друг с другом (тыс. человек):

Канури	1 500
Канембу, коям и тубу	750
Макари на территории собственно Борну и в Логоне с керибина и самыми северными музгу	750
Манга в одноименном районе, в Машене и в Бунди вместе с фактически покоренной частью бедде	750
Хауса, феллата и т. д. в Мунно, Зиндере и в Гуммеле	500
Вандава (мандара) с гамергу и фактически покоренной частью марги	250
Арабы, феллата, туареги (келети) и др. чужеземцы	250

Не упомянутые в этом перечне бедде, нгиззем, керрикерри, бабир, которых в любом случае можно считать постоянными подданными государства Борну, восполняют своими восточными общинами те 250 тыс. душ, коих еще не хватает до 5 миллионов, но, возможно, их численность превосходит эту цифру. . .

ПОЕЗДКА В БАГИРМИ

Путешествие по юго-восточному Борну

План поездки через Логон. — Неприязненные отношения между королем Логона Мааруфом и Абу Секкином. — Мои подарки, предназначенные королю-беженцу. — Прочее снаряжение. — Борнуанские чиновники по делам Багирми. — Последние советы шейха Омара и Медени. — Прощание с друзьями и прежними спутниками. — Дорога в Нгорну. — Опасность, угрожающая городу со стороны озера Чад и от будума. — Возрастающая численность моего каравана. — Обилие воды в этой местности. — Обширные возделанные поля. — Ночевка в Дазаве. — Переход к городу Еди. — Деревня Мурилла. — Обязанности кингиама. — Прошлое города Еди. — Фирки, или анге. — Город Марте и его рынок. — Любимое лакомство туземцев. — Прически женщин нгоматibu и шоа. — Городские дома и маи Меле. — Повея крыс на полях с масаквой. — Мисене и его жители. — Речки Мисенерам и Леба. — Комадугу-Мбулу. — Рыба-змея. — Город Нгала и его наместник маи Умар. — Приятное соседство. — Архитектура города. — Макари, или котоко. — Речка Ферендума. — Городок Тиллам и его любезный биллама. — Покинутый город Рен. — Деревни шоа. — Река Гамбару и пышная растительность по ее берегам. — Город Афаде и его упадок. — Замок наместника маи Муззо. — Богатство флоры и фауны в его окрестностях. — Охотничьи угодья керибина. — Местечко Тилле и его очаровательное расположение. — Странствующие музыканты.

Я лишь в крайнем случае собирался осуществить план поездки к свергнутому королю Багирми с помощью наместника (алифы) Гульфеи. Чтобы сколь можно больше узнать страну и людей, мне было гораздо важнее добраться до своей цели сухопутным путем, а он проходил через Логон. Однако тогдашний правитель этой небольшой страны по имени Мааруф ненавидел короля Мохаммеду (известного преимущественно под зловещим прозвищем Абу Секкин, т. е. дословно «отец [друг] ножа») столь же сильно, насколько алифа Гульфеи его любил. Вина за эти неприязненные отношения целиком лежала на заносчивом и бесцеремонном короле Багирми. Пока он был у власти, то во время своего пребывания в западной части страны, в городах Бугоман или Манджафа, расположенных на реке Шари, он никогда не упускал случая предать грабежу ту часть территории Логона, которая лежит между западным и восточным, или основным, рукавами Шари.

Правитель Логона был слишком беспомощен, чтобы самому обороняться от жестокого соседа. Но когда под стенами Масенья появился со своим войском правитель Вадаи, он не преминул послать

тому поздравительные подарки и отдать себя в его распоряжение (насколько это допускали его вассальные отношения к Борну). Правда, он не мог открыто выступить на стороне опасного соседа Борну, но все же находил достаточно удобных случаев нанести вред своему противнику Мохаммеду, отрезая ему возможность отступления на территорию Логона и доступ к рынкам Борну, от которых тот зависел больше, чем когда-либо. Когда после поражения и бегства из павшей Масеньи Абу Секкин закрепился в Бугомане и Манджафе и продолжал оказывать сопротивление полчищам Вадаи, он, в свою очередь, тем более имел основания рассматривать Логон как враждебную территорию, и, таким образом, вражда все росла и росла. И все же я надеялся добиться проезда по территории Логона по прямому распоряжению шейха Омара, чье расположение было на стороне Багирми, как я об этом уже говорил. На всякий случай я запасся двумя письмами шейха, как для повелителя Логона, так и для *алифы* Ахмеда Ибн Мохаммеду в Гульфеи, и снарядился для поездки к одному и другому.

Из-за того что я хотел воспользоваться сухопутной дорогой, по ней должны были отправить и людей Абу Секкина, которые с помощью *алифы* Гульфеи добрались до Борну. 26 февраля шейх вручил им лошадей в качестве подарка для их господина и принятое в таких случаях сопроводительное письмо и тем самым дал разрешение на отъезд. Мои приготовления тоже были закончены, трудные денежные дела улажены, в руках шерифа ал-Медени оставлены деньги на черный день, и, следовательно, ничто больше не препятствовало нашему выступлению.

Мое снаряжение вследствие ограниченных денежных средств было весьма скромным и стоило в общей сложности 136 талеров. Из них 6 талеров я истратил на покупку 21 килограмма пороха местного изготовления, который был, правда, еще дешевле, чем тот, что я покупал год назад для поездки в Борку, но и значительно хуже. На деле почти непригодный к употреблению, он оказался бы бесполезным в отношениях со сведущими в этом деле улед-солман, однако он еще мог произвести благоприятное впечатление в качестве подарка у багирми, обладавших весьма примитивными представлениями об огнестрельном оружии. Этот порох в сочетании с сотней ружейных пуль и небольшим количеством кремней, что вместе стоило 2 талера, должны были послужить выражением преклонения перед военным талантом короля Мохаммеду.

Кроме того, чтобы удовлетворить его известное всем пристрастие к красивой одежде, я за 19 талеров купил для него бурнус вишневого цвета из тонкого сукна, тарбуш и материю для чалмы и добавил еще небольшой мешок лучших фиников из Борку (на 2 талера) и две сотни орехов гуру (на 8 талеров), так как жизнерадостный правитель не был лишен пристрастия и к лакомствам. Подобное подношение ценой в каких-то 40 талеров явилось бы оскорблением для привыкшего к роскоши правителя, когда он еще правил в Масеньи; правителю же, бежавшему из страны, окруженному меньшим числом придворных и испытывающему нехватку во всем, что прежде счита-

лось необходимым, оно могло показаться если не богатым, то все же вполне приличным.

Наконец для собственных нужд и для подарков сановникам Абу Секкина или каким-либо правителям язычников я купил еще восемь *тоб коророби* в общей сложности на 20 талеров; восемь штук хама на ту же сумму; четыре платка из красной шерсти шириной около полуметра и длиной два метра, которыми всадники в суданских странах охотно пользовались в качестве перевязей или завязывали их на голове в виде чалмы, общей стоимостью в 12 талеров; шесть красных тарбушей также за 12 талеров; шесть кусков муслина для чалмы на 9 талеров; восемнадцать женских шалей — *туркеди*, которые пользуются большим спросом на рынках в Багирми, на 12 талеров; одно кремневое ружье, стоившее 8 талеров, в обращении с которым якобы был искусен юный Мохаммеду; наконец, на 3 талера — некоторое количество излюбленных, превосходно выдубленных и покрашенных в красный или желтый цвет козьих кож из хаусанских стран, стоивших в среднем каждая по полталера. Целесообразным выбором и дешевизной этих предметов я снова оказался обязан многоопытному шерифу ал-Медени, который всегда выполнял подобные поручения, не преследуя собственной выгоды. Под конец он купил для меня еще двух сильных вьючных животных той породы, которую разводят арабы. Правда, они продавались по необычайно высокой для борнуанских рынков цене в 8 и 6 талеров, но зато впоследствии сослужили мне совершенно неоценимую службу.

К вечеру 27 февраля из города отправились Альмас (он нанял на всю поездку еще одного человека для присмотра за вьючными животными), а также Хамму и маленький Биллама, тогда как я еще намеревался на следующее утро закончить расчеты с шерифом, попроситься с моими соседями и друзьями-арабами и выразить шейху свою благодарность за его неизменную доброту. Со своими людьми я хотел встретиться на следующий день в Нгорму и оставил при себе юного Мохаммеду, который, как видно, оказался весьма на месте, прислуживая в качестве раба христианину. Наконец я ожидал еще своего *кингиама*, или царского провожатого, уже упоминавшегося Кнари (т. е. старика), который был подданным *кашеллы* Биры.

Делами действительно вассальных стран в Борну ведают подчиняющиеся кокенава верховные надзиратели, которые имеют там своих полномочных представителей, взимают через них налоги и в известных случаях обязаны выступать перед сюзереном в качестве ходатая вассальных правителей. Но и дипломатические связи с независимыми соседними странами тоже выполняются при дворе в Куке определенными сановниками. Они нередко извлекают из своего положения немалую пользу, ибо поступающие из соответствующих стран подарки, предназначенные для правителей, и их ответные дары проходят через их руки, а все купцы, которые приезжают оттуда или отправляются туда, волей-неволей уплачивают им пошлины. Багирми ни в чем не зависело от Борну, как это охотно утверждали тщеславные патриоты, но ежегодно делало шейху подарок в виде

рабов, за который тот соответственно благодарил. Этот обмен, так же как все дела, касающиеся Багирми, проходил через руки *кашеллы* Биры, почтенного старца, с которым я в то время познакомился. Мой *кингиам* Кнари лишь недавно возвратился из Багирми, где он исполнял какое-то поручение к королю Мохаммеду, пока тот пребывал в Манджафе. Он знал страну и людей, дороги и тропинки тех мест, по которым нам предстояло двигаться, и представлялся человеком добродушным и полезным.

В ранний утренний час 28 февраля я покинул свой дом, еще раз пожал руку своим друзьям-арабам из Канема, которые, тяготясь людской суетою, высокими стенами и узкими улицами столицы, намеревались вернуться в свои излюбленные степи и пустыни, и направился для прощальной аудиенции в дом шейха. Правда, многих арабов лишь наполовину удовлетворила моя щедрость, однако более разумные, и прежде всего Хазаз со своим гордым и справедливым умом, приняли во внимание мою бедность. Шейх снова был полон трогательной, отеческой доброты и отпустил меня с настоятельным советом, сколь возможно быстро и скрытно миновать разрываемое братоубийственной войной, ставшее небезопасным из-за мародеров и опустошенное Багирми, пока я не прибуду в надежную гавань у короля Мохаммеду. К сожалению, еще не было готово письмо к правителю Логона. Его подготовка была обязанностью не *кашеллы* Биры, а старого *кашеллы* Билала, осуществлявшего верховный надзор над Логоном. Поскольку своего исполнения ждали и другие дела, касающиеся этой маленькой страны, все эти бумаги должны были одновременно послать с особым гонцом, который без труда догнал бы меня в пути.

Шериф ал-Медени в последний момент снова снабдил меня мудрыми советами. Он предостерегал меня от хитрых спекуляций, которым я мог бы подвергнуться со стороны туземцев, не уставал напоминать о необходимости самообладания и терпения и рекомендовал быть снисходительным со слугами и теми чужими людьми, которые из любопытства или корыстолюбия слишком часто будут занимать мое время и труд. Он описал мне лживого, но по сути безобидного короля Логона, еще раз подчеркнул необходимость быстрого и скрытного путешествия через опасную местность и развил основные моменты той высокопарной речи, с которой я должен буду обратиться к гордому Абу Секкину (он хорошо его знал и считал, что, несмотря на все превратности прошедших лет, его высокомерие не было поколеблено).

Я же не переставал удивляться житейской мудрости и знанию людей моего друга. Какой враждебной должна была быть к нему судьба, если с такими свойствами, служащими мерилом в полукцивилизованных странах ислама, он не достиг в жизни большого! И тем не менее он был неутомимо деятелен и не упускал возможности что-либо приобрести. И на этот раз он отправил с нами великолепную лошадь, чтобы продать ее Абу Секкину (у того было много рабов и мало лошадей), доверив животное и сопровождавших его рабов моему попечению.

Проезжая около полудня через город к южным воротам западного города в сопровождении Бу Аиши, которого я не надеялся застать в Куке после своего возвращения из Багирми, шерифа, старого Катрунера и Хадж Хусейна, я не мог справиться с чувством некоторого сожаления по поводу моей отложенной поездки в Вадаи, услышав, как публичный глашатай оповещал жителей о том, что под страхом строгого наказания запрещается позволять себе хоть малейшие высказывания против короля Вадаи и его правления. Посланец последнего, имам Хабиб ибн Джазули, доставил шейху дружественное послание и подарки своего господина, и повсюду царили радость и удовольствие. Вот когда мне было бы всего удобней и безопасней отправиться к королю Али в сопровождении этого хотя и фанатичного, но все же чрезвычайно честного и в какой-то степени образованного человека. Я ни в коей мере не был уверен, что через год дружественные отношения между двумя соседними правителями сохранят ту же теплоту.

У ворот меня должны были дожидаться Киари, Мохаммеду и раб шерифа, но вместо первого я увидел лишь его слугу с вороной лошадью, которую *кашелла* Бира предназначал своему покровителю Абу Секкину. Самого Киари дела еще задерживали в городе, но он передал, что присоединится к нам на следующий день. Мои друзья и слуги сопровождали меня три четверти часа до деревушки маленького округа Кайне, в которой переночевал Альмас с моим караваном. Здесь мы попрощались друг с другом с той серьезностью, которую несет в себе предполагаемая разлука на всю жизнь, потому что из всех я мог надеяться увидеть вновь лишь шерифа, чье здоровье, однако, внушало мне обоснованные опасения. Казалось мало вероятным, что я когда-либо встречу Хадж Хусейна в Южном Марокко, а Феццан, родина Катрунера, который помимо всего был уже далеко не юноша, все еще был слишком жив в моей памяти, чтобы у меня возникло желание посетить его снова. Итак, я был доволен уже тем, что из всех моих прежних спутников у меня, несмотря на все его недостатки, оставался по крайней мере верный Хамму. Сознание того, что мы направляемся в непривычное для нас окружение, связывало меня с ним еще теснее.

Мы начали двигаться в юго-восточном направлении и придерживались его в течение полутора часов. Незадолго до истечения этого срока мы миновали колодец маленького округа Манна, но в его деревушки не заезжали, а повернули еще больше к юго-юго-востоку и шли так, пока не добрались до цели сегодняшнего перехода — города Нгорну. Через час после колодца Маниа мы наткнулись на дорогу, которая вела почти в южном направлении в Монгоно, а еще через полчаса вышли к бухте Чада. Местность сначала имела столь же однообразный характер, что и прочие окрестности Куки, и поросла лишь ошаром, зарослями пальмы дум и кустарником сайяля. Затем часто встречались сенна (*Cassia obovata*) и тут и там тамариндовое дерево. Лишь по мере приближения к Чаду растительность стала более сочной и разнообразной. Местность оживляли птицы, особенно грациозные, серые с черным кольцом вокруг шеи

голуби, а обширные и хорошо обработанные поля с индиго, бобами и хлопчатником свидетельствовали о густоте населения, знавшего толк в сельском хозяйстве. Кое-где между полями в сушу вдавались широкие бухты озера. Вот так через пять часов пути мы добрались до Нгорну и остановились в доме наместника, носившего титул *фугома*. По обычаю он был евнухом. Это был высокий сильный мужчина жизнерадостного темперамента и с приятными манерами, который уже указал моим людям две достаточно большие хижины для нашего пристанища.

Альмаса, который своему пребыванию в Турции, помимо прочих навыков, был обязан поварским искусством, я застал за приготовлением вкусного яства из яиц, помидоров, лука и перца, живо напомнившего мне подобное блюдо, распространенное в Тунисе, так называемое шукшуку. *Фугома* вскоре прислал полагающийся аиш из муки духна с овощным соусом, в котором, к радости моих людей, плавал солидный кусок масла, а также одну из тех карликовых овец, каких в большом числе доставляют в Борну из области музгу. Такое великолепие невольно наводило на мысль о моих прежних путешествиях, о долгих периодах голода в пустыне близ Ту и Борку и об однообразии тамошнего людского общества. Здесь я путешествовал в лучших условиях.

Нгорну — второй город государства Борну, он застроен почти исключительно соломенными хижинами, населен кубури — одним из племен канембу и насчитывает тысяч пятнадцать жителей. Это поселение расположено у самого озера, и, когда вода стоит высоко, оно подвергается не только частым наводнениям, но и постоянным набегам со стороны будума. В первую зиму после моего приезда, которой предшествовало чрезвычайно дождливое лето, две трети города постоянно находились под водой. Даже теперь, несмотря на скудные дожди последнего лета, жить в той его части, которая ближе всего находилась к берегу озера, было невозможно. Здесь, как и в других местах западного побережья Чада, считали, что озеро постепенно отвоевывает территорию у плоского берега и что поселения будут вынуждены медленно отступать в сторону суши. Чем дальше продвигалась вода, тем чаще будума осуществляли свои неприятные ночные посещения, а когда на полях работали одни рабы или женщины, то эти разбойники, внезапно выскакивающие из прибрежного тростника и кустарника, хватали их порою и днем и увозили на острова Чада. Хотя на то время, пока вода стояла высоко, назначалась постоянная караульная служба, тем не менее будума, полагаясь на свои лодки, довольно часто предпринимали ночные вылазки и нередко поднятым по тревоге горожанам удавалось прогнать дерзких налетчиков только после общей и организованной борьбы. В доме *фугомы* стояло подразделение латников с оседланными лошадьми, готовых по сигналу барабана берегового караула точно же скакать туда, откуда грозила опасность, а небольшой отряд вооруженных ружьями солдат наместника (их островитяне боялись больше всего) усердно старался отогнать опасного врага беглым огнем.

Как только в Куке распространилась весть о том, что мне с помощью шейха, может быть, удастся попасть по сухопутной дороге к королю Абу Секкину, многих жителей Борну, имевших лошадей для продажи или несколько свободных талеров, которые можно было пустить в оборот, обуял дух предприимчивости. Было известно, что бежавший король прежде всего старался увеличить свою военную силу, чтобы иметь возможность возобновить войну против Вадаи, что его окружение нуждалось в одежде и что он сам при избытке у него рабов был готов платить самые высокие цены. Я как мог отбивался от многочисленной свиты, так как не хотел, чтобы мой караван оказался слишком тяжеловесным. Конечно, с одной стороны, мне было бы желательно иметь побольше боеспособных людей, но, с другой стороны, я больше полагался не на вооруженную силу, а на то, чтобы как можно скорее и незаметнее совершить свое путешествие. К счастью, лишь немногие из тех, кто хотел принять в нем участие, смогли быстро закончить свои приготовления, и, таким образом, их число ограничилось сначала двумя протеже *муаллима* Мухаммеда, намеревавшимися примкнуть к нам по дороге, и тремя людьми *фугомы*, которые должны были догнать нас еще в день нашего отъезда из Нгорну (28 февраля).

После ночи, проведенной весьма беспокойно из-за немыслимого количества блох (она вызвала у меня приятное воспоминание о пустыне, которую по крайней мере пощадил этот бич), мы выступили из гостеприимного города в западном направлении, стараясь обогнать вышедшие из берегов воды Чада с юга. Через полчаса мы повернули на юго-запад и придерживались этого направления почти целый час, после чего миновали деревни Абори, Баркари и Мала Абдури. Первую из них мы оставили к западу, вторую к востоку от дороги и проследовали через третью. Каждая насчитывала от 50 до 60 хижин. Местность была хорошо обработана, поблизости от Нгорну росли преимущественно лук, табак, индиго, а между обработанными полями все еще преобладали заросли акации, ошар и сенна. Странно, но там употребляют не листья этой последней (как слабительное средство), а ее растертые в порошок корни, которые считаются превосходным средством против чесотки.

После Мала Абдури наша дорога в течение нескольких часов проходила в южном направлении, а затем незначительно отклонилась к западу. В часе пути к югу от последнего места лежат две деревни — Воткума и Кукийя, которых отделяет друг от друга расстояние всего в несколько километров. Мы проследовали между ними, оставив одну к западу, а вторую к востоку. Обе они, особенно Кукийя, известны в столице своей пшеницей и луком. Миновав через полчаса отдельно стоящий двор, носящий характерное название Аба Тилома (т. е. «отдельный хозяин»), мы, спустя еще полчаса, оставили в нескольких километрах к востоку от дороги деревню Гониди и вскоре пересекли пшеничные и хлопковые поля деревни Кагурам, которая была скрыта от нас на западе кустарником.

До этого места песчаная почва постепенно уступает место земле, где перегной больше и где наряду с духом выращивается дурра.

Посевы бобовых, широко распространенные вблизи Нгорну, здесь исчезают, богаче становится древесная растительность. Через пять часов после нашего отъезда мы добрались до Дазавы, где намеревались переночевать, так как здесь к нам хотел присоединиться Киари. Но оказалось, что деревня покинута. Поскольку ее жители поселились неподалеку и среди них был знакомый нашего *кингиама*, мы направились туда, но встретили не слишком дружественный прием и вернулись в покинутую деревню, где в нашем распоряжении были по крайней мере пустые хижины. Чуть позже друг Киари, дружелюбный человек (его сначала не было в деревне), принес нам немного дурры для лошадей и скромный ужин для людей, но самого *кингиама* мы прождали напрасно.

Заехав в Дазаву, мы несколько отклонились к западу от большой военной дороги, которая вела от Нгорну к Еди — цели следующего дня нашего путешествия. Через несколько минут хода в восточном направлении на следующее утро (1 марта) мы снова оказались на ней. Однако из-за большого скопления воды нам часто приходилось двигаться западнее дороги, шедшей в юго-восточном направлении. В прошедшую ночь мы слышали предостерегающие удары барабана из близлежащих деревень. Многие из них оказались покинутыми не столько из-за наступающего озера, сколько потому, что их немногих жителей не хватало для защиты от нападающих будума. Жители оставались еще в маленькой, хижин в восемнадцать, канурийской деревне Алина, которую мы миновали часа через полтора после отъезда. От нее мы отклонились еще больше к юго-востоку и еще через два часа добрались до большой деревни Муршилла, состоявшей по меньшей мере из 200 хижин. На три четверти ее населяли канури, а на одну четверть — местные арабы шоа.

Ландшафт чуть ли не с каждым шагом становился красивее и разнообразнее. Разрозненные до сих пор акации образовывали теперь настоящий лес, причем не ограничивались акацией сайяль и карад. Здесь в большом количестве стала встречаться *Acacia stenosa* с коричневато-красной корой, которую борнуанские шоа называют *тальха*. Наряду с ней часто появлялись два других бобовых дерева (*калуп* со стручками длиной почти в фут и *сасса* с маленькими стручками). Все они были увешаны и обвиты вьющимися растениями, и почти на всех росли съедобные, благоухающие сладкие плоды. В кронах деревьев царила громкоголосая и оживленная жизнь больших и малых птиц, а на залитых водой лесных полянах пребывали большие стаи венценосных журавлей (*Balearica pavonina*), которые создавали волшебную красивую картину, выделяясь на окружающем фоне своими белыми перьями на крыльях и на хвосте, темным, переливающимся опереньем на шее и груди и изящным золотисто-желтым венцом на темени. Широкие, постоянно встречающиеся тропы слона тянулись через сухопутную дорогу к озеру, а другие следы свидетельствовали о присутствии буйвола. Местность особенно оживляли небольшие караваны тяжело груженных быков или ослов, над которыми тут и там возвышались отдельные верблюды. Они везли на рынки в Нгорну и Куку сельско-

хозяйственные продукты и ремесленные изделия или же возвращались оттуда порожняком.

На северо-западной стороне Муршиллы, у колодца, мы напоили лошадей, пересекли деревню и через 45 минут, двигаясь в юго-восточном направлении, вступили в окруженный стенами город Еди. Его глава — *биллама*, старик преклонных лет, принял нас доброжелательно и отвел нам жилье в одном пустующем доме. Там во дворе за оградой стояли три хижины так называемой разновидности бонго. Вместо все еще не прибывшего Киари в роли *кингиама* временно действовал Альмас. *Кингиам* совершенно необходим любому путешественнику в этой местности чужеземцу, он призван узаконить его в глазах местных властей в качестве гостя короля (*куссото маибе*) и позаботиться о том, чтобы тот получал жилье и полагающиеся гостю угощения. Но эти люди слишком часто злоупотребляют своим положением и от имени путешественников выдвигают перед местными властями неподобающе высокие требования, чтобы затем, удовлетворив личные выгоды, согласиться их умерить. Поэтому за ними нужно постоянно следить, и нередко приходится выступать против их злоупотреблений. Скорым следствием требования Альмаса явилась присылка четырех солидных мисок с айшем из ослепительно белой муки дурры, которые щедро были политы отваром *бито* (плодов хеджлиджа) и маслом.

Когда после спада дневной жары я прогуливался по городу, туда прибыли три человека от фугомы на горячих, красивых лошадях, которых они надеялись продать в Багирми, и тоже нашли место в нашем жилище. В городе было примерно 400 домов, среди которых преобладали земляные постройки. Прежде их, по-видимому, насчитывалось больше. Я шел вдоль окружающей город стены, от которой во многих местах остались лишь жалкие остатки, и обнаружил, что по крайней мере четвертая часть городской территории не была застроена. На небольшой рыночной площади под навесом, предназначенным для общественных собраний, я увидел городского главу и нескольких уважаемых лиц и присел рядом с ними побеседовать о городе и жителях. Некогда Еди принадлежал неоднократно упоминавшемуся сао, часть которых под напором завоевателей из Канема отступила на острова Чада; она-то, вероятно, и дала островным жителям, которых борнуанцы называют будума, их самоназвание — *едина*. По-видимому, позднейшее население, вынуждаемое «событиями в мире» (как выражался старый *биллама*), тоже нередко частями переселялось на острова лагуны. Этим обстоятельством по крайней мере объяснялись мирные отношения города с будума. Позднее Еди перешел в руки канури, и теперь его населяют почти исключительно канури нгоматibu числом около 3 тыс. человек. Местность Нгоматibu простирается от Еди на запад до Аларге, на юго-запад до Удже и на юг до Диквы. В то время город был уделом принцессы (*майрам*, или *мейрам*, или *мерам*) Наны Коре, однако ее правлением жители были не слишком удовлетворены.

Поскольку настоящий *кингиам* и здесь все еще не догнал нас, то на следующий день (2 марта) мы продолжали свой путь лишь

до Марте, который расположен в трехчасовом переходе примерно в юго-восточном направлении от Еди. Дорога постепенно уводила нас в сторону от Чада и проходила по большей части по тем черным, низким болотистым почвам, которые называют *фирки*, или *анге*, и которые во время летних дождей превращаются в болото, потом медленно высыхают и в конце концов, растрескавшиеся и прорезанные трещинами, лишенные деревьев и скудно поросшие травой высотой от двух до трех метров производят своей чернотой и сухостью крайне мрачное и безрадостное впечатление. Они очень часто встречаются в юго-западных окрестностях Чада. Их нельзя использовать под обычные культуры духна и дурры, которые растут и созревают с приходом дождя, так как в этот период они покрыты водой. На них возделывают лишь *Sorghum segniuit* (*масакву*), которое хорошо растет после окончания сезона дождей на таких постепенно подсыхающих, вязких местах лишь благодаря оплодотворяющей силе почвы.

Глава города Марте по имени Меле при нашем прибытии вышел из дверей своего дома и велел показать нам наше жилище, которое, конечно, было не слишком блестящим. Этот чиновник носил титул *маи*, поскольку в отличие от Еди, управлявшегося простым главой, Марте со своим городским округом подчинялся местному наместнику из знатного рода. Тот, правда, был теперь абсолютно лишен власти и политического влияния, но тем не менее своим титулом напоминал о том времени, когда провинция Котоко распадалась на самостоятельные владения, хотя и платившие дань. После полудня я посетил еженедельный рынок, происходивший как раз в этот день, прошел через город и затем засвидетельствовал свое почтение *маи*. На рынке продавалось много зерна (преимущественно дурры), и на нем побывало около 1 тыс. человек. Кроме зерна продавалось несколько быков, ослов, овец и коз, плоды, среди которых был и лук, зелень, а также тобы и европейские изделия (хлопчатобумажная материя, бусы, металлические изделия). Но самым живым спросом пользовались уже тронутые тлением полевые крысы, составляющие излюбленное блюдо жителей и наполняющие всю рыночную площадь своим всепроникающим зловонием. Мои люди преисполнились отвращением и были склонны считать жителей Марте язычниками-варварами, почти каннибалами. Лишь маленький Биллама, чьи земляки гамергу разделяют подобные пристрастия, еще не пройдя обрезания, уже мог позволять себе отклонения от строго мусульманских обычаев и несколько не разделял этого отвращения, а с величайшим удовольствием съел тут же поджаренную крысу, издававшую сильнейший запах.

Среди посетителей рынка были шоа, канури и нгоматibu обоего пола. Женщины нгоматibu привлекли мое внимание своей весьма характерной и очень изящной прической, которая состоит из довольно высокого валика, сделанного на широком основании. Он наподобие гребня на шлеме проходит по середине головы назад и вниз, становясь постепенно ниже и уже. Собственные и накладные волосы с обеих сторон начесываются на соответствующим образом устроенную

подкладку, а особенно кокетливые дамы носят на висках еще и небольшие косички. Женщины шоа более стройного, изящного телосложения, хотя часто и темнокожие, но большинство из них можно узнать по чертам лица и уж, во всяком случае, по прическе и украшениям. Их волосы скромно убраны в тонкие, длинные косы, ниспадающие по обе стороны с макушки и закрывающие голову. У большинства к ним добавляется искусственная толстая косичка, которая, спускаясь с темени на затылок, здесь загибается вверх. Они охотно носят в перегородке или в крыле носа серебряное не цельное кольцо, на которое иногда нанизывают кусочки коралла, а на шею — связки крупного янтаря, спускающиеся на грудь.

Город окружала совсем разрушившаяся стена, а многие дома стояли покинутыми или превратились в развалины. Часть домов представляла собой соломенные хижины типа *нгим*, который преобладал в Куке; другая же их часть состояла из глинобитного основания и куполообразной соломенной крыши — *бонго*; меньше было земляных домов в форме куба, характерных для собственно канури. Марте превосходил Еди примерно на сто очагов. И лишь жилище наместника напоминало своими размерами и еще сравнительно хорошим внешним видом о том, что Марте некогда было резиденцией мелкого самостоятельного правителя. Окружающая его стена заканчивалась зубцами, над входной террасой-*сукейфой* возвышалось похожее на башню строение, а вход был закрыт мощными, обитыми железом створками ворот. Во дворе, предназначенном для приемов и украшенном двумя баобабам, вместе с майя опустился на соломенную циновку и повел с почти восьмидесятилетним, измученным астмой человеком разговор о прошлом его родины и об упадке ее власти в новые времена. Мое удивление по поводу того, что его земляки употребляют в пищу мясо крыс и к тому же в полусгнившем состоянии (блюдо, которое в остальном мусульманском мире считалось бы по меньшей мере неприличным), он стыдливо обошел шутливым вопросом, уж не приготовить ли ему для меня в качестве угощения подобное блюдо.

Нашей целью на следующий день (3 марта) был Мисене, расположенный в четырех часах пути в юго-восточном направлении от Марте. Через несколько километров, спустя 45 минут после отъезда, мы оставили к юго-западу городок Марте Ганна, т. е. Малый Марте. Отсюда в юго-юго-западном направлении приблизительно на таком же расстоянии находилось поселение Нджине, а прямо к югу, немножко подальше — Алаи. Дорога, которой обычно пользуются, проходит восточнее, но в это время года из-за обилия воды ехать по ней было еще трудно. Выбранная нами дорога вела, как и в предыдущий день, по болотистой, почти лишенной деревьев местности, простиравшейся на восток до Чада. Там она переходит в поросшую лесом береговую полосу. Три часа спустя после нашего отъезда мы миновали деревню Ларге, или Аларге, лежащую в нескольких километрах в восточном-северо-восточном направлении, а еще через час добрались до Мисене. Особенность окрестностей Ларге заключается в почве *фирки* с возделываемой на большой

площади масаквой, чьи тяжелые, коротко обрезанные метелки, сваленные в кучи, в большинстве своем лежали еще не обмолоченными. Кое-где они были разложены на земле, и работники занимались их обмолотом. Используемое для этого орудие состоит из узкой, длиною в полметра пластины, к которой с одного конца прикрепляется рукоятка. По полю шныряли излюбленные жителями крысы, которые чувствовали себя вольготно среди больших запасов зерна, а на них повсюду усердно охотились дети. Они либо раскапывали выходные отверстия нор, либо расставляли примитивные ловушки в виде тяжелых, овальных, поставленных наклонно глыб из камнеподобной земли *фирки*, слегка подпертых тонкой палочкой. Камни падали на крыс, как только те пожирали насаженную на палочку приманку.

Поселение Мисене также окружено стеной и по размерам примерно равно Еди. Как и Марте, оно вместе с относящейся к нему окружающей областью подчиняется туземному наместнику из тамошнего правящего рода. Наместник, *маи* Муса, принял нас перед дверями своего дома, который, как это принято, стоял на широкой главной улице, или на общественной площади, — *дендале*. Нам все труднее становилось находить приют, так как чем больше распространялся слух о моей поездке к Абу Секкину, осуществлявшейся при особом содействии шейха, тем больше к моему каравану присоединялось людей — в расчете на известную щедрость короля Багирми и на изобилие у него рабов. Нас, наконец-то, нагнал и *кингиам* Киари с лошадей. Альмас тоже ехал верхом. Нельзя было не принимать во внимание нескольких людей главной жены шейха с их лошадьми. У всех у них, в свою очередь, были слуги или клиенты, короче говоря, наше общество уже выросло до двадцати человек и шестнадцати лошадей, и к нам еще не присоединились люди Абу Секкина (которых я, естественно, хотел держать при себе), а также чима — правительственный посол *кашеллы* Билаля, без которого я в качестве передатчика царского письма правителю Логона никак не мог обойтись, поскольку это письмо вез он.

В архитектуре расположенного на большой площади города уже начинал чувствоваться иной характер, свойственный макари, или котоко, к чьей территории уже относился Мисене. Дома стали массивнее, их стены толще, дверные проемы сверху шире, чем снизу, а привычные, легкие соломенные хижины канури почти полностью исчезли. В жилище *маи* Мусы, молодого приветливого мужчины с очень черной кожей, я увидел столь характерное для домов макари земляное возвышение высотой примерно в метр, но гораздо более широкое и тщательно выровненное. В помещениях, отводимых ими для приемов, оно предназначается для размещения высокопоставленных особ и обычно занимает там несоразмерно много места.

Чтобы добраться до нашей следующей цели, Нгалы, 4 марта мы двинулись от Мисене примерно в восточном направлении. В непосредственной близости от города мы пересекли прекрасную рошу из акаций с посадками хлопчатника на полянах, которая, однако, вскоре снова уступила место плоской равнине *фирки*. Через час с четвертью мы прибыли в деревушку Муза, насчитывающую около сотни оча-

гов, — настоящий оазис среди угрюмой монотонности болотистой почвы. Затем мы повернули к северо-востоку и еще через час с четвертью пересекли неширокое, густо поросшее деревьями и по виду безводное русло Мисенерам, образующее границу округа *маи Мусы*. Спустя полчаса мы перебрались через еще более незначительную речку Леба, шириной шагов в пятнадцать. Сухое русло было лишено всякой древесной растительности. Здесь почва *фирки* начала постепенно терять свой характерный вид, стала покрываться невысокой травой и давала юным охотникам за крысами весьма скудную добычу. Спустя сорок пять минут наша дорога пошла в восточном направлении, через благоухающую рощу из акаций (почти все деревья стояли в цвету), с другой стороны которой мы вплотную прошли мимо окруженного стеной городка Джиммак. Он насчитывает около 150 очагов и находится под властью Нгалы. Через полчаса пути к востоку от него мы вышли к реке Комадугу-Мбулу, которая уже какое-то время давала о себе знать густой линией прибрежной растительности, и пять часов спустя после выхода остановились на ее восточном берегу для краткого дневного отдыха.

Вода в Мбулу доставала лошадям до стремени, а ее зеркало имело в ширину тридцать шагов. Однако высокие берега реки свидетельствовали, что порою она была способна вмещать гораздо больше воды. К концу сезона это количество заметно уменьшается, а к началу летних дождей остаются одни лужи. Ее уклон в сторону Чада столь незначителен, что при низком уровне воды незаметно никакого течения, а брошенные туда предметы даже при северо-восточном ветре относит в противоположном направлении. В самом русле деревьев не было, однако берега поросли лесом и имели самый привлекательный вид. Вода была хотя и мутная, но очень вкусная. Эта река (она идентична с рекой Диква), как кажется, образуется главным образом двумя речными потоками. Один из них в округе Удже пересек Барт во время поездки в Адамауа (он называет его рекой Алао), тогда как Рольфс познакомился со вторым на северной границе Мандары, или Вандалы, под названием Ядзарам. Оба соединяются, по-видимому, в области Диква и затем поворачивают в северо-северо-восточном направлении в сторону Чада.

Отдыхая на берегу в приятной тени деревьев, мы с сожалением заметили потерю щенка, мать которого, борзая Саида, быстро оправившись на хорошей пище и при спокойной жизни в Куке, тоже путешествовала с нами. В водах Мбулу мои люди поймали часто встречающуюся там рыбу длиной в 65 см — так называемую *буни кадикади* (т. е. рыбу-змею). Она получила это название благодаря своему круглому туловищу и расположению чешуи, состоящей из небольших ромбовидных пластинок, которые не накладываются одна на другую, а располагаются рядом друг с другом и параллельными линиями проходят от хребта назад и вниз. Этих особенностей и мощных спинных позвонков, доходящих от головы до хвоста, достаточно для определения этой рыбы как *Polypertus*. Среди прибрежных деревьев я заметил незнакомую мне акацию, очень похожую своими листьями на *A. stenocarpa*; у нее короткие шипы и стручки длиной

от шести до восьми дюймов и шириной в один дюйм. Жители Борну называют ее *кадалабу*.

Проделав небольшой полуторачасовой переход примерно в восточном направлении и оставив приблизительно в часовом переходе к северу город Деггела, во второй половине дня мы прибыли в Нгалау.

Подобно многим поселениям в этой низменной, подверженной наводнениям местности город построен на искусственной насыпи. Он производит внушительное впечатление благодаря возвышающемуся над ним солидному замку (или административной постройке), покрытому сверху большим *бонго*, и окружающим его стенам, поддерживаемым в довольно хорошем состоянии. Мы направились к дому наместника, который и здесь является *маи* из прежней правящей семьи Нгала, лишенной всякой власти. Он оказался ее жалким представителем. Правда, чтобы подчеркнуть свое царское достоинство, он носил бурнус, надетый на черную тобу, но эта одежда была такой грязной и попорченной, а сам он, худой и старый человек, показался таким угрюмым и тупым, что меньше всего производил царственное впечатление. Это заставило нас опасаться, что мы будем приняты отнюдь не гостеприимно. Действительно, нелюбезный старый господин начал с того, что указал нам такое жилище, куда я колебался войти из-за его безмерной грязи (очевидно, еще совсем недавно оно использовалось как овчарня). Нам удалось получить подходящее жилье лишь через несколько часов (его указали нам любезные соседи). Оно состояло из трех просторных хижин.

Вскоре после нашего переезда одна любезная и хорошенькая молодая женщина из соседнего дома в прическе, характерной для нгоматibu, по собственному побуждению принесла нам воды и дров и купила дурры для быков, которым я велел ежедневно давать помимо обычной соломы еще и зерно, учитывая, что позднее нам придется полагаться на их силу. При выборе вьючных животных для дальних путешествий в Северной Африке важно до покупки установить, едят ли они зерно. Многие верблюды и быки, несмотря на все старания, очень медленно привыкают к такой пище, отчего гораздо труднее поддерживать их силы.

Наше опасение, что *маи* Умар (так чаще всего произносят в Борну арабское имя Омар) окажет нам не слишком блестящий прием, подтвердилось в полной мере. Правда, он прислал нам шесть мисок обжаренного аиша и одну овцу, но первые были так малы, а их содержимое столь сомнительно, а вторая оказалась такой тощей, что мои люди возмутились, хотя заведомая бедность жертвователя предписывала отнестись снисходительно к его гостеприимству. Впрочем, мы были щедро вознаграждены за эту неприветливость нашими любезными соседями. Пример молодой хорошенькой женщины поощрил ее сестер и подруг оставить сдержанность, и вскоре наш дом заполнился доверчивыми красавицами, которые помогали нам варить еду и развлекали нас до ночи своей веселой, безобидной болтовней. Их больше всего интересовало мое непонятное им холостяцкое положение, и некоторые, несмотря на мою светлую кожу и

христианскую религию, не без удовольствия принесли бы себя в жертву, чтобы положить ему конец.

На следующий день (5 марта) мы остались отдыхать в Нгале в надежде, что прибудет *чима кашеллы* Билаля, слуга которого приехал в город еще накануне. Возвращавшиеся на родину жители Багирми здесь примкнули к нам и вовсю уверяли в своей преданности. Много месяцев они тщетно ждали в Куке, что их отпустят и что наконец откроется сухопутная дорога (так как они вели с собой нескольких лошадей). Вероятно, они и дальше были бы обречены на долгое ожидание, если бы не осуществился план моей поездки. Их было трое, и только один в какой-то степени владел арабским языком. Все они были рослыми молодыми людьми с темным, отливающим краснотой цветом кожи и неярко выраженным прогнатизмом. Однако выражение их лиц отнюдь нельзя было назвать приятным. Напротив, оно свидетельствовало о недостатке добродушия и о высокомерии, в чем вообще обвиняют жителей Багирми. Я пообещал позаботиться о них в дороге, так как они ехали почти без всяких средств, полагая, что благодаря своей заботе о них я смогу рассчитывать на более благоприятный прием со стороны АбуСеккина.

Во второй половине дня я предпринял осмотр города и посетил *маи* Умара. С высоты замка, в котором за внешне благоприятным впечатлением скрывались обветшалые покои, передо мной открылся превосходный вид на поселение, насчитывающее около 1000 домов. Подобно окружающей его стене, оно содержалось несколько лучше, нежели те города, которые мы видели до сих пор. Преобладали *бонго*, но нередко встречались и земляные постройки кубической формы. Нгала была одним из главных городов прежних сао, и *маи* Умар указал мне нескольких стариков, сведущих в преданиях, которые рассказывали бы мне об этих ныне совершенно исчезнувших жителях восточного Борну и привели бы образцы их языка. Теперешние жители — в основном макари и реже нгоматibu. Как об этом уже упоминалось, первых следует считать не прямыми потомками сао, а, возможно, родственным им племенем. Правда, сами они претендуют на общее происхождение с канури, которые принесли в эти места ислам, и часто утверждают, что являются лишь их передовым отрядом, однако без всякого на то основания. Язык, внешний вид, обычаи и привычки решительно отличают их от канури. Макари, в общем, имеют более темный цвет кожи, чем канури (последние, правда, отличаются весьма разнообразными оттенками). Они более грубого сложения и более тяжеловесны по характеру. Сравнение их женщин с женщинами нгоматibu выявляет большое преимущество последних. Прическа женщин макари состоит из шести толстых искусственных кос, заплетенных от макушки и направленных вниз и вперед. Они заплетаются вместе с разделенными на такое же количество прядями собственных волос, плотно прилегают к голове и свободными концами заканчиваются на щеках и перед ушами. Обычай женщин нгоматibu носить на висках подобные, но более короткие косички, доходящие до угла нижней челюсти, возможно, возник по образцу макари.

Я старался быть полезным, обследовал нескольких больных (злокачественное образование на нижней челюсти и несколько случаев проказы, чесотки и глазных заболеваний) и дал им лекарства; даже осчастливил *маи* Умара — по его настоятельной просьбе — талисманом, от которого он ожидал благосклонности своего начальника из числа сановников в Куке. Несмотря на это, угощение и в этот день снова оказалось весьма скудным, а зерна для лошадей не было вовсе. Зато наши соседки стали еще более услужливыми и любезными, и, когда Альмас, большой дамский угодник, пригласил еще и свою местную подружку (как кажется, они были у него повсюду), а я привел всех в хорошее настроение скромными подарками из бус, в нашем доме началось шумное веселье.

На следующий день, 6 марта, нам снова пришлось продолжить путь без *чимы*. Дорога вела через мелколесье и похожую на степь равнину, поросшую густой, высотой в рост всадника травой и зарослями акации. По-арабски она называется *хала*, что приблизительно соответствует слову *карага* в языке канури, хотя последнее имеет еще более общее значение «дикая местность», «пустошь». В животном царстве там шла более оживленная жизнь, чем в местности *фирки* западнее Комадугу-Мбулу. Группы антилоп каргум («коровьих антилоп») и так называемых *комосено* сменяли друг друга, газели бесстрашно прыгали через дорогу, а бесчисленные обезьяны (*Cercopithecus*) с любопытством наблюдали за нашим продвижением. Спустя полтора часа (путь наш шел частично в восточном-юго-восточном, частично в юго-восточном направлении) растительность стала менее густой, деревья и кусты пропали и перед нами открылась обширная, поросшая скудной травой равнина. Мы пересекли ее за час, двигаясь в юго-восточном направлении до покинутой деревни шоа Мульге, повернули затем к востоку-юго-востоку и еще через два часа добрались до Комадугу-Ферендума.

Равнину на большей части покрывала почва *фирки* и лишь неподалеку от реки начиналась другая местность с пышной лесной растительностью. Река Ферендума делает здесь большие повороты: уже за полчаса до того, как мы вышли к ней, мы видели ее непосредственно к западу от дороги. В месте нашей переправы она протекала с юга на север, несла поток воды шириной в шестнадцать шагов, доходивший лошадям до седельной подпруги, почти не имела откосов (несмотря на свои высокие берега) и брала начало якобы на территории Логона. Переправившись через реку и напоив из нее животных, мы прошли два полных часа в восточном направлении — то через лесные заросли, то по болотистым почвам и достигли Тилламе, где и решили заночевать.

Тиллам — это городок величиной от 150 до 200 очагов с опрятными канурийскими хижинами и уютно и сравнительно зажиточно выглядевшими земляными домами. Он был канурийской колонией, где управлял не *маи*, а простой биллама, который как раз отправился в поездку по краю. По той приветливости, с какой нас приняли его люди, мы уже предвкушали его гостеприимство и встречу с ним самим. Его звали чиром Мохаммеду, и я не уяснил, откуда проис-

ходит этот титул или прозвище. Мохаммеду был доверенным лицом главной жены шейха и явно самым зажиточным и уважаемым человеком в селении. Сам он, однако, подчинялся не этой высокопоставленной даме, а муаллиму Аббасу в Куке. Мы устроились в одном из его домов, который хотя и был тесен, но построен очень прочно, опрятно убран и содержался в порядке, а наши животные нашли приют поблизости в чем-то вроде мызы. С возросшим числом членов моего каравана, естественно, возросла и наша раздробленность в поселениях, где мы останавливались. Я больше не принимал к себе на квартиру никаких чужаков, однако следил за распределением угощения и поставляемого местными властями корма для лошадей. Во второй половине дня наш хозяин вернулся из поездки, и я составил о нем самое благоприятное мнение. Никогда в этих краях я не встречал сочетания такого чувства собственного достоинства и скромности, такой учтивости без раболепия, как у этого человека. Его манеры и даже черты лица вследствие врожденного чувства такта и понимания того, что в поведении может быть приличным и уместным, представились мне совершенно европейскими. Его приветливый, но серьезный и уверенный характер по-видимому, не передался детям, ибо мне пришлось убедиться, что среди легкомысленных молодых девушек, которых умел собрать вокруг себя Альмас с помощью приданной нашему дому хозяйки, главную роль играла одна из дочерей нашего хозяина, она же была и самой озорной.

На следующее утро (7 марта) через северные ворота мы вышли из Тиллама и попали в лес, который постепенно становился все гуще. Численно в нем преобладали акации, однако главную роль играли тамариндовое дерево, сикомора и разновидности фикуса. Через час с четвертью мы добрались до совершенно заброшенного города Рен. Если судить по остаткам окружавшей его стены, некогда он по величине, очевидно, не уступал Нгале, но теперь от него осталось лишь несколько редких групп хижин. Лет двадцать назад весь этот округ потерял своих жителей из-за одного фанатика-пилигрима фульбе по имени Шерфеддин, который увлек весь народ на общее паломничество в священный город Мекку. Позднее я еще вернусь к этому событию, имевшему неблагоприятные последствия для всего Багирми.

Восточнее Рена лес стал реже, и в течение часа с четвертью дорога проходила мимо ряда деревень, где жили шоа вместе с отдельными канурийскими элементами, — сначала Сенкури, затем Бокари, далее Иба и, наконец, Гиррегим. Последняя уже относилась к области Афаде. Сюда доходили пределы густо поросшего лесом и все еще плотно населенного округа Рангана, который мы пересекли в юго-восточном и восточном-юго-восточном направлении. На протяжении следующего часа мы миновали деревню, названную по имени самого уважаемого жителя, Билла Йели, и вышли к реке Гамбару, где в пышном прибрежном лесу пряталась деревня Чулло. Ни в одной из этих деревень не насчитывалось больше ста домов. Многие из них были покинутыми, поскольку их хозяева-шоа, насколько позволяли

условия, продолжали придерживаться кочевого образа жизни и удалялись со своим скотом на дальние пастбища.

В широком русле реки Комадугу-Камбару, называемой также Гамбарурам, протекал поток воды шириной всего в пятнадцать шагов и глубиной в два фута. Благодаря великолепному лесу, росшему по берегу, в котором поляны выглядели подобно роскошным лугам — явление, редкое в этих местах, — река представляла собой прекрасную картину. Неподалеку от долины резвились сотни журавлей. Они были настолько непривычны к людям, что безбоязненно позволяли приблизиться к себе шагов на двадцать. В высшей степени вероятно, что эта река ответвляется в обильной водой области музгу от реки Логоне и впадает в Чад близ города Вумби (?), относящегося к округу Нгала. Ее уклон столь же незначителен, сколь и реки Мбулу.

В лежащем за рекой Гамбару лесу преобладает хеджидж и появляются отдельные экземпляры кигелии (*Kigelia*) с ее похожими на баклажаны плодами. К югу от нашей дороги, проходившей в восточном-юго-восточном направлении, протекала река, через которую мы только что переправились, с многочисленными поворотами в западную-северо-западную сторону, а с севера к ней спускалось множество мелких ручейков, в это время сухих. Во время и после сезона дождей многие из них так сильно вздуваются, что через них можно перебраться лишь на лодках. Местность такая плоская, а воды в ней большую часть года так много, что деревни нередко возводят на искусственных насыпях, чтобы уберечься от наводнений. Вскоре после переправы мы прошли через два таких поселения, которые, правда, были уже давно покинуты и лежали в развалинах. Час спустя мы добрались до деревни шоа Колио, которая живописно располагалась в густой тени леса на высоком берегу Гамбару, ставшей здесь раз в пять шире и по виду богатой рыбой. Еще через час мы подошли к стенам Афаде.

Чтобы попасть в город, потребовалось затратить много времени и труда. Вьючные животные со своим грузом не могли пройти в узкие ворота в толстой стене, окружавшей город. Тогда мы направились к замку наместника (здесь он тоже имел право на титул *маи*), возвышавшемуся над всеми остальными строениями, чтобы он указал нам жилье. Таковое нашлось как раз напротив царского жилища, по другую сторону площади, затененной красивыми фиговыми деревьями, в одной обширной группе построек с большими надворными помещениями и различными, более или менее обветшалыми хижинами *бонго*. Лишь одна из них была занята под жилье. Я хотел подождать здесь все еще отсутствовавшего *чиму*, которого желал видеть при себе во время начинавшейся отсюда поездки через территорию Логоне и находясь поблизости от его столицы. Время до его прибытия должно было пойти на закупку съестных припасов, поскольку Афаде был последним местом на территории собственно Борну, где можно было надеяться это сделать.

Афаде, который по своей обширной площади приближался к Нгале, имел по сравнению с ней очень небольшое число жителей. Обвалившиеся дома, незастроенные площади и необитаемые хижины

придавали городу вид развалин, и если в свое время Барт оценивал его население в 8 тыс. человек, то мне показалось, что теперь оно едва ли превышало 2 тыс. Из расспросов я узнал, что Афаде также потерял большинство своих жителей в связи с походом того паломника фульбе, о котором я упомянул, рассказывая о городе Рен, и что после этого часть населения пришла сюда из опустевшего Рена.

Самый уютный вид был у замка наместника. Его фасад, обращенный к общественной площади, был отстроен очень тщательно и даже украшен с большим вкусом. Затененная мощными фиговыми деревьями площадь служит для проведения собраний и советов. Толстые стены постройки из плотной желтовато-серой глины были снаружи тщательно выровнены и слегка наклонены, как и стены почти всех домов макари. Узкий, расширяющийся кверху дверной проем был обведен широкой черной каймой, а от верхнего его края по обеим сторонам стены расходились широкие полосы, которые делились на чередующиеся черные и желтые четырехугольные поля. На нижнем и верхнем краях стены тоже был орнамент из подобных полос, которые, впрочем, часто отклонялись от прямой линии. Через проходное помещение мы прошли в не очень просторный двор, куда выходило помещение для официальных приемов *маи*. Оно было небольшим, но тщательно выровнено, содержалось в чистоте и, по-видимому, предназначалось для пребывания правителя, так как почти целиком было занято обширным, высотой около метра возвышением из глинозема (которое, так сказать, представляло собой трон). Остававшееся пространство было занято несколькими массивными, четырехугольными, постепенно суживающимися кверху колоннами, поверхность которых отличалась гладкостью, а края были острыми.

На средней части цоколя покоился верхний этаж с зубчатыми стенами. Входная дверь также была обведена широкой черной каймой и вела на террасу первого этажа. Непосредственно к этой террасе примыкала маленькая, куполообразная земляная хижина, это была, так сказать, личная комната наместника. Перед ней мы и нашли *маи* Муззо — таково было имя тогдашнего правителя. Он сидел на широкой земляной скамье, откуда мог наблюдать за лежащей внизу площадью. Здесь же он выслушивал приветствия, сообщения, просьбы и жалобы своих просителей или подданных, выносил решения по делам, которые находились в его компетенции, короче говоря, исполнял свои обязанности правителя. Дальше, на остатках некогда обширного царского жилища, в живописном беспорядке возвышались земляные четырехугольные дома и хижины *бонго*.

В лице *маи* Муззо я нашел доброжелательного и любезного человека, который, по-видимому, чувствовал себя стесненным в этих проявлениях своего характера лишь опасением, как бы мы не затянули нашего пребывания в его обедневшем городе. Если судить по тому удовольствию, с каким он сообщил мне только что полученное известие, что верховный военачальник Абу Секкина победил военачальника его противника, короля Абд ар-Рахмана, и захватил

47 лошадей и 15 ружей, он, должно быть, был либо горячим другом беглого короля Багирми, либо врагом своего ближайшего соседа, правителя Логона. Точно так же, как он старался поддержать свое царское достоинство блестящим видом своего жилища, так и весь его придворный штат являл собой в миниатюре точное повторение двора в Куке. У него были свои *дигма*, *мала*, *йерима*, *каигамма* и *джерма*, а те, хотя и были бедны, пребывали в сознании собственного высокого положения. Щедрое угощение из шести вместительных мисок и одной козы тоже скорее соответствовало его достоинству, уходящему в прошлое, нежели действительным возможностям.

Ближайшие окрестности города отличаются чрезвычайно пышной лесной растительностью, особенно с южной стороны. В непосредственной близости от городской стены резвились дикие свиньи, мартышки и павианы. Последние тут и там отваживались взбираться на эту стену или даже проникать в покинутые кварталы города. К различным разновидностям фикуса здесь добавилась *лита*, которая походит своими воздушными корнями на чаще упоминавшуюся *джеджу*. Непосредственно над землей она разветвляется на несколько стволов (не претерпевая, как кажется, из-за этого ни малейших изменений), предпочитает обвиваться вокруг других деревьев и таким путем нередко образует удивительные переплетения зарослей. Я впервые увидел там дерево, которое *канури* называют *кагем* (*Treculia?*). На нем росли твердые серые плоды величиной с лимон, к тому времени еще не созревшие, с жесткой кожурой, содержавшие белую горькую густую мякоть с рассредоточенными в ней многочисленными плоскими зернами. Из этих зерен готовят острое и горькое масло, которое предназначается лишь для наружного употребления, точно так же как и растертая кора и переработанные в пасту листья дерева с успехом используются при лечении запущенных ран и гноящихся язв.

Поскольку уже на второй день *маи Муззо* заметно уменьшил наше угощение и особенно урезал дорогое кормовое зерно, а я, со своей стороны, все-таки хотел дождаться прибытия чимы, то я попытался утешить остальных попутчиков за вызванную мною задержку покупкой убойной коровы. К сожалению, мое намерение разбилось о недоступную цену в 4 талера, которую потребовали за самую дешевую корову. Поэтому мне пришлось ограничиться подарком по одному талеру моим попутчикам из Куки и из Нгорну на приобретение корма для лошадей (поскольку во всем этом месте нельзя было раздобыть ни куска хлопчатобумажной ткани по цене в целый талер) и покупкой какого-то пропитания для людей Абу Секкина. Для нашей собственной кухни мы подстрелили нескольких полевых голубей, которые здесь нередко представлены очень крупной разновидностью, и нескольких цесарок.

Когда на третий день посланец *кашеллы* Билала не появился, я из-за трудностей с получением продовольствия в Афаде был вынужден продолжить путь и 10 марта покинул город. Проходившая по густому лесу дорога все время петляла, но в общем пролегла

в юго-восточном направлении. Через четыре с половиной часа мы добрались до деревни Тилле, расположенной поблизости от границы собственно Борну. Комадугу-Гамбару, в которой вода достигала порою ширины в 50—60 шагов, в течение всего нашего перехода оставалась поблизости от дороги с юго-западной стороны. Один раз, два часа спустя после выступления, мы вышли к ней у деревни Вуни, расположенной на ее юго-западном берегу, а за полчаса до этого перешли ручей, впадающий в нее с севера. То и дело мы натывались на загоны и места, где охотились презираемые керибина. Они загоняют дичь в неоднократно огороженные и постепенно сужающиеся загоны и под конец забивают ее с помощью луков и стрел. Мясо идет в пищу, а шкуры и рога служат для прочих надобностей. По обоим сторонам дороги нам попадались на глаза деревни шоа. Одни были покинуты окончательно. В других жители, забрав женщин и детей, отправились пасти скот на пастбищах. Повстречавшийся нам шоа, вышедший шесть дней назад из Биддери, нынешней резиденции Абд ар-Рахмана, расположенной неподалеку от Масени, думавший, что мы направляемся туда же, посоветовал нам оставить лошадей на западном берегу Шари, так как в самом Багирми они подохнут с голода. Впрочем, по его словам, Абд ар-Рахман лично выступил со своими воинами и единственными приверженцами в стране — шоа, чтобы захватить своего двоюродного брата Абу Секкина.

Тилле была окружена стеной, т. е. первоначально считалась городком. Она располагалась на небольшом холме, живописно укрытая в лесу, росшем по берегам очень узкой в этом месте реки Гамбару или одного из ее притоков. Теперь это была бедная деревушка, едва ли насчитывавшая 100 очагов, и никто не смог предоставить в мое распоряжение хижину. В отведенном мне жилище как раз готовилась еда для его обитателей, и, поскольку там обычно нет другой вентиляции, кроме как через входное отверстие, я предпочел остаться под открытым небом и расположился поблизости на берегу реки в тени прекрасного тамариндового дерева. Владелец отведенного мне дома оказался все же достаточно гостеприимным и, несмотря на это, угостил меня. Поэтому я был вдвойне рад, что выбрал это милое местечко.

Река с ее поросшими всевозможной растительностью берегами делает здесь поворот, так что если смотреть на нее с нашей стоянки, кажется, что течение прерывается холмом, на котором стоит деревня. По одну сторону у меня находилась деревня, передо мной в реке плескались довольные дети, через нее же переходила вброд цепочка женщин с полными корзинами и тазами на голове, направляясь на рынок в город Джильбен, расположенный в одном дне пути к югу от Тилле. Еще левее на водопой пришли стаи красных и серых мартышек, проделывавших немислимые прыжки и с любопытством наблюдавших за купавшимися детьми. Через рошу сновали цесарки, а важные водяные птицы искали и находили себе корм у речного берега. Я лежал в траве на берегу, предаваясь мечтательному восторгу, и наслаждался созерцанием мирной кар-

тины, прелесть которой бесконечно возрастала в моих глазах, когда я сравнивал ее с пустыней, неизменно выступавшей в моих воспоминаниях на передний план.

Среди многочисленных визитеров, подходивших поприветствовать меня и удовлетворить свое любопытство, случались и необычные. Такими оказались два бродячих музыканта, которые пытались доставить мне развлечение своей нестройной игрой. Первый был барабанщиком. У него на гладкостриженной голове от лба до затылка тянулись две узкие пряди волос. Второй дул в тростниковую трубку, снабженную рядом отверстий, широким металлическим мундштуком и слегка загнутым раструбом на нижнем конце, сделанном из рога, который лишь своей величинной отличался от рога цирюльника, предназначенного для пускания крови. Трубка инструмента в своей верхней и нижней части была отделана широким восковым орнаментом с веретенообразным рисунком и вставленными в него раковинами каури.

Вечером я освежился купанием и затем провел великолепную ночь на свежем, благоухающем лесном воздухе, видя во сне «Отца ножа» и его врага Мааруфа из Логона, в чьи владения мне предстояло вступить на следующий день.

Логон

Кала Кафра. — Негостеприимный прием. — Альф, или Ульф. — Защита деревень шоа от наводнений. — Арабские хижины. — Дружественный прием в Мелери. — Канурийские деревни. — Округ Вилли поблизости от Карнака Логона. — Пальмы делей и их плоды — Тревоги короля Мааруфа. — Его посланцы. — Въезд в столицу. — Парад на замковой площади. — Отведенное мне жилище. — Скромное гостеприимство. — Тщетные просьбы об аудиенции. — Осмотр города. — Рынок. — Городские дома. — Жители. — Женский танец — Речная сторона города. — Лодки жителей Логона. — Прием нашего каравана правителем. — Моя речь. — Ответ короля. — Попытки отговорить меня от поездки в Багирми — Моя твердость — Неприятное завершение аудиенции. — Интриги чимы Исы. — Новая попытка добиться аудиенции. — Государство Логон, его расположение, границы и очертания. — Река Логоне и ее притоки. — Деление страны и ее важнейшие населенные пункты. — Площадь и численность населения — Жители Логона (макари) и родственные им племена. — Физический облик макари. — Одежда, оружие и т. п. — Занятия и ремесла. — Пища. — Суеверия. — Предание относительно прошлого страны. — Политическое положение Логона. — Король и его придворные. — Военные чиновники.

11 марта мы вступили на территорию Логона. Выхав из Тилле, мы через час пути в восточном-юго-восточном направлении миновали деревню шоа Билла Моемми, временно покинутую жителями, и еще через полчаса в восточном, но несколько отклоняющемся к северу направлении добрались до одной из деревень, известных под общим названием Дебаба и также населенных арабами. Они расположены на территории прежнего города сао Нгафе. Это городище осталось к северу от нашей дороги. Затем мы повернули на юго-восток,

через час прибыли в третью деревушку шоа и вслед за тем пересекли границу Логона, которая проходит там по болотистому пруду с дождевой водой. Спустя полчаса, пройдя в юго-юго-восточном направлении, мы подошли к воротам города Кала Кафра, названного так в отличие от расположенного дальше к юго-западу города Кала Курра.

Город был окружен довольно хорошо сохранившейся стеной, высотой метров в шесть и шириной в нижней части в три метра; по его размерам можно было заключить, что населяют его 5—6 тыс. жителей. Люди оказались весьма негостеприимными и подозрительными и при нашем приближении поторопились закрыть городские ворота. Многие из них, правда, вышли к нам наружу и стали усердно помогать в устройстве тенистого лагеря вблизи колодца, и некоторым из наших людей даже позволили войти в город. Однако их не удалось склонить к тому, чтобы впустить туда весь караван. Поскольку мы хотели всего лишь переждать там полуденный зной, то не стали настаивать на своем, а расположились в тени крупной и красивой кигелии, с которой нам на головы грозили упасть ее большие плоды. *Кингиам* направился к городскому главе, чтобы потребовать от имени короля предоставить нам угощение, а когда его отсутствие затянулось слишком надолго, за ним последовал Альмас, опасавшийся, как бы тот в одиночку не воспользовался вынужденным гостеприимством жителей. Оба они привели затем в наш лагерь наместника, носившего титул халифа. Он прибыл с большой свитой, принялся описывать бедность города, который недавно был тяжело обложен Аба Хашеми (сыном шейха Омара) и к тому же еще терпел нужду из-за неурожая прошлого года, но все же пообещал тотчас же прислать выпрошенный завтрак. Но после того как за ним закрылись городские ворота, никто уже больше не показывался, и, как только миновал самый сильный зной, мы покинули это негостеприимное место. Дорога вела нас в юго-восточном направлении через густой лес, в котором деревья с красивой кроной встречались столь же часто, сколь бедные акации и разновидности *Zizyphus*. На полчаса он сменился травянистой поляной, а затем появился древний город Альф, или Ульф, или Уллуф, в который мы прибыли через два часа.

Как и Кала, Альф был в лучшем состоянии, чем те города, с которыми мы познакомились на территории собственно Борну. В нем жило 6-7 тыс. человек. Управлял им чиновник, носивший титул *галадима*. Поскольку ворота не были закрыты, мы направились в город, но были вынуждены оставить вьючных животных снаружи, так как проходы были такими узкими, что при значительной толщине стен выглядели почти как коридоры. Даже через самые большие ворота — если вы не желали поранить колени или разбить себе голову — верхом нужно было ехать очень осторожно. Учитывая черствую натуру макари, мы решили завоевать благосклонность главы города торжественным вступлением и проскакали галопом под оживленную ружейную пальбу перед его домом. Результат, однако, не соответствовал усилиям всадников и расходу пороха, ибо высокий чиновник

отвел нам для лагеря попросту *дендаль* ⁴⁷. Разочарованные и огорченные, мы направились через другие, еще более узкие ворота (через них, лишь спешившись, с трудом можно было провести лошадей) снова за пределы города и разбили там лагерь на ночь. Неподалеку от этих ворот внутри города на одном пустом месте я заметил первые пальмы делеб (*Borassus aethiopicum*).

Наша дорога от Альфа проходила в юго-юго-восточном направлении через местность, густо заселенную канури и шоа и поросшую светлым мелколесьем, в котором преобладали акации и особенно родственные курне разновидности *Zizyphus*. Лес чередовался с просторными луговыми равнинами. Они редко бывали совершенно сухими, а на большую часть года превращались в болота и озера. В конце второго часа пути в нескольких километрах к востоку мы оставили деревню Бирге, затем, спустя еще полчаса, дошли до двух небольших поселений по имени Дели, а еще через полчаса до Гелаи.

Деревни в этой плоской, ежегодно страдающей от наводнений местности в большинстве своем были защищены жителями (исключительно шоа) от напора воды низкими земляными валами, которым старались придать прочность, добавляя в них тростник. Деревни были застроены большими, неуклюжими и не очень прочными хижинами из тростника и соломы. Помимо людей они укрывали еще и всех домашних животных. Обычно кроме нескольких низких глиняных скамей в дальней части хижины (они служат ее обитателям для пребывания в дневное время) посередине находится помост из жердей примерно трехметровой высоты, покрытый циновками, где семья проводит ночь, тогда как внизу теснятся куры, коровы, лошади и козы. Но даже такой помост недостаточно надежно предохраняет от бесчисленных комаров этой влажной местности, которые очень мешают ночному отдыху людей. Обычно перед входом в хижину возводят еще один подобный помост. Днем он служит навесом, дающим тень, а ночью превращается в постель. Перед заходом солнца под ним разводят костер, и его дым вместе с верхним сквозняком отгоняет насекомых.

В Дели тоже появилась пальма делеб, а в окрестностях часто встречалось низкое дерево, именуемое *нгалиби*, с листьями, подобными лавровым, и темными сладкими плодами величиной с плоды хеджлиджа. В Гелаи, где из всех перечисленных деревень жителей было больше всего, из-за склонности наших попутчиков из Багирми к воровству возникли досадные недоразумения. Жители несколько раз промыли и переварили урожай плодов хеджлиджа (*бито*), превратив их в так называемое *наге*, которое они разложили для просушки на всех навесах и циновках. Голодные бигирмийцы набросились на эти запасы, и только небольшое возмещение убытков, уплаченное мною, восстановило наше доброе согласие с пострадавшими.

Через полтора часа после отъезда из Гелаи в юго-юго-восточном направлении начинается группа деревень канури, в первой из которых мы тогда и разбили свой лагерь. Деревня Мелери насчитывала, вероятно, 150 хижин, и ее жители приняли нас с приветливой

доброжелательностью, которая характеру канури свойственна больше, нежели макари и шоа. Если в других местах добродетель гостеприимства арабами высоко ценится и соблюдается, то у борнуанских шоа она превратилась в пустую формальность, которая еще поддерживается только по видимости, с оглядкой на религиозное предписание. Мы без приглашения воспользовались гостеприимством в одном доме, где вследствие отъезда владельца оказалось достаточно свободного места, а хозяйка, робкая и добродушная женщина, не осмелилась протестовать. Однако мы скромно заняли только два навеса для тени, сооруженных под густыми деревьями. Здесь наконец появился хоть и не сам долгожданный чима, который отправился по более западной дороге, проходящей через Джильбен, но по крайней мере голец от него. Он пообещал своевременное прибытие чимы в Вули — деревню, расположенную неподалеку от столицы Логона.

Наша хозяйка отличалась больше кротостью и скромностью, нежели внешней привлекательностью, но вскоре нас посетили несколько хорошеньких ее соседок, привлеченных любопытством к необычному чужестранцу. Застенчивость вскоре уступила место вызывающему кокетству, а вкрадчивая ласковость приняла такие размеры, что мне наконец пришлось положить конец слишком далекому зашедшему обследованию моей белой кожи и моих вещей. Если не считать прически, которую они странным образом заимствовали у женщины макари, в них прослеживались все национальные особенности остальных женщин шоа. Они помогли нашей хозяйке в приготовлении угощения, а позднее принесли из дому свою долю угощения (*дийафы*)⁴⁸. После перехода через границу Логона *аиш* уже имел форму не полукруглой лепешки, а маленького, удлиненного хлеба и приносили его (в том случае, если готовили не в доме) в небольших, не очень аппетитных корзинах из волокон пальмы дум. Полагающийся к нему соус подавался в маленьких глиняных кувшинах. Ночь оказалась чрезвычайно неприятной из-за какой-то разновидности древесных клопов, которые поистине в немыслимом количестве падали с деревьев на навесы, на людей и на землю, хотя и были совершенно безобидны.

Когда на следующее утро (13 марта) мы продолжили свой путь в юго-юго-восточном направлении через густо населенный округ Канури, куда мы вступили накануне, то сначала нам повстречалась деревня Касача, которая была еще больше, чем Мелери. Потом через короткие промежутки последовали два более мелких поселения — Бремери и Каири. Второе лежало на расстоянии трех четвертей часа пути от Карагаммы, также населенной канури. Наконец еще через сорок пять минут мы добрались до первых деревень Вули и тем самым оказались в непосредственной близости от резиденции правителя Логона.

Группа Вули также состояла из деревушек шоа и находилась в светлом лесу, где хотя и не преобладала, но все же часто встречалась *Borassus aethiopum* (возможно, не отличающаяся от индийской пальмы — пальмиры *Borassus flabelliformis*). Пальма эта со своим монументальным стволом, с веретенообразным утолщением

в средней части не может, правда, сравниться по изяществу с финиковой пальмой, но зато превосходит ее и в особенности пальму дум своим величественным внешним видом. Ее крупные, продолговато-округленные и в зрелом виде шафранно-желтые плоды издают великолепный аромат. Однако своим содержимым они не оправдывают ожиданий, которые непроизвольно, судя по запаху, возлагаешь и на их вкус. Несоразмерно большая косточка покрыта тонким слоем также шафрановой, волокнистой мякоти, которая столь же упорно сопротивляется ножу, как и гладкая кожура. Приходится потрудиться, прежде чем плод вознаградит ваши усилия умеренным количеством сока. Молодые ростки, пока они еще не целиком находятся в земле, как в сыром виде, так и поджаренные, являются излюбленным блюдом и пользуются определенной славой в качестве средства для увеличения мужской силы.

Через каких-нибудь полчаса (спустя три часа после нашего отъезда из Мелери), проехав через первую из этой группы деревень на юго-юго-восток, мы остановились на постой в деревушке, указанной в качестве места встречи медлительным *чимой*. Я занял для себя одну пустую хижину. Остальные расположились в тени деревьев. Здесь робость перед христианином заметно отступила перед опасением, которое вызывал гость правителя Борну. Стало уже известно, что король Мааруф, боязливый и суеверный правитель, испугавшись, как бы шейх Омар не поручил мне покончить с его господством или же я, действуя из собственных побуждений, не принес ему вреда с помощью колдовства, старался собрать в своей столице как можно больше всадников и оружия и был полон решимости держать меня сколь возможно дольше за ее пределами. Он поспешил отозвать на это время с границы в столицу своего верховного военачальника по имени Боголо и в этой тревожной обстановке обеспечил себе его поддержку особыми знаками расположения.

Мой приезд пришелся на неблагоприятный момент. На одного из братьев короля упало подозрение в желании захватить власть. Опасаясь, как бы правитель силой или обманом не устранил его, тот бежал в Кусери. Вся страна пребывала в большом возбуждении. Население столицы, очень любившее принца, приняло его сторону и потребовало обеспечить его безопасность и призвать назад. Однако трусливый король боялся выполнить это требование в такой же степени, как и подавить насильственным путем это недвусмысленное волеизъявление своих подданных.

Едва мы расположились на постой, как из столицы прибыл человек, который, ссылаясь на поручение короля, высказал просьбу, чтобы я оставался в Вули, пока король после полудня торжественно не заедет за мной. После того как я понапрасну прождал (узнав, какие опасения вызывает моя безобидная персона в придворных кругах Логона), на закате, т. е. в то время, когда переезд в столицу в торжественном сопровождении был уже действительно невозможен, к нам наконец прибыли от короля два всадника в воинских доспехах. Они приветствовали меня и просили временно еще задержаться в Вули, пока на следующий день они сами не заедут за мной.

Король, добавили они, все еще занят тем, чтобы собрать в столице как можно больше всадников для достойной встречи такого редкого и почетного гостя, как христианин-европеец. Я выразил готовность пойти на эту маленькую отсрочку, но заметил, что завтра я непременно должен быть в столице, хотя бы уже потому, что в Вули я даже на один день не смогу достать пропитания, необходимого для людей и лошадей своего многочисленного сопровождения. Впрочем, добавил я, вообще-то я простой смертный, не король и не принц, и не жду никаких торжеств в свою честь.

Когда на следующее утро (14 марта) эти господа прибыли снова, они воспользовались отсутствием чимы, на которого король возлагал надежду как на союзника, в качестве предлога, чтобы снова отложить мой въезд в столицу — Карнак. Они заявили, что их правитель сможет должным образом принять меня и оказать мне поддержку только после ознакомления с повелением своего сюзерена, которое передаст ему посланец *кашеллы* Билала. Однако я не дал ввести себя в заблуждение. Обеспечив себе благосклонность одного из всадников (он был родом канури и зятем короля) с помощью скромного подарка, я заявил, что не могу дольше ждать, тем более что в своих передвижениях вообще не завишу от посланца *кашеллы* Билала. Несмотря на все возражения, я остался при своем намерении въехать в город во второй половине этого же дня. После полуденного отдыха я нарядился как можно более достойным образом, надел тобу цвета цесарки, набросил на плечи свой изъеденный молью бурнус, закутал рот и нос лисамом и, надев большие синие очки, не позволил лицезреть даже свои глаза. Поскольку я был убежден, что король любым способом постарается расстроить мои планы (и так как он, очевидно, был труслив), то я при зрелом размышлении счел за лучшее произвести на него возможно большее впечатление и, нагнав на него еще больше страха перед моей опасной персоной, содействовать своей быстрой отправке из города.

В четыре часа пополудни мы выступили в путь. Во главе нашей тщательно построенной колонны скакали Альмас, который с удовольствием позволял именовать себя *кашеллой*, один примкнувший к нам по дороге младший начальник из лейб-гвардии шейха Омара и клиенты *муаллима* Мухаммеда на хороших лошадях. За ними и непосредственно передо мной, ибо я, естественно, занимал в колонне центральное место, следовали *кингиам* Киари и пешие, но вооруженные ружьями люди и среди них — Хамму и мой юный Мохаммеду, которые прежде всего усердствовали в том, чтобы истребить как можно больше пороха. Рядом со мной скакали закутанные в ватные доспехи всадники короля, а замыкали процессию остальные члены каравана. Быстрым маршем миновав примерно в середине пути одну деревню, мы через полтора часа достигли города с его западной стороны. Ворота оказались закрытыми, но после того как один из всадников короля постучал, они открылись, и мы друг за другом, очень осторожно, как того требовали небольшие размеры ворот, въехали в город к царскому дворцу.

Чем ближе мы подъезжали к замковой площади, тем больше

росла поджидавшая нас толпа людей, а на площади выстроились несколько сотен всадников короля. Пока я напротив входа в королевское жилище в достойной неподвижности выставял себя на пытливое обозрение толпы и, без сомнения, прятавшегося где-то короля, кашелла Альмас организовал конные игры, а Хамму, который благодаря своей светлой коже считался, разумеется, шерифом, старался расстрелять возможно больше пороха. Примерно через четверть часа я был препровожден в отведенное мне жилище, которое никак нельзя было назвать столь же блестящим, как то, что когда-то имел Барт, будучи гостем Юсефа — отца и предшественника короля Мааруфа.

В то время как обычно в строениях макари имеется нечто величественное благодаря мощным стенам и большой площади и содержатся они, как правило, относительно хорошо, мой дом сильно обветшал и был втиснут между двумя соседними домами. Он находился на узкой, проходящей с востока на запад улице и отличался странным устройством. Через входную дверь, расположенную в западной части внешней стены, обычно не имеющей входа, попадали в узкий коридор, куда входили маленькие комнаты без окон. Дойдя до задней стены дома, поворачивали на восток и входили в непокрытую крышей часть постройки, состоявшую из коридоров и двориков, разделенных полуразвалившимися стенами и, очевидно, предназначенных для каких-то домашних животных. Наконец, в южную сторону следовал содержащийся в чистоте хорошо огороженный двор с несколькими постройками, где, очевидно, жили члены семьи хозяина дома, и тут снова оказывалась стена, обращенная к улице. Здесь я разместился с моими ближайшими людьми, отдав одну из построек моим собственным слугам, а другую — Альмасу и его людям. На террасе этой второй постройки был выстроен маленький домик, вмещавший всего одну весьма небольшую по площади комнату, — его-то я и выбрал для своего пристанища. Прежде со двора к нему вела отдельная земляная лестница, но теперь были видны лишь ее остатки, и ее заменил кое-как обрубленный ствол дерева. Правда, он был такой тонкий, что переход по нему больше подходил, пожалуй, для канатоходцев, чем для обычных людей, однако именно это обстоятельство обещало в какой-то мере оградить меня от докучливых посетителей.

Вскоре после нашего размещения появился чиновник, который занимал примерно такое же положение, как макинта при борнуанском дворе. Вместе с приветами от короля он передал мне некоторые предметы для домашнего устройства (циновки и навесные двери), а в качестве угощения четыре больших миски анша с рыбным соусом и медом, трех кур и немного соломы для лошадей. Такое угощение от государя подобного ранга как правитель Логона, если вспомнить о плодородии и обычаях этой страны, нельзя было назвать иначе как скромным, и в соответствии с ним и я отблагодарил его подателя не слишком щедро, тем более что моя просьба о кормовом зерне для лошадей оказалась безуспешной. Правда, прекрасно обработанные миски из черного твердого дерева были

больше тех, которые я когда-то получал из кухни шейха Омара, и их содержимого вполне нам хватило, однако гостеприимство измеряется в этих странах по степени избытка. Впрочем, сам я по большей части довольствовался просто вареным рисом или кашей из пшеничной муки, а что касается мяса, то обходился превосходными местными курами. Я был очень доволен тем, что выбрал себе комнату на прохладном возвышении дома, и, несмотря на назойливых комаров, напоминавших о близости реки, провел прекрасную ночь — как раз светила луна — на открытой террасе, хотя лунному свету здесь повсеместно приписывают опасное воздействие на спящего.

На следующее утро я послал спросить у короля, в какое время дня ему будет желателен мой визит. Вскоре появился уже знакомый мне зять с ответом, пересыпанным комплиментами. Оказалось, что прежде всего следовало провести государственный совет, чтобы уладить неприятное дело, касающееся наследника престола, но что после этого меня будут очень рады принять на аудиенции и доставят меня на нее. После этого появился обильный завтрак, в котором главная роль принадлежала блюду с громадными, политыми медом, круглыми клецками из муки бататов; однако после его завершения я напрасно ждал приглашения на аудиенцию. За повторным запросом с моей стороны последовала лишь новая отговорка, что король получил-де известие о прибытии через несколько часов *чима* и поэтому пожелал отложить нашу встречу до этого момента. Очевидно, господину Мааруфу не удавалось побороть вызываемый мною страх. Это подтвердил и один вольноотпущенник-музгу, который, прожив много лет в Триполи, выбрал своим местожительством Логон с родственными ему тамошними жителями и добился благодаря своему жизненному опыту определенного авторитета у короля. Этот человек рассказал мне, что тот умирал от любопытства познакомиться со мной, но что пока перевешивал страх перед моими колдовскими штуками.

Чима, которого звали Иса, действительно прибыл, и вскоре мне стало ясно, что король, действуя в своих интересах, дожидался его прибытия. Тот, не считая себя обязанным посетить меня, тем самым показал, что он вовсе не собирается непременно заступаться за меня. Полагаясь на приказание шейха Омара, я не сразу придал значение этому обстоятельству и к вечеру, рассерженный, вышел из дома, чтобы осмотреть город и его рынок.

В общем добрый обычай требует, чтобы чужестранец, если он является гостем короля, не появлялся в городе до первой аудиенции у него, и лишь поразительное поведение Мааруфа заставило меня отойти от этого правила приличия. Поскольку был как раз базарный день, а мне нужны были кое-какие припасы (дурра, рис, масло и лук) для дальнейшей поездки, я направился на отведенную под рынок площадь, которая уже заметно опустела ввиду позднего часа. Там я выменял на один талер 42 узких куска хлопчатобумажной материи — каждый был длиной в четыре дра (соответствует французскому *coudée* — локтю) и в три пальца в ширину — и воспользовался услугами упомянутого выше зятя короля в качестве местного знатока

для покупки необходимых мне вещей. Кроме них из-за позднего часа продавался лишь табак, зелень и хлопок, однако некоторые цены мне показались выше, чем в Куке, и, во всяком случае, значительно выше тех, что я ожидал увидеть в плодородной стране.

Улицы в городе порою шире и проложены удобнее, нежели в Куке, а в расположении домов, в общем, больше порядка. Это либо *бонго* значительных размеров, которые чаще всего возведены на высоком фундаменте, либо крупные, похожие на замки постройки с зубчатыми толстыми стенами, нередко украшенные угловыми башенками, либо четырехугольные, несколько сужающиеся в верхней части дома, покрытые плоской, закругленной наверху, соломенной крышей. К этому последнему виду, не встречающемуся в самом Борну, в отведенном мне жилище относилась та постройка, где жили слуги. Хотя дома эти значительно выше только что описанных, они тоже состоят всего из одного этажа, который внутри просматривается до крыши. Наибольшим вкусом и одновременно наибольшей прочностью отличаются, без сомнения, те постройки замкового типа, которые в Карнаке встречались не часто, но (как я имел возможность убедиться в этой поездке) преобладали в городе макари Гульфеи на реке Шари. Нередко можно заметить определенное стремление соединить опрятность и удобства с прочностью. Так, я обратил внимание, что перед многими домами устроена площадка из тщательно утрамбованной глины, обнесенная снаружи стенкой высотой в один фут. Она посыпана чистым песком, но чаще устлана соломой (поскольку песок можно найти лишь поблизости от реки) и предназначена для молитвы, для приема посетителей и подчиненных.

Необычное впечатление от всего увиденного, совершенно отличающееся от полученного в канурийских городах, распространяется и на жителей. Они показались мне в общем темнее, чем борнуанцы, выше и сильнее, но в то же время более неуклюжими и больше склонными к полноте, чем те, и с еще менее привлекательными чертами лица. Мужчины сбривают волосы на голове, ходят с непокрытой головой (за исключением ученых, паломников и старцев преклонного возраста, которым обычай предписывает носить шапочки, сшитые из хама или из широко распространенных здесь хлопчатобумажных полос) и предпочитают шить одежду из материи, окрашенной краской индиго. Женщины прической и одеждой едва ли отличаются от жительниц Афаде и других городов макари в Борну, но они произвели на меня какое-то особенно скверное впечатление.

Люди на улицах были спокойными и серьезными, шествовали медленным шагом и, по-видимому, делали все с несравненно большей медлительностью и рассудительностью, чем простой народ, который можно наблюдать на улицах Куки. Во всем сказывается некоторая неповоротливость — как в стиле построек, так и в изготовлении деревянных мисок и других ремесленных изделий, как в еде, так и в разговоре, как в работе, так и в развлечениях. Даже в излюбленном народном танце, исполнявшемся одними женщинами, за которым я наблюдал на небольшой площади, обнаружился этот характер, если сравнить его с обычными танцевальными увеселениями канури.

Танцовщицы замкнули круг, за пределами которого стояли два музыканта, как я это видел и в Тилле. Вскоре одна из женщин, вырвавшись из него, пошла по кругу в такт звукам инструментов, вызывая других. Темп музыки ускорился, одна из товарок приняла вызов, и, после того как обе, воодушевляясь все больше и больше, под все убыстряющийся ритм несколько раз прошли мимо и обошли друг вокруг друга, они целеустремленно бросились одна к другой, а когда сошлись, внезапно так ударились правыми ягодицами, что та, что послабее, была заметно отброшена назад (иногда под смех своих товарок одна из танцовщиц даже вылетала вон из круга). Победительница, торжествуя, танцевала дальше, пока ей не готовила ту же судьбу ее соперница. К сожалению, неудовольствие, которое вызвало у красавиц мое нескромное наблюдение, вскоре заставило меня уйти.

Добравшись до юго-восточной стороны города (его протяженность в сравнении с известными мне борнуанскими городами позволяла оценить его население от 12 до 15 тыс. человек), я увидел перед собой долгожданную реку Логоне, или западную Шари. Приходя с юга, она выше города поворачивает к северо-востоку, протекает вблизи городских стен и сразу же затем вновь принимает прежнее направление. На речную сторону со стоящими в ряд и порознь внушительными деревьями выходят семь ворот. Вблизи них всегда царит оживление, а в этот базарный день оно было бойким вдвойне. На зеленом берегу, поднимающемся метра на четыре над поверхностью воды (тогда как противоположный берег совершенно плоский), сидели люди, приходившие на базар и теперь ожидавшие переправы. Между стоявшими на якоре лодками в воде забавлялись купающиеся дети, а женщины, высоко подобрав одежду и неся корзины на голове, длинной вереницей переходили реку вброд. Под высокими деревьями группами сидели праздные жители, наслаждавшиеся вечерней прохладой. Они задумчиво наблюдали за оживлением занятых людей и обсуждали события дня.

Я тоже долго оставался погруженным в созерцание этой прекрасной картины, мирной и деятельной. Здесь — длинный ряд городских стен, над которыми кое-где возвышались стройные пальмы делеб, там — сверкающая в закатных лучах солнца река, шириной не более пятисот шагов, а по ту сторону от нее — неизвестный мир, куда в скором времени я надеялся вступить. Вода, очевидно, стояла низко, так как на противоположном берегу в речном русле заметна широкая полоса высохшей земли, а в месте брода глубина воды нигде не превышала полутора метров. Длинные, узкие, остроносые лодки (те, что побольше, имеют в длину от 14 до 16 метров при бортах высотой от полуметра до метра) в своей верхней части достигают ширины около полутора метров. Доски предпочитают резать из дерева харазы (*Acacia albida*), их стягивают плотно друг с другом шнуровкой из веревки, которая одновременно закрепляет в соединительных швах пучки тростника, служащие конопатью. Носовую часть изготавливают из твердого дерева *кагем* (*Treculia*) или *биргим* (*Diospyrus mespiliformis*).

Поскольку Иса прибыл, то король Мааруф уже не мог и на следующий день откладывать страшившую его аудиенцию и назначил ее на обеденное время. Однако когда его приближенный-канури зашел за мной, я узнал, что его господин распорядился одновременно принять весь наш караван, очевидно, лишь для того, чтобы как можно меньше иметь дела с моей персоной. Вход в царское жилище находился в самой северной части его обращенного на замковую площадь фасада, так же, как это было во времена Барта. Через проходное помещение — *сукейфа* — мы попали, идя в западную сторону, во внутренний двор, из которого проход вел в южном направлении в другой двор, длиной шагов в пятьдесят и шириной примерно шагов в двадцать. К его противоположному концу примыкало крытое помещение, из которого, идя к востоку, попадали в место, отведенное для лошадей и не имеющее крыши, а на запад — в третий внутренний двор. Из западного конца этого двора вела дверь в открытое помещение, где по обыкновению принимали посетителей. Его пол был засыпан толстым слоем чистого песка, а западную часть по всей ширине покрывал обширный и весьма солидный навес, покоящийся на прочных столбах, на котором из тростника и циновок была сооружена хижина. Мы вступили во двор для аудиенций — жители Логона и Багирми, в соответствии с обычаями своей страны, были с обнаженными торсами — и опустились на песок посередине. Вокруг на корточках уже сидели придворные и рабы.

В хижине на веранде находился король, который мог обозревать большую часть двора через закрывающую вход навесную дверь (*фарфар*), тогда как для нас он оставался невидимым. Мы сидели на корточках, я — во главе своих попутчиков, а рядом со мной Киари. Напротив меня сидел Альмас, к которому присоединился один незнакомец. В нем я правильно распознал Ису. Остальные следовали длинной чередой в зависимости от своего значения и социального положения. На возвышении веранды, рядом с дверью царской хижины стоял официальный толмач. Я открыл череду приветствующих короля. Осведомившись о состоянии здоровья его величества и выразив свое пожелание, чтобы в городе и в стране царили мир и процветание, я принялся распространяться о пребывании своего земляка Абд ал-Керима (Барта) в Логоне, о его сообщениях о тогдашнем короле Юсефе, о щедрости, мудрости и справедливости этого последнего и о его дружбе с чужеземцами и добавил, что и я полон желания установить эти дружеские отношения с достойным сыном Юсефа, королем Мааруфом. Подобно тому как мой предшественник за двадцать лет до меня прибыл из Логона к правителю Багирми, Абд ал-Кадиру, чтобы и тому передать желание нашего могущественного короля и повелителя жить в дружбе с суданскими правителями, я тоже намеревался посетить сына Абд ал-Кадира, короля Мохаммеду, и просил его, короля Мааруфа, поскольку он, по-видимому, не хотел подарить мне свою личную дружбу, открыть мне дорогу на Багирми, ключ от которой находился в его сильной руке. Просьбой снисходительно отнестись к моим скромным подаркам (учитывая его зависимое положение от шейха Омара, я определил

для него только один отрезок хама, один красный тарбуш и одну десть обычной писчей бумаги), поскольку я уже три года как расстался со своей родиной, я закончил свою речь, которую для соблюдения торжественности произнес на арабском языке. Альмас фразу за фразой передал мои слова на языке канури, а официальный толмач перевел их затем на местный язык.

Последний ответил, в соответствии с указаниями своего господина, которые были даны таким тихим голосом, что до нас доносились лишь бормотание, нечто в таком роде: «Король приветствует тебя, о христианин, и вас, люди из Борну, и вас, мужи из Багирми!» (Общий всплеск рук с нашей стороны и тихий шепот: «Да благословит тебя Аллах и да продлит он твою жизнь»). «Наш господин, — следовало далее, — говорит тебе, о христианин, что он получил и прочитал письмо шейха Омара и понял его приказание не закрывать тебе и сопровождающим тебя людям дорогу к королю Абу Секкину. Дорога поэтому должна быть свободна для тебя. Однако король спрашивает тебя, поскольку он проникся к тебе большой дружбой, хотя и не нашел пока что времени принять тебя лично, хочешь ли ты выслушать его совет по поводу твоей задуманной поездки?» Еще не стихло одобрительное бормотание, которым присутствовавшие встретили эту речь, как я воскликнул: «Как бы я осмелился не выслушать совет столь мудрого и могущественного короля в его собственной стране, я, гость в этом чужом мире, через который я могу проехать только под защитой бога и дружбы королей?»

«Наша страна, — продолжал толмач, — принадлежит шейху Омару, и все, что будет говорить и делать король Мааруф, будь то доброе или злое, произойдет при совместной ответственности Исы, посланца Борну (одобрительное бормотание толпы). Так вот, он говорит тебе, что твоя дальнейшая поездка приведет к большому опасностям, что по последним известиям нынешний король Багирми, Абд ар-Рахман, приблизился к беглецу Абу Секкину и намеревается уничтожить его своим подавляющим превосходством. Из лагеря Абу Секкина уже бежали старики, женщины и дети, чтобы спастись от этой катастрофы. Их ожидают в Бугомане. Король отвечает за тебя, своего гостя и друга шейха Омара, и желает, прежде чем разрешить тебе дальнейшую поездку, послать в названный город, чтобы получить сведения о самых последних событиях».

Я поблагодарил короля, по видимости столь обеспокоенного моим благополучием, за его дружеские чувства и возразил, что вынужден считать нецелесообразным, чтобы меня опередило известие о моем предполагаемом путешествии в страну, ставшую столь небезопасной из-за междоусобной войны. Кроме того, нам не приходится слишком опасаться описанных опасностей, ибо все мы находимся в руке божией. А после того, как у себя на родине и при дворе шейха Омара я выразил намерение посетить короля Абу Секкина, я никак не могу вернуться, не сделав или по крайней мере не попытавшись это сделать.

Господин Мааруф не так легко отказался от своего плана запугивания и в самых черных красках нарисовал мне другие

малопривлекательные картины. Он живописал общую нужду, уносящую все больше населения истощенной страны; жизнь, полную страха и забот, которую ведут редкие жители на островах Шари или на ее западном берегу, подвергающемся набегам музгу; голод, вынуждающий их есть муравьев, ящериц и древесные листья. После этого король повторил свое предложение подождать известий из Бугомана. Этот город находится-де так близко, что ждать их придется всего три дня; на это время я могу воспользоваться его гостеприимством. Но чтобы я был уверен, что получу только надежные сведения, он предлагает мне поручить это дело троим, взяв одного из его людей, второго из моих, а третьего из людей Багирми.

Возникло опасение, как бы король в своей ненависти к Абу Секкину не зашел достаточно далеко, чтобы оповестить Абд ар-Рахмана, до которого (если только он пребывал еще в Биддери) верхом можно было добраться за три дня, о предстоящем проходе нашего каравана, позволяющего надеяться на хорошую добычу. Поэтому я ни в коем случае не мог терять время и спрятался за важным именем шейха Омара, который мне «приказал» «ехать днем и ночью и постоянно обгонять известие о моем присутствии в стране». Поскольку Бугоман находится близко, то я считаю за лучшее лично отправиться туда, а буде там обнаружится невозможность дальнейшей поездки, я, вполне естественно, тотчас же вернусь назад.

Третьей попытке заставить меня отказаться от своего плана я оказал еще более решительное сопротивление, заключив свое возражение словами: «Так хочет бог, завтра я перейду через твою реку». Тут и королевскому терпению пришел конец, и он коротко передал мне, что если я не хочу прислушаться к его доброжелательному совету, то могу идти, куда мне заблагорассудится, и тотчас же покинуть город. Такой поворот не устраивал моего добродушного Киари. Охваченный благоговением перед царской властью, он взял слово и сказал, что является *кингиамом* шейха Омара по Багирми, тот доверил меня его ведению и он продолжит свой путь только в том случае, если король Мааруф, да продлит Аллах его дни, считает это полезным и позволит это сделать.

Таким образом, аудиенция завершилась нежелательным для меня образом. Без разрешения правителя страны я не мог продолжить путь, ибо даже без явного вмешательства с его стороны представлялось вероятным, что при попытке переправиться через реку, я не смогу найти для этой цели ни одной лодки. Сам же он в конце концов лишь выполнил свой долг, не советуя мне пускаться в путешествие, об опасности которого он мог судить лучше, нежели шейх Омар. Напрасивалась мысль о том, что во всем этом сыграла роль интрига Исы, и я тотчас же послал к нему Альмаса, чтобы каким-нибудь образом добиться его посредничества. Я велел ему сказать, что, если бы мне не приходилось беречь время, я незамедлительно поскакал бы в Куку и привез бы сюда строжайшие распоряжения шейха Омара в мою поддержку. Однако, чтобы и ему оказать услугу и не повредить правителю страны, пусть он сообщит мне

через Альмаса плату за свое содействие. Иса отнесся ко всему совершенно по-деловому, требовал, торговался и наконец определил умеренную цену в одну тобу короробши и один отрезок хама, за которую он предлагал и брался тотчас же переубедить короля Мааруфа и устранить все препятствия, мешающие моему отъезду, с одной лишь оговоркой — получить от остальных членов каравана обычные поборы. Он сам пришел выразить мне свою услужливость и предложить вместе с ним посетить короля и тотчас же направился к нему, чтобы все уладить. Тот все же не смог преодолеть свой страх передо мной, так что от него удалось получить лишь обещание принять меня на следующий день.

Остаток дня был посвящен пополнению продовольственных запасов, так как ощущавшаяся повсюду в Багирми крайняя нехватка зерна отнюдь не была выдумкой Мааруфа. На следующее утро от короля явились приближенный и триполитанский вольноотпущенник. Они попросили для него кое-какие лекарства и колдовские средства и передали мне приглашение посетить его после окончания ежедневного большого совета; ибо, велел он мне передать, он никак не может позволить мне уехать, не увидев меня и не переговорив со мною. В качестве колдовского средства мне служила камфара, которая в большинстве мусульманских стран считается верным способом для устранения дьявольских козней. У меня был большой ее запас, оставшийся от осветительного устройства волшебного фонаря. Это вещество давало в мое распоряжение дешевый и всегда желанный подарок. Даже мое откровенное признание, что мы, христиане, не верим в ее магическую силу, никак не могло уменьшить ее значение. Меджлис (совет) закончился, однако король «проголодался и вынужден был отложить частную аудиенцию на время после завтрака». К вечерней молитве выючные животные были нагружены и все готово к отъезду, когда король действительно собрался с духом и позвал меня. Однако мое появление во дворце сразу же лишило его с таким трудом достигнутой уверенности в своих силах, и, прождав в переднем дворе добрых полчаса, я был вынужден оставить Карнак, так и не увидев в глаза этого труса и не пожав ему руку.

Прежде чем перейти к описанию той части моего путешествия, которая касается Багирми, уместно дать читателю краткий обзор страны Логон и ее жителей, насколько нам позволяют это сделать наши ограниченные познания.

Логон, который на местном языке называется Логван, или Лагван, представляет собой влажную, местами болотистую страну, лежащую по обе стороны реки Логоне. Его округленная территория имеет в поперечнике примерно 90 км. Его граница проходит по восточному рукаву, т. е. собственно по реке Шари, но эту границу не слишком строго соблюдает более сильная соседняя страна Багирми. На западе границей служит округ шоа Бальге, расположенный севернее Мандары, и сама эта маленькая страна. На юге и юго-западе, где живут независимые музгу или где среди них отвоевывают себе все больше и больше места феллата из области Адамауа, четкую границу установить невозможно.

Вся эта территория совершенно плоская. В сезон дождей она заполняется болотистой водой на лугах, на ней появляются скопления стоячей воды, ручьи, почти не имеющие течения. Там, где преобладает глинистая почва, местность в это время непроходима. Единственные возвышенности представлены скалами Ваза высотой немногим более 150 м. В тех местах, где вода стоит в течение большей части года, широко распространена древесная растительность. Среди деревьев преобладает хараза (*Acacia albida*), фикусовые деревья, пальмы делеб и дум, тамаринд, неоднократно упоминавшаяся *Treculia* и на юге *Eriodendron*, *Parcia biglobosa*, сальное дерево и другие. Очень широко распространены также дикорастущий рис, трава, носящая на языке канури название *фагам* (*Dactyloctenium aegyptium*), сукко, каджиджи и т. п. Из диких зверей встречаются слон и буйвол и в большом количестве водятся гиены, гиппопотамы, крокодилы и дикие свиньи. Напротив, более редкими являются, по-видимому, лев, леопард и носорог. Естественно, есть там жирафы и антилопы, трубкозубы и дикобразы, а болотные и водяные птицы чувствуют в Логоне полное раздолье. Наконец, страна богата медом и рыбой.

Река Логоне пересекает страну с юга на север так, что меньшая ее часть остается к востоку от реки, а большая — к западу. В дне пути к югу от Карнака с восточной стороны в нее, как кажется, снова впадает тот приток, который ответвляется на территории независимых музгу. Мне он был назван как Лрхо Матиа, т. е. «малая река». На ее западной стороне, также уже южнее собственно Логона, из нее якобы вытекает река, которую в Борну называют Гамбару и которая в своем дальнейшем течении становится еще полноводнее благодаря многочисленным мелким притокам из западной части страны. Впрочем, этот исток реки Гамбару ни в коем случае нельзя считать за достоверный, поскольку полученные мною топографические подробности не отличаются желаемой степенью надежности. В продолжение нашего краткого пребывания в столице Логона у меня не было ни досуга, ни возможности познакомиться с хорошо осведомленными людьми. Тем немногим, что мне удалось узнать путем расспросов, я обязан одному канури — уроженцу страны, человеку хотя и опытному и умному, но ненадежному и примкнувшему к нам для поездки в Багирми. По его словам, страна разделяется на четыре округа: Халака (северный), Хохсевени (восточный), За (южный) и Мазе (западный). Главнейшими районами являются район Ваза, примерное положение которого вместе с тамошними скалами стало известно благодаря Барту, и район Джинна, расположенный в южной части страны. Оба они представляют собой важные пограничные области, служившие заслоном на пути энергичных и необузданных племен музгу, поэтому их наместники занимают в стране высшие военные должности. Если двигаться от столицы вверх по течению реки, то на ее западном берегу друг за другом следуют обнесенный стеной город Логон (столица, как уже говорилось, называется собственно Логван), местечко Диффель и еще менее значительная Гоффа. Напротив этого поселения упомянутая Лрхо Матиа якобы снова соединяется

с главным течением, а у их слияния на восточной стороне находится городок Нгодоне. Затем к югу от Гоффы на западном берегу следуют значительный город Холлем, или Ходем, или Охоллем, за ним Казере, а следующая за ним Мазара уже приводит к южной границе страны. По ту сторону границы лежат поселения музгу Мареафа, Теккеле (здесь Лрхо Матиа якобы отделяется от главного рукава), Бальгеди, Мускун, Бала и город вождя Пусс, или Фусс. Из всех них можно в какой-то мере определить лишь положение Мускуна, поскольку он расположен на расстоянии в половину пути в юго-западном направлении от города Багирми Манджафа, или Маифа, через который я проезжал.

К востоку от Лрхо Матии, двигаясь от упомянутого Нгодоне на юг, встречаешь Коайю, Гарле, Сарасару, Багдас и Марге и там снова оказываешься у приблизительной границы Логона. Джинна после Логона является самым значительным городом страны, оживленным рынком по торговле слоновой костью и местными ремесленными изделиями. Она лежит якобы на расстоянии всего в полдня пути от Теккеле. К западу от Лрхо Матии, т. е. между нею и Лрхо Логвам, поблизости от Нгодобе находится город Маве, а к югу от того — Барам. Дальше к западу, в направлении с севера на юг, якобы расположены Белле, Маффиндага, Аннани и Ваза. Приведенные поселения в большинстве своем, как кажется, представляют собой окруженные стеной городки с населением от 3 до 5 тыс. жителей.

Площадь Логона составляет приблизительно 8 тыс. кв. км, это довольно густо населенная страна. Хотя у меня нет необходимых данных для действительной оценки численности его населения, я все же считаю возможным принять цифру в 0,25 млн. человек (включая более или менее покоренных музгу). Наряду с собственно жителями Логона на севере имеются поселения канури, на востоке, неподалеку от собственно Шари — элементы багирми, на юго-западе — феллата, а на севере и на западе — потомки арабов. В общем обзоре различных элементов населения Борну уже говорилось, что первые из них являются ближайшими родственниками музгу и ма-кари в Борну и что это родство, хотя и в меньшей степени, распространяется также на островных жителей Чада и на южные приграничные племена Борну. Дальше мы увидим, что сюда же следует включить еще одну значительную часть живущих в южном Багирми языческих племен. Объединяя последних под названием маса, поступают довольно произвольно, так как, насколько мне известно, это название относится к языку багирми и подходит собственно одним только музгу.

Входящие в эту группу племена не только имеют превосходные физические качества, они, по-видимому, способны и к более высокому развитию в культурном отношении, как мы это признаем за теми, кто принял ислам и даже, судя по описанию Барта, за сохранившими язычество музгу. Становится понятным, что мусульманская религия принесла с собой большие внешние изменения, и мы это видим при сравнении жителей Логона с ближе всего стоящими к ним

музгу. Эти последние тоже в большинстве своем имеют великолепное телосложение и грубые черты лица. Женщин еще сильнее уродуют странные украшения в виде больших круглых пластинок, костяных или металлических, вставленных в верхнюю и в нижнюю губу. В результате их губы постепенно вытягиваются наподобие рыльца и при разговоре стучат друг о друга, что придает еще более причудливое звучание языку и без того уже богатому шипящими, щелевыми и гортанными звуками. Их мужчины по-прежнему ограничиваются стародавним кожаным передником на бедрах, а женщины в качестве единственной одежды носят узкую полоску вокруг бедер. Главным оружием им служат метательные ножи, а в качестве боевого снаряжения они изготавливают доспехи из шкуры буйвола, вывернутой шерстью внутрь, или плотно сплетенные из соломы и соответствующий головной убор из того же материала.

Все это, естественно, изменилось у принявших ислам их братьев или кузенов в Логоне и Борну. Они носят теперь хлопчатобумажную одежду своего собственного изготовления, ими же самими окрашенную и сшитую. Женщины давно отказались от обезображивающих их губных украшений, а мужчины носят такое же оружие, как и прочие жители Борну: метательные колья, длинное копье, кинжал у предплечья (метательный нож вышел из употребления). У них нередко встречаются доспехи из ваты или даже из металла. Однако непривлекательными формами жилищ, исключительным использованием глины для фундаментов домов, тщательно выделанной их кровлей, пристрастием к окруженным стеной поселениям и даже своим художественным вкусом музгу нередко напоминают своих более развитых мусульманских родственников.

Неуклюжим, тяжеловесным фигурам борнуанских макари и жителей Логона соответствует их серьезный, рассудительный характер, их трудолюбие, предпочтение, отдаваемое темным краскам, прочность и солидность их построек и даже размеры и формы домашней утвари. Они прилежно занимаются земледелием, рыбной ловлей и ремеслами. На питательной, жирной, влажной почве из зерновых находят применение главным образом дурра и кукуруза. Кроме того, повсюду выращивают табак, индиго, хлопчатник, овощи (клубнеплоды, тыкву, бобы, земляные орехи, сезам). Все это возделывается очень тщательно.

Из ремесел они больше всего занимаются плетением корзин, крашением, постройкой домов и лодок. Их плетеные корзины, крышки сосудов и циновки не столь изящны по форме, не такие плотные и гибкие, как, например, превосходные изделия подобного рода в Дарфуре. Однако они сработаны очень добротны, без изъянов и абсолютно своеобразны по своим пестрым узорам. Навесные двери из расположенных поперечно тростниковых палочек, которые соединяются друг с другом тонкими полосками кожи или окрашенными в темный цвет нитками (эти двери в ходу в Борну), происходят исключительно из Логона, если они хоть мало-мальски сделаны со вкусом. Связывающие их нити и полоски образуют своеобразнейшие и привлекательнейшие рисунки.

В умении красить (которое пришло сюда, вероятно, из той же самой местности, из которой оно распространилось и в остальные районы Борну) обитатели Логона решительно превосходят канури. Жители Куки охотно посылают свои наряды для окраски в провинцию Котоко, где этим делом занимаются по преимуществу жители Маффате, и за тобу макари, которая при любви тамошних жителей ко всему чрезмерному отличается еще своей длиной и шириной, платят гораздо дороже, чем за столь же тонко тканное платье, если оно окрашено в Куке. Навыки в строительстве приходится макари очень кстати на чужбине, где это умение не так развито. В Вадаи, например, где глинобитные постройки еще не распространились широко, более зажиточные люди приглашают строительного мастера-котоко. Лишь в последнее время им составляют там конкуренцию умелые жители Багирми. Мы уже познакомились с необычайно красивыми мисками для еды из пропитанного черной краской дерева, которые во множестве изотовляют жители Макари и Логона, и с их водными транспортными средствами.

Целиком в соответствии со своим характером люди любят питательную и особенно очень обильную пищу. Чужеземца поражают колоссальные кляксы из батата и то огромное количество масла и меда, которое они способны поглотить. Поскольку во время моей поездки времена были не столь хороши и я не пользовался особой благосклонностью короля, то я полагаюсь в этом отношении на то описание, которое оставил Барт о неслыханных требованиях, предъявляемых к пищеварительным органам его самого и его спутников. К продуктам, употребляемым в Борну, в Логоне добавляются съедобные клубни; здесь преобладает употребление рыбы, которую, правда, чаще всего сушат и перерабатывают в соус с неприятным запахом и в таком виде потребляют с обычными мучными блюдами.

Хотя жители Логона — люди серьезные, замкнутые, черствые, недоверчивые и расчетливые, они тем не менее обнаруживают и известную честность и надежность. Но обычно на всех, кто имеет с ними дело, они производят какое-то таинственное, своеобразное впечатление. Повсюду в Борну считается, что они владеют сверхъестественными способностями. Никто не сомневается в том, что каждый мужчина-макари является колдуном, что он может причинить много бед своим дурным глазом и имеет особую способность превращаться по ночам в гиену. Даже весьма рассудительные и относительно свободные от предрассудков люди смотрели на меня с нескрываемым возмущением, когда я своим видом выражал сомнение в этом «факте». Однажды утром, когда мы находились в Афаде, ко мне с таинственной миной явился Альмас и сообщил, что хозяин после полуночи принес в дом с помощью каких-то закутанных мужчин длинный, завернутый в материю предмет. Он не сомневался, что это был человеческий труп, нужный для того, чтобы приготовить из него, по обычаю макари, дьявольское угощение, поскольку они черпают-де свою способность к колдовству, потребляя мясо покойников. Жители некоторых селений пользуются в этом отношении особенно дурной славой. Сами макари тоже, естественно, верят

в злые чары других и, таким образом, вовсе не лишены страха перед себе подобными и перед чужеземцами. Король Мааруф, очевидно, держался столь враждебно по отношению ко мне гораздо меньше из-за ненависти к Абу Секкину, которого собственно я и хотел посетить, нежели из страха перед моими колдовскими чарами.

Хотя вера в сверхъестественные силы широко распространена по всему мусульманскому миру, в таком масштабе, как у макари и жителей Логона, это встречается все же редко. Возможно (как это полагает и Барт), именно в этом следует искать причину позднего принятия ими ислама. Сами они, как и все негры, принявшие мусульманскую религию, охотно выводят происхождение по крайней мере своих правителей из тех стран, где возник ислам. Согласно распространенной у них традиции, первоначальные жители этой местности были единым племенем, куда входили племена котоко и большей части остального Борну, т. е. ближайшими родственниками прежних сао. Затем в страну пришли два вождя со своими приверженцами — на этот раз не из Аравии, а из Сирии. Этой областью, говорится далее, в то время владели два хозяина, один из которых имел в своем владении реку и жил рыбной ловлей, тогда как другой распоряжался в лесу и в поле и занимался охотой с помощью больших собачьих свор. Оба они подчинились военной силе и более высокой культуре пришельцев, которые основали прочное владение. Старший среди них — по преданию они были братья — отказался от правления и стал по доброй воле первым сановником нового государства. Прежний хозяин столь важной для страны реки сделался вторым сановником, а бывший повелитель леса и луга — третьим. Еще и сегодня высший (после короля) сановник страны, носящий титул *иба*, происходит из царского дома и пользуется царским престижем и богатством (говорят, что ему принадлежит почти половина государства), тогда как второй сановник, господин реки и города, носит титул *мраи лонгван* и распоряжается всей рыбной ловлей в стране. Третий по рангу чиновник, прежний хозяин леса и поля, теперь называется *мраи раа*, т. е. господин дома, и еще в наши дни в память о прошлом обязан держать какое-то количество собак и, следуя древнему обычаю, время от времени охотиться.

Только позднее, говорится далее, сюда переселились нынешние жители со своих мест на среднем течении Шари (указывается область Бусо). Когда в Багирми появились первые ростки ислама и государственного образования, дело дошло до сражений, в ходе которых племена, жившие по берегам Шари на юге страны, после того как был убит их король Мрабен Кайбер, были вытеснены оттуда и поселились по обоим сторонам западной Шари. Здесь они смешались с правящей группой, тогда как основная масса населения, которая состояла из первоначальных жителей (их остатками мы хотели бы считать керибина), постепенно пришла в упадок.

Не принимая эти рассказы дословно и не придавая им значения фактов, мы все же можем предположить, что они в своей сути в какой-то мере соответствуют ходу вещей. В то время когда

двигавшиеся с севера переселенцы в Борну вытеснили племена, жившие по западному берегу Чада, какая-то часть завоевателей, быть может, пришла и в Логон и присоединилась к первоначальным жителям этой области (они, возможно, были родственны сао, островным жителям Чада и керибина). Соответствующие предания имеются в любом небольшом владении макари в Котоко, где нет достаточно высоких притязаний, чтобы выводить своих предков из святой земли. Позднее, когда в нынешнем Багирми утвердился правящий сейчас группа (этот процесс, как мы увидим дальше, можно отнести к первой половине XVI в.), возможно, произошло еще одно передвижение в противоположном направлении — переселение юго-восточных племен маса со среднего течения Шари к северо-западу. Однако это передвижение не стоило бы рассматривать как большой переворот, ибо, с одной стороны, на этой территории еще и сегодня распространены музгу в лице родственников им куанг, а с другой стороны, тогдашние жители Логона были, по-видимому, вообще родственны теснившим их элементам маса.

Не ясно, последовало ли сплочение этой маленькой страны в настоящее государственное объединение уже за этими переселениями, а также когда и как это произошло. Страна, даже в ее нынешнем виде, вообще слишком незначительна, чтобы наряду с Борну и Багирми играть какую-то историческую роль, которая была бы способна запечатлеться в памяти народа. Возможно, что и здесь именно ислам посредничал при образовании государства из разрозненных мелких владений, которые еще и теперь характерны для языческих племен на реке Логоне и для территории между нею и собственно рекой Шари. В качестве первого мусульманина среди королей Логона называется *мраи* Джинна, который либо заимствовал свое имя у города того же названия, одного из самых крупных в стране, либо дал повод для его наименования. Однако не сообщается, ни когда жил *мраи* Джинна, ни того, существовали ли до него какие-то правители Логона, и даже от более поздних времен не сохранилось ничего, кроме отдельных имен. Во всяком случае, когда страну посетил Денэм, не только король Сале, который правил в то время, признавал ислам, но сама эта религия уже получила распространение в стране, а имена некоторых предшествующих Сале правителей свидетельствуют о мусульманском влиянии.

Логон с самого начала своего государственного существования, вероятно, находился под главенством Борну, и возможно даже, что он сложился только под эгидой этого могущественного соседа. Правителям Борну могло только понравиться, когда на южных границах их владений образовалось регулярно платящее дань мусульманское государство, которое взяло на себя труд отправляться, и весьма часто, в болотистую страну музгу для захвата рабов. Однако это данническое положение, как кажется, ложилось на страну менее тяжким бременем, нежели опустошения, которым она подвергалась со стороны Багирми. Это опасное соседство наносит ущерб и тому преимуществу, которое могло бы извлекать маленькое государство из своего удачного расположения на двух судоходных реках

и плодородия своих земель. Теперь дань, уплачиваемая королю Борну, состоит, как кажется, всего из 100 рабов и 100 тоб. Кроме нее требуется еще снабжать продовольствием борнуанские отряды, когда те по временам предпринимают набеги в области музгу.

В то время как в мелких владениях котоко, которые были полностью поглощены большим государством Борну, оказалось стертым и прежнее устройство их общин, независимому Логону удалось в большей степени сохранить свое политическое своеобразие. Правление здесь является умеренной монархией. Король — *миараи* — вряд ли может принять какое-то важное решение и выполнить его без согласия носителей пяти важных придворных титулов, которые могут даваться только свободнорожденным. Этими сановниками, помимо тех трех высших чиновников, существование которых, как говорилось выше, обосновано традицией (*иба*, носящий по примеру Борну также титул *галадима*, *мари лонгван* и *мраи раа*), являются: *мадам*, или тайный советник, который ближе всего находится к королю и выступает доверенным посредником между ним и народом, и *мра-ли-раа*, в ведении которого находятся царские жены и их дети, кроме того, он представляет собой что-то вроде министра полиции. С этими высшими чиновниками, образующими, так сказать, министерство, необходимо консультироваться во всех важных случаях, и, как кажется, они нередко пользуются своим правом для выражения оппозиции. Когда ко времени нашего пребывания разгорелся упомянутый спор между королем и престолонаследником, они заняли сторону последнего и первому удалось восстановить согласие, лишь принеся немалую жертву в виде тоб и званых угощений.

Помимо названных государственных чиновников из среды свободных граждан выходят также: начальник порта, или *нгар ба*, которого мне довелось узнать только под этим титулом, заимствованным из языка багирми; *чехо* (образовано из арабского «шейх»), или предводитель царской конницы, и гражданские наместники городских округов, находящихся во внутренних районах страны, например *мраи* Логон, *мраи* Маве, *мраи* Нгаме, *мраи* Охоллем. Начальники пограничных округов (и некоторых важных пунктов, расположенных внутри страны), напротив, имеют военное значение. Прежде они были рабами, например *мраи* Джинна, *мраи* Ваза, *мраи* Мазара, *мраи* Билле, *мраи* Герле и т. д. Среди них самое высокое место сначала занимал, по-видимому, *мраи* Ваза; теперь же его, во всяком случае, превосходит по значению *мраи* Джинна. Оба они по своему рангу при дворе следуют непосредственно после *мадама*. Боголо, которого при моем «угрожающем» приближении к столице вызвали для совета и поддержки королю, занимал пост *мраи* Джинна и по своему действительному значению при короле превосходил, вероятно, высших придворных чиновников.

Отдельно от этих собственно чиновников следует назвать престолонаследника, или *улеи нгаи*, остальных принцев, носящих титул *марба*, и ряд представителей родовой знати, которые не занимают никаких должностей и не имеют иных прав, кроме того, чтобы

быть принятыми при дворе, т. е. ежедневно выражать королю свое почтение и кормиться в его доме. Наконец, есть еще несколько старых семей, в которых по наследству передаются придворные должности. Примечательно и поразительно то обстоятельство, что при дворе Логона, вопреки близости одного из главных источников евнухов во внутренней Африке (Багирми), по-видимому, совсем нет осклопленных чиновников.

Путешествие по Багирми

Переправа через реку Логоне. — Посланец ибы. — Таинственные всадники. — Лесные деревья. — Кульчи — городок керибина. — Употребление жителями свинины. — Всадники короля Мааруфа. — Новые разновидности деревьев. — Разрушенные пограничные деревни Логона. — Выход к собственно реке Шари. — Бугоман. — Частичное опустошение города пожаром. — Прием жителями. — Внешний облик жителей Багирми. — Женские прически. — Нехватка зерна. — Рабы короля. — Ньюго и его прическа. — Блестящий прием в городке Мискин. — Гостеприимная вдова прежнего короля. — Переправа через реку Шари, или Ба. — Ее берега. — Ба Бачикам и переход через нее. — Прибытие в Манджафу. — Отступление перед муравьями. — Термиты, их распространение и прожорливость. — Различные виды термитов и термитников. — Крылатые термиты. — Виды муравьев и муравейников. — Нужда в Манджафе. — Обилие в Шари рыбы. — Карика папайя и ее плоды. — Отдых в Манджафе. — Разрушенные прибрежные деревни. — Убежища на западном берегу и на островах реки. — Заменители зерна. — Лесистые высокие берега и болотистые речные низины. — Поселение Баленьере. — Болезнь Афоно. — Поселение Баинганна. — Переправа на западный берег. — Остановка в Баинганне. — Любезный нгаре. — Покупка зерна. — Садака. — Прибытие в Маффалинг.

17 марта в четыре часа пополудни мы начали переправу через реку Логоне, которая, хотя и не представляла никакой опасности при низком уровне воды, заняла у нас довольно много времени из-за верховых и вьючных животных. На закате солнца мы смогли разбить ночную стоянку на песчаном плоском восточном берегу, после того как нас приветствовал там начальник порта — *нгар ба* (т. е. «хозяин реки»; впрочем, он занимает в чиновничьей иерархии довольно низкую ступень, так что Барт в этом отношении его переоценил). Под навесом, откуда тот наблюдал переход через реку, я приготовил себе постель и радовался жизнерадостной, приятной картине, которая разворачивалась перед нами на западном берегу. Когда погасли последние лучи заходящего солнца, заливавшие город и возвышающиеся над ним деревья золотым светом, на безоблачном небе с той необыкновенной прозрачностью, которая обычно наблюдается в этих местах непосредственно за закатом солнца, продолжали выделяться вершины стройных пальм. Вечерняя прохлада выманила на свежий воздух многих жителей. Они составляли беседующие группы под деревьями на берегу, тогда как люди трудящихся слоев возвращались с рыбной ловли или из соседних прибрежных деревень на лодках и привязывали их на ночь.

Карнак Логон понравился мне отсюда гораздо больше, чем тогда, когда я находился в его стенах. Моему наслаждению немало способствовало уверенное сознание того, что я ушел от господина Мааруфа. Впрочем, правитель, по-видимому, чувствовал большое облегчение по случаю моего отъезда, даже если он и проклинал его из-за ненависти к королю Багирми, во всяком случае, он не преминул даже переслать для нас превосходный ужин. Затем, соблюдая большую скрытность, в поздний час появился посланец от *ибы* (он, как говорилось, почти равен по своей власти королю, и понятно, что этот последний обычно не очень его любит) и, передав несколько кувшинов с медом от имени своего господина, попросил яда и средства против колдовства. Я, как обычно, отрицал, что знаком с ядом и располагаю им, однако выдал ему порядочный кусок изгоняющей дьявола камфоры.

После пребывания в темных городских домах с их странными обитателями было истинным наслаждением провести ночь у отливающей серебром реки — безветренную, лунную и, что удивительно, без комаров. Я долго еще бодрствовал, находясь во власти созданных моей фантазией образов, и около полуночи заметил нескольких всадников, которые переходили вброд реку, стараясь производить как можно меньше шума, а затем поспешно удалились в юго-восточном направлении. По их вооружению в них легко можно было признать воинов, подчиняющихся какому-то крупному сановнику. Возникало опасение, что король Мааруф из ненависти к Абу Секкину мог выдать узурпатору Абд ар-Рахману мои намерения и сообщить о том, что в нашем караване много лошадей. Масенья лежала всего в нескольких днях пути, а Абд ар-Рахман, судя по последним сообщениям, находился поблизости от столицы, так что ему было бы нетрудно встретить нас выше по течению реки и уничтожить.

На следующий день с первыми предрассветными сумерками на восточный берег переправились остальные члены каравана, коим, несмотря на нежелание, пришлось уплатить полагающуюся речную пошлину, и в 7 часов мы смогли продолжить свой путь. Мы двинулись примерно в юго-восточном направлении через ровную местность, которая простирается между двумя руслами Шари и в дождливый сезон благодаря, обилию воды местами готовит путешественникам серьезные препятствия. Дорога вела через довольно густое мелколесье; над ним тут и там возвышались то пальма далек, то хараза или другие акации, то хеджлидж или джохан (*Diospyrus mespiliformis*). Там я впервые увидел ту гардению, которая в Борну носит название *каза* и как по общему виду, так и по своим деревянистым плодам сходна с дикой яблоней. Низкорослое дерево благодаря корявым, негибким ветвям и тупым, но длинным колючкам опасно для путника. Часто в местах разделения веток от него перпендикулярно вверх уходит растение-паразит, повсеместно называемое *боронго* (*Laranthus* sp.), которое свежей зеленью своих листьев (их очень любят использовать канури для приготовления соусов к *ашу*) составляет контраст с блеклой листвой искривленного дерева.

Полчаса спустя после отъезда мы оставили к западу от дороги деревушку макари Малафа. Затем мы следовали по восточному краю продолговатого болотистого водоема и еще через полтора часа миновали деревушку Деммо, расположенную посередине большой поляны и окруженную обширными полями, засеянными злаками, индиго и хлопчатником. Еще через час, двигаясь более или менее в юго-восточном направлении, мы прошли мимо деревушки Уледу, от силы насчитывавшей пятьдесят хозяйств и населенной по преимуществу канури, и через полчаса дошли до Деббо — небольшой деревни хижин в двадцать, которая подобно уже виденным поселениям лежит в окружении полей на обширной, поросшей травой поляне. До нашей цели, городка Кульчи, расположенного на полпути между Карнаком Логона и Бугоманом, мы добрались вскоре после полудня, через пять часов после выхода. Найдя в городской стене ворота, достаточно широкие для проезда, мы через них сразу же направились на общественную площадь, где под обычным навесом, в кругу своих сограждан сидел городской глава, также носящий титул *галадима*. Этот сановник с большой охотой взял меня в свой собственный дом и распределил по городу моих спутников.

Кульчи был городком с населением около 3 тыс. человек и походил по архитектуре и устройству домов на столицу страны, хотя дома и были не столь высоки и просторны. Жители, за небольшим исключением, принадлежали к удивительным керибина, которых я здесь впервые имел возможность увидеть в довольно большом количестве, хотя мне и не удалось обнаружить какие-то определенные физические признаки, отличающие их от макари. Они носили лук и стрелы и были настолько привержены образу жизни своих предков, занимавшихся охотой в лесах, что даже здесь, где они составляли городскую общину посреди плодородной местности, они не брались даже за самое необходимое земледелие, а жили почти исключительно охотой, продукты которой обменивали в Карнаке на необходимые зерно. Главным объектом их охоты была, как кажется, обычно столь хулимая мусульманская дикая свинья, чрезвычайно часто встречающаяся поблизости от берегов Шари. Они убивают ее, очевидно, не только из-за шкуры и клыков, высоко ценимых во всей Северной Африке почти до экватора благодаря их свирепому виду, ибо повсюду в домах мы видели, как сушилось разрезанное на полоски и развешанное мясо. В остальном эти люди были добрыми мусульманами, а старики, пока еще у них было время, стремились ценой религиозных строгостей искупить грехи своей молодости и сколь возможно сократить пребывание в поджидавшем их чистилище. Они стыдились даже нас, чужих, из-за этого явного потребления свинины и сваливали всю вину на легкомыслие и отсутствие набожности у молодежи. Нигде мое утешительное замечание, что суданская дикая свинья совсем иная, нежели та, что запрещена Библией, не встречалось с большим удовлетворением, чем в Кульчи.

Здесь же мы обнаружили и тех таинственных всадников, которые предыдущей ночью перешли через реку Логоне. Теперь они освободили меня от подозрения, что направляются к королю Абд ар-Рах-

ману. Как вскоре узнал Альмас, у них было поручение от короля Мааруфа поспешать в Бугоман, на обратном пути повстречать нас и побудить вернуться назад, живописуя нам всевозможные страшные опасности и ту нищету, что поджидала нас у беглого короля. Из удобства они наполовину сократили дорогу до Бугомана, но это не помешало им быть красноречивыми ничуть не меньше, как если бы они видели все своими глазами и слышали своими ушами: толпы беженцев, собравшихся из военного лагеря Абу Секкина в Бугоман, царивший там голод и распространившуюся повсюду весть о том, что король Али из Вадаи лично выступил с новым войском, чтобы в скором времени уготовить ужасный конец неповиновению своего упрямого вассала.

На следующий день (19 марта) пятичасовой переход через лес, порою густой, но нередко перемежающийся обширными, травянистыми полянами, привел нас из Кульчи в Бугоман. Здесь мое внимание привлекли некоторые до тех пор не виданные мною лесные деревья, такие, как *катаггер*, чья ароматная древесина употребляется для курений, *кагем тсиллим* со своими плодами, похожими по форме на небольшие бананы, и *симсим* (все это канурийские названия), который отличается огромными, длиной почти в фут и шириной в половину ладони стручками. На исходе первого часа мы подъехали к деревушке Билла Фате, а еще через час добрались до Маннари. Как об этом свидетельствовали уже названия, это были канурийские поселения, однако сейчас они представляли собой покинутые жителями развалины. Полчаса спустя мы миновали не менее пустынные места — расположенные поблизости друг от друга деревушки Ньюго Готеле и Бирлим, которые также стали жертвой грабительских действий Абу Секкина. Если судить по обширным, засеянным зерновым полям у этих поселений, нуждающийся король Багирми, должно быть, получил богатую добычу.

Бирлим — последняя деревня Логона. Начиная отсюда, дорога склоняется в юго-юго-восточном направлении, пересекает тропу, уходящую на запад-юго-запад и ведущую от Шари к окруженному стеной городку Логон, отстоящему на половину дня пути, и затем выходит к продолговатому *нгальджаму*⁴⁹ реки Шари. По нему здесь проходит граница между Логоном и Багирми; в настоящий момент он стоял совершенно сухим. Когда после трехчасового перехода мы добрались до него, то в некотором отдалении к востоку заметили один из довольно широких рукавов Шари, который, должно быть, отделяется от главного потока неподалеку от этого места и вскоре снова с ним соединяется. Пробираясь через береговые заросли в указанном направлении, мы иногда наталкивались на следы приготовления соли. Здесь она производится не так, как это принято повсюду в борнуанской провинции Котоко — из золы соломы дурры, а из золы акации, которую канури называют *кадалабу*. Если судить по следам, то из диких зверей в этой местности с пышной растительностью, помимо уже упомянутых диких свиней, особенно часто встречались гены четырех различных видов, муравьед и буйвол. Антилоп,

по-видимому, было меньше, и поражало также отсутствие слоновьих троп и характерных следов носорога. По берегам реки, ее заводей и постоянных болот, как обычно, водились бесчисленные водяные и болотные птицы.

Через два часа мы покрыли расстояние между границей Багирми и городом Бугоман, который расположен у самого края собственно Шари (в Багирми ее называют также общим названием «Ба» или же «Ба Бусо», по известному городу в ее среднем течении) на ее западном берегу, достигающем здесь высоты в 6—8 м и круто обрывающемся вниз. Незадолго до этого мы вышли к самой реке. Лес уступил теперь место поросшей ошаром и зарослями акации равнине. Городская стена так близко подходит к крутому береговому откосу, что мы остереглись въезжать через одни из четырех сравнительно широких ворот, расположенных на обращенной к реке стороне.

Город образует неправильный четырехугольник, вытянутый по своему наибольшему протяжению с севера на восток. На северной стороне городской стены длиной около 300 шагов имелся всего один вход, больше походивший на тот, что предназначается для вылазок, нежели на городские ворота, ибо им могли пользоваться только пешеходы, да и то поодиночке. Поэтому мы обратились к западной стороне, имевшей в длину шагов 600 и двое ворот. Те, что были расположены южнее, показали нам достаточно широкими, чтобы пропустить всадника. Животных, правда, пришлось разгрузить и перенести груз внутрь города на плечах. Город производил довольно пустынное и жалкое впечатление, поскольку почти все соломенные хижины незадолго до того оказались уничтожены пожаром. Поскольку Бугоман и расположенный неподалеку Мискин являются единственными городами Багирми на западном берегу Шари, защищенными от нападений с востока, то здесь не только долго находился двор Абу Секкина, но и искали защиту многие его приверженцы из тех областей страны, которые больше подвергались опасностям войны. Таким образом, город оказался переполненным чужими людьми, соломенные же хижины стояли так тесно, что значительно затрудняли передвижение, а когда в один прекрасный день вспыхнул пожар, все эти легко воспламеняющиеся жилища стали добычей огня. Стены *бонго* (они преобладают) были закопчены до черноты и покрыты временными кровлями; повсюду приезжие были заняты тем, что возводили легкие хижины того типа, что распространены в Борну.

Мой багирмийский попутчик Юсеф поехал в качестве квартирмейстера вперед и встретил нас на обстроенной со всех сторон и украшенной сикоморой площади, которая почти целиком была занята громадным навесом, поддерживаемым большими стволами деревьев, и служила местом публичных собраний. Здесь же находились городские власти и многие горожане, пришедшие приветствовать меня. Из властей присутствовали трое: *нгар бугоман*, *нгар миллинди* и *нгар марреджа*, из которых только первый носит вполне понятный титул, тогда как два последних получают свой по названию некогда бывших самостоятельными поселений, жители которых растворились среди населения Бугомана.

Неясный слух о моем намерении посетить короля Мохаммеду (на языке багирми он зовется *мбанг*), который уже дошел до Бугомана из Карнака Логона, подтвердился очень выгодным для меня образом благодаря сообщению Юсефа о том, что я проложил себе путь через территорию короля Мааруфа и что я твердо держался по отношению к нему самому. Когда же все увидели в моем караване много лошадей и ружей, я приобрел в их глазах большой политический авторитет.

Жители Бугомана оставались верны своему наследственному королю, полагаясь на его защиту от вооруженной силы Абд ар-Рахмана и правителя Вадаи, а благодаря своей сангвинической национальной гордости были склонны связывать далеко идущие надежды даже с малейшим событием. Поэтому я показался им не простым путешественником, а стал героем, который намеревался победоносно вернуть их храброго *мбанга* в Масенью. Сомнения в том, как мне это удастся сделать с моими ничтожными силами, исчезали перед лицом европейца и христианина, которому, как им, видимо, казалось, благоволят все сверхчеловеческие силы. Я испытал очень приятное чувство, когда впервые вызвал своим христианским вероисповеданием не презрение, от которого не могли избавиться даже добродушные борнуанские жители. Правда, большинство имело, по-видимому, весьма неясное представление о других религиях и, собственно, делало различие только между язычниками и мусульманами. Поскольку цвет моей кожи никак не позволял отнести меня к первым, то они склонялись к тому, чтобы причислить меня к благороднейшим из мусульман, потомкам пророка. Однако даже у тех, кто побывал на чужой стороне и усвоил обычное пренебрежение к христианам, религиозный фанатизм умолк перед лицом патристических надежд, которые они связывали с моим приездом.

Бугоман насчитывал, очевидно, 5—6 тыс. жителей и имел совершенно иной характер, нежели поселения, где жили одни макари. Земляные постройки были не такие своеобразные и массивные, как у последних, однако хижины, которые я описал под названием *бонго*, в массе преобладали и выделялись своей тщательной и нарядной отделкой. Здесь впервые передо мной целиком предстало население Багирми: в целом привлекательные фигуры, среди которых женщины со своими соразмерными, стройными формами и изящными лицами представляют весьма приятное зрелище и особенно выгодно отличаются от женщин макари и музгу. Цвет их кожи нередко отликает краснотой, и очень чернокожих людей (я думал, что они широко распространены в Багирми) мне вообще не пришлось увидеть. Волосы у женщин коротко пострижены, но все же их длины достаточно, чтобы закрепить на висках искусственные косички, изготовленные из овечьей шерсти или из окрашенных в черный цвет растительных волокон. Пять или шесть таких косичек, длиной сантиметров в десять, укладываются в форме овала, соединяясь спереди и сзади концами, но в остальных местах отстоят друг от друга на какой-то промежуток.

Один из местных начальников гостеприимно принял меня и моих людей в своем доме и, несмотря на всеобщее бедственное положение, угостил нас тремя мисками *аиша* и превосходной рыбой из Шари (это снабжение не мог прервать никакой враг); две рыбы, похожие на шуку, были очень вкусными. В остальном люди Мааруфа нисколько не преувеличивали в описании положения дел с продовольствием. Зерна настолько не хватало (и не только в этом городе, а, очевидно, и во всех следующих поселениях, расположенных по берегам Шари), что мне понадобился весь мой ореол спасителя короля и страны, чтобы раздобыть шесть муддов дурры, хотя я заплатил за них в двадцать раз дороже, чем в Борну. По этому поводу я не мог не задуматься о ближайшем будущем, ибо мои выючные животные привыкли есть зерно, а люди и лошади тем более не могли обходиться без такой пищи. Все дальнейшие попытки обменять даже за бесценнок бусы, хам или *туркеди* на духн или дурру окончились неудачей, хотя этим людям была очень нужна одежда. Поэтому мы решили попытаться счастья в ближайшем городке Мискин, в отношении которого нас старались обнадежить жители Бугомана.

Отсюда мы намеревались продолжить путь в сопровождении десяти рабов *мбанга* Мохаммеду, которые находились на севере страны по поручению своего хозяина. Они слышали о моем прибытии в Логон и о моих планах и ожидали меня, чтобы за небольшие подарки послужить мне проводниками и провожатыми, усилить наш караван, да и самим путешествовать в большей безопасности. Их возглавлял молодой человек по имени Ньюго (т. е. «гиена») из племени сара, которого я очень оценил в пути за его добродушие и услужливость. Он, кстати сказать, страдавший чахоткой, физически совершенно не отличался от жителей Багирми, однако, согласно предписаниям ислама, не только не сбрасывал волосы на голове, как это часто делают последние, а по обычаю своего племени сделал их предметом особой заботы. Он так прочно связал друг с другом узкими кожаными полосками ряд остроконечных палочек в их верхней половине, что все вместе это представляло собой хотя и нескладный и широкий, но все же вполне пригодный гребень с несколько длинными зубьями. Когда его владелец был чем-то занят, этот гребень спокойно торчал в густой как войлок шапке его волос, но в остальное время почти постоянно служил для того, чтобы придавать им ту равномерность, так сказать, текстуру, которой Ньюго явно гордился. Над однородной массой волос в различных местах торчали закрученные вокруг своей оси косички, длиной сантиметра в четыре, о которых их хозяин заботился ничуть не меньше. Спутниками Ньюго были еще очень молодые люди из различных языческих племен на дальнем юге.

Мы покинули Бугоман к концу дня 20 марта и были в Мискине через полтора часа. Дорога шла примерно в южном направлении сначала по краю реки, а затем несколько отклонилась от нее к западу. Городок был окружен очень хорошо сохранившейся стеной и живописно утопал в деревьях, среди которых, в свою очередь, больше всего красовались веерные пальмы. Река здесь не такая

широкая, как в Бугомане, но благодаря обширной полосе чистого песка на ее восточном берегу, которая протянулась от кромки воды на несколько футов, видно, какой ширины река должна достигать уже при своем среднем уровне. Западный берег близ Мискина возвышается примерно на 10 м и падает вниз так же отвесно, как и в Бугомане.

Нас приняли здесь еще сердечнее, чем в Бугомане. Никто, казалось, не сомневался в том, что я являюсь шерифом, а вскоре распространился слух, что меня специально послал султан Стамбула (о существовании которого было известно из легенд), чтобы помочь их *мбангу*, которому они были преданы не меньше, чем их соседи в Бугомане. Меня забрала к себе в качестве гостя вдова покойного короля Абд ал-Кадира, которая, хотя уже и перешагнула пору первой молодости, была еще вполне хороша собой, высокого роста, с любезными манерами и с приятным, почти европейским выражением лица. Мне пришлось жить в ее собственной хижине, тогда как мои люди были распределены по остальным помещениям ее хозяйства.

Жители, число которых достигало 2 тыс., рассыпались в любезностях. Все беды тяжелого времени, казалось, были разом забыты, и музыка и танцы продолжались далеко за полночь. Городской глава — *нгаре* — лишил себя какого-то количества дурры, измеряющегося примерно четырьмя муздами, и кувшина молока, за которые, правда, выпросил из моих рук целительное изречение Корана, а одна жившая по соседству арабка привела свою шестнадцатилетнюю хорошенькую дочку, чтобы предложить мне ее в жены, так как мое одиночество наполнило ее состраданием. Когда я просил дать мне время на размышление по поводу столь заманчивого предложения до моего возвращения, то должен сознаться, что исполнение долга стоило мне некоторых усилий. Здесь еще меньше, чем в Бугомане, понимали, что значит христианин, хотя я открыто отклонил звание шерифа и рассказал о своем происхождении. К сожалению, все попытки обменять на зерно обычно столь любимые в Багирми туркеди и здесь окончились неудачей. Поэтому (хотя сведения о положении в близлежащих деревнях звучали совсем не обнадеживающе) представлялось все же самым благоразумным отправиться как можно скорее дальше, чтобы добраться до тех языческих областей, где якобы царило невообразимое изобилие всевозможного зерна.

21 марта, несмотря на гостеприимство этого городка, мы выступили в путь, и даже до рассвета, ибо нам предстояло переправиться через реку и хотелось в тот же день добраться до Манджафы, называемой также Маифа, или Маиба. Хотя уровень реки приближался к минимальному, воды в ней было еще вполне достаточно. Уже через несколько шагов от западного берега глубина стала весьма значительной, и, хотя она и не достигала сорока саженей, как уверяли туземцы, однако Хамму, который был хорошим пловцом, не удалось достать дна. На весь переход потребовалось добрых четыре часа, поскольку груз сначала пришлось переносить на плечах вниз с крутого берега и размещать на лодке, из которой прежде

нужно было вычерпать воду и хоть как-то подсушить ее с помощью пучков соломы. Затем много времени и труда заняла переправа животных. Волы и лошади, естественно, переправлялись вплавь, причем их держали за уши и тащили за собой лодочки. Своим пугливым и беспокойным поведением они не раз грозили перевернуть лодки. Особенно много труда потребовали ослы некоторых джеллаба (купцов с Нила), примкнувших к нашему каравану, из-за их прирожденного упрямства и непобедимого отвращения к воде и плаванию. Заплаченные мною за переправу три куска хлопковой материи (ценой примерно в 15 пфеннигов), 20 бус и 12 штопальных иголок были восприняты как жест щедрости.

Из-за глубины воды и сильного течения близ Бугомана и Мискина мы первоначально намеревались проследовать дальше по западному берегу и переправиться только близ Манджафы. Однако не говоря о том, что в местности, которую предстояло бы таким образом пересечь, полностью отсутствуют поселения багирми, а неподвластные правителю и разбойные музгу делают ее небезопасной, преобладающая там глинистая почва создает при возможных дождях значительные трудности в передвижении. Там же бесчинствуют злые, очень опасные для верховых и вьючных животных мухи, которых, видимо, не было на сухом, песчаном, хотя и более низком восточном берегу.

Мы смогли выступить за полтора часа до наступления полудня. Вскоре песок на берегу, где люди из ближайшей деревни Меби разбили временные легкие рыбацьи хижины, сменился равниной, обильно поросшей травой и кустарником, а через полчаса мы вошли в светлый лес, где акации уступили место деревьям с более пышной кроной. Еще через полчаса мы добрались до покинутой и разрушенной деревушки Меби, жители которой, опасаясь набегов Абд ар-Рахмана, отошли на западный берег, где и виднелись их хижины. Двигались мы примерно в юго-восточном направлении. В полдень мы вышли к рукаву Шари, который отделяется от главного русла в 300 км выше по течению, вновь соединяется с ним у Меби и обычно называется по имени двух лежащих на его берегу южнее Масеньи поселений — Ба Бачикам, или Ба Ирр. Лес здесь гуще и подходит прямо к берегу, который круто обрывается к реке с высоты восьми или десяти метров.

На северо-восточном берегу мы также миновали заброшенную деревушку Мануван, временные хижины которой мы вскоре заметили на юго-западном берегу, и шли, пока высокий берег не понизился и речная долина не перешла в широкую травянистую и лишенную деревьев низменность, более или менее постоянно покрытую водой во время и после сезона дождей. По ней мы спустились в юго-юго-восточном направлении и перебрались вброд через реку добрый час спустя после того, как вышли к ней. Зеркало воды имело в ширину приблизительно от 100 до 150 шагов, а ее глубина в месте перехода нигде не превышала полутора метров. Низменность тянется там еще в течение получаса в сторону собственно Шари, берег которой порос густым лесом со множеством следов слонов

и носорогов. Носорог не вытаптывает таких четких троп как слон, но выдает свое присутствие пометом, который он разбивает и разбрасывает рогами, оставляя при этом в земле глубокие борозды.

Выше Мискина, особенно неподалеку от берега, Шари усеяна песчаными мелями и островами, густо просшими кустарником, которые служат самыми надежными убежищами для бежавших береговых жителей. Около четырех часов мы миновали развалины более крупной деревни Муссу, о размерах которой свидетельствовала площадь, занятая прежде полями дурры и хлопчатника. Начиная отсюда мы следовали за многочисленными поворотами реки в общем юго-юго-западном направлении вплоть до захода солнца, когда добрались до нашей цели — Манджафы. Лес (там я впервые увидел ветвистую *Euphorbia*, называемую *гаруру* и достигающую здесь высоты от шести до восьми метров) до самого города оставался таким густым, что порою очень затруднял продвижение и отнюдь не шел на пользу нашей одежде. Было уже темно, когда мы вступили в город. Вытянувшись узкой и длинной полосой, он расположился по самому берегу, отвесно падающему к реке примерно с двенадцатиметровой высоты, и был окружен хорошо сохранившейся стеной. Мне показалось, что размеры этого города соответствуют численности населения тысяч в пять, однако к этому времени он, очевидно, очень опустел. Тем не менее Ньюго не сразу удалось найти для нас подходящую квартиру, казавшуюся очень просторной, удобной и чистой. Но когда мы наконец-то добрались до нее, то в выбранном мною *бонго* я подвергся такому упорному нападению полчищ муравьев, что провел ночь на свежем воздухе.

Уже Барт, добравшийся из Логона в Масенью, очень живо описывает обилие в Багирми насекомых, особенно муравьев и термитов, и я должен подтвердить, что действительно эта страна отличается от вовсе не обойденных в этом отношении соседних стран весьма тягостным образом и для самих жителей, и для приезжих. За пределами поселений жизнь путешественников отравляют прежде всего термиты (арабск. *арде*, канури *канам*), хотя от их нападения не защищает и отдых в постройках. Они с полным правом получили свое название *арде* (т. е. «земля»): они работают с землей и к земле они привязаны. Располагаясь под открытым небом, предусмотрительный путешественник исследует выбранное место прежде всего в отношении термитов, а если позволяет время (даже если нигде не обнаружено их следов), возводит невысокие деревянные помосты, чтобы предохранить багаж, или по крайней мере размещает его на таких деревьях и кустах, которых избегают эти мелкие изверги. К подобным растениям относятся ядовитые виды ласточниковых растений, в пустыне и в степи *Leptodenia pyrotechnica* и дальше к югу *Calotropis procera*.

Если путешественник не принимает этих мер предосторожности, то уже после одной ночи его имущество, даже упакованное в деревянные ящики, нередко терпит большой урон. Даже в течение краткого древнего отдыха могут весьма существенно пострадать внутренние стенки обычных для тех мест сумок из верблюжьей кожи

и их содержимое. Эти мелкие твари отличаются поистине ужасающей прожорливостью, которую, к счастью, ограничивает их медлительность. Они пожирают дерево, бумагу, кожу и всевозможные виды материи и покрывают избранные ими предметы коркой, тщательно смазывая земляные частички секретирваемым ими выделением и прочно закрепляя ее. Песок с трудом поддается такому скреплению и является для них неподходящим материалом. Поэтому они сравнительно редко живут в песчаной почве. Тем не менее, несмотря на их огромную прожорливость, которая в настоящей пустыне не находит полного удовлетворения, они встречаются в ней чаще, чем можно было бы подумать, даже там, где на глинистой почве (она, правда, там не редкость) покрывается еще и порядочный слой песка.

Термиты, которых я наблюдал как в Тибести, так и в Борку (в северной части пустыни они, по-видимому, еще не водятся), идентичны с видом, преобладающим в суданских странах, для которого я предпочел бы название не *Termes bellicosus*, а *Termes fatalis*⁵⁰. То, что этот вид самый распространенный, явствует уже из канурийского названия *канам адабе* (т. е. «обычные термиты»). В длину они около пяти миллиметров, однако могут достигать очень разной величины. В каждом термитнике меня поражало разнообразие живущих совместно индивидов, особенно это касается размеров головы и челюстных органов. Более мелкие обычно были светлее (беловатые, серо-беловатые и желто-беловатые), с головой от желтого до коричневого цвета, всегда более темного, чем туловище. Они возводят внушительной, нередко трех-четырёхметровой высоты термитники (канури *нготкум*) неправильной формы, особенно если они населены и разработаны, и необычайно крепкие. Башенки, шпицы и колонны объединяются здесь друг с другом в причудливой форме, и лишь постепенно, особенно если термитник покинут, его поверхность несколько округляется. Внутри виднеется настоящий лабиринт из переходов и углублений, которые, хотя, как кажется, и связаны друг с другом, не имеют какого-либо правильного расположения. Материалом для таких сооружений служит почва данной местности, но, как мне кажется, особое предпочтение отдается красной либо желтой глине, тогда как окраска насекомых в какой-то степени соответствует их рабочему материалу. Сходен по своему строению и по термитникам вид, называемый *канам курна*, т. е., собственно говоря, жирный термит, который, однако, в общем имеет более светлую окраску. Помимо этих видов мне попадался преимущественно третий, несколько более крупный вид красновато-серой окраски (*канам нгинни*), термитники которого всегда сооружаются из серой глины. Они не превышают в высоту полуметра, имеют правильную куполообразную форму и в разрезе выглядят как губка для мытья. Я никогда не видел, чтобы эти термиты работали днем, но по ночам нередко дивился их усердию. Из грибообразных термитников мне довелось увидеть лишь несколько пустых. Я никогда не заставлял там построивших их термитов.

К моменту роения (в дождливый сезон) у части термитов первого вида вырастают крылья и они (называясь на канури *зузу*)

в большом возбуждении и неумело летают вокруг даже днем, и тогда земля поблизости от термитника покрывается их длинными крыльями (которые они скоро теряют) и на ней располагаются хищные муравьи. В этом виде туземцы, особенно дети, употребляют термитов в пищу.

Большая неповоротливость и медлительность термитов делает их легкой и желанной добычей различных муравьев. Их главный враг — большие черные муравьи (*каманджа*), которых можно увидеть в дикой местности выступающими на охоту за термитами длинными, стройными колоннами. Этот вид живет в больших, плоских, едва возвышающихся над окружающей местностью муравейниках (похожих на муравейники следующего вида, однако без их многочисленных радиальных тропинок), не устраивает кладовых и досаждают людям только в том случае, если его каким-то образом беспокоят или нападают на него. Несколько мельче серо-черный вид, называемый на канури *кенгиббу*, с тонкой талией, большой головой и значительными челюстями, который доставляет чувствительные мучения путешественнику, расположившемуся лагерем под открытым небом поблизости от муравейника, однако боль от его укуса скоро проходит. Этот муравейник тоже большой и лишь слегка возвышается над окружающей местностью. Сверху и вокруг он очищен от всякой растительности, так что уже издали заметен как голое пятно, а от него радиально по всем направлениям расходятся широкие, также тщательно очищенные от растительности тропинки. Внутри расположены большие кладовые, где хранятся целые меры зерна, однако люди утверждают, что этот муравей только накапливает зерно, но сам его не ест.

Внешне на этот вид похож муравей, которого в Борну называют *кемали*. В основном он живет в домах и устраивает кладовые под стенами там, где они возведены на земляном грунте. Он несколько меньше предыдущего и становится весьма чувствительным бедствием для людей, вызывая своим укусом или выделением жгучую боль, которая, правда, не сопровождается ни вздутием, ни воспалением кожи, но продолжается по меньшей мере целый день и усиливается, если не удержишься и начнешь тереть и чесать больные места. Именно эти муравьи поистине наводнили при наступлении ночи отведенную мне под жилье хижину в Манджафе и тотчас же выгнали меня наружу. Человек почти бессилен против этого насекомого, ибо, хотя ему и удастся поджечь и разрушить муравейник, пока тот еще не очень разросся, тем не менее он нередко вынужден уступить поле боя этому мелкому врагу, когда тот начинает гнездиться в большом количестве. У части муравьев двух последних видов в конце дождливого сезона вырастают крылья.

Крупный, красновато-белый муравей, который также пребывает в жилищах людей, но не живет с ними в столь тесном сообществе, как названные выше, вступает в соприкосновение с людьми в основном из-за своего большого пристрастия к сладостям. Можно как угодно тщательно закрывать кувшин с медом, предусмотрительно хранить его на высоких помостах на тонких подпорках, поставлен-

ных на открытом месте, как это принято делать в Борну, или же подвешивать его на тонких бечевках, укрепленных на потолке комнаты или хижины: маленькое животное всегда сумеет найти дорогу к соблазнительному содержанию.

Помимо названных видов муравьев, описанных столь подробно, поскольку путешественник часто вступает с ними в неприятное соприкосновение, существует еще немыслимое количество других, отличающихся по величине, строению и окраске: от муравьев двухсантиметровой длины до такой мелочи, по сравнению с которой наш лесной муравей кажется великаном. Они бывают черные, темно-серые, серо-зеленые, коричневые, красноватые и белые. Можно увидеть муравьев со всевозможными формами головы и челюстей, с ногами самой разной длины и самым удивительным положением брюшка, которое иногда направлено почти под прямым углом вверх по отношению ко всему туловищу, а иногда заметно отклоняется вниз от оси туловища. На крупных, живущих в одиночку хищных муравьев, с немыслимой легкостью и быстротой скользящих по земле, наталкиваешься не реже, чем на прилежных рабочих муравьев, которые и там служат образцом усердия, как это доказывает их канурийское название *кидакида* (удвоение значения слова *кида* «работа»).

Вернемся, однако, в Манджафу. Там, казалось, свирепствовала крайняя нужда, а на мои вопросы относительно численности населения в городе, вызванные тем, что мне повстречалось очень мало народа, мне отвечали, что голод удерживал большинство жителей дома. Люди отчасти питались плодами лесных деревьев, если их не опережали обезьяны и другие обитатели леса, отчасти же рыбой, которой водилось там в Шари на редкость много. Этому изобилию рыбы в реке мы и были обязаны весьма ценному в данных обстоятельствах угощению в виде большущей, похожей на сома рыбы, преподнесенной *нгаром* Манджафы. Хотя мне и пришлось поделиться ею почти с двадцатью моими спутниками, все же при ее толщине и чуть ли не полутораметровой длине каждому досталась щедрая доля. Кроме того, этот город доставил нам немалое удовольствие своими довольно многочисленными деревьями (*Сагиса рарауа* — *гунда масери*, канури), которые на дальнем западе встречаются часто, но в Центральном Судане довольно редко. В Тропической Африке ее плоды либо совершенно не содержат сока, подобно разновидностям *Zizyphus* и пальме дум, либо почти целиком состоят из косточки и кожуры, разделенных, как правило, слизистой или мясистой субстанцией, правда, нередко очень сладкой и отличающейся превосходным ароматом, однако всегда чрезвычайно скудной, как в плодах *Diospyrus mespiliformis* (*джохан*, арабск., и *биргим*, канури), *Balanites aegyptiacus*, *Borassus Aethiopicum*, *Butyrospermum* (сальное дерево — *тозо*, канури) и бесчисленных других, особенно же выющихся растений. *Гунда масери* представляет счастливое исключение из этого правила. Ее плоды оставили у меня приятное воспоминание как единственные в этой местности, которые, насколько мне известно, похожи по соку и мякоти на наши садовые фрукты.

Все помыслы жителей были обращены к добыванию пропитания,

и, поскольку междоусобица пока что мешала регулярному занятию земледелием, все надежды были связаны с Шари и ее дарами. Вот почему ко мне явилась депутация от населения, дабы воспользоваться приписываемыми мне сверхъестественными силами. Она желала услышать от меня, на какой улов рыбы в Шари можно надеяться в ближайшем будущем, а также выпросить какое-нибудь средство для его увеличения. В первом случае я выразился загадочно, однако во втором смог помочь им орехами гуро. Там считается, что, если бросать их в воду небольшими кусочками, они могут надолго сковать рыбу.

«Гиена» позаботился о том, чтобы от имени своего господина, но к собственной и своих спутников пользе произвести во всех поселениях кое-какие общепринятые здесь вымогательства. Поскольку мы прибыли в Манджафу поздно вечером, то он пожелал заняться этим делом назавтра и по этому случаю решил договориться с моим *кингиамом* Кнари относительно дня отдыха. Мое возражение с доводами о грозящем нам голоде оказалось совершенно бесполезным. Добыча Ньюго скудно вознаградила его, ибо город этот, хотя и являлся, так сказать, второй резиденцией страны и *мбанг* Мохаммеду после изгнания его из Масеньи некоторое время держал здесь свой двор (именно здесь пал его старший сын в бою против отрядов Вадаи), существовало подозрение, что его население оставалось тайно преданным узурпатору Абд ар-Рахману.

Шари, или Ба, течет здесь примерно в северном направлении, и когда мы на следующий день (23 марта) покинули Манджафу, то почти в течение четырех часов двигались приблизительно в южном направлении через густой лес, который украшает восточный, все еще возвышающийся метров на десять и отвесно падающий к реке берег, тогда как противоположный берег — плоский и менее лесистый. Затем мы отклонились от нашего направления к востоку из-за большой излучины реки (после чего высокий берег уступил место обширной речной низменности), двигались следующий час в восточном-юго-восточном направлении и расположились потом на дневной отдых у речной заводи в деревне Анджа. Перед этим мы, два часа спустя после выхода из Манджафы, миновали деревню Дерреджа, а затем, в излучине реки, деревушки Анджа Срир и расположенную северо-восточнее Ньюго Готеле. Все эти поселения оказались разрушенными и покинутыми жителями, которые пока что переселились на западный берег. Заводь в Андже кишела водоплавающими птицами, и мы получили редкое наслаждение от очень вкусных уток.

Во второй половине дня, пересекая в юго-восточном направлении низменность, изобилующую заводями и поросшую невысокой болотной травой, мы оставались несколько в стороне от реки. Через полтора часа мы снова вышли к ней и заметили на противоположном берегу большую деревню, возведенную жителями разрушенного поселения Морланг, к которому мы вскоре подошли. Затем берег снова вырос чуть ли не до двенадцатиметровой высоты и опять стал лесистым. В течение следующего часа мы двигались в юго-юго-восточном направлении и миновали две разрушенные деревушки Мендири,

а еще через полчаса добрались до прежней деревни Махален, чьи жители перебрались на один из речных островов, и провели здесь ночь.

Размеры деревушек менялись в пределах от 30 до 100 хижин. Жители находились в большей безопасности на многочисленных в этой части реки островах, нежели на западном берегу. Правда, хотя им там не угрожало ни нападение Абд ар-Рахмана, ни его союзников, они подвергались набегам музгу. Почти все без исключения острова были песчаные. Часто это были всего лишь маленькие голые песчаные отмели, но иногда они достигали значительных размеров и поросли густым кустарником. Мужчины усердно занимались тем, что добывали из реки животную пищу, тогда как женщины и дети неукоснительно собирали семена различных трав, таких, как *креб* (*Eragrostis*), *фаган* (*Dactyloctenium aegyptium*), *асканит* (*Cenchrus echinatus*), *телебун* (*Eleusine*) и др., чтобы с их помощью возместить недостающую им злаковую пищу. Правда, обоюдными стараниями редко удавалось утолить голод. Порою случалось убить одного из многочисленных крокодилов, населяющих реку, и приготовить из его превосходного мяса настоящее праздничное угощение для населения целой деревушки.

Шари в этой местности протекает более или менее с юго-востока на северо-запад и значительно меняется по ширине. Восточный берег в общем поднимается выше западного и тогда оказывается густо поросшим высокими деревьями. Однако иногда линия высокого берега внезапно прерывается или отступает вдаль, так что долина Шари расширяется до нескольких километров. В этом случае песчаная почва встречается лишь непосредственно у реки, тогда как остальная часть низменности покрыта богатой перегноем и болотистыми заводами почвой, где преобладает густая, растущая выше головы всадника жесткая трава.

На следующий день (24 марта) мы снова так или иначе придерживались поворотов реки, коротких и многочисленных. По подступающему прямо к реке высокому берегу, где мы провели ночь близ бывшей деревни Махален, через каких-нибудь полтора часа мы добрались, двигаясь примерно в восточном направлении, до крупной деревни Онко, жителей которой мы незадолго перед тем видели неподалеку от их временного островного поселения, бойко занимающихся рыбной ловлей. Затем лесистая береговая линия отступила, и мы спустились в низменность, которую пересекли приблизительно в юго-восточном направлении за какой-нибудь час. Мне не удалось помешать своим спутникам-багирми обобрать нескольких жителей Онко, сушивших рыбу, пойманную ими на утренней заре. Потом речная долина вновь ненадолго сужается. Мы преодолели это место за какой-нибудь час и миновали следующие друг за другом по высокому берегу незначительные поселения Бунджулу и Тидденг, жители которых укрылись на ближайшем острове. Последние полчаса нашего утреннего перехода снова пришлось на речную низменность, где мы и расположились на дневной отдых напротив острова, занятого жителями значительного поселения Баленьере.

Лишь с большим трудом мне удалось заставить рабов коюля продолжить путь после обеда, поскольку они считали, что имеют особое право грабить это место, которое подлежит особой власти королевь-матери (*магира*). Час спустя мы снова поднялись на лесистый высокий берег, миновали в его начале разрушенную деревню Баленьере и более двух часов двигались в общем восточном-юго-восточном направлении через нескончаемый густой лес. Иногда в более светлых местах у наших ног проглядывал красивый поток. На закате солнца мы миновали довольно большую разрушенную деревню Мондо, и высокий берег вновь уступил место широкой низменности, куда мы и спустились, чтобы заночевать на берегу Шари.

После Манджафы мы видели лишь нескольких онко; представителей остального населения Багирми мы наблюдали не более как издали, на их островах и в лодках. За время войны все сделались такими боязливыми, что лишь с большой предосторожностью ступали на восточный берег или позволяли чужакам посетить свои убежища. Хотя делу изучения страны и людей это наносило ущерб, однако ночи под ясным звездным небом в прекрасном лесу или на берегу красивой реки были явно предпочтительнее тех, что стали бы нашей участью в хижинах, кишаших вредными насекомыми.

На следующий день (25 марта) пятичасовой переход еще до полудня вывел нас за деревню Моро. Дорога шла через речную низменность, изрезанную тропами слонов, где продвижение затрудняла жесткая трава трехметровой высоты, закрывающая все вокруг, а на болотистых местах шаг замедляла короткая и густая трава. Иногда эта непривлекательная местность прерывалась мелколесьем. Но берег при этом уже не достигал прежней высоты. Двигаясь в том направлении, которое лишь на несколько градусов отклонялось от восточного к югу, мы сначала через полтора часа добрались до деревушки Мондо Базза (т. е. «Малое Мондо»), стоявшей у речной заводи шириной едва ли в 50 шагов, которая на несколько километров тянулась вдоль нашего пути и заканчивалась в долине. Севернее нашей дороги также находились многочисленные продолговатые пруды. Их берега украшал густой свежий кустарник, а над ним возвышались отдельные высокоствольные деревья. Поздним летом и осенью почти все эти низменности покрываются водой и образуют вместе с рекой общую водную систему.

Примерно через полтора часа мы дошли до развалин более крупной деревни, Банглама, стоявшей на широком, поросшем лесом холме, у подножия которого протянулись три пруда. Еще через полтора часа мы добрались до большой деревни Моро, расположенной на высоком речном берегу, поросшем буйным лесом. Она также оказалась покинутой жителями, но не была разрушена. Через полчаса по ту сторону от деревни мы снова спустились к реке и, пережидая дневной зной, расположились лагерем у кромки леса, в тени его деревьев у нескольких прудов, где наши быки и лошади нашли превосходное пастбище со свежей зеленой травой.

До сих пор наше путешествие проходило гладко, без опасностей. Все же из-за неудовлетворительного питания среди нас оказалось несколько больных, которые вызывали у меня озабоченность ввиду предстоящих нам трудностей. Маленького Билламу, которому нежный возраст еще не позволял переносить тяготы длительного пешего путешествия, хотя он и старался преодолеть их с удивительной стойкостью, я уже несколько дней назад посадил сзади себя на лошадь. Хамму во время поездки в Борку благодаря своей выносливой натуре в здоровом климате пустыни собрался с новыми силами, но теперь его снова лихорадило, а Афоно, раб-хаусанец шерифа ал-Медени, после Карнака Логона страдал катаральным воспалением кишечника, до крайности его изнурившим. Без большой охоты мне пришлось посадить на коня и его, как ни хотелось посадить прекрасное животное его хозяина, заботу о котором тот мне доверил.

В Баинганне, конечном пункте этого дня пути, жители поддерживали дружественные отношения с независимыми подразделениями музгу и поэтому, должно быть, располагали каким-то запасом зерна. Я надеялся получить там припасы для более обильного питания, а может быть, и устроить день для отдыха. Во второй половине дня мы двигались по расстилавшейся перед нами низменности неподалеку от реки, где кишели гиппопотамы, а на песчаном берегу грелись на солнце зевающие крокодилы, и через час с четвертью поднялись на начавшийся высокий берег близ деревни Матлама, которая тоже стояла пустая, хотя и не разрушенная. Отсюда в течение часа мы шли на юго-восток, затем около деревни Морросо снова спустились на низменность и еще через добрых полчаса расположились на прибрежном песке напротив острова, который дал надежный приют жителям Баинганны и лежал неподалеку от западного берега.

Мы намеревались переправиться здесь на противоположный берег, поскольку из услышанных тут и там по дороге вестей явствовало, что арабы Багирми — единственная часть населения, державшая сторону короля Абд ар-Рахмана, делали небезопасной местность вплоть до Маффалинга и Бусо. Вскоре к нам на лодках добрались некоторые уважаемые жители этого поселения, от которых мы услышали обескураживающие заверения в том, что у них на острове невозможно купить ни мудда зерна; даже рыбы у них не хватало, в лучшем случае они могли расстаться с запасами *наге*, которыми они были обязаны необычному обилию деревьев хеджлидж в ближнем лесу. Пообещав нам перевезти нас на следующее утро на другой берег, они оставили нас с пустыми желудками и нашими заботами. Наступило утро, но мы напрасно ждали прибытия лодок и гребцов. На наши крики к нам наконец приблизилось несколько человек, заявивших, что они помогут нам перебраться через реку только выше по течению, чтобы быть уверенными в том, что мы не высадимся у них на острове. Хотя они и отказались от своего первоначального опасения, не являемся ли мы сами мародерами или людьми Абд ар-Рахмана, однако боялись жестокости и притязаний рабов короля. Волей-неволей пришлось согласиться. Мы переместили лагерь на километр выше по течению, туда, где почти нетронутыми сохранилось

собственно поселение Баинганна, и отсюда вскоре началась переправа. Река здесь шире, чем близ Бугомана и Мискина, но не такая глубокая. Кони до середины реки шли вброд, и только на западной ее половине обнаруживалось более сильное течение при глубине от трех до четырех метров. От западного берега линия леса отходила дальше, нежели от восточного, так что мы смирились с отсутствием тени и лишь как могли спасались от палящих лучей солнца с помощью импровизированных навесов, под которыми в два часа пополудни температура все еще была 42,2 °С. И здесь, на песчаном берегу, грелись крупные крокодилы, которые, однако, не помешали нам ближе к вечеру принять освежающую ванну в реке, как это делали опытные туземцы.

По счастью, благодаря сношениям с одной расположенной неподалеку деревней музгу жители Баинганна действительно снабжались зерном лучше, чем об этом можно было судить по их собственным утверждениям. За один туркеди я получил 14 муддов дурры, тогда как бусы и иглы мне не удалось продать даже в обмен на *наге*, но после полудня я приобрел еще 7 муддов и одну сушеную рыбу. Глава поселения вечером нанес мне визит и произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Он даже раздобыл для нас миску *аиша*, без которого мы обходились после отъезда из Мискина. От него же я узнал, что Абд ар-Рахман встретился в Саруа (к востоку от Бусо на северо-восточном берегу реки) с одним высокопоставленным чиновником из Вадаи, чтобы подготовиться к решающей битве против Абу Секкина, который, кажется, все еще пребывал в Сомраи. Здешние люди были преданы своему наследственному королю не меньше, чем жители Бугомана и Мискина.

От Баинганна мы могли либо держать курс в юго-восточном направлении прямо на Сомраи, либо следовать вдоль реки до Маффалинга, а там повернуть на юг. Половина следующего дня (27 марта) прошла в бесполезных спорах относительно выбора пути, а когда к соглашению прийти не удалось, то было решено начать следующую, теперь самую серьезную часть нашего путешествия прежде всего с жертвоприношений — *садака*, как это принято делать. К сожалению, мы не смогли достать на острове какое-либо обычное в таких случаях животное (быка, овцу или козу), но в конце нашли две курицы, которыми и порешили довольствоваться мои набожные спутники. Покупка куриц тоже не обошлась без трудностей, ибо их цена более чем в двадцать раз превосходила обычную. Рассердившись на нескончаемые споры, я ушел переждать самый зной в дальний лес и проспал там в приятной тени деревьев. Этот освежающий послеполуденный сон вместе с превосходно приготовленной Альмасом рыбой (это была жертва, до которой снизошел ради нас *наге*) уснирили мое раздражение. По счастью, мои спутники тем временем договорились о том, что выгоднее будет проехать сначала до Маффалинга, и я, хотя и не разделял их мнение, был все же рад, что мы по крайней мере сможем продолжить путь во второй половине этого же дня. Однако прежде мне надлежало позаботиться о больном Афоно, который лежал в лихорадке с крайним

истощением и с величайшей решительностью отказывался от всяких попыток ехать дальше. С одной стороны, у меня возникали сомнения, как оставить здесь раба (вряд ли можно было ожидать, что он найдет дорогу назад в Борну или в военный лагерь *мбанга* Мохаммеду) и тем самым доверить его людям, которым при их бедности должна показаться заманчивой мысль завладеть им. С другой стороны, однако, было безответственно подвергать смертельно больного человека опасностям и трудностям начинающегося теперь отрезка нашего путешествия. Тогда я решил доверить своего опекаемого заботами *нгаре*, дал ему предварительно один талер на содержание, наказал отправить Афоно после выздоровления, если представится возможность, либо в Борну, либо к нам, и пообещал на обратном пути вернуть возможные издержки с добавлением еще одного подарка.

Мы полтора часа следовали за поворотами реки (которая, казалось, текла здесь с разных сторон) в общем восточном-северо-восточном направлении и в самом начале миновали еще одну покинутую временную деревушку — Дерреджа. Потом мы повернули к юго-востоку, пройдя за следующие полтора часа одну за другой деревушки Мусгугу, Годо и Вон. Там реку скрыла от нас ночь, темнота которой усиливалась благодаря густому лесу. Стало трудно придерживаться выбранного направления, которое, как кажется, было юго-восточным. Через час после захода солнца мы заметили на берегу реки огни второй деревушки, Вон, и когда спустя еще час вышли из леса (который сильно отдалел нашу кожу, одежду и поклажу) на весьма обширную в том месте речную низменность, на одном из островов заблестали огни, зажженные жителями Кабы. Все названные деревушки были весьма незначительными и прежде располагались на другом берегу. В течение последнего двухчасового отрезка пути мы держались у самой кромки леса, не следуя точно за многочисленными поворотами реки, и в 10 часов вечера разбили лагерь на песчаном участке, блестящем в лунном свете среди травянистой, прорезанной прудами и болотами низменности. Как показывали многочисленные признаки, там же незадолго перед тем останавливался беглый король Багирми.

На следующий день (28 марта) через шесть с половиной часов мы прибыли в Маффалинг. Вскоре после выхода мы вступили в несколько более светлый прибрежный лес и снова увидели реку только почти через три часа, когда спустились в ее долину, чтобы напоить животных. После леса дорога проходила по равнине, почти лишенной деревьев, но со множеством антилоп. В полдень мы расположились на берегу в скудной тени нескольких пальм дедеб напротив вытянутого песчаного острова, который дал пристанище населению Маффалинга. Временное поселение вмещало жителей трех небольших деревень, но тем не менее едва ли насчитывало больше 300 хижин.

По дороге мы слышали, что отряд Абд ар-Рахмана осадил город. Поэтому я предложил до получения достоверных известий подождать на безопасном расстоянии. Однако по мере того как численность моих спутников возрастала, мое влияние постепенно падало, и было решено немедленно направиться к городу. По счастью, силы врагов

сводились к двум посланцам Абд ар-Рахмана, которые старались уговорить жителей этого поселения признать узурпатора в качестве законного правителя Багирми. Они находились еще на острове и, по-видимому, добились успеха. Ввиду угрожающей близости Абд ар-Рахмана города Бусо и Маффалинг заняли его сторону, что, правда, не помешало бы им немедленно отойти от него, если бы *мбанг* Мохаммеду в ближайшее время одержал победу над своим кузеном. Сам Абд ар-Рахман будто бы перешел реку в области Саруа, то ли близ Монголы, как утверждали одни, то ли близ Кирбе, как считали другие, или же в Мильту, как говорили третьи, и намеревался возобновить военные действия против Абу Секкина, хотя сопровождавший его *акид* Вадаи, считавшийся тайным другом последнего, не давал ему согласия на этот шаг. Как бы то ни было, но прежде всего нам, казалось, не грозила опасность ни в Маффалинге, ни на лежащей перед нами дороге.

Мои попытки увеличить запас продовольствия за деньги или путем обмена и здесь потерпели неудачу, ибо, не говоря уже о собственных нехватках, жители сочли предлагаемые мною бусы и иглы не слишком желательными. Однако мы искали и нашли двух знающих дорогу багирми, которые в то же время имели дружеские связи среди сомраи, и решили покинуть Маффалинг на следующую ночь под их началом и в обществе примерно двадцати мелких торговцев-канури из северного Багирми, которые уже давно ожидали удобной возможности для поездки в военный лагерь Абу Секкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о попытке последнего правителя династии Сефува *май* Ибрахима освободиться от преобладания в Борну власти сына шейха ал-Канеми — Умару с помощью султана Вадаи Мухаммеда Шерифа. В 1846 г. последний разгромил борнуанское войско и занял столицу *май* — Нгурно, где провозгласил *май* сына Ибрахима — Али. Однако менее чем через шесть недель Мухаммед Шериф ушел из пределов Борну, а Али потерпел поражение и был убит. С его смертью в 1847 г. пресеклась династия Сефува.

² Здесь и далее имеется в виду специфическая форма эксплуатации кочевниками оседлого населения оазисов, находившегося от них в своего рода крепостной зависимости и обязанного снабжать своих кочевых господ продуктами земледелия.

³ Попутчик Г. Нахтигала по предыдущему путешествию (примеч. пер.).

⁴ *Ид ал-кебир* — праздник жертвоприношения, связываемый в мусульманском вероучении с преданием о построении пророком Авраамом храма Каабы в Мекке; при этом Авраам получил священный «черный камень» из рук архангела Гавриила.

⁵ «Одна из самых славных войн» — речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг.

⁶ Хаусаанское княжество Зиндер на юге современной Республики Нигер было приведено к вассальной зависимости от Борну в начале 50-х годов XIX в.

⁷ Австрийский талер с изображением императрицы Марии-Терезии (1717—1780) был широко распространен в качестве главной монетной единицы во многих областях субсахарской Африки вплоть до начала XX в. Именно поэтому его чеканка продолжалась десятилетия спустя после смерти самой Марии-Терезии.

⁸ *Хама* — отрез хлопчатой ткани стандартных размеров: 0,86 м ширины на примерно 4 м длины. *Тоба* (*тобе*) — мужская широкая рубаша, служащая основным видом мужской одежды у многих народов Центрального Судана: хауса, канури и др.

⁹ Слуги Г. Нахтигала, сопровождавшие его в этом путешествии (примеч. пер.).

¹⁰ *Дуар* (арабск.) — усадьба или, как в данном случае, небольшое поселение типа хутора.

¹¹ Бойрман (Бойерман) Мориц фон — немецкий путешественник, отправившийся в 1862 г. из Бенгази в Канем через Феццаи и Борну и убитый кочевниками на границе Канеми и Вадаи в 1863 г.

¹² *Аиш* (арабск.) — густая каша из просяной муки, употребляемая с маслом, молоком и различными соусами.

¹³ Сенуситы — мусульманский дервишеский орден, основанный в 1837 г. шейхом Сиди Мухаммедом ас-Сенуси и в 40-х—50-х годах прошлого века сделавшийся заметной политической силой в Киренаике, Феццаи и Центральной Сахаре. Ас-Сенуси проповедовал возвращение к первоначальной «чистоте» ислама; этим и объяснялись несколько напряженные отношения ордена с арабскими племенами Сахары.

¹⁴ *Зомейта* — просяная мука.

¹⁵ *Туркеди* — разновидность женского покрывала.

¹⁶ «Легендарные рыбы кости» — речь идет о следах некогда существовавших в Центральной Сахаре обширных пресноводных водоемов, включая и «Прото-Чад», занимавший площадь в несколько раз большую, нежели во времена Нахтигала, не говоря уже о нашем времени.

¹⁷ *Серир* — шебнистая равнина.

¹⁸ *Хатийя* — котловина между возвышенностями.

¹⁹ *Газии* (арабск.) — буквально «борцы за веру», в расширенном значении — участники набегов, производимых на соседние народы под предлогом то ли их язычества, то ли недостаточности «чистого» ислама, практикуемого ими.

²⁰ «Роковое путешествие по Тибести» — в 1869 г. отряд Нахтигаль подвергся нападению кочевников и был ограблен. К тому же сам путешественник тяжело заболел лихорадкой и с трудом добрался до Мурзука.

²¹ *Тоба короробши* — мужская верхняя рубашка, окрашенная в синий цвет.

²² Молитва *аср* (арабск. *салат ал-аср*) — молитва, совершаемая в середине промежутка между полуднем и закатом солнца, собственно *ал-аср* — обозначение этого времени суток.

²³ Гора Эй Куси (правильнее, Эми-Куси) — высшая точка нагорья Тибести (3415 м).

²⁴ Речь идет о способе определения высот над уровнем моря, основанном на понижении температуры кипения воды по мере повышения абсолютной высоты места измерения.

²⁵ Лев Африканский побывал в Центральном Судане не в конце XV, а во втором десятилетии XVI в.

²⁶ Молитва *дохор* (арабск. *салат аз-зухр*) — полуденная молитва (арабск. *зухр* — «полдень»).

²⁷ *Аша* (арабск.) — ужин; вечерняя трапеза.

²⁸ Идрис Алаома, точнее — Идрис Алома, правитель (*май*) Борну в 1571—1603 гг. При нем государство достигло наибольшей территориальной протяженности и значительной внутренней стабильности; в войске Идриса впервые появились отряды, вооруженные огнестрельным оружием. До нашего времени дошла хроника первых 12 лет царствования Идриса, написанная начальником его канцелярии Ахмедом Ибн Фартуа (или Фуртуа).

²⁹ *Тарбуш* — круглая шапочка из сукна красного или черного (реже) цвета.

³⁰ *Бахар* (арабск. *бахр*) — буквально «море» или «большая река».

³¹ *Кель* — мера объема сыпучих тел, соответствующая, видимо, использовавшемуся в Западном Судане и Северной Африке мудду; величина последнего колебалась от 3,3 до 1,0 кг, причем по мере приближения к нашему времени наблюдалась тенденция к уменьшению средней величины мудда.

³² Нифе — по-видимому, имеется в виду Нупе, фульбский эмират в районе впадения в Нигер его левого притока р. Кадуна.

³³ *Бу теир* — имеются в виду талеры Марин-Терезии

³⁴ Натроновое озеро (содовое озеро) — озеро, в осадках которого содержится угленатровая соль (трона), используемая в качестве сырья для производства соды.

³⁵ «Легендарный царь Сеф» — имеется в виду легендарный основатель борнуанской династии Сефува, некий йеменский царевич Сейф ибн Зу-Язан. Возведение своих родословных к правителям Аравийского полуострова было очень распространенным в Центральном и Западном Судане средством придать той или иной династии большую «респектабельность» в глазах внешнего мира.

³⁶ Британская африканская ассоциация («Общество содействия открытию внутренних областей Африки»), основанная в Лондоне в 1788 г., организовала и финансировала несколько экспедиций в Западный и Центральный Судан, в том числе обе экспедиции Мунго Парка (1795—1797 и 1805—1806) и экспедицию Ф. Хорнемана, достигшую страны хауса (1797—1801) через Борну

³⁷ Современная конфигурация оз. Чад мало напоминает ту, которую описывает Нахтигаль: его площадь резко уменьшилась, в особенности в годы катастрофических засух 70-х годов нашего столетия

³⁸ Имеется в виду язык канури.

³⁹ Будума отнюдь не исключение в том, что касается сохранения у них немало числа доисламских верований; такое «сосуществование» мусульманских и домусульманских религиозных представлений и обрядов вообще характерно для африканского ислама. В частности, упоминаемый ниже миф о водяном змее присутствовал уже в верованиях народов, населявших берега Нигера на рубеже I и II тысячелетий н. э. и нашел отражение в арабских источниках XI в., а впоследствии — и в хрониках, писавшихся в среднем течении Нигера, в Томбукту, в середине XVII в.

⁴⁰ Ватные доспехи — имеется в виду защитное вооружение в виде длинных кафтанов из ткани, подбитых толстым слоем хлопка и простеганных.

⁴¹ *Мудд* — см. примеч. 31.

⁴² Участие мужчин в гончарном производстве — вещь достаточно редкая в условиях Тропической Африки; обычно им занимаются только женщины. Таким образом,

данная черта может в определенном смысле рассматриваться как специфичная для культуры канури.

⁴³ Речь идет о так называемом «Диване», т. е. перечне правителей Канема и Борну, по сию пору служащим одним из главных источников по истории этих государств. В 70-х годах нашего века «Диван» был подробно исследован западногерманским историком Д. Ланге.

⁴⁴ Автор имеет в виду мусульманское реформаторское движение в странах хауса, проходившее под руководством фульбского законоведа Османа дан Фодю (умер в 1817 г.). В результате победоносной «войны за веру» (джихад) возникло огромное феодальное государственное образование с центром в г. Сокото, главенствующую роль в котором играла фульбская знать. Преемником Османа в 1817 г. стал его сын Мухаммед Белло, принявший титул халифа. В его правление, длившееся до 1837 г., султанат Сокото достиг наивысшего расцвета, однако впоследствии довольно быстро распался на фактически независимые эмираты, правители которых только номинально признавали суверенитет преемников Белло.

⁴⁵ Эти рассуждения Нахтигалья находятся на первый взгляд в определенном противоречии с его последующей политической деятельностью колониального администратора. Причина такого расхождения лежит, видимо, в том, что в начале 70-х годов прошлого века, когда Нахтигаль находился в Борну, только что возникшая Германская империя еще не успела обнаружить в достаточной мере свое стремление к колониальным захватам. Отсюда и тезис о «подготовке естественного развития». Впрочем, германский империализм очень быстро освоился в «клубе» колониальных держав, и на 80-е годы пришелся расцвет его колониальной экспансии, в ходе которой люди с таким опытом, как у Нахтигалья, приобрели особую ценность.

⁴⁶ Ксар-Эггомо — название столицы Борну чаще передается в форме, свойственной языку канури, т. е. Нгазаргамо. Иногда город обозначался просто Бирни Борну, т. е. «столица Борну» (букв. «город Борну»).

⁴⁷ Дендаль — загородка для скота в центре населенного пункта.

⁴⁸ Дийафа (арабск., букв. «гостеприимство») — почетное угощение для знатных гостей.

⁴⁹ Нгальджам — речная старица

⁵⁰ Игра слов: *Termes bellicosus* — «термит воинственный», *Termes fatalis* — «термит роковой» (или «убийственный»).

ПЕРЕЧЕНЬ ТИТУЛОВ И ЗВАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

- аба* (также *абба*) — обозначение принцев, принадлежащих к потомкам шейха ал-Канеми; аналогичный термин языка канури — *машна*
- акида* — наместник; локальный правитель
- алифа* — локальный правитель; наместник
- биллама* (также *булама*) — глава крупного сельского поселения с подчиненными ему мелкими поселками и хуторами
- гумзо* (также *йа гумзо*) — главная жена правителей Борну как во времена династии Сефува, так и в правление шейха ал-Канеми и его преемников
- галадима* — наместник западных областей Борну, граничивших со странами хауса
- джерма, джерима* — главнокомандующий борнуанского войска; в Вадаи — командующий конницей
- дигма* — крупный сановник дворцового ведомства (по происхождению принадлежал к свободным людям)
- йерима* — крупный сановник дворцового ведомства, евнух (т. е. по происхождению — невольник)
- кашгамма* — локальный правитель, наместник или предводитель какой-то этнической группы
- кашелла, качелла* — крупный военачальник рабского происхождения. Разделялись на придворных и внешних («домашних» и «полевых»); их отряды обеспечивали ал-Канеми и его преемникам определенную независимость от военных сил аристократии, державшей крупные земельные наделы от правителя (*чима*)
- кедела* — деревенский староста у отдельных групп народа даза
- кингиам* — придворный чиновник, сопровождающий почетных гостей правителей Борну
- куку* — вождь у народа кури (группа народа котоко)
- май* — «правитель», «царь». Титул борнуанских государей из династии Сефува; в правление потомков шейха ал-Канеми и у соседствовавших с Борну народов титул могли носить и мелкие локальные правители
- макинта* — чиновник царского протокола при борнуанском дворе
- мала* — один из шести высших сановников борнуанского двора; евнух, т. е. невольник по происхождению
- масфарма* — титул не вполне ясен; возможно, имеется в виду один из титулов дворцовых рабов — *мустрема*
- титиви* (точнее, *титима*) — локальный правитель селения Титива
- фугобо* — деревенский староста у канембу
- чирома* (также *юрома*) — один из главных придворных сановников рабского происхождения
- шеху* (арабск. шейх, т. е. «старейшина») — титул Мухаммеда ал-Амина ал-Канеми, фактического правителя Борну в 20—30-х годах прошлого века и его преемников (в том числе и после свержения династии Сефува)
- шитима* — глава дворцового протокола, начальник рынка в г. Кука, столице ал-Канеми; титул был создан последним для одного из старейших своих сподвижников

ПЕРЕЧЕНЬ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ И ГРУПП

- агерета — подразделение даза, одной из двух главных групп народа тубу бардоа (бердава) — у Льва Африканского название этнической общности, из которой якобы происходили правители Борну
- бидейят — подразделение народа тубу
- будума — одна из групп народа котоко
- булала — канембуязычный народ, обитающий в районе оз. Фитри
- вандала — подразделение народа даза, одной из двух групп тубу
- горан — подразделение даза, одной из двух главных групп тубу
- даза — часть народа тубу, обитающая к югу от нагорья Тибести
- джагада — одна из групп даза
- канембу — этнографическая группа канури, обитающая к северу и северо-востоку от оз. Чад
- канури — крупный народ сахарской группы нило-сахарской языковой семьи
- котоко — народ чадской группы афразийской языковой семьи, живущей к югу от оз. Чад и на островах этого озера
- креда — группа народа тубу
- кумосоалла — подразделение народа канембу
- кури — часть народа котоко
- маба — одно из названий народа вадан, или масалит
- музгу — народ чадской группы афразийской языковой семьи, обитающий в Камеруне и Чаде
- сао — древний народ, создавший в бассейне оз. Чад начиная с XII в. сравнительно высокоразвитую культуру, засвидетельствованную богатыми археологическими находками
- туареги — группа бербероязычных народов, обитающих на огромных пространствах Центральной Сахары, Западного и Центрального Судана
- тубу — народ сахарской группы нило-сахарской языковой семьи, обитающий в Центральной Сахаре и Центральном Судане. Подразделяются на теда, живущих на нагорье Тибести, и даза, живущих южнее
- тунджеры — народ смешанного арабо-негрского происхождения, обитающий в западных областях Демократической Республики Судан
- феллата — распространённое в Центральном и Восточном Судане название народа фульбе, ареал которого простирается от Атлантического океана до оз. Чад
- хауса — крупный народ чадской группы афразийской языковой семьи, обитающий главным образом в Республике Нигер и в северных областях Нигерии
- химьяриты — южноарабское племя Химьяр, создавшее на юге Аравийского п-ова высокоразвитую цивилизацию, просуществовавшую до VI в. н. э.
- шоа — группа арабских племен Центрального Судана; иногда подразделяются на «красных», живших в Борну до прибытия туда шейха ал-Канеми, и «чёрных», призванных в страну последними

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Путешествие в Канем и Борку	8
План нового путешествия и арабы улед-солиман	8
Поездка в Канем	18
Поездка в Борку	36
Пребывание в Борку	60
Борку и его жители	76
Состав населения Восточной Сахары	99
Бассейн озера Чад	110
Поездка в Юго-Восточный Канем	110
Возвращение в Куку	126
Канем и его жители	152
Озеро Чад и его островное население	175
Борну и его история	198
Население Борну	219
Поездка в Багирми	239
Путешествие по юго-восточному Борну	239
Логон	260
Путешествие по Багирми	281
Примечания	301
Перечень титулов и званий, упоминаемых в тексте	304
Перечень этнических общностей и групп	305

Густав Нахтигаль
САХАРА И СУДАН:
результаты
шестилетнего путешествия
по Африке

Редактор *Г. С. Киселев*
Младший редактор *Г. С. Горюнова*
Художник *Б. А. Резников*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Ступованина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 15748

Сдано в набор 18 07 86 Подписано к печати 04 12 86
Формат 60×90^{1/16} Бумага книжно-журнальная «Сык-
тывкар» Гарнитура литературная Печать офсетная
Усл п л 19,5 Усл кр-отт 19,75 Уч-изд л 23,24
Тираж 10 000 экз Изд № 6081 Зак № 593 Цена 1 р 50 к

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

INDIAN
CROSS

L. Haxson 1894-1895

